

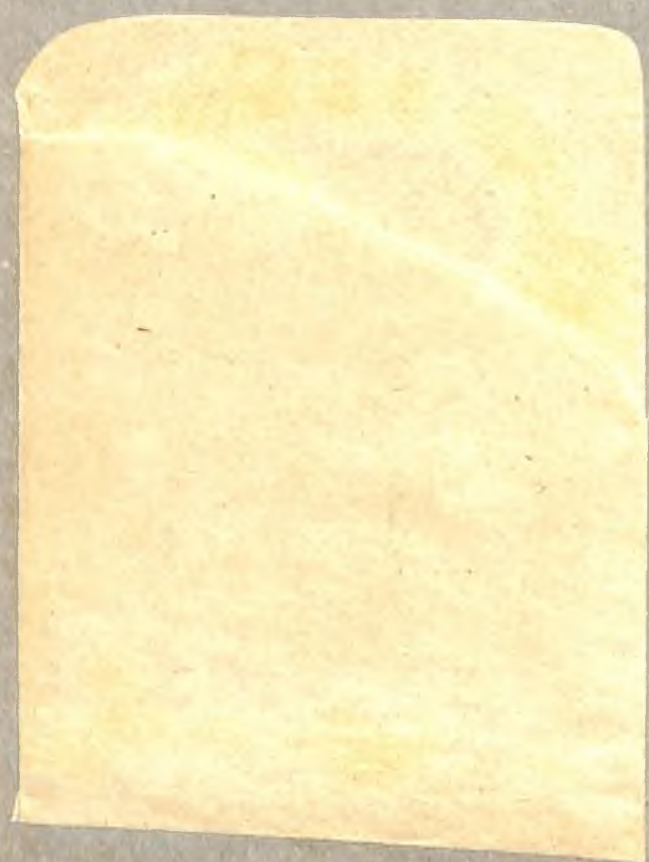
84(2=411.2)

Д 318

АЛЕКСАНДР
ДЕМЧЕНКО

ПОВЕСТИ
О НАСТОЯЩЕЙ
ЛЮБВИ

p2
Л30

АЛЕКСАНДР ДЕМЧЕНКО
ПОВЕСТЬ
О НАСТОЯЩЕЙ
ЛЮБВИ

РОМАН

Барно-Ат. областная
БИБЛИОТ. НАЧ.

БАРНАУЛ
АЛТАЙСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО 1969

4.0-178340 ✓
✓
046871-014

Одну из своих книг Александр Демченко назвал «Люди моей мечты». Простое это название точно отражает отношение автора к своим героям.

Люди смелые и великодушные, люди высоких требований к жизни, подлинной чистоты и красоты душевной. Люди патриотического подвига, партийные люди живут во всех его произведениях — в маленькой повести «Шаргайта», в романах «Чуйские зори» и «На стремнине».

Писателя отличает и еще одна замечательная черта — постоянная привязанность к своей теме. Его мир — это мир тружеников деревни, простых и скромных людей, без громких слов творящих громкие дела.

Ни в чем не изменив своим привязанностям, героям своей мечты посвящает писатель и новую «Повесть о настоящей любви».

Им, агроному Марине Иноземцевой, инженеру Константину Дмитриеву, молодым целинникам Илье Петрову, Серафиму Подгорному и многим другим дарит Александр Демченко свои горячие симпатии, свое глубокое восхищение, которые читатель почувствует на каждой странице книги.

Захватывающе богатой, интересной жизнью живут эти люди. Их настоящая любовь — это не только личное чувство. Это и любовь к нашей советской жизни, к своему делу, к земле, от которой они стремятся взять возможно больше для блага человека.

Новый роман Александра Демченко — еще один штрих в образе современника, в летописи современности, творимой советской литературой.

Демченко Александр Михайлович

ПОВЕСТЬ О НАСТОЯЩЕЙ ЛЮБВИ

Редактор А. Вязанцев

Художник А. Дерявский

Технический редактор Г. Ждачова

Корректоры А. Голубицких, Л. Конева.

Сдано в набор 21.IX. 1962 г. Подписано к печати 13.XI. 1962 г. Формат 84×108^{1/8} мм
11,87=19,46 усл. печ. л. (19,66 уч.-изд. л.). АГ 13401. Зак. № 315. Тираж 115 000 экз.
Цена 74 коп.

Алтайское книжное издательство. Барнаул. М. Горького, 39. Типография № 1
Полиграфиздата. Новосибирск, Красный проспект, 20.

ГЛАВА 1

Только вчера в этом небольшом домике, так свежо еще пахнушем ароматами бора, настелили пол. Всю ночь Марина Васильевна была во власти лесного сказочного миража. Вот она бежит с подругами за первой земляничкой к Святому озеру. Тихо вокруг. Так тихо, что, кажется, слышно, как, чуть потрескивая верхушками, растет в этот миг молодой сосняк.

— Тсс... девочки... Тсс! — приложила к губам палец Марина. — Слышите?

В это время с сосны с легким шумом упала на тропку шишка.

— Ой! — вздрогнули девочки и со смехом вскочили с места.

Вот Марина, разрывая платье о кусты боярки, бежит мимо озера в лес, чтобы уйти от полиция... Ей не хватает воздуха, она ловит его пересохшим ртом... В боку резко покалывает, боль не дает дышать... Споткнувшись о какой-то корень, Марина глухо вскрикивает и... падает в руки Кости Дмитриева.

Молодой партизанский разведчик узнает ее. Она прижимается к нему, со страха прячет голову под его маскхалат.

— Костя... Милый... родной ты мой... наконец, свои...

Но Костя вдруг отстраняет ее, вглядываясь в лицо, с недоумением произносит:

— И это ты — бесстрашная подпольщица? Да не может того быть!.. А ну, документы!

— Костя, — шепчет она. — Это же я, Таня! Ты знаешь... Ты же видишь, что это я...

Лицо Кости покрывается какими-то красными пятнами. В глазах — хищный блеск. И вдруг Таня узнает в нем полицая. Она вскрикивает, хочет рвануться из его рук, но он крепко держит ее и дико хохочет. Тогда Таня иступленно бьет его по лицу. Бьет так, что становится больно рукам. Полицай хватается ее за волосы и хочет ударить о дерево головой. Она делает последнее усилие и вырывается из его рук, но в последний миг он успевает подставить ей ногу, и она летит в какую-то яму...

Вскрикнув, Марина открывает глаза. Густо стучит сердце. В голове ночной кошмар. Вглядываясь в смутные очертания комнаты, она долго не может сообразить, где она, что с ней. Почему этот резкий лесной запах? И, поняв, улыбается и тянет на голову легкое одеяло. Но тут же вздрагивает от крика. Звонкий голос протяжно выводит:

— Алла бисмелла! Иль адла! Правоверные кукурузники! Омывайте ваши заспанные лики! Разминяйте, да побыстрее, ваши грешные конечности! Магомет Градов, волею небес директор совхоза, и его пророчица Марина Изоземцева, управляющий отделением целинных земель агроном-сподвижник, ждут вас с новыми карами! Алла! Алла! Бисмелла!

Марина вскакивает, подбегает к окну, легким ударом руки открывает створку и, жмурясь от яркого солнца, грозит озорному парню:

— Илька! У тебя совесть есть, а?

— Есть, Марина Васильевна! В исправности! — раздается в ответ.

— Тогда слазь с веялки — опять решета изогнешь, мудла несчастный!

— Пардон, Марина Васильевна! Правильно вы замечили.

Парень соскакивает на землю и подбегает к окну.

— Это не для вас, Марина Васильевна. Это побудка для Дуси... Спать любит наша повариха...

— Снова проспала?

— Да вроде бы и копошится, а прокричишь вот так — бегать начинает. Знает, что ребята как только вскакивают, так сейчас же бегут в салон. Чу, ей, конечно, не по нутру все это... А вы бы спали себе... И кукуруза без вас отдохнула бы.

— Ну, ладно. Иди, иди, Илья.

Марина уже не слушает парня; схватив мыло и полотенце, она выскакивает за порог и сразу же оказывается в поле.

Она бежит по траве к ручью, и ромашковое поле обжигает ей ноги... «Росно! Будет хороший день!» — думает Марина и, остановившись на минуту, легко дыша, смотрит в сторону гор. Они начинаются сразу же, за ручьем. От Сторожевой сопки нехотя поднимается к вершине гор розовое облачко. Сбрасывая с лепестков капли прозрачной росы, выпрямляются цветы и травы. От ручья к горам стелется по траве росной след. «Уже ходил, видно, Пылька-полудночник, — догадалась Марина, — а, может, Леша? Небось, напоил уже Стрелку». — Она посмотрела на дуг. Зыбкий туман поднимался над ручьем. Кобылы нигде не было. «Так и есть, увел на лучшую траву».

Марина подошла к ручью, наклонилась над ним и уже хотела зачерпнуть воды в пригоршню, но задержалась на миг: с маленького омутка глянуло на нее знакомое изображение: большие, чуть продолговатые глаза, озорные подковки бровей над ними, на лице солнечные блики от куста черемухи... Марина подобрала волнистые волосы, упавшие на лицо, и взбурлила рукой воду. Вода в ручье, как всегда, студеная. Дух у нее заняло — щеки, шея онемели от холода, потом занялись пожаром, приятно освежая и наполняя бодростью все тело.

— Уф! — рассмеялась Марина, еле переводя дыхание. Насухо обтерев лицо и руки жестким полотенцем, подхватив горюливо розовый обмылок «Земляничного», она побежала к дому.

Под окном промчался всадник, и почти тотчас раздался стук в дверь.

— Да, да! — крикнула Марина.

Дверь со скрипом открылась, и она увидела Лешку, склонившегося с седла. Светлый, льняной чуб его прилип к влажному лбу. Кивнув Марине, он озабоченно посмотрел в поле.

— Был на кукурузном участке. Беда!

Он порылся в кармане телогрейки.

— Гинет... Вот посмотрите, — и он протянул ей взбухшие зерна кукурузы. Марина раздвинула в руках зерно и внимательно осмотрела его. В сердцевине лежат червячком почерневший росток. Она с беспокойством взглянула

на Лешку. Тот задумчиво покусывал нижнюю губу, сдерживая левой рукой Стрелку.

— С полсотни гнезд разрыл — и вот такая петрушка... Что делать будем? — он огвел глаза в сторону, вздохнул.

Марина нахмурилась.

— Это с Колового мыса?

— Оттуда... Подсунул колхоз землю. Спихнули, что самим не нужно. — Лешка соскочил на землю.

— Отпустить Стрелку?

— Погоди. Лучше запряги ее в ходок.

— Поедете на Коловый?

— Посмотрю... Может, в другое место.

Она вернулась в комнату, а Лешка повел Стрелку к кладовой, где хранилась сбрая. Наблюдавшая за ним из окна Марина подумала: «Будет из парня хозяин. Этому ссоровки не занимать». Но тотчас же мысли ее перебросились на другое. Вчера только вернулась она из Хайрюзовки — приезжали за ней из колхоза «Красный борец». В глазах — пожилой бритоголовый Паршуков — председатель колхоза. Сидор Петрович лет двадцать председательствует. Подтянутый, бравый, с широким военным ремнем на животе — таким запомнила его Марина. Он производил впечатление человека решительного и боевого. Шумный, нетерпеливый, он заслонял собой всех, голосом, энергичными жестами заставлял слушать только себя. И первое время Марина видела действительно только его и уже потом разглядела других членов правления. Марина обратила внимание на человека в солдатской гимнастерке. Сидел он в углу, под огромным фикусом. Сухощавое лицо его было строгим. Черные брови — вразлет. Крупные, густые. Отвечая Паршукову по поводу Коловомышской низины, добродушно улыбаясь, человек из-за фикуса вдруг сказал насмешливо:

— Это твоё «мокрое» дело, Сидор Петрович, по отношению к совхозу!

Паршуков сморщился, но, не найдя что ответить, рассмеялся.

— Ну и скажешь же, секретарь, разве я бандюга, что ты меня такими словами крестишь?

По-прежнему сохраняя добродушное выражение лица, секретарь парторганизации спокойно бросил:

— Хуже. Тот по незнанию своему, как отсталый

элемент идет на «мокрое» дело, а ты коммунист... Да какой!

— А какой же? — хитро сощурился Паршуков.

Секретарь нахмурился. Опустил глаза. Тихо произнес, будто про себя:

— Сам знаешь какой. Небось, не первый год избираешься в председатели. А так поступать было не резон.

— Да вот агроном... Она же и управляющий отделением! — воскликнул Паршуков, шагнув в сторону Марины. — Она скажет... Ну, как там на Коловом мысу дела ваши?

— А что вас интересует?

— Ну... как всходы?

— Что же... всходы еще слабые... кукуруза там у нас...

Председатель с секретарем переглянулись. Крякнули за столом члены правления. Помрачнели.

— Да-а,— протянул Паршуков. — Кукурузу вы, пожалуй, зря здесь посеяли.

— А что? Земля отличная.

— Отличная-то отличная, да сыроватая,— заметил председатель.

Секретарь сердито вставил:

— Нечего тут огороды городить, Сидор Петрович,— сгнет кукуруза. Факт.— Он встал, и тут Марина заметила подоткнутый под ремень правый рукав гимнастерки.

— А вы не пророчьте! Лето может быть сухим и жарким,— отвел глаза Паршуков и вдруг, вскипев, добавил: — Сырое, сырое!.. Не мог же я Верховинку отдать вместе с фермой! Совхоз-то посильнее нас. Не беспокойтесь! Вон у них агрономы на каждом отделении, а у нас? — Он развел руками.

— Сам виноваты... Учить надо!

Спор этот был, вероятно, не первым, и Паршуков постарался замять его. Но Марине он запомнился. Колхоз работал над новым пятилетним планом, и ее попросили помочь составить правильную карту размещения посевов. Уже под вечер секретарь, звали его Никитой Руквичниковым, проводил Марину за село. Они выехали на Верховинку — так называлось предгорье, ниже которого у Чарыша лежал Коловый мыс. Остановились. Внизу, в

ложбинне, за целинными ковылями Верховинки — чернели поля Кушки. Марина заметила:

— Эта Верховинка портит конфигурацию ваших полей.

Руковичников мрачно сказал:

— Аппендикс... Извините. И заметьте, такая земля еще не один год будет у нас пустовать.

— Почему?

Он вздохнул и развел рукой.

— Силенок не хватит.

И Марина поняла его. Колхоз не располагал лишней техникой.

— Тогда не держались бы за эту Верховинку.

Секретарь улыбнулся. «Чем-то он похож на Костю, — подумала Марина и удивилась. — Правда... Что-то есть в нем от Кости...»

— Плохо вы еще знаете нашего Паршулова... А за Коловым мысом следите, Марина Васильевна. — Руковичников внимательно посмотрел на Марину и, кивнув ей, повернул коня.

Марина Васильевна вспомнила вчерашнюю поездку, разговор с Руковичниковым, его совет следить за Коловым мысом и с беспокойством посмотрела в прибрежную низину. Она хотела себе представить кукурузную плантацию, а неожиданно подумала: «Хороший этот Руковичников... прямой, твердый, видать, — и, как тогда на Верховинке, ее снова взволновала мысль: чем он похож на Костю? И внезапно поняла: своей неподкупной прямотой, резкостью выражений и... чем-то еще... Добродушнем?.. Да, конечно.»

...Костя Дмитриев, партизанский разведчик в белорусских лесах... Марина снова задумалась. Давно ведь это было, а, кажется, совсем недавно, будто вот на этих днях. Она носила тогда кличку Таня и встретила с ним на одной из явок. Насмешливый паренек с голубыми глазами произвел на нее тогда плохое впечатление. Все в нем казалось наигранным: и манера говорить резко и односложно, и вызывающая дерзость во взгляде острых пронзительных глаз. Ух, как страшно было отдавать ему график движения поездов, добытый ею с таким трудом и риском!

— График давайте, да не жмитесь, деточка! Не смотрите на меня такими глазами. Не укушу...

Таня оборвала его и потребовала назвать фамилию командира отряда, имя его маленького сына, трагически погибшего в застенках гестапо.

Костя стал серьезным, потом, с любопытством поглядывая на строгую подпольщицу, улыбнулся. А когда он улыбался, светилось все его лицо. С тех пор прошло... Сколько же? «Более десяти лет,— подумала Марина Васильевна. И вот вчера Никита Руковичников, колхозный секретарь, снова напомнил ей о нем.— Где-то он теперь. Костя?..»

Марина пошла в «салон» — так называли обитатели Кушки сбитую из досок кухню, которая служила одновременно и конторкой. Неужели обманул ее надежды этот мыс? Низина. Ровная площадь до самого Чарыша. Влажная земля. Но ведь кукурузе немало нужно влаги. А вдруг дождливым будет лето? Тогда сгниет все... Вот уже и сейчас эти попревшие зерна...

Ее перехватил Илья Петров. Чубатый весельчак, вечно с искринками смеха в озорных серых глазах, сейчас морщил деловито лоб, пытаясь сделать серьезное лицо.

— Слышно, отъезжаете на Коловый, Марина Васильевна?

— Уже слышно?

— Уже.

— Ну?

— А нам что прикажете делать? Не навалиться ли всем на антисанитарную, а? День-то какой,— он задрал голову и зажмурился,— царский денек!

— Вот что, Илья: брось дурачиться — ты ж комсорг. Человек, можно сказать, ответственный.

— Да я ничего, Марина Васильевна.— сверкнув насмешливой искоркой в глазах, опустил голову Илья.— Так ведь...

— Ну, хорошо, я согласна: навалитесь на антисанитарную. Организуй доставку дров на Верховинскую ферму. Выдели дежурных по бане. Пусть истопят. Не откажут, надеюсь.

— Ясно! — встрепнулся Илья и весело добавил: — Я же знал, что не камень у вас, а сердце, Марина Васильевна. Настоящее сердце бьется в груди.

— Не дурачься, Илья,— улыбнулась Марина.— Ты вот что. Серафим поедет со мной. Скажи ему.

— Ну и нашли себе партнера,— фыркнул насмешливо Ильяка.— Да он и лошади-то боится, как огня! Я бы вас, например, с ветерком прокатил, Марина Васильевна. У меня по гинекологическому дереву, с какой-то там ветви, пра-пра-пра-дед цыганом был.

— Не чуди... «гинекологическое дерево!».

— Правда, иногда чувствую: нет-нет да и выиграет во мне что-то такое разухабистое, цыганское...

— Хватит, хватит,— урезонила парня Марина.— Мне сегодня нужен именно Серафим и ничего такого разухабистого. Некогда мне вникать в твою генеалогию.

— Жаль,— вздохнул притворно Ильяка.

В «салоне» повариха Дуся взмолилась:

— Марина Васильевна! Это правда, что разрешили санитарный провести?

— Правда, Дуся.

— Боже мой! — воскликнула в отчаянии девушка.— Снова активировать будем кухонную посуду?

— Это почему же?

— Да ведь побьют последние черепки наши, как в прошлый раз. Ведь они что делают? Берут тарелки и бросают с берега прямо в Кудренюк... Это называется помощь. Лучше я сама буду сутки скрести и чистить, чем парням доверять такое тонкое дело!

— Хорошо. Пусть займется этим делом девчата.

К «салону» лихо подкатил в ходочке Лешка.

— А вы ешьте, ешьте, Марина Васильевна,— забеспокоилась Дуся, выскакивая на порог.

— Ишь, лихач! — насмешливо крикнула она Лешке.— Ну, чего ты уставился? Проверь все, как следует, на коне, тогда и подъезжай. Вон чего это ремни-то свисли на один бок? А вдруг спадут в ноги... Запутается кобыла.

— Сама-то ты... — озлился Лешка.— Во-первых, это не ремни, а шлея. Куда это она упадет? А хвост зачем?

— Тоже мне нашел, чем держать шлею,— не сдавалась Дуся.— Издевательство, ни больше ни меньше... Хвост!

Марина Васильевна, тихо посмеиваясь, торопливо ела пшеничную кашу.

Когда она вышла из «салона», к ходку подошел недоумевающий Серафим.

— Вы меня звали? — хмуро спросил он.

— Да, поедешь со мной. Вот тебе вожжи. Садись по правую руку.

— Я же не знаю, куда ехать, Марина Васильевна.

— А ты садись, садись.

Серафим поднялся в коробок и осторожно перебрал в руках вожжи. Сытая Стрелка с места взяла бойкой рысью, ходонок загремел, затрясся.

Дорога от стана свернула влево. Серафим, не дыша, глядел под ноги лошади. Никогда в жизни не приходилось ему править самостоятельно. Раскрылатив руки, он со страхом ждал чего-то страшного, неотвратимого, что должно было вот-вот произойти. Но дорога, местами разрезая зеленую поросль посевов, огибая камни-валуны, бежала к горам ровной лентой и не грозила никакими неожиданностями. Марина была целиком поглощена посевами и не обращала никакого внимания на возницу. Дорога вырвалась к речушке с крутыми берегами. «Это Песчанка,— мелькнуло у Серафима.— Куда же нам-то?» — он стал сдерживать кобылу. Натянул вожжи. А та и не думала сбавлять бег. Фыркнула и еще стремительнее рванулась вперед.

— Ты не держи ее. Не держи,— спокойно заметила Марина.

— Так ведь река! — воскликнул Серафим, и голос его сорвался. Лицо заблестело бусинками пота.— Сбросит под яр — и поминай, как звали.

— Ты доверяй Стрелке, она знает... «Какой же он неумеха,— подумала она о Серафиме.— А так — неплохой парень... Надо только почаще вытаскивать его на свет божий».

Горная речушка, блеснув веселыми струями, круто свернула вправо, нырнула в кусты черемушника и скрылась из глаз.

Стрелка легко одолела крутой взлобок и, косясь огненным глазом на трусоватого возницу, намеревалась уже пуститься во всю прыть под гору, как вожжи вдруг властно ослабили ее пыл, и горячая кобылка, недоумевая, остановилась, нетерпеливо перебирая тонкими точными ногами.

— Стоп! — узнала она голос хозяйки, соскочившей на землю. Серафим, не выпуская вожжей, посмотрел на Марину. Что она еще надумала? Поездка утомила его.

— Слазь, Серафим,— приказала Марина.— Да бро-
сай вожжи. Никуда не уйдет Стрелка!

Кобылка, услышав свое имя, посмотрела в сторону Марины. «Не Стрелка, а вундеркинд какой-то»,— усмехнулся Серафим, осторожно вылезая из коробка. Почувствовав под собой землю, он с удовольствием прилежся, разминая ноги, подумал: — «И все же немножком было бы куда безопасней».

С горы до самого струящегося марева на далеком горизонте видны были зеленые поля, квадраты пашен, многочисленные ручьи, озерки, забочки... А это что там сверкает белорыбницей на солнце? «Это, видно, Чарыш,— вспомнил Серафим,— через него на пароме переправлялись осенью»

— Посмотри, Серафим, хорошенько вемотрись в эти места,— услышал вдруг он взволнованный голос Марины. Серафим пожал плечами.

— Помнишь старика на пароме?

Старика? Но при чем тут... Ах, этот, в полушубке и папахе который? Да, Серафим немного помнит его. О чем-то старик там рассказывал? Какие-то истории. Кажется, про волков...

— У него сын погиб на меже...

— Казаки, кажется, убили,— вспомнил Серафим.

— Казаки. Здесь вот по этому кособоку проходила казачья линия. Колыбанью называлась. Сын-то его припахал с полдесятины за эту линию... Ну и его прямо на полосе... Шашками... Полдесятины. И за нее погиб человек.

Да, да, помнит об этом Серафим. Сына, кажется, Спирькой звали. Пашет он, от радости ног под собой не чувствует (какую силу имеет земля над человеком!). Весь день не выходил из борозды — одолел цедик. «Сам ути скался, лошадей чуть не погребил»,— так сказал старик... К вечеру приносит ему ужин из дому, а Спирька... лежит поперек борозды, иссеченный шашками. Лицо и чуб в черной крови... Приподнялся еще на локтях, потом упал навзничь, запустил пальцы в землю и зачих...

— Земля-то бросовая была,— услышал Серафим голос Марины Васильевны.— Казакам она вовсе без надобности. А так, чтоб другим не повадно было.

— Однако отчаянные были эти казаки,— вставил Серафим.

Марина отрицательно покачала головой.

— Не в этом дело: все — частная собственность. Помнишь, старик рассказывал: извелся, говорит, стал ненавидеть ту землю. И вот лежала она, кровью крестьянской полита. Силу бы такую, чтоб под одну межу все сровняла, и на десятки верст колосились и спели хлеба... Не было прежде такой силы, Серафим. И вот пришли мы... Я, ты, наши парни... И ведь, кажется, совсем горстка. Правда ведь?

— Конечно, не армия, — согласился Серафим, с интересом слушая Марину Васильевну. — В нашей вон бригаде всего восемь человек было.

— А подняли земли? — подхватила Марина.

— Сами знаете, — улыбнулся Серафим. — Около двух тысяч гектаров.

— Да. Всего только восемь, и вот такую махину к ногам положили... И ты, Серафим, один из тех восьми. Главное, в сказке богатырем бы тебя назвали... а?

— Ну, уж, — смутился парень.

Он украдкой посмотрел на Марину Васильевну. Не мигая и, кажется, не дыша, будто боясь спугнуть какое-то видение, она смотрела на эту дышавшую струйками жары причарышскую степь. Серафим кашлянул. Марина вздрогнула, как-то странно посмотрела на него, и, тряхнув головой, словно избавляясь от чего-то, устало улыбнулась.

— Поехали. Садись, Серафим. Скоро Верховинка, а за ней и Коловий...

Дорога пошла вниз. Стрелка, к удивлению Серафима, с горы сходила осторожно, скосив задние ноги и почти не переступая ими. Хомут полез ей на уши вместе с дугой. Она изогнула шею, чтобы удержать его.

У самых прибрежных кустов они снова поднялись на возвышенность, и перед ними выросла колхозная ферма. Три жилых дома были старыми, а большой длинный двор, видно, огорожен недавно.

— Ну, вот и Верховинка, — сказала Марина. — Ты здесь побудешь со Стрелкой, а я схожу на Коловий. Тут рядом. А тебе поручение: договорись насчет бани.

ГЛАВА 2

В ручье, пересекавшем ферму, несколько молодых девушек чистили песком ведра. Они о чем-то весело переговаривались и смеялись. Заметив остановившийся ходок, поднялись и с любопытством посмотрели в его сторону. Признав Марину Васильевну, закричали, замахали руками.

— Здравствуйте!

— Почему не подъезжаете?

Марина махнула им рукой, улыбнулась приветливо и тихо посоветовала своему вознице:

— Ты, Серафим, подъезжай к ним. Не дичись.— Не успел растерявшийся Серафим рта раскрыть, как она крикнула девчатам:

— Я скоро вернусь! Принимайте парня да угостите его парным молочком! — Оставив Серафима одного, Марина побежала со склона к Коловому мысу.

— Как бы не так, стану я пить ваше парное молоко! — проворчал Серафим, не зная на что решиться, что предпринять. Пока он растерянно думал, три девушки, вытирая на ходу о фартучки руки, решительно двинулись к нему. Одна, совсем маленькая и тоненькая, но быстрая, как выюнок, звонкоголосая и пышноволосая, две других — повзрослее, но такие же, видать, озорные и бойкие. Верховодила, как ни странно, та, маленькая. Она шла впереди подруг и через плечо что-то говорила им. Те, отворачиваясь, фыркали и восклицали в один голос:

— Ну и блажная же ты, Фроська, ей бо!

Серафим вылез из ходка и, пряча глаза, стал поправлять шлею на Стрелке. Девушки окружили подводу.

— Здравствуйте, товарищ Подгорный! — смело сказала маленькая. — Меня зовут Фросей. Будем знакомы! — она подала руку и подмигнула девчонкам. Те засмеялись.

— Здравствуйте, — буркнул Серафим, не глядя на девчат. — Откуда это вы мою фамилию знаете?

— Хм. У наших хайрюзовских девчат все молодые целинщики на учет взяты.

— Фроська! — ахнули доярки.

— А что, разве не так? Да ваши-то у нас все перебивали, и Илья, и Лешка... и девчат всех знаем. А вот про вас, товарищ Подгорный, понаслышке. Ну, вот теперь и сами прибыли. Будем, значит, знакомы. — Ну, чего стоим? — и скомандовала: — Садись, девки, прокачу!

Она схватила вожжи и ловко вскочила на козлы, а девушки со смехом уселись в коробок.

— И-но! И-но! — крикнула Фрося и хлестнула вожжами. Серафим отскочил в сторону — мимо пролетел ходок с хохотавшими девчатами.

На переполох, устроенный Фросей, вышли из ближнего дома еще несколько девушек. Стеснительно одергивая на себе свитер, испачканный местами маслом, Серафим пошел за подвойю; его окружили и потребовали вылить огромный ковш парного молока. Серафим сконфузился, но ковш принял. Он пил теплую жидкость, пахнувшую не то прелым сеном, не то какой-то терпкой травой. От этого запаха его мутило, но он затаил дыхание и мужественно опорожнил ковш, боясь вызвать новые насмешки бедовой Фроси. Ее смех раздавался уже где-то у скотного двора. Девчата стали носить белые фляги.

— Приехал, наконец, молоковоз, — услышал Серафим спокойный голос чернявой девушки в пестрой шелковой косынке. Она приняла от Серафима ковш и так же ровно, спокойно сказала:

— Не очень-то вкусно, правда? — улыбнувшись, она добавила: — Это с непривычки, а парное молоко очень полезный продукт.

Серафим посмотрел на девушку. Его удивили ее глаза: они были большие и грустные. Она спокойно разглядывала Серафима. Он невнятно пробурчал что-то. От фермы донесся голос Фроси:

— Какое наше дело. Еще повторится — составим акт и в правление. Учти. Нянчиться не будем.

— Это Фрося,— улыбнулась девушка.— Конечно, она права. Каждое утро опаздывает молоковоз, —она вздохнула.— Это ведь безобразие. Небось, в совхозе не было бы такой расхлябанности. Приказ — и точка. Каждый человек должен чувствовать ответственность за свое дело. А это что за порядок такой? Молоко проквасит, а ему трудодни все-равно запишутся. Вы что же, кучером у Марины Васильевны?

— Да нет, что вы... просто поехал вот.

— А-а...

— И поручение, правда, имею... Насчет бани

— Бани? — удивилась девушка.

— Ну да. У нас сегодня санитарный день, а бани на Кушке еще нет. Мылись на Центральной. Машину давали, а сегодня решили договориться у вас, на ферме.

— Санитарный день,— проговорила задумчиво девушка.— Интересно! Все как-то у вас по-другому. Хорошо,— сказала она.— Это мы организуем. Я сейчас скажу девочкам. Мы живо натаскаем воды.

— Нет, зачем же? Мы сами все сделаем,— запротестовал Серафим.— Силы у нас хватит, зачем отрывать вас от дела,— ему было приятно вести переговоры от имени всего коллектива Кушки.

— Я, правда, не заведующая фермой,— сказала девушка.— Я учетчик, но договориться смогу.

Она пошла к подругам, все еще грузившим флажки с молоком, потом вдруг, о чем-то вспомнив, вернулась. Подошла почти вплотную к Серафиму и тихо, будто их мог кто-то слышать, спросила:

— Может, вам, конечно, смешно покажется... Вопрос у меня есть... Можно? Девочки спор тут однажды учинили. Значит, так: что такое идея, идеал, идеальный? А? Что-то есть общее... Правда? И все-таки — это разные понятия. Верно? Ну, идея — это понятно. Это — главная мысль. Так?

— По-моему, тоже,— растерялся Серафим. Взгляд его упал на свои руки и, тотчас засунув их в карманы брюк, он многозначительно кашлянул.

— Да, да,— сказал он.— Идея — это главный замысел чего-то... Стержневая мысль. Ну, а идеал, это, по-моему, то, чего человек хочет достичь при исполнении своего сокровенного желания. Говорят: мой идеал, мой кумир, моя мечта...

— Значит, я верно думала. А идеальный, наверно, в смысле бесспорный. Так?

Серафим подумал и согласился с ней.

— А идеализация?

— Это, очевидно, если говорить просто, несоответствие мечты и действительности. Вот к примеру...

Серафим пристально взглянул на девушку и продолжал:

— Вот, к примеру, до целины я идеализировал все в своем воображении. Казалось, я ехал на Алтай как первооткрыватель. Здесь у меня должна была начаться эпоха подвигов. А вот ничего. Никаких подвигов я еще не совершил...

— Ну, это еще положим,— покачала головой девушка.— Поднять эту землю, не тронутую веками,— это не прогулка. Ну, одним словом, большое вам спасибо. Пройдите в наш красный уголок, а я поговорю с девушками.

Это была обычная комната. Со шторами на окнах и даже с русской печкой. Только в простенках красовались плакаты и лозунги да аккуратно были прищиплены кнопками личные обязательства доярок. «Обязуюсь надсечь от каждой фуражной коровы по 20 центнеров молока и вызываю на соревнование,— читал на одном из таких листков Серафим,— доярку Молостнову Галину. К сему Ефросинья Крючкова».

«Ефросинья — это та, маленькая, озорная,— усмехнулся про себя Серафим.— И все по 20. Нет. Вот одна 15 центнеров обязуется. Кто это? Сафонова Рая».

На дворе раздались девичьи голоса. Серафим обернулся. В открытую дверь одна за другой вбежали доярки.

— Ага, вот он где! — воскликнула одна из них, в которой Серафим тотчас признал Фросю.— Вон куда запрятала его Лена!

«Значит, Лена», — отметил в уме Серафим.

— Никто и не думал прятать. Пусть посмотрит на этапы нашего пути.— Лена была агитатором и любила иногда говорить красиво, высокопарно.

— Понятно,— сказала Фрося. Тряхнув головой, она решительно протянула Серафиму ведро.— Вот это будет вашим орудием.

Серафим с недоумением посмотрел на девушку.

— Пошли все воду носить в баню,— разъяснила Фрося.

Девушки дружно рассмеялись. Только Лена оставалась серьезной. Она сказала:

— Неужели сами не справимся?

— Ничего! — недовольно бросила Фрося. — Парень не изболел. По всему видно,— она бросила насмешливый взгляд на фигуру Серафима.

— Да нет, что вы... Я могу... — покраснел Серафим, принимая ведро.

— Ладно уж, поможем,— снисходительно протянула Фрося. — Пошли, девочки.

У ручья Лена сказала:

— Поможем затопить баню, девочки, и на занятия.

Фрося живо откликнулась:

— Ты сегодня с меня будешь, товарищ учительница, стружку снимать?

— В следующее занятие,— не улыбувшись, сказала Лена. — А сегодня я принесла схему мехдойки УДС... Изучим ее.

Фрося притворно вздохнула:

— А я ведь все позабыла... Хм. Кормовые единицы. Сколько же, Ефросинья Захаровна, содержат кормовых единиц бобы? Забыла? Ну, а солома? А пырей? Все забыла? Кол с плюсом тебе за это, Ефросинья Захаровна.

Девушки засмеялись.

Воду носили из ручья. Она была прозрачной и холодной. Чьи-то хозяйственные руки вбили деревянный желоб, захватив все русло, и вода бурным потоком, вскидываясь полудугой кверху, падала мощной струей вниз. Девушки подбегали к самодельному водопаду и подставляли ведра. Вода тяжело ударяла о днище и стенки ведер, вырывая их из рук. Брызги, будто дождь, летели со всех сторон, вызывая визг и смех девчат. С полным ведром Лена поскользнулась на мокрой тропке и чуть было не упала, но Серафим вовремя подхватил ее, и — о, ужас! — потеряв равновесие, растянулся сам, вылив на себя всю воду. Лена вскрикнула и замерла, а Фрося присела над ним и зашлась в смехе.

— Бедненький мой,— выкрикивала она сквозь смех, — ты пошто так-то... а? Иль бани не дождешься?..

— Фрося! Как тебе не стыдно... Прекрати! — краснея от стыда, закричала Лена.

Серафим, злясь на себя, быстро вскочил с земли и стал стряхивать с груди и брюк воду.

Фрося на мгновение скрывшись в предбаннике, вышла оттуда с пустым ведром и весело махнула ему:

— Шабаш. Хватит. Котел уже полный.

Серафим посмотрел в сторону домов и, молча передав ведро, направился в кусты, к Чарышу, — ему не хотелось попадаться в таком жалком виде на глаза Ильке. Лена проводила его глазами и хотела уже зайти в баню, как вдруг, о чем-то вспомнив, крикнула вдогонку:

— Если вы на Коловый, к Марине Васильевне, так надо вниз, направо!

Серафим остановился. Обернувшись, покачал головой:

— Давно на Чарыше не был. Хочу посмотреть.

Она кивнула ему и нырнула в баню.

На берег Чарыша вела узенькая тропка, то нырявшая в кусты черемушника, то перепрыгивавшая через многочисленные ручейки. Многие кусты стояли еще голыми. На ветках черемух висели свернутые клейкие трубочки. Кое-где они уже развернулись, подставив солнцу свои ладошки. Зато во всю зеленели тальник и верба. Под кустиком темнела илстая земля. Висели на сучьях серые галстукки наноса. «Чарыш выходил из берегов», — догадался Серафим.

Ярко пылало весеннее солнце. Рябила, переливалась в глазах могучая река. Гудели над головой пчелы. Где-то заливались веселые птичьи голоса. Серафима охватила приятная сонная истома. Он опустил на правый локоть, смежил глаза и не заметил, как заснул...

Широкая долина открылась ему. Он идет по ней, а вокруг — море незабудок. Все ослепительно сияет и на земле, и в воздухе. Где-то у края долины стоят три домика. Теплое марево струится около них, будто сизая дымка «Кушка, — думает Серафим. — Твой первый стан в жизни». И вдруг домики исчезают, а на их месте видит Серафим глаза... Грустные, серьезные. Они смотрят прямо на него и, кажется, чуть-чуть улыбаются «Хочешь незабудок, Серафим? — спрашивают они. — Я тебе могу отдать их все... Смотри сколько их!» Серафим смотрит на землю и глазам своим не верит: незабудки двинулись на

него. Они лезут по его ногам и рукам к лицу, будто муравьи. Они кивают ему своими головками. Вот они вскарабкались на его шею, нос, щеки. Щекочут, звенят... Серафим отбивается от них и... проснувшись, вскакивает: перед ним стоит Илька с длинной соломинкой в руках. Он весело хохочет. Ему вторит еще кто-то. Лешка.

— Нашел, где спать! — говорит Илька, бросая соломинку в реку. — А Дуся с ног сбилась: не знает, кому скормить остатки каши. Трактористы уехали. Одни мы теперь с девчонками остались на Кушке.

Серафим нахмурился. Потом сорвал с сучка рубаху, которую повесил сушить, и неожиданно спокойно сказал:

— Знаешь что, комсорг... если я кому первому в жизни и набью морду, так это тебе. Учти...

Илька свистнул.

— Вот так. Запомни, — бросил Серафим и пошел в кусты, на ходу напаяливая невысохшую толстовку.

Провожая его глазами, Илька без улыбки, тихо произнес:

— Это, как сказал бы комментатор, произвело впечатление разорвавшейся бомбы, — и минутой позже добавил серьезно: — Такой он мне больше нравится. Пошли к Марине Васильевне. Ты слышал, что сегодня девчонки говорили о ней?

— Нет. А что?

— Соня видела на Центральной кого-то, кто хорошо знает нашего управляющего.

— Ну и что?

— Говорят, в пятнадцать лет она была где-то в Белоруссии подпольщицей во время оккупации.

— Врешь? — ахнул Лешка.

— Говорят, — пожал плечами Илька, — с партизанами держала связь...

— Вот это да-а!

— Ладно. Молчок. — Толкнул в бок товарища Илька.

Они вышли из кустарника. Перед ними, в низине, раскинулось огромное черное еще поле кукурузной плантации. Коловый мыс. Справа от него на возвышенности белели строения колхозной фермы Верховники. По плантации с деревянной лопаточкой в руках, приседавая то в одном месте, то в другом, ходила, озабоченно хмурясь, Марина Васильевна.

Ребята подошли к ней и, остановившись, с каким-то

особым интересом уставились на нее. Марина Васильевна отбросила упавшую на лицо прядку волос, взглянула на парней и, заметив что-то необычное в их взглядах, выпрямилась:

— Что случилось?

Ребята смутились.

— Мы,— пробормотал Илья — насчет кукурузы... Как она чувствует себя?

— Коварная особа,— сказала Марина Васильевна.— Подводит... Недаром ее королевой величают...

Илья притворно вздохнул:

— И что же, кроме коварства, можно было ждать рабочему классу от этой особы царских кровей? Классовая борьба!

Но Лешка не поддержал его игривого тона. Он сам разрыл несколько зерен и покачал озабоченно головой.

— Значит, и тут... на самой середине то же самое. Я брал пробу в конце полосы.

— Да. Здесь последняя проба,— подтвердила Марина Васильевна.— Я прошла всю плантацию. Влаги много. Избыток. А дни пошли жаркие. Не тот все-таки срок выбрали мы для посева!

— А, может, этот самый Гус прав? — осторожно спросил Лешка.— Он, кажется, предлагал на этой сотне гектаров, на этом перелог, сеять многолетнюю траву?

— Мы не могли допустить такого расточительства земельных угодий,— холодно, будто отвечая Гусу, главному агроному совхоза, сказала Марина Васильевна и добавила резко:

— Я знаю, как в средней полосе России, где каждый клочок земли дорог, пустили чуть не по миру не один колхоз с этой травопольной системой. Я не верю в нее. Не верю, что она создаст структуру почвы.

— Не скажите так Гусу,— улыбнулся Лешка, который считался среди ребят «спецом» по вопросам сельского хозяйства. Лешка когда-то поступал в сельскохозяйственный техникум, но, не окончив его, поехал, как он однажды выразился, «на полевую практику». Марина Васильевна знала об этом. Ценила в Лешке любознательность и его влюбленность в землю.

— Придет время — скажу. Не побоюсь,— сказала Марина Васильевна.— Правда, первая попытка, кажется, против нас...

— Неужели нет выхода? — воскликнул Илья. — Вы только найдите, Марина Васильевна, а уж мы не пожалеем сил! Честное комсомольское!

— Спасибо, Илья. Постараюсь найти. Посоветоваться бы со старожилками.

— Откуда же им знать! Они ее сроду не сеяли, — сказал Лешка.

— Сеяли... Во время войны чуть не каждое хозяйство на огородах сеяло. А потом тут ведь немало и южан. Украинцы есть, белорусы и немцев с Поволжья немало.

— Пересеять? — догадался Лешка.

Марина Васильевна весело подмигнула ему.

— Не думаю, правда, что пересев будет гениальным мероприятием, но...

— Попытка — не пытка! — сказал Лешка.

— Вот именно.

— Но ученый Гус! — воскликнул Лешка.

— И у гусаков режут крылья, — съязвил Илья.

— Ох, Илья! — погрозила ему пальцем Марина Васильевна. — Так непочтительно о большом начальстве, — и вдруг спросила: — Серафима видели?

— Ага, — кивнул Илья. — Спал.

— Как спал? Где?

— Очень просто. Как все простые смертные, хоть он и шестикрылый Серафим.

— На Чарыше разбудили его, — пояснил Лешка.

Марина Васильевна о чем-то задумалась. Потом сказала:

— Прибегала Дуся и говорила, что баня уже давно топится.

— Кто ж это ее затопил?

— Серафим.

Ребята переглянулись.

ГЛАВА 3

Их было четверо в «салоне»: Марина Васильевна, Дуся, Люба и Соня. На вздернутом носике Дуся — новая сыпь веснушек. Прибавилось за день.

«Думаю научный труд писать: «Веснушки, и как они влияют на ход весенне-посевной», — вспомнила Марина слова Ильки. Ох, Илька! Смотри, как бы не приворожили тебя эти Дусяны веселые и задорные веснушки!»

— Так вот, Марина Васильевна, — начала Дуся. — Приезжал инструктор.

— Какой инструктор?

— Из райкома комсомола.

— Ну?

— Стручок, — присовокупила Люба.

— Стручок? — удивилась Марина.

— Ага! — кивнула белокурой головой Дуся. — И, можете себе представить, не зеленый, сочный стручок, а засохший...

— Вполне спелый деляга, — вставила Люба серьезно, даже не улыбнувшись. Дуся расхохоталась.

— Ох, девочки, — покачала головой Марина. — Первый раз увидели человека и такое мрачное заключение.

Люба покраснела. Сидела, зардевшись, как маков цвет, перебирала в руках полушалок. «Люба — коретель», — пришло Марине в голову кем-то метко брошенное из ребят сравнение. Люба не обиделась, шутка эта присохла. Розовощекая, небольшого роста, непрестанно красневшая, она и впрямь, казалось, была налита живительным морковным соком.

— Как же это все произошло?

И Дуся рассказала, изображая все в лицах.

...Время было обеденное. Вдруг слышат, пылит кто-то на мотоцикле. Проскочил на ток, остановился. Смотрят — парень. Лицо важное. Глаза нахмуренные, пасмурные. Полевую сумку отвязал от багажника и — в «салон». Идет, отряхиваясь от пыли, морщится, окрест поглядывает. «Руководящий!» — решили все и не ошиблись. Подошел, поздоровался, комсорга спросил. Дуся ему лапши предложила. Отказался категорически. Усмехнулся.

— Рановато обедаете.

Илька посмотрел на него и спокойно заметил:

— Руководить можно и натошак.

Илька ест, а он сидит, ковыряет соломинкой в зубах и поглядывает на него. А тот съел чашку, добавки просит.

— Это он нарочно! — шепчет Соня Любе-Коротель.

— Факт. Позлить, — кивает та.

— Вторую съел — чаю требует, а какой там чай: сахар-то в первую неделю уничтожили!

Но Дуся не теряется, наливает ему чаю.

Выпил целую литровую банку, похлопал себя по животу и говорит: «Теперь я весь в вашем распоряжении. С кем имею честь?».

Тот обиделся: «Пора бы и знать райкомовских работников. Полещук я... Инструктор райкома.» Илька спокойненько ему: «Визиты райкомовцам не делал... Все как-то некогда, то посевная, то кукуруза с обработкой задерживает... Так что не обессудьте, что самим пришлось трястись на этом драндулете.»

Промолчал товарищ Полещук. Потом открыл сумку. Тетрадь достал. Авторучкой почертил — не пишет. Огрызок карандаша вынул из кармана. Спрашивает: «Сколько номеров стенгазет выпустили за период сева?»

Тут все сгрудились к столу. «Зачем она нам? — спрашивают. — Мы друг друга хорошо знаем. Видим ежедневно. Зачем? О чем писать будем?»

Поразился товарищ Полещук. Даже побледнел.

— Какое вы имеете право игнорировать стенную печать? — спрашивает.

— Ну, о чем мы писать-то будем?

— Как это о чем?

— Конкретно?

— Передовицу согласно времени и прочее. Кто впереди... Кто сзади...

— А у нас не бывает так. Людей-то всего раз-два и обчелся. Мы как на полюсе.

— Неважно,— говорит Полещук.— Вы думаете, на полюсе не выпускают стенных газет? Глубоко политически ошибаетесь... Придется разобраться с этим делом. И разобраться в самый кратчайший период времени.

— Проформа это,— говорит Илья.— Тебе, товариш Полещук, нужны эти стенгазеты для того, чтобы палочку поставить в отчете, а тут за ней сидеть надо. Выкраивать часы от работы или от сна воровать.

— И это говорит комсорг?

— Как видите,— невозмутимо отвечает Илья.

— Так, так... Вижу,— недобрым голосом проговорил инструктор.— Ну, а как, скажем, дело с культурно-бытовой секцией?

— Как же, работает во-всю! Жителей отделения заставляет обсадить свои дома деревьями, тротуары держать в порядке. Следить за водопроводными колонками, купальнями... детяслями.

Инструктор крикнул, изменился в лице.

— Не юродствуй, комсорг. Значит, не создана? Так и запишем. Секции физкультуры тоже, кажется, нет. Не вижу площадок и сеток.

— К сожалению,— развел руками Илья.

— Ну, а как с лекторием?

— Каким?

— Ну, скажем, по кукурузе и прочее?

— Кукурузу посеяли, да, кажется, пересевать будем.

— Оно и видно. Если б лекторий был да изучили бы досконально передовые методы агротехники возделывания этой культуры, тогда б и пересевать не пришлось,— заключил инструктор.— Придется послушать вас на бюро, товарищ комсорг. Ждите указания... А с диспутами как?

— Дискутируем.

— О чем же?

— Вот спорили: обязательно ли мыть руки перед едой на целине, как того требует повариха.

— Задиваешь? Шуточки устраиваешь из политико-воспитательных мероприятий?

— О чем же дискутировать? — спросила Соня.

— Ну, как о чем? Мало ли таких тем, например, морально-этические и прочие. Взять опять же воспитательные, молодой человек нашего времени и другие.

— Что же, спасибо за совет. Учтем,— сказал Илька.— У меня вопрос: не скажете, когда к нам разъездная лавка приедет? На затирухе и ланше пробавляемся больше.

— Это можно узнать,— он сделал пометку в блокноте.

Посмотрел на него Илька, посмотрел и говорит:

— Эх, и бюрократище же из тебя скоро будет, товарищ Полещук...

— Ну, ты знаешь, говори, да не заговаривайся! — вспыхнул Полещук.— За такие слова недолго и к ответу притянуть! Завалил мне тут всю работу, теперь хочешь на ком-то отыграться? Не выйдет!

И солидно прошел к мотоциклу.

— Я постараюсь вернуться еще сегодня. Подготовь, товарищ Петров, списки комсомольцев с производственными показателями...— и укатил в Хайрюзовку.

Дуся кончила рассказ и звонко расхохоталась.

— Да,— раздумчиво произнесла Марина, отодвинула чашку и встала. Подошла к стене, вывернула фитиль десятилинейной висючей лампы, остановилась у окна. И сейчас же заиграли на ней блики костра, который жгли на току ребята.

В простенке меж окон висел небольшой портрет в рамке. Молодой парень. На груди скрещенные ремни. Прямой и строгий взгляд. Чуб из-под фуражки.

Дуся, ерзая на стуле, нетерпеливо вглядывалась в портрет.

— Стручок... Сухой стручок,— наклонила голову Марина Васильевна.— Бывает и так. Парень, видно, не нашел себя в работе... В комсомольском комитете нужны романтики, а не стручки.

— А что ж, Полещук больше так и не был?

— Может, когда мы в бане были? — оглядела девчат Дуся.

— Возможно,— подхватили девушки.— Небось, выводи строчит.

Марина Васильевна заметила пытливые взгляды Дуся, которые она нет-нет да и бросала на портрет, но де-

лала вид, что ничего не замечает. Наконец, Дуся не вытерпела и, подойдя к простенку, будто совершенно случайно спросила:

— Это ваш брат, Марина Васильевна? — она сделала невинные глаза.

Марина Васильевна внимательно посмотрела на Дусю. Девчата вытянули шею и затаили дыхание.

— Нет, — улыбнулась Марина Васильевна. — У меня не было брата, к сожалению.

— А-а-а, — замялась Дуся, не зная, что больше сказать. Марина Васильевна выручила Дусю.

— Это мой... товарищ... Хороший товарищ по Отечественной войне.

— Его зовут Костей? — сорвалось у Дуси.

Девушки с испугом посмотрели на свою несдержанную подружку. Марина Васильевна удивленно вскинула брови.

— Откуда это тебе известно, Дуся? — она бросила быстрый взгляд на девчат. Те потупили головы. Дуся растерянно оглянулась на подруг и невинно произнесла:

— Это... я... мы... там кто-то на Центральной говорил...

Марина Васильевна молча повернулась к окну, и зайчики от костра снова заиграли на ее лице. В комнате наступила тишина. Казалось, прошла вечность, пока длилось это неловкое молчание. Девушки бросали сердитые взгляды на свою болтливую подругу. Не вытерпела Соня. Она поднялась из-за стола.

— Вы извините нас... Правда, мы слышали... Но, если вам тяжело... не говорите ничего.

Марина Васильевна быстро обернулась и протестующе покачала головой.

— Нет, почему же? Ах вы хитрецы... Да, его зовут Костей. Память о нем мне дорога, девчата... Удовлетворены? — Марина Васильевна обняла Дусю.

— Вы нам расскажите о войне... о нем... Марина Васильевна? — спросила Люба.

— Когда-нибудь. Хорошо?

— Хорошо, — согласились девушки.

— Ну вот, аудиенция, как сказал бы Илья, закончилась обоюдным согласием сторон, — засмеялась Марина Васильевна. — А теперь пошли к костру. Поговорим о делах с ребятами.

— Значит, думаете добиваться пересева кукурузы? — спросил кто-то из девчат.

— Будем рисковать еще раз, — подтвердила Марина Васильевна, накидывая на плечи теплую шаль.

...Ночь была темной. Звездное небо казалось далеким-далеким. Огромный костер, потрясая огненными костями, силился разогнать темноту. Он яростно хрустел жадными челюстями, свивая сухие хворостины, стрелял во все стороны раскаленными пульками, но в минуты, когда слабел, сжимался, темь наваливалась на него со всех сторон. И тогда исчезали веселые пестрые блики с двух вагончиков («мужской и дамский Гранд-отели на Кушке»), тускнел угол домика, в котором жила Марина Васильевна, куда-то уходила в кусты небольшая горная речушка Кудренок, омывавшая обетованные земли Кушки со стороны Каменного хребта.

— Ну, чего плохо кочегарите? — весело крикнула Дуся, едва девушки вышли из домика. Два парня слепоглянули от костра в темь и молча стали шуровать палками в горящих поленьях. Сноп искр рванулся в небо. Пламя снова вспыхнуло.

Марина Васильевна, растревоженная несколько неожиданным любопытством девчат, прошла к Кудренку... Костер, далекая стоянка в степи... ночь темная, партизанская. Как это похоже на те дни. Там... в лесу... у партизан.

Тот вечер хорошо запомнился. Костя сидит у костра и сквозь зубы тихонько посвистывает. А Максим Терентьевич делает ему перевязку руки... И вдруг Костя грубо кричит:

— Ну, а ты что глаза таращишь?.. Дай хоть воды!

...А потом извинялся. Такая же была темная ночь... И место это чем-то напоминает ту поляну. Ручей, кусты справа... Только дальше лес... Бурелом, болота и топи... А здесь степное предгорье.

Марина Васильевна некоторое время еще прислушивается к Кудренку, вспоминает. Кажется, она рассказывала какой-то эпизод из своего партизанского подполья Лизе... о Косте говорила. Правда, не все... В эшелоне целинников это было. Ну вот теперь и расплачивайся за свою откровенность. Хотя, что, собственно, произошло? Что тут зазорного? Тайна? Но ведь и Лиза не знает самого главного. И не узнает. Никто не узнает... Никогда!

Знает только он, сам. А где он? Да и помнит ли он девочку Таню... Промелькнула в его жизни, как искра, и погасла, ничего по себе не оставив. Он и о фотографии ничего не знает.

Пвушка зеленая.

Над рекой склоненная.

— раздалась от костра грустная песня. Марина Васильевна прислушалась. Хорошо пели девчата. Душевная, сердечная мелодия. И Марина Васильевна стала незаметно для себя подпевать им. Поет, а в голове уже одна за другой теснятся новые мысли, новые заботы. «Завтра определенно будет скандал с Гусом...— прорезается беспокойная мысль.— А с кукурузой все равно что-то делать надо... Разве не говорили местные хлеборобы, чтобы повременить с посевом ее, дожждаться настоящего тепла... Разве не Гус кричал: «Сводку давай... Не режьте меня перед райкомом...» А выходит, зарезали кукурузу...

Тихо в степи. А ведь всего неделю назад гудела она по ночам — и темным, и светлым. Кудренка ни разу не слышала Марина Васильевна. А сейчас он хозяйничает. Бежит и бежит, напевая какую-то былинную песню, шумит по перекатам, звенят небольшие, живучие звонко струнные его волны.

Ты скажи,

Скажи, не тая,

Где любовь моя...

Марина Васильевна подошла к костру. Девушки, обнявшись, сидели по одну сторону на обрубке бревна, парни — по другую. В глазах их, обращенных к огню, — какая-то отрешенность. Первым заметил Марину Васильевну Илья. Он вскочил и уступил чурку, на которой сидел:

— Вот дают, — кивнул в сторону девчат. — Полещука нет, а то б он сделал соответствующий вывод.

— Интересно, какой? — отозвалась Соня.

— Он бы усмотрел в этой грустной мелодии есенинский пессимизм. Факт!..

— Мы тогда другую ему споем.

— Какую же? «Сергей поп... Сергей поп?»

— Нет. «Сронила колечко со правой руки...»

Девушки дружно расхохотались.

— Подходяще, — согласился Илья.

Серафима у костра не было. Это не удивило Марину Васильевну. Серафим всегда держался на отшибе, в тени. «Спит, небось», — подумала она. В это время со стороны Хайрюзовки послышался легкий стрекот. Будто где-то далеко в степи заработала косилка. Потом звук стал отчетливее, резче. Он то замирал, то усиливался. Ребята насторожились.

— Ну вот, ты, кажется, действительно наворожил, — сказал Лешка. — Мотоцикл. Точно.

— Неужели он? — ахнули девчата.

— Товарищ Полещук держит слово, — Илья подмигнул девчатам и отошел от костра. Вскоре на дорогу из-за лошинки вынырнул мотоциклист. Он проскочил на ток и сбавил газ. Раздался металлический звук распрямившегося упора, и к костру неторопливой походкой подошел молодой парень в кепке и с полевой сумкой через плечо. Марина Васильевна с любопытством разглядывала его. Невысок. Коренаст. Продолговатое, хмурое лицо. Движения уверенные, четкие. Короткая куртка из красного хрома плотно облегла его грудь атлета. Он подошел к костру, на ходу снимая с плеча сумку, и, быстро оглядев ребят, глухо бросил:

— Погреемся. — Присев на корточки, протянул руки к огню. Тут взгляд его упал на Марину Васильевну. Он метнул бровью и встал.

— Здравствуйте, товарищ Иноземцева... Извините, не заметил вас... А я вас знаю.

— Как же?

— Да вот так... Вы меня можете и не знать, а я вас помню. На партактиве речь вы держали... До сих пор помню: «Посмотрите, что творится на полях, товарищи руководители района! Тракторист гонит трехкорпусный плуг на третьей скорости... А знаете, как он пашет? Вы не смотрите на последнюю борозду. Не замеряйте по ней. Последний нож у него действительно на 20 см спущен, а остальные два? Остальные — на 10—12.. Вот вам и культура земледелия... Вот вам и урожай... Очки втираем друг другу и государству. Район степной. Земля — чернозем, а урожай? Позорнейшие урожаи — 10 центнеров в среднем...»

— Неужели запомнили? — поразилась Марина Васильевна.

— Как видите. А запомнил потому, что в самую точ-

ку вы тогда ударили. Среди нас, механизаторов, очень даже популярным вы человеком стали,—Полещук расстегнул куртку и достал из внутреннего кармана блокнотик. На какое-то мгновение ярко блеснула в свете костра красная эмаль. Ребята переглянулись.

— У вас... орден? — спросила Дуся.

Полещук перелистывал блокнот, потом вдруг, будто очнувшись, внимательно посмотрел на Дусю.

— Не здесь... В другом месте записал я ту речь... Как? Ах, орден,— он усмехнулся.— Попал вот в список!

— Почему же? Как это могло случиться? — удивился Илья.

— Механик ведь я... Комбайнер... Хорошо в тот год поработали,—лицо Полещука на миг стало простым, открытым.— Орден дали... орден Трудового Красного Знамени.

— И как же вы... почему комбайн бросили? — спросила Соня.

— Что ж я сам что ли? — нахмурился Полещук.— Повысили вот... инструктором выдвинули.

— И вы... согласились? — не унималась Соня.

— Вызвали на бюро и решили. Я кандидат партии... Куда пошлют, там и буду работать.

— И неужто не берет тоска по штурвалу? — воскликнул Илья.

— Мало ли что,— буркнул Полещук и ледяным голосом добавил: — Оставим это. Тут вот я привез ваши показатели за весенне-посевную... Давайте обсудим. Вас не было, товарищ Иноземцева, я заскакивал сюда днем. Ну, специальных данных мне никто без вас не мог дать, пришлось вот покопаться в конторе.

— И охота вам было в пыли архивной копать,— сказал Илья.

Полещук строго посмотрел в его сторону и, ничего не сказав, открыл свою полевую сумку.

— Имею задание подвести итоги за период весеннего сева,—произнес он официальным тоном. И этой фразой, и этим бесстрастным тоном утопил он какого-то другого Полещука, который на миг открылся было перед ребятами минутой назад. И снова перед ними сидел стручок, недоступный, сухой, казенный.

— Открывай, товарищ Петров, собрание.

— А зачем собрание? Поговорим просто,— воспротивился было Ильяка.

— Просто это дело не делается... С меня в орготделе протокол спросят. Ясно?

— И протокол? — ужаснулся Ильяка.

— А как же? — с раздражением уже воскликнул Полешук.— Давай открывай, а вот хотя бы ты, товарищ,— кивнул в сторону Полешук,— садись к костру и пиши протокол.

Все посмотрели в ту сторону, куда показал инструктор. Там, смущенно улыбаясь, стоял Серафим.

— Почему же я? Пусть воп девчата... Я никогда не писал протоколов.

— Научишься. Садись иди. Нет возражений? Ну вот и порешили.

Полешук говорил долго. Он рассказал о том, как сеял в этом году район. Какие на него теперь возлагаются крайкомом надежды в связи с организацией двух целинных совхозов. Потом перешел к местным фактам.

— Ваше отделение комсомольское, товарищи,— сказал он.— На вас должны равняться другие отделения. А у вас не все благополучно. И качество взять обработки, кое-где страдает...

— Чем? — удивилась Марина Васильевна.

— Ну, в смысле того, что лучше б надо, а поторопились, не учли всего.

— Например?

— Надо быть самокритичным. Этого требуют от нас и партия и народ. Примеры вы сами вспомните. Извините, есть и возмутительные случаи. Вот, например, три дня агрегат Петрова стоял. Подшипники, видите ли поплавил Петров... Глядеть надо. На то ты и механизатор, товарищ Петров.

«Боже мой, что же это за такое натворили с человеком? — думала Марина Васильевна, слушая Полешука.— Ведь он же, наверное, совсем не такой был? Стручок. Стручок... Жертва резолюции...»

— А политико-воспитательные мероприятия, если взять, как рекомендуют их? — продолжал Полешук.— Пустая графа. Да, пустая графа. Так, товарищи, не пойдет дальше. Вот возьмите соседнюю с вами колхозную ферму. Колхозную, учтите! Там все это развернуто по-

боевому. Сказать там про ваши казусы — стыдно будет. Вы рабочий класс. Это надо понимать.

О «мероприятиях» спорили до полуночи. Но Полешук не сдавался. Наконец, постановили: провести на днях диспут о дружбе, любви и товариществе, включиться в общественную самодеятельность (наметить конкретный план), озеленить отделение.

Полешук, довольный, сказал:

— Вот... Теперь все как положено... Да,— спохватился вдруг он.— Человека от вас надо на комсомольский актив.

— Когда будет актив? — спросил Илья.

— Конкретной даты еще нет, но все равно надо. Называйте фамилию.

Марина Васильевна подозвала к себе Илью, и они о чем-то тихо переговаривали.

— Ну, ну, давайте, товарищи! — заторопился Полешук.

Илья что-то шепнул Лешке. Тот сказал:

— Предлагаю Серафима Подгорного.

— Я так же думаю,— встала Марина Васильевна.— Кандидатура подходящая.— Она выразительно посмотрела на девчат.

Серафима избрали при одном воздержавшемся.

Полешук стал заводить мотоцикл.

— Куда же вы ночью? — удивилась Марина Васильевна.— Переночевали бы!

— Спасибо! Доберусь до Озерок. Там у меня с утра встреча.

Мотоцикл затарахтел, затрясся. Из его фары вырвался луч, и машина покатила, запрыгала на неровностях, нащупывая дорогу.

В вагончик ребята зашли все вместе. Не зажигая лампы, разделись. Откинув одеяло со своей койки, Серафим, презрительно фыркнув, бросил в сторону Лешки:

— Я тоже могу смеяться, долговязый, учти... Подумаешь, знаток сельского хозяйства!

— Да ты за что взелся? — добродушно хохотнул Лешка.

— За то самое,— огрызнулся Серафим.

— Вот чудак, его делегатом отправляют, можно сказать, честь оказывают, а он еще и лается!

— Знаю я эту честь. Посмеяться?

— Ну это ты зря, Серафим,— примиряюще сказал Илька.— Надо же тебе приобщаться к общественному делу. Ты все сторонкой норвинишь пройти... А работаешь... что ж, работаешь, как и все. Лучше подумай, что нам на диспуте о любви говорить.

Лешка глухо засмеялся под одеялом.

— Нужен-то он мне этот диспут, как собаке пятая нога.

— Да... А мне есть что сказать,— как-то задушевно, будто для себя, проговорил Илька.

Лешка живо откинул с головы одеяло и с любопытством посмотрел на товарища.

— Интересно...

Илька шумно вздохнул. Наступила тишина. В вагончик ворвался голос ночной птицы: «Дрр... дрр... дрр...»

— Интересу мало... Да... А, впрочем, шут с ней... с любовью,— Илька задвигал, заскрипел койкой, натянул одеяло и затих. Потом встрепенулся.

— А Полещук-то... какой?

— Орден... да? — вскинулся Лешка. Видно, и он думал об этом.

— Вот именно. Самый трудовой орден. И за каким чертом он согласился на выдвижение... а?

— А, может, он карьерист? — спросил Лешка.

— Факт,— откликнулся Серафим.— Формалист дикий.

— Форма тоже нужна,— сказал после короткого раздумья Илька.— Но если она для Полещука — главное. Пропадет ни за что... С виду, посмотришь, человек — человеком. А до живой струнки не докопаешься — ходячая инструкция.

— Отчего это? — спросил Лешка.

— Потому что не по призванию иногда выдвигают людей... Вот почему. Посмотрите на этого Полещука. Комбайнером работал, парень был как парень, а нацепил сумку — параграфом стал. Вот увидите, так дальше не будет. Жизнь не потерпит этого... Жизнь требует творчества.

«Творчества,— повторил про себя Серафим.— Творчества»,— и стал засыпать. Вдруг из темноты прорезались глаза Лены. Серафим на миг очнулся. Сердце его отозвалось приятной истомой. А потом откуда-то появились незабудки... Они свились в венок и взяли его в кольцо.

Маленькие, голубые. Они запрыгали вокруг него... Метелью из лепестков осыпали всю землю. Внезапно ворвался голос Ильки:

— Творчество... вот что должно отличать наше общество от всех других, прочих...

Потом голос Ильки умчался куда-то, и Серафим явственно услышал с поля:

— Спать пора... Спать пора... Спать пора.— Подвиглся. Прислушался. И снова:— Спать пора... Спать пора... «Интересная птаха»,— подумал он и снова уснул.

ГЛАВА 4

Директор целинного совхоза «Причарышский» Иван Иванович Градов вернулся из Журавлихи утром. Забрызганный грязью, небритый, он прямо с дороги ввалился в недостроенную еще контору и, отрывисто бросив вскочившей при его появлении с койки секретарю-машинистке: «Главного агронома! Прораба! Управляющих! Живых или мертвых!» открыл дверь своего кабинета, плюхнулся устало на диван и закрыл глаза. В голове еще надсадно гудел «газик», разбрызгивая грязь и лужи из колдобин, пахло еще перегорелым бензином и даже покачивало из стороны в сторону, а уже одна на другую набегали беспокойные, въедливые, почти осязаемые на ощупь и оттого вызывавшие боль мысли. «Концы полос не заделаны на шестистах пятидесяти шести гектарах... Огрехов подсчитано дотошными райкомовцами не менее сотни гектаров. Сомнительно ведет себя кукуруза. В одном месте всходы дали уже по три листика, а в другом — пустыня Сахара. Ни кукурузы, ни травы. Потом с телятниками. Где телятники? Куда совхоз думает принимать осенью телят? А главное — люди. Долго ли думает совхоз жить по-цыгански? Следовало бы подумать директору, если он не хочет, чтоб призвали его к порядку по партийной линии.»

Иван Иванович вскочил. Покрутил ошалело головой, будто кто-то давил его за шею, споткнулся о стул, швырнул его к стене и снова тяжело сел на диван.

«Хорошо вам, черт возьми, по телефону кричать, а здесь — на износ работаешь! Как сукин сын! Как самый

последний человек!» — мысленно продолжал возражать кому-то Градов.

В дверь постучали.

— Да, да! — вскричал директор и тяжело шагнул к столу. Вид заспанного агронома с флегматичным, спокойным лицом окончательно вывел его из себя. Падая на стул, он грохнул обоими кулаками о стол:

— Здравствуйте, Сергей Платоныч! Ну, как поживали? Ничего? А я вот на мясорубке побывал, — тон директора не обещал ничего хорошего, однако это ничуть не обескуражило агронома. Он прошел к дивану и, одергивая рукава ставшего малым засаленного пиджака, спокойно посмотрел на директора.

— Что ж... Еще не раз побудете, Иван Иванович, пока не получите необходимую закалку.

— Когда оторвут голову, эта... закалка поможет? — хриплым баском воскликнул директор. Агроном пожал плечами.

— Я понимаю. Но не буквально же — оторвут! Это закономерное явление: первому и второму, может быть, директору нового предприятия обязательно отрывают, как вы говорите, головы... Каждое новое дело требует жертв.

Иван Иванович, сбывчившись, долго молчал и смотрел воспаленными глазами на агронома. Потом махнул рукой и вскочил.

— Нет, товарищ Гус, это твоя гнилая теория ударит, кажется, пока только по тебе. Да! Черт возьми!

— Что ж, кому-нибудь надо же быть первому. Не вам, так мне, — проговорил Гус, все еще вытаскивая из-под пиджачного рукава гимнастерку.

Иван Иванович нервно забегал по кабинету. Маленький, плечистый, полный, с взъерошенной головой, он походил сейчас на какого-то комедийного артиста. Вот он сейчас схватится за голову и со стоном опустится на первый стул. Окаменев, с отчаянием на лице, он будет сидеть пять, десять, пятнадцать минут, потом устало махнет рукой и скажет:

— Режете вы меня. Живого режете холодным оружием!

Иван Иванович сказал почти то же самое, только спокойно и без мелодраматизма.

— Вот читай, — он сунул агроному бумажку. — Здесь

все сказано. Только учти: в следующий раз поедешь со мной и будешь отчитываться. Хватит. С одного вола семь шкур не дерут... На бюро за сев всынали, на заседании исполкома — за строительство. Где там Ветров запропастился?

— Не могу знать. Может, на этом своем примитивном кирпичном комбинате? — Гус криво ухмыльнулся и углубился в чтение бумажки. Все знали, что главный агроном скептически относился ко всем «самодеятельным», как он выражался, начинаниям в совхозе. «Ты что: из самодеятельного театра? — говорил он не раз прорабу, — дадут стандарт, строительный материал, необходимую технику — тогда и строй... Если нужен совхоз — дадут. Никуда не денутся...»

Прерывая затянувшееся молчание, Иван Иванович укоризненно бросил:

— Как же это вы, товарищ Гус? Любите, чтоб всюду было по правилу и по порядку, а допустили черт знает какое бескультурье на полях! А ведь вы как-никак кандидат наук. Всяким там колхозным агрономам пос должны были утереть...

Агроном пожевал губами. Встав, он дрожащими руками положил на стол бумажку и молча пошел к двери.

— Вы куда?

— Я ухожу, Иван Иванович, — голос агронома дрожал... — Я не могу так...

— Как вы не можете?

— А вот так, чтобы иронизировали надо мной... Кричали. Насмешечки эти самые плоские, неуклюжие...

Иван Иванович быстро подошел к двери, резко повернул ключ в замке, потом схватил за плечо агронома и насильно усадил на стул.

— Нет, вы можете. Я могу, значит, и вы можете. — угрожающе процедил сквозь зубы Иван Иванович. — Сидите и дайте мне ответ: будут исправлены эти недоделки, концы, огрехи, кукуруза?

Обидчиво поджав губы, агроном с трудом выдавил:

— Это надо же прикинуть, Иван Иванович!

— Все прикинуто без нас с вами. Хотя мы лучше должны были знать, чем райкомовские уполномоченные. Лучше! Понимаете? Мы хозяева совхоза. Нам с вами нести ответ за урожай. — Градов устало вздохнул и добавил уже спокойнее: — Что там на Кушке?

Агроном схватился за папку и стал вытаскивать одну бумажку за другой, близко поднося их к глазам. Быстро прочитав, откладывал в сторону пока не остановился на одной.

— Вот,— протянул он Градову.— Вот.

— Что за «вот»? — нахмурился Градов и быстро нацепил очки.

— Акт о описании кукурузы... вчера составил.

— Почему же о описании? Кукуруза только всходит.

— Не кукуруза всходит. Только не она. Подобие ее.

— Надо посмотреть на это подобие, товарищ Гус. Посмотреть. Актом делу не поможешь. И очень мы вообще лихи на эти акты,— он сердито посмотрел на агронома.— Ты, кажется, готов прикрыться этими актами.

— А что остается делать? — мрачно буркнул Гус.

Градов недобро блеснул очками и прихлопнул руками бумажку.

— Как у нее с зерновыми?

— Зерновые — на уровне. Поля примерные,— откликнулся Гус.— И лицо его снова стало бесстрастным. Градов недовольно поморщился, проворчал в усы: — Значит, одной рукой по головке, а другой... по известному месту? — Он помолчал, побарабанил короткими пальцами по столу и неожиданно добавил: — Садитесь в мою машину и проверьте заделку полос в других отделениях. К совещанию возвращайтесь.

Агроном поднялся и молча пошел к двери.

— Погоди, погоди, Сергей Платоныч,— видя, как рвет ручку двери агроном, ухмыльнулся Градов и вышел из-за стола.— Ты же у меня под арестом, брат, был...

Отпустив агронома, Иван Иванович раздраженно прошептал:

— Грядочный кандидат... И лезут же, черт возьми, на целину... Сидел бы на своей грядке и растил в теплицах какую-нибудь травку.

Не нравился главный Градову. Не такой хотел он видеть свою правую руку в новом большом хлопотливом хозяйстве.

В дверь осторожно постучали. Иван Иванович по-

смотрел в окно и, заметив у окошечка кухни быстро растущую очередь молодых целинников с котелками и чашками, почувствовал легкое жжение под ложечкой и первые приступы тошноты в желудке. Торопливо достав пакет с содой, схватил щепотку ее, сунул в рот и запил водой прямо из графина. Тихо скрипнула дверь.

— Можно к вам? — раздался женский голос.

— Марина Васильевна? Давай, давай, милая... Вот я тебя обрадую сейчас, — Иван Иванович взял со стола бумагу и грозно потряс ею в воздухе. — Сначала вкачу выговор, а потом премирую. Да заходи, заходи, чего растерялась сразу.

— Нет, вы уж сначала премируйте, а потом хоть два выговора давайте! — откликнулась Марина Васильевна весело.

— Ишь ты какая ловкая.

Иван Иванович торопливо поднялся и вышел из-за стола.

— Ну, здравствуй. Садись. — Он присел рядом с ней. — Что ты с кукурузой наделала?

— Да разве я?

— Ну, а кто же? Вот Гус уже активирует ее.

— Забота гложет человека, торопится бумажками обставиться. А я этих актов не подпишу.

— Я помню, тебя предупреждали насчет Колового мыса, — мирно сказал Градов. — Предупреждали, а ты не послушалась. — Он укоризненно покачал головой. — Гус то же говорил. Вот он теперь быстренько и спихнул с себя ответственность этим актом.

— У меня больше нет подходящего места. Буду гектаров пятьдесят пересевать. Не беспокойтесь, Иван Иванович. Были холодные дни. Семена стали киснуть. Теперь пойдут. Уверяю вас, Иван Иванович! Буду рисковать, — и она рассказала о своей поездке в «Красный борец». — Паршуков то же советует.

— Паршуков этот — настоящий жох. Он твой опыт запомнит, чтобы самому не рисковать. Что ж, действуй, — согласился директор. — Без риска в нашем деле нельзя. Действуй. А этот акт пока под сукно положим.

— Сеялка вот одна и та барахлит — помогите. И кукурузы не хватит на подсев, — сказала Марина.

— Теперь мы — сила, Марина Васильевна. — Инженера завербовал. Будет свой квалифицированный механи-

затор. На опытниках ведь выезжали. Инженер, скажу тебе, на все сто.

— Он в совхозе?

— Выехал в Алейск, запчасти отвоевывает. Этот отвоюет. Смотри, не прозевай жениха, Маринка! — Иван Иванович игриво погрозил пальцем. — На холостом ходу крутится, кажется!

— Иван Иванович! — обиделась Марина.

— Не буду, не буду.

Он устало прошелся по кабинету. — Вот ведь день только начался. Хотя, откровенно говоря, не помню, когда он и начался-то, а формально сегодня новое число. Утро нового дня, а я уже разбит, как то корыто, на котором прогорела старуха. Желудок барахлит. Сердце, удивляюсь, на чем еще держится. На фронте мечтой о победе питалось, а здесь, — он развел руками. — Один прорыв за другим. Одна прореха за другой.

— Завидую вам, Иван Иванович. Честное слово!

— Вы? Мне? — удивился Градов.

— Да. У вас большая, настоящая жизнь.

— Есть чему завидовать! — Иван Иванович усмехнулся. — Ведь сгораю и сам не вижу как... И сюда поехал — никто не просил, не настаивал. Молодым себя почувствовал. Правда, болезнь берет... берет... И все-таки, Марина Васильевна, не жалею, что работаю на износ. Иначе я б не смог. Хочу вот все Гуса перевоспитать. — Брыкается. Он видит цель жизни в другом.

— Знаю, приехал докторскую диссертацию писать. Конечно, это не плохо, но, когда это ради личного, эгоистичного... — она хмуро посмотрела в окно. — Вот тогда плохо.

— Что ж делать? За него в крае уцепились. Приходится мириться. Но чувствую: когда-нибудь он выведет меня из равновесия. Добился-таки организации в совхозе научно-исследовательского пункта по травосеянию. Возглавил его. — Иван Иванович тяжело вздохнул.

В прихожую кто-то шумно вошел. «У себя?» — спросил мужской голос.

— Ну, вот и прораб притопап, — сказал Градов. — Сейчас буду с него стружку снимать.

— Я пойду, Иван Иванович... Ну, так как же с сеялкой и с семенами? Мне немного не хватит.

— Что ж с тобой поделаешь. Бери. Я дам команду.

смотрел в окно и, заметив у окошечка кухни быстро растущую очередь молодых целинников с котелками и чашками, почувствовал легкое жжение под ложечкой и первые приступы тошноты в желудке. Торопливо достав пакет с содой, схватил щепотку ее, сунул в рот и запил водой прямо из графина. Тихо скрипнула дверь.

— Можно к вам? — раздался женский голос.

— Марина Васильевна? Давай, давай, милая... Вот я тебя обрадую сейчас, — Иван Иванович взял со стола бумагу и грозно потряс ею в воздухе. — Сначала вкачу выговор, а потом премирую. Да заходи, заходи, чего растерялась сразу.

— Нет, вы уж сначала премируйте, а потом хоть два выговора давайте! — откликнулась Марина Васильевна весело.

— Ишь ты какая ловкая.

Иван Иванович торопливо поднялся и вышел из-за стола.

— Ну, здравствуй. Садись. — Он присел рядом с ней. — Что ты с кукурузой наделала?

— Да разве я?

— Ну, а кто же? Вот Гус уже активирует ее.

— Забота гложет человека, торопится бумажками обставиться. А я этих актов не подпишу.

— Я помню, тебя предупреждали насчет Колового мыса, — мирно сказал Градов. — Предупреждали, а ты не послушалась. — Он укоризненно покачал головой. — Гус то же говорил. Вот он теперь быстренько и спихнул с себя ответственность этим актом.

— У меня больше нет подходящего места. Буду гектаров пятьдесят пересевать. Не беспокойтесь, Иван Иванович. Были холодные дни. Семена стали киснуть. Теперь пойдут. Уверяю вас, Иван Иванович! Буду рисковать, — и она рассказала о своей поездке в «Красный борец». — Паршуков то же советует.

— Паршуков этот — настоящий жох. Он твой опыт запомнит, чтобы самому не рисковать. Что ж, действуй, — согласился директор. — Без риска в нашем деле нельзя. Действуй. А этот акт пока под сукно положим.

— Сеялка вот одна и та барахлит — помогите. И кукурузы не хватит на подсев, — сказала Марина.

— Теперь мы — сила, Марина Васильевна. — Инженера завербовал. Будет свой квалифицированный механи-

затор. На опытниках ведь выезжали. Инженер, скажу тебе, на все сто.

— Он в совхозе?

— Выехал в Алейск, запчасти отвоевывает. Этот отвоюет. Смотри, не прозевай жениха, Маринка! — Иван Иванович игриво погрозил пальцем. — На холостом ходу крутится, кажется!

— Иван Иванович! — обиделась Марина.

— Не буду, не буду.

Он устало прошелся по кабинету. — Вот ведь день только начался. Хотя, откровенно говоря, не помню, когда он и начался-то, а формально сегодня новое число. Утро нового дня, а я уже разбит, как то корыто, на котором прогорела старуха. Желудок барахлит. Сердце, удивляюсь, на чем еще держится. На фронте мечтой о победе питалось, а здесь, — он развел руками. — Один прорыв за другим. Одна прореха за другой.

— Завидую вам, Иван Иванович. Честное слово!

— Вы? Мне? — удивился Градов.

— Да. У вас большая, настоящая жизнь.

— Есть чему завидовать! — Иван Иванович усмехнулся. — Ведь сгораю и сам не вижу как... И сюда поехал — никто не просил, не настаивал. Молодым себя почувствовал. Правда, болезнь берет... берет... И все-таки, Марина Васильевна, не жалею, что работаю на износ. Иначе я б не смог. Хочу вот все Гуса перевоспитать. — Брыкается. Он видит цель жизни в другом.

— Знаю, приехал докторскую диссертацию писать. Конечно, это не плохо, но, когда это ради личного, эгоистичного... — она хмуро посмотрела в окно. — Вот тогда плохо.

— Что ж делать? За него в крае уцепились. Приходится мириться. Но чувствую: когда-нибудь он выведет меня из равновесия. Добился-таки организации в совхозе научно-исследовательского пункта по травосеянию. Возглавил его. — Иван Иванович тяжело вздохнул.

В прихожую кто-то шумно вошел. «У себя?» — спросил мужской голос.

— Ну, вот и прораб притопал, — сказал Градов. — Сейчас буду с него стружку снимать.

— Я пойду, Иван Иванович... Ну, так как же с сеялкой и с семенами? Мне немного не хватит.

— Что ж с тобой поделаешь. Бери. Я дам команду.

— Спасибо.

— Спасибом не отделаешься. Готовь к вечеру отчет об итогах сева.

Марина Васильевна кивнула ему и торопливо вышла.

В мастерской она разыскала механика по сельхозмашинам и рассказала ему о сеялке.

— Понимаешь, Егорыч... Надо поднять кукурузу, а единственная сеялка выпряглась. Надо срочно перебрать ее.

Степенный пожилой механизатор, обтирая замасленной тряпкой руки, слушал ее рассеянно, невнимательно.

— Ты что, Егорыч? — возмутилась Марина.

— Посевная кончилась, Марина Васильевна. Кто наряд выпишет? Никто. Уже со всех отделений стягиваем посевной инвентарь. Поздно вздумала пересевать. Небось, и лимиты на сев кончились.

— Как же быть? — испугалась Марина.

— Вон на втором отделении в исправности сеялка. Попросите у них.

— Да ты что, шутить? — рассердилась Иноземцева. — До второго отделения десять километров. Когда же я успею? А мне сегодня на Кушку надо в ночь.

— Что ж поделаешь? А ремонт — пропащее дело. И запчастей нет. Инженер в Алейск подался. Когда что будет. Да и не дадут — даю голову на отсечение. Пора за уборочную технику браться, а ты все еще ссешь.

— Так, значит, не поможень?

— И рад бы, Марина Васильевна, но сама должна понимать. Не в моей это теперь власти.

«Что ж делать? Что же предпринять? — растерялась Марина, покидая мастерскую. — Неужели все-таки на второе ехать? А вдруг и там не дадут? Попрошу распоряжение у Ивана Ивановича», — решила она и, вернувшись к конторе, зашла к директору.

Скоро застоявшаяся Стрелка мчала ее по едва заметной межевой дороге в сторону второго отделения.

Возвращалась Марина Васильевна под вечер. Уставшая, плохо кормленная сегодня Стрелка была недовольна хозяйкой. Она сердито фыркала и на каждое движе-

ние вожжи сначала отмахивалась своим длинным хвостом, потом неохотно переходила на рысь.

Уже зажглась вечерняя заря. Подул ветер, запенились, закурились облаками горы.

— Торопись, милая, торопись, — ласково подгоняла Марина Стрелку. — Договорились ведь.

Отпустив утренних посетителей, Градов собрался идти завтракать (уже трижды звонила жена — «Безобразные: ты как маленький... Ничуть не бережешь себя: ешь на ходу, холодное, будто отбиваешься повинность... Сейчас же бросай все и иди! Слышишь, Ваня?») «Ох, это «Ваня»! Как только переходит жена на такое ласковое обращение, у Ивана Ивановича опускаются руки. Он клянется, дает слово, что все немедленно бросает и уже надевает плащ, а, выторговав минуту — две, снова задерживается, с опаской поглядывая на телефон. Тяжело поднявшись из-за стола, он уже потянулся за кепкой, как резкий длинный звонок остановил его. «Это издалека, — подумал он. — Это не жена», — и торопливо поднял трубку.

— Товарищ Градов? — услышал он неторопливый голос предрика Синицына.

— Да. Слушаю вас.

— Так вот, товарищ Градов, — говорящий помедлил немного, прокашлялся, отдал кому-то короткое приказание и продолжал:

— Так вот... Решили мы тут, обговорив между собой, дать сводку о ходе проверки всходов полностью... Да, имейте это в виду.

— Я вас не совсем понимаю, товарищ Синицын, — встрепенулся Градов, — как понимать прикажете?

— Ну, значит, все в порядке... А хвосты вы там подчистите. Уразумели? — Градов почувствовал, как неприятный холодок пробежал по его спине.

— Хороши хвосты! Ну, допустим, с заделкой полос, с орехами — это полбеды. Уже принял меры, а кукуруза... Не могу согласиться!

— Значит, не можете согласиться? — голос Синицына стал глуше.

— Я не привык обманывать государство! — отрезал Градов и почувствовал, как забилась, затрепетала жил-

ка на виске. И вдруг, болезненно морщась, он схватился за грудь. — Да, да! — крикнул он. В ушах забили колокола. Из трубки доносилось:

— Ага. Так и запишем... Долгов! — крикнула трубка. «Долгов — секретарь райисполкома», — подумал Градов, борясь с приступом. — Долгов! Сминусуй там в графе по совхозу 130 гектаров кукурузы. А в объяснительной напиши: ввиду бесхозяйственного отношения руководителей совхоза к посеву кукурузы последняя не возшла. Райисполком принимает меры...

И — в трубку:

— Вот так, товарищ Градов... Вот так. Алло! Что вы молчите! — «Принимай... Принимай меры. Но какое ты имеешь право врать?» — Градову казалось, что он кричит в трубку. На самом деле он едва шевелил помертвевшими, сухими губами. Мысли рвались, путались. Не в силах сдержать страшную боль, Градов со стоном повалился на бок. Загремев, упала телефонная трубка, свалился графин с водой. Не разбившись, он выплескивал из горлышка мутноватую воду. Поблещими глазами Градов видел, как расплывалось на ковровой дорожке темное пятно. Откуда-то в сознание проникало: «Зачем вода? Зачем...»

Зловещая иссиня-черная туча, клубясь, выползла из-за увала. И сразу же заметались по дорогам выюнки — ветры. Закружилась пыль. Взметнулись кверху сухие былки, остатки прошлогодней соломы. Все это взвихрилось, разлетелось по сторонам, будто стая испуганных птиц. Внезапно тяжелый полог тучи вспороло стальное лезвие молнии, где-то около гор ухнуло и грозным рикошетом прогромыхало над самой головой. Вслед за громом из распоротой тучи выпал тугой, дымчатый невод. Он повис до самой земли, закрывая туманной пеленой горы, березовые колки и взлобки. Маринна Васильевна наглухо застегнула плащ. Подвязала легонький полушалок и ударила вожжой. Настороженно попрядав чуткими тонкими ушами, Стрелка недобольно фыркнула и, пригнув голову, рванулась навстречу ветру.

Уже все предгорье шумело и дымилось под ливнем. «Как же переберусь я через Кудренок?» — вспомнила

она вдруг о капризном ручье под Кушкой, который не раз за весну коварно отрезал дорогу от стана.

Стрелка вылетела на бугор и, резко сбавив бег, перешла на шаг. Внизу, в широком распадке, забелели домики центральной усадьбы. Марина Васильевна невольно залюбовалась поселком.

Прошлой весной (она была первой в летоисчислении совхоза) здесь стояло несколько больших палаток, а вокруг них — шалаши. Их было более двухсот. Но уже тогда угадывались по ним будущие черты совхозного поселка. Улицы в палаточном городке именовались по землячествам: Московская, Краснодарская, Киевская...

Градов с семьей жил в то время прямо в конторе — бараке. Нередко можно было видеть на его рабочем столе дымящуюся миску с борщом или гречневой кашей. Тут же стоял телефон, под толстым бемским стеклом — бу-мажки со сводками, календарными планами.

Часто за обедом директора заставлял требовательный звонок телефона. Не отрываясь от миски и не бросая ложки, Иван Иванович снимал трубку.

Теперь его домик сразу же за площадью Победы. Громко? Марина Васильевна улыбнулась. Может быть, и так. Но в тот день, когда закладывался парк на этом бывшем пустыре, совхоз одержал первую крупную свою победу, слав государству более двух миллионов пудов прекрасного зерна.

Не так уж и громко, если учесть, как трудно шли люди к своему первому большому успеху... Ведь все сделано своими руками. Вот она, эта площадь Победы. Марина Васильевна, совсем позабыв о надвигающемся дожде, с восхищением смотрела на хорошо заметные уже зеленые шапки молодых тополей, разлиновавших широкую площадь в центре поселка.

— Площадь первой победы,— прошептала Марина.— Они еще будут... большие, настоящие победы. Ведь еще все впереди!

Сойдя осторожно со ската, Стрелка устремилась к мосту, переброшенному через небольшой ручей. У самого моста Марина догнала веселую стайку девушек. Они бросились в разные стороны, будто рассыпался букет полевых цветов. «Из Озерок,— подумала Марина.— На ба-ян идут, к ребятам...» Под колесами ходка прогремывал

ка на виске. И вдруг, болезненно морщась, он схватился за грудь. — Да, да! — крикнул он. В ушах забили колокола. Из трубки доносилось:

— Ага. Так и запишем... Долгов! — крикнула трубка. «Долгов — секретарь райисполкома», — подумал Градов, борясь с приступом. — Долгов! Сминусуй там в графе по совхозу 130 гектаров кукурузы. А в объяснительной напиши: ввиду бесхозяйственного отношения руководителей совхоза к посеву кукурузы последняя не возшла. Райисполком принимает меры...

И — в трубку:

— Вот так, товарищ Градов... Вот так. Алло! Что вы молчите! — «Принимай... Принимай меры. Но какое ты имеешь право врать?» — Градову казалось, что он кричит в трубку. На самом деле он едва шевелил помертвевшими, сухими губами. Мысли рвались, путались. Не в силах сдержать страшную боль, Градов со стоном повалился на бок. Загремев, упала телефонная трубка, свалился графин с водой. Не разбившись, он выплескивал из горлышка мутноватую воду. Поблещими глазами Градов видел, как расплывалось на ковровой дорожке темное пятно. Откуда-то в сознание проникало: «Зачем вода? Зачем...»

Зловещая иссиня-черная туча, клубясь, выползла из-за увала. И сразу же заметались по дорогам выюнки — ветры. Закружилась пыль. Взметнулись кверху сухие былки, остатки прошлогодней соломы. Все это взвихрилось, разлетелось по сторонам, будто стая испуганных птиц. Внезапно тяжелый полог тучи вспороло стальное лезвие молнии, где-то около гор ухнуло и грозным рикошетом прогромыхало над самой головой. Вслед за громом из распоротой тучи выпал тугой, дымчатый невод. Он повис до самой земли, закрывая туманной пеленой горы, березовые колки и взлобки. Марина Васильевна наглухо застегнула плащ. Подвязала легонький полушалок и ударила вожжой. Настороженно попрядав чуткими тонкими ушами, Стрелка недовольно фыркнула и, пригнув голову, рванулась навстречу ветру.

Уже все предгорье шумело и дымилось под ливнем. «Как же переберусь я через Кудренок?» — вспомнила

она вдруг о капризном ручье под Кушкой, который не раз за весну коварно отрезал дорогу от стана.

Стрелка вылетела на бугор и, резко сбавив бег, перешла на шаг. Внизу, в широком распадке, забелели домики центральной усадьбы. Марина Васильевна невольно залюбовалась поселком.

Прошлой весной (она была первой в летоисчислении совхоза) здесь стояло несколько больших палаток, а вокруг них — шалаши. Их было более двухсот. Но уже тогда угадывались по ним будущие черты совхозного поселка. Улицы в палаточном городке именовались по землячествам: Московская, Краснодарская, Киевская...

Градов с семьей жил в то время прямо в конторе — бараке. Нередко можно было видеть на его рабочем столе дымящуюся миску с борщом или гречневой кашей. Тут же стоял телефон, под толстым бемским стеклом — бу-мажки со сводками, календарными планами.

Часто за обедом директора заставлял требовательный звонок телефона. Не отрываясь от миски и не бросая ложки, Иван Иванович снимал трубку.

Теперь его домик сразу же за площадью Победы. Громко? Марина Васильевна улыбнулась. Может быть, и так. Но в тот день, когда закладывался парк на этом бывшем пустыре, совхоз одержал первую крупную свою победу, сдав государству более двух миллионов пудов прекрасного зерна.

Не так уж и громко, если учесть, как трудно шли люди к своему первому большому успеху... Вель все сделано своими руками. Вот она, эта площадь Победы. Марина Васильевна, совсем позабыв о надвигающемся дожде, с восхищением смотрела на хорошо заметные уже зеленые шапки молодых тополей, разлиновавших широкую площадь в центре поселка.

— Площадь первой победы,— прошептала Марина.— Они еще будут... большие, настоящие победы. Ведь еще все впереди!

Сойдя осторожно со ската, Стрелка устремилась к мосту, переброшенному через небольшой ручей. У самого моста Марина догнала веселую стайку девушек. Они бросились в разные стороны, будто рассыпался букет полевых цветов. «Из Озерок,— подумала Марина.— На ба-
ян идут, к ребятам...» Под колесами ходка прогромыхал

настилом мост, и вдруг что-то забарабанило, заколотило все чаще и чаще по плащу, дороге. Вспузырился ручей... Дождь! Вот он где догнал!

Сзади раздались девичьи крики, смех. Марина Васильевна оглянулась: куда же скрылись девчата? Голоса слышались откуда-то снизу.

«Под мост забрались!» — догадалась она и погнала Стрелку к конторе.

ГЛАВА 5

Тугие струи дождя были так часты, что на какой-то миг перед Мариной Васильевной скрылся поселок, и ей показалось, что сидит она на полосе, в густой и высокой пшенице, сквозь заросли которой видны лишь где-то вверху крупные колосья, подернутые туманной дымкой. Стрелка, шлепая по воде, с трудом поднималась в гору. И вскоре вместо колосьев Марина Васильевна явственно различила молодые саженцы тополя, кудрявившиеся на крутой бровке увала. К мосту, по дороге, размывая песок и глину, устремились мутные потоки воды. Ливень был настолько сокрушительным, что Марину Васильевну в один миг вымочило с головы до ног. Вода бежала, булькая, всюду: в коробке, по плащу сзади. Марина Васильевна подумала, что еще немного — и она просто захлебнется в этом пенящемся, всесокрушающем потоке. Она подняла воротник плаща, закрыла лицо руками и сжалась комочком, откинувшись в угол плетеного коробка. Но что-то громко зачавкало рядом, раздался чей-то голос, и Стрелка, с трудом выскочив на гору, круто свернула вправо.

— Тпруу! — очнулась Марина.

— Не беспокойтесь! — услышала она рядом мягкий мужской голос. — Это ж стихия!

На облучок взобралась какая-то бесформенная глыба, взяла вожжи и погнала Стрелку по изрытой кочковатой дороге. Вскоре они остановились у какого-то строения.

«Да это ж кирпичный сарай! — догадалась Марина Васильевна. — Как быстро стемнело!»

Человек с облучка соскочил прямо в соседнюю лужу, чертыхнулся беззлобно и подал руку Марине Васильевне.

— Узнали? А я далеко заметил вас. Еще как к мосту не подъезжали. Все следил: догонит вас туча или нет. Догнала. Съехали вы на мост — и нет и нет. Ну, думаю, заporолись на взвозе... Быстрее, Марина Васильевна!

А Марине Васильевне было страшно пошевелиться.

Пошевелись — и сразу тебя охватит холод. Пересилив себя, она вскочила и вдруг ахнула: тысячи острых игл пронизали ее ноги.

— Я сейчас. Минутку... Ох, вот ведь, действительно, как бывает!

— Ноги? Отсидели, — понял неожиданный спаситель и, схватив Марину Васильевну в охапку, понес ее через лужи, ручьи, грязь. Марина Васильевна уперлась ему в грудь руками и тотчас же соскользнула на землю.

— Ну как вам не стыдно, Павел Николаевич? — сердито сказала она. Сердце ее учащенно билось. Совхозный прораб отошел к Стрелке и, взяв ее под уздцы, молча провел в темную пасть сарая. Марина посмотрела ему вслед и вдруг рассмеялась.

— Что вы стоите? — донесся из сарая сердитый голос. — Идите в дом!

* * *

...Они сидели у раскаленной докрасна железной печки в небольшой комнатке. От гостыи клубами валил пар. Она блаженно жмурила глаза. Разморило. Легла бы сейчас тут, свернулась калачиком и крепко-крепко уснула.

— Чему вы все улыбаетесь? — не глядя на гостью, спросил Павел. Он боялся смотреть на нее открытыми глазами. Да, боялся. Тогда станет все ясно, а ему страшно было признаться в своем чувстве к этой женщине.

— Я? — переспросила Марина Васильевна. — Просто блаженствую от этого райского тепла.

Павел вздохнул и стал шарить в тумбочке.

— Консервы будете есть?

— Как тогда? — спросила живо Марина Васильевна. Ветров встрепенулся.

— Тогда? Тогда они были мерзлые...

— Зато вкусные, вкусные! — воскликнула Марина Васильевна.

— Еще бы... Сутки просидеть в зародке... в такой бурянке... А ведь я... Я, Марина Васильевна...

— Марина, — поправила она его. — Идет?

У Павла обрадованно затрепетали ресницы.

— Ну, ну... Ты что-то хотел сказать?

— Ах, да. Ведь я до сих пор не могу забыть тот случай.

— Еще бы. Отстать от колонны. Заблудиться в бурянной степи и спастись. Это не забывается.

— Конечно... Только я не о том, — померк вдруг молодой прораб.

— О чем же?

— Те сутки для меня как... самая красивая... сказка! Честное слово!

— Хороша сказка! — засмеялась Марина Васильевна, но, встретившись с глазами Павла, смутилась, отвернулась.

...Это случилось минувшей зимой. Причарышскую степь полосовали свирепые ветры. Обледеневшую, местами потрескавшуюся землю перепоясывали грязные, зачерствевшие переметы, стыла, ломаясь, стерня. Деревни стояли черные, будто опаленные пороховым дымом, с ободранными стропилами крыш. А ветер все дул и дул, то сгоняя над степью тучи, обрушиваясь снегопадами и метелью, то разгоняя их, и тогда морозы доходили до пятидесяти градусов.

На далекую железнодорожную станцию Алейск прибыли в это время для совхоза машины, строительный материал, оборудование. Надо было срочно доставить груз в совхоз. Иван Иванович вызвал добровольцев.

В числе их была и Марина Васильевна. Поехали на тракторе вдвоем: тракторист, Павел и она. Уже далеко в степи что-то случилось с мотором. Впереди в сумерках наступившего вечера просматривались какие-то темные силуэты. Тракторная колонна уже скрылась за ними.

— Идите, чего мерзнуть, — сказал молодой тракторист. — Здесь должна быть деревня.

— А ты? — спросила Марина Васильевна.

— Я догоню вас.

Едва они отошли от трактора, как повалил густой снег. Ветер усилился. Брели наугад, на темневшие вдаль

предметы. Давно уже опустилась ночь, а они все шли и шли, срываясь с твердых и скользких, как камень, суметов. Набредли на один зарод соломы, потом на второй, и, когда поняли, что обманулись, что нет никакой деревни, усталость и какое-то безразличие сковали все тело. Хотелось упасть прямо в сумет и закрыть глаза. Павел Николаевич оказался очень деятельным и энергичным человеком. Он предложил устроить «квартиру» в соломе и тут же приступил к работе. В норе Марина согрелась и уснула, как убитая. Буран стих только к вечеру следующего дня. Выбравшись наружу, они обнаружили соседа, который так же, как и они, пятась, вылез из зарода. Это был тракторист.

— А тут ведь все нашинские! — сказал он и указал на соседние стога. Там, закуржавев, стояли тракторы.

Вскоре лагерь ожил, а еще через час — другой заработали машины.

Прошло много месяцев, а Марина Васильевна нет-нет да и вспоминала этот трудный рейс. В совхоз колонна вернулась через восемь дней, но груз был доставлен. Некоторые парни, как боевые раны, носили светлые марлевые повязки на лице и руках — следы «ледяного похода». А Павел на другой день уже командовал на своих объектах. Вспоминая о поездке, Марина Васильевна не раз тепло думала о нем.

...Павел стоял, растерявшись, с банкой рыбных консервов и не знал, как ему поступить с ней. Он достал с полки нож и снова засунул его туда.

— Кажется, стихло на улице? — посмотрела в окно Марина Васильевна. — А я, наверное, испарюсь! — она кивнула головой на пар, исходивший от ее одежды.

Павел поставил на тумбочку консервную банку. Потом схватил ее и снова полез за ножом.

— Льет всюю! — сказал он, мельком взглянув на черное окно с прямыми подтеками.

— А консервы у тебя тогда были вкусные-превкусные! — озорно блеснула глазами Марина.

Павел рассмеялся и воткнул, наконец, нож в крышку банки.

Марина Васильевна доверчиво глядела на него, ей было хорошо и уютно. Вырезав жестяной кружок, Павел поставил банку на печку и снова засуетился по комнате.

— Ты что?

— Да вроде бы на стол надо накрывать и не знаю что... Ни вилок, ни тарелок! — он развел руками. — Ложка — и та одна!

— Все, как у потомственного целинника!

— Вот именно, Марина, — грустно улыбнулся Павел и, заметив мелькнувшую за окном тень, озабоченно добавил:

— Не за мной ли? Ведь с Иваном Ивановичем — несчастье. Сердечный приступ... Совещание отложили.

Марина Васильевна вскочила.

— Как? И ты... Ты молчал? — выдохнула она и схватилась за плащ.

— Куда же вы? Куда, Марина? — переполошился Павел. — Отойдет старик. Врач говорила. Да и ночь ведь. Смотрите — пора лампу зажигать.

Марина быстро надела задубевший плащ и выскочила за дверь. В сенцах шарахнулся в сторону от нее какой-то парень. Он насмешливо бросил показавшемуся в дверях хозяину:

— Что это она, Павел Николаевич? — парень подмигнул вслед девушке и хохотнул знающе: — Ай-ай-яй!

Но тут же, кланув зубами, взмолился:

— Да вы что? Вы... Что за шутки?

Железная рука славилась ему горло.

— Смотри, Васька. Если бы другой — убил! — хрипло бросил Павел. Рука его дрожала. Глаза поблескивали. — Не из таких она... учти.

— Да отпусти, пожалуйста... Вот еще... дело мне тут. Да хоть какая — мне-то что? — парень сплюнул. — Схватил... Она ведь у тебя, силенка-то, немеренная...

— Ну, ну... Заходи, — мирно проговорил Павел и выскочил на улицу. — Подожди меня. Я быстро. Ты не сердись, Васек. Сгоряча я.

Дождь перестал, хотя с крыши сарая, по-прежнему звонко перекликаясь, падали многочисленные капли. Марина Васильевна вывела Стрелку, вскочила в холодный, мокрый коробок и без дороги по колдобинам и кочкам погнала ее к центру поселка. Она слышала, как где-то рядом, сзади нее, шумно шлепая по грязи и разбрызгивая по сторонам воду, торопливо шел Павел. Он что-то кричал ей, звал по имени, но она, не оглядываясь, стоя в коробке, нахлестывала вожжами, поторапливая Стрелку, которая упрямо не хотела бежать рысью. Она сердни-

лась, крутила хвостом, фыркала и вдруг совсем остановилась.

— Но! Но! вредная! Ну чего ты?

Стрелка топталась на месте, пригибала голову до самой земли, всхрапывала, и вдруг решительно стала пятиться назад, заламывая ходок.

— Тпрр! Тпрр! — вскрикнула испуганно Марина Васильевна, боясь перевернуться вместе с коробком. Сзади раздалось укоризненное:

— Ну, что вы право, честное слово... Куда заехали?

— А что?

— Что, что... Не сидится вам... Здесь же десятиметровая выемка. Глину берем... Вот было бы еще... — голос Павла, осуждающий, недовольный, прерывался тяжелыми выдохами. Видно, бег этот по глубокой грязи не легко дался ему.

— Дайте-ка сюда вожжи.

Марина Васильевна молча повиновалась. Павел взял вожжи, вскочил на беседку и круто завернул Стрелку влево.

Всю дорогу до самого домика директора они молчали. Марина Васильевна чувствовала себя неловко, но не решалась первой заговорить. Наконец, останавливая кобылу, Павел с отчаянием обронил:

— Ну, что я вам такого сделал, Марина Васильевна?

И как там, в его комнатушке, она поправила его:

— Марина.

Он обернулся. Пристально посмотрел на нее, потом соскочил на землю, взял в свои сильные руки и перенес на крыльцо.

— Ну вот... опять этот цирковой номер, — сказала она, хмурясь.

— Извините... Это я от переполненных чувств... Правда!

— С чего это они у тебя вдруг переполнились?

— Да вот вы же... вы тут виноваты.

— Ишь ты... Я же и виновата в его медвежьих ухватках.

— Да, Мариша... Ведь я — я сутками думаю о вас, Мариша! Павел приблизился к ней. Марина Васильевна запустила руку в его косматую шевелюру и, легонько оттолкнув от себя, тихо произнесла:

— Иди, Павел... иди, — она повернулась к двери.

— Марина! Марина Васильевна! — взволнованно проговорил Павел.

— Я ничего, ничего не скажу тебе, Павел... сейчас.

— Сейчас? Ну, а после? Потом? Завтра? Послезавтра?

— До свидания, Павел, — Марина Васильевна решительно толкнула дверь и, не оглядываясь, вошла в дом.

...Уже всходило солнце и над полями Чарыша плыл легкий, розоватый туман, когда Марина Васильевна покинула домик Градова. Проводить ее вышла жена Ивана Ивановича, тоже агроном, Елена Степановна, женщина хоть и не старая еще, но рыхлая, уставшая и так же, как муж ее, прибалливавшая.

Иван Иванович очнулся к полночи. Узнав Марину Васильевну, он слабо улыбнулся, протянул ей руку.

— Ну, как твоя поездка, егоза? Отвоевала сеялку?

— Отвоевала, Иван Иванович. Отвоевала. А вам нельзя говорить. Лежите. Отдыхайте.

— Хм. А вы мне баю-баюшки будете петь?

— Ваня! — укоризненно воскликнула Елена Степановна.

— Не стану, не стану... А дождь какой прошел! Благодать! Успели... Успели посеять.

Но дождь не радовал Марину Васильевну. Как он не нужен сейчас на Коловом мысу!

Иван Иванович закрыл глаза и вскоре заснул.

...Утро было свежее, бодрое. На небе ни облачка.

Марина Васильевна глубоко вздохнула и сбежала с крыльца.

— До свидания, Елена Степановна! Берегите нам директора!

— До свидания, милая. Спасибо тебе большое. Да разве его убережешь?

— А вы постарайтесь!

В окно кто-то забарабанил пальцем. Марина Васильевна увидела Ивана Ивановича. Он поманил ее к себе. Она забежала в дом.

— Ты отчет отдай Гусу, если он успел вернуться, а если нет — в канцелярию и поезжай.

— Все сделаю, — кивнула Марина Васильевна.

— Ну, смотри. Хочу верить, что победишь Коловый! Со стороны кирпичного завода показалась подвода. Марина Васильевна пошла ей навстречу.

Из ложин поднимался туман. Земля парила. Дорога была вязкой и тяжелой, и Марина Васильевна решила проехать на Кушку межой, по невысокой гривке, разделявшей пашни от причарышской поймы.

«Тут полегче будет, — подумала она, — целик, да и прямее. Быстрее на Коловый приеду». А на Коловый не терпелось попасть. Сегодня она всю ночь почти не сомкнула глаз, рисуя себе самые страшные картины о положении на кукурузной плантации после ливня.

Проезжая по старой колхозной земле, которая отошла к совхозу, Марина Васильевна остановила лошадь и выпрыгнула из ходка. Земля лежала черпая и оттого казалась пустынной и безжизненной. Марина Васильевна пошла по полосе, тщетно ища всходы магара и суданки, посеянные Гусом на всем этом громадном массиве старопашотных земель.

— Где же тут твоя система, товарищ ученый? — прошептала Марина. — И почему ты не составляешь акты на эту твою хваленую траву?

Всюду, куда ни ступала ее нога, из земли лезли острые клинышки пырея и других сорняков. Всходов культурных растений не было видно. Марина Васильевна с волнением окинула взглядом весь массив. «Пять тысяч... А ведь тут, наверное, не один год шумела пшеница... греча... — подумала она. — Двадцать пять процентов всего пахотного клина совхоза... Пять тысяч! И как все-таки пошли на это?»

Всю дорогу она уже не могла успокоиться. Всплыла картина недавних событий. Когда обсуждался план размещения посевов, она решительно воспротивилась отдать четверть земель совхоза, пусть они и старопашотные, под гусовские эксперименты. Но что могла поделать против его авторитета она, рядовой агроном отделения. Градов, наверное, про себя решил: меньше забот. Но он не мог не знать, что от такой щедрости страдает государство. А секретарь райкома Кожин? И секретарь хорошо понимает, куда это ведет, но тогда почему и он не воспротивился

и не отменил такое размещение посевов? Вспомнила и последнюю сессию райисполкома, перед севом, когда были приглашены все специалисты сельского хозяйства района. Запомнилось выступление главного агронома крайсельхозуправления Трещинского. Он был худой, длинный остроносый, этот агроном. Выцветшие глаза его были, казалось, равнодушны и безразличны ко всему на свете. Даже тогда, когда Трещинский с кем-нибудь спорил, он говорил вяло, упершись взглядом в какую-нибудь точку на стене, или занимался тем, что, подняв перед носом карандаш, вертел его и разглядывал со всех сторон, не переставая, однако, говорить. На этот раз его обидело и повергло в недоумение выступление председателя одного из колхозов Авдеева.

— Товарищи агрономы,— сказал Авдеев,— нельзя ли что-нибудь поумней для земли нашей придумать. Уж очень долго делает структуру почвы эта трава... будь она неладна. Как там по-ученому — не знаю, а вот уже десять лет, как ждем после нее урожая, и все — бог даст.

Трещинский поморщился. Его задел, видно, слова председателя.

— Ты вот, Авдеев, обижаешься на траву,— сказал он и поднял глаза к потолку.— А сколько за эти годы получил от государства за семена тех трав — не считал? Ты миллионы получил... Да-с, не один миллион. Ваш район, товарищи, образцовый, можно сказать, одно семеноводческое хозяйство. За семена вы отстроились и не копейки получаете на трудодни, как это еще есть, к сожалению, в других колхозах края, а десятки рублей... Что ж вам еще надо?

— Деньги получаем, а коров соломой, камышом да ветками кормим,— не унимался Авдеев.

— Не умеете кормить,— отпарировал Трещинский.— Надо завести зеленый конвейер. Надо учиться хозяйничать по науке. Отошли дедовские времена, когда жили по приметам да предсказаниям старух.

Слушая эти выступления, Марина Васильевна вспомнила почему-то свое детство... Небольшая деревенька в Поволжье. Пашни в колхозе не больше тысячи гектаров да и та не вся под зерновыми. Почти половину также занимали травы. Плохо, бедно жили колхозники.

Как-то ее родной дед, по прозвищу Бахчевик, остановил на дороге председателя колхоза и спрашивает:

— Ты вот что, Степаныч, вразуми меня, старого дурака: с каких это пор сорная трава стала улучшать землю?

— Какая сорная трава? — не понял председатель.

— Ну, эта, всякая, какую мы там сеем.

— Ты, дед, сушая контра. Какая ж то сорная трава, когда она по своей культуре благородная!

— Может, оно и так, — согласился с ним дед. — Только почему ж она озимую выгнала, а сама никакой прибавки плодородия не дает?

— Она делает структуру почвы. Это не враз... Надо знать Вильямса, дед.

— Да где ж мне его знать. Он, небось, в Москве?

— В Москве.

— Ну то-то ж... Ему, конечно, видней сверху-то, а вот у нас то ли глаза притупились, не вижу я в сусеках прибавки да и только, вот уж много лет не вижу!

Когда Марина подросла и поступила в сельскохозяйственный техникум, она дала себе слово разгадать секрет урожаяев. Но там было то же, что говорил председатель. «Основы земледелия» — святая святых преподавателей. Не лежало сердце Марины к этой «библии» агрономов. Не верила. Перед глазами вставало ее детство, ее маломощный колхоз. Приехала Марина в родное село через три года — и ахиула: не узнала хозяйства. Новый председатель, Иван Егорыч Слюдин, все повернул на свой лад и манер. Вместо трав — наливались в поле свекла, горох, бобы. Отступила пойма, отдавая свое богатство — торф — на колхозные поля. Нашел секрет урожаяев смелый и решительный хозяин. Урожай зерновых поднялись чуть ли не вдвое. Небывалые прежде удои стали давать коровы. Развели скороспелое животноводство — свиней. И людей не узнала Марина. Подняли головы люди. Добились они жизни, какой хотели...

И вот, слушая тогда выступление Трещинского, вспомнила Марина Васильевна про судьбу своего родного колхоза. Правда, все, что говорил Трещинский, не ново. После войны она училась в институте, потом работала в крупных хозяйствах — и всюду эта травопольная система. Работала, а в голове — родной колхоз и его новый взлет. Нет, не траву благодарили ее земляки!

Получив отделение, она впервые выступила открыто против узаконенных канонов ведения земледелия. И от-

воевала-таки Коловый мыс. Правда, всего немногим более сотни гектаров. Это шепотка по сравнению с тем, что засеял травой Гус, но ей бы с этого начать... А вдруг — все пойдет прахом?..

...Во время перерыва Марина Васильевна подошла к Кожину.

— Не кажется ли вам, товарищ Кожин, что... — начала она.

Он улыбнулся и перебил ее.

— Кажется... давно кажется, милая... и не мне одному. Тут вот в одном селе опытник был... Селезнев. Не слышали? Нет? Интересные, говорят, опыты были с пропашными. Убит на фронте, — он вздохнул. — Не я один... Не я... и люди давно думают... Да.

— Так что ж вы! Почему не отрешитесь от всего этого?

Кожин в задумчивости покачал головой.

— Не так-то это просто, товарищ Иноземцева. — Слышали — лучший район в крае. Образцовым считают в смысле насаждения этой системы. И надо сказать, мы, действительно, поработали с народом, чтоб доказать ее пользу. Всем партактивом учились «Основам земледелия» — и тут же вводили на практике.

— А слышали, что говорит Авдеев? Это он за всех председателей сказал... Я видела их лица...

— Да кто же знал? У кого было сомнение? Тот же Авдеев был ярым сторонником, особенно, когда за семена получил солидный куш.

— Ну, хорошо. Сейчас, вижу, и у вас сомнения. Почему?

— Животноводство. И урожай.

— Так выступите и откажитесь! — горячо воскликнула Марина Васильевна.

— А что взамен? Анархию насаждать? Кто во что горазд? Нет, милая, какая ни есть система, а она все-таки система... А потом, по нас остальных равняют... Хлеб мы исправно сдаем. Правда, не тянем с продуктивностью животноводства. Попробуем вводить «зеленку». Посмотрим на твою кукурузу, — он улыбнулся. — Отвоевала ведь?

— Отвоевала, — потупилась Марина Васильевна. Ей стала ясна линия райкома. Умный Кожин давно заметил, что травополка, которую они с такой настойчивостью внедряли во все хозяйства, которая испортила им немало крови, не оправдывает себя. Правда, она дала не-

малый доход хозяйствам. Семена трав вывозили отсюда в десятки районов края, но культуру земледелия она не подняла. Урожан зерновых остались на прежнем уровне. Чтобы увеличить валовой сбор зерна, припахали все пустующие земли, добрались до лугов. Под самые огороды вспахали. Курицу некуда выгнать, не говоря о скоте. Все лето держат его на пойме, в камышах и болотах. Опытный секретарь не видел перспективы в развитии животноводства. Стало очевидным, что травопольная система не разрешит этого вопроса. Где же выход? В последнем постановлении ЦК критикуется огульное внедрение травополки, но в нем не указан не только их, Журавлинский район, но даже и край. Остается ждать. Тем более, что такие известные агрономы, как Трещинский, и намека не делают на что-либо другое. Наоборот, когда Гус потребовал создать научный пункт по травосеянию, ему отдали старопашотные земли, отошедшие к совхозу. А их около пяти тысяч гектаров. Гус хочет размаха. И Трещинский поддержал и похвалил его...

Наверное, пока не стоит лезть в драку. Благо, что район хвалят за порядок на полях, ставят в пример другим.

Но смутно, смутно становится на душе секретаря. И чем дальше, тем хуже. Сомнение не уходит, а растет в душе, раздирает ее на части. А что предпринять? На что решиться?

Ждать...

— Ждать у моря погоды? — язвительно заметила тогда Марина Васильевна. Кожин дружески похлопал ее по плечу.

— Есть у украинцев хорошая пословица: «Не лизь в пэкло поперэд батька». Слышала? То-то...

«Умный человек, а видать, рисковать не собирается больше», — заключила про себя Марина Васильевна.

С тех пор секретаря она не видела. На весеннем севе на ее отделении он не был.

«Что он, боится меня, что ли?» — думала Марина Васильевна.

...Марина Васильевна поехала межой и пожалела: многочисленные ложки, наполненные сейчас водой, сделали дорогу непроезжей. Пришлось немало поколесить, прежде чем увидела она издали знакомые строения. Под самой Кушкой выехала на главную дорогу, и тут до нее

донесся глухой рокот. Это, видно, бушевал Кудренок. Она насторожилась. Что бы это могло быть? Прислушиваясь к шуму, Стрелка пугливо поспрадала чуткими ушами.

Около дороги по бровке зеленела трава. Кое-где на крохотных незапаханных огрехах у края полосы цвели медунки, быстро шли в рост осот и молочай.

Критическим взглядом осмотрела Марина поля своего отделения. Они были разлинованы светло-зелеными рядками всходов. Кое-где на склонах увалов видны были наплывы размытого вчерашним ливнем суглинка. «Хороши будут хлеба,— подумала Марина Васильевна.— Теперь бы кукурузе помочь выправиться... А что там на Коловом? Может, и помогать-то нечему?»

Тревога холодной льдинкой упала на сердце и долго не таяла.

Скорей, скорей на Коловый!

Из-за крутого пригорка вынырнул навстречу «газик». Он шел тяжело, виляя, точно пьяный, по сырой дороге. Во все стороны летели ошметки грязи. «Газик» был директорский. «Гус,— догадалась Марина Васильевна.— Ливень прихватил, наверное, на Кушке... и все сидел, не проедешь...»

Уступая дорогу, Марина Васильевна свернула вправо, на пологий скат кювета. Машина поравнялась и, взревев мотором, сбавила газ. Обляпанный грязью до самых очков, Гус тяжело вылез из нее.

— Ну и грязюка, скажу вам,— весело произнес он и, сняв очки, стал протирать их, близоруко шурясь на солнце.— Ну, дорожка! Замотался до самых печенок. Хорошо хоть ваши девушки накормили,— он надел очки и подошел к ходу.— А кукуруза ваша того... приказала долго жить! — глаза Гуса весело поблескивали за стеклами очков, будто сообщал он радостную весть.

— Правда? — нарочито спокойным тоном воскликнула Марина Васильевна, хотя все в груди ее похолодело.

— Представьте себе!

— Я вас тоже поздравляю с тем же... Магар ваш и суданка того... предоставили право орудовать овсюгу и пырею. Да так здорово, что залюбуешься.

Гус помрачнел. Снова схватился за очки, нервно протер их грязным платком.

— Магар и суданка еще покажут себя.

— Возможно,— бодро откликнулась Марина Василь-

евна. — Правда, пока во всей своей красоте показывают себя сорняки... Но будем оптимистами!

— Академик Вильямс и многолетние опыты доказывают, — начал было Гус, но Марина вежливо перебила его:

— Простите... Я спешу. До свидания!

— До свидания... да, да, — замахал он руками, — актик надо подписать вам. — Вы знакомилась с ним в конторе?

— К сожалению, не было времени. И вообще, я не советую вам торопиться раньше времени со списанием.

Гус покачал головой.

— Ненправимый оптимист, — вздохнул он. — Но кукуруза ваша в Чарыше плавает. Ей богу! Ершей кормит.

Марина Васильевна сжалась, как от удара, и молча рванула вожжой.

Шум не обманул. Едва Марина Васильевна перевалила за последний увал, как он обрушился на нее со всех сторон.

— Вот тебе и Кудренок! — она в замешательстве остановила лошадь. В овраге бушевал ручей. В это время на другом берегу из густых зарослей сухой полыни показался человек. И тут только Марина Васильевна увидела легкий дымок и небольшой костер.

— Здравствуйте, Марина Васильевна! А мы всю ночь костер поддерживали.

— Дуся! — узнала девушку Марина. — Что вы тут придумали?

— Караулим.

— Кого?

— Да вас же! Кого еще.

— Что ж я дороги не знаю, что ли? — сказала Марина Васильевна, но в душе с благодарностью подумала: «Милые мои, заботливые девчонки». — Разве я могу заблудиться?

— Не ручайтесь. Тут такое было! — Она махнула рукой. — Всемирный потоп был.

Марина Васильевна рассмеялась.

— А вы не смейтесь. Где брод, знаете?

Марина Васильевна вгляделась в поток и нерешительно указала на дорогу:

— По-моему, так и надо держаться Прямо дорогой.

— Ну и ворветесь в ямину. Все повывертело, как ко-

ловоротом... Мы тут измерили,— Дуся взяла палку и, сбросив сапоги, полезла в воду повыше дороги.

— Сюда правьте. Становитесь в коробок и понукайте.

Марина Васильевна так и сделала, но Стрелка заупрямилась и никак не хотела идти в бурный поток.

— Пойдите! — Дуся в три прыжка перескочила речушку и схватила строптивую лошадь под уздцы.

— Поехали!

Перебравшись через Кудренок, Дуся вскочила в ходок и начала рассказывать.

— Только начался ливень, Гус вернулся с Колового. Потирает руки. Смеется. «Натворили,— говорит,— вы тут со своей «кукурузой». Ухлопали семена и труд». У нас глаза на лоб. Да чему он рад-то? Илька собрал ребят и прямо туда. Мы их отговариваем, а они даже не оглянулись. До сего времени нет их. Что они там делают? Неизвестно. Время-то уже обеденное! Неужели так и конец нашим хлопотам?

— Ну, это мы еще посмотрим, Дуся. Посмотрим. Рано поет панихиду Гус. Рано. Лишь бы действительно не размыло всю. Лишь бы удержалась.

ГЛАВА

Это была тревожная ночь на Верховинке. Дождь лил и лил. Старая крыша сеновала, где устроились на ночь кушкинские парни, протекала. Где-то внизу бушевали дождевые ручьи. Серафим, укрывшись плащ-палаткой от комаров, долго ворочался и не мог уснуть. Не спали и Илья с Лешкой. Они нет-нет да и перебрасывались одним-двумя словами. Серафим прислушался. Жарким шепотом Илья говорил:

— Я читал про белорусских партизан и подпольщиков. Может, и про Марину Васильевну читал, так если бы знать, а то ведь хоть убей — ни одной фамилии не запомнил.

«Что такое? — насторожился Серафим. — Марина Васильевна?» — он прислушался.

— И я читал, — сказал Лешка. — Вот в Могилеве была одна... Офицеров немецких за нос водила.

— Но та, должно быть, взрослая была, а ведь Марине Васильевне от силы пятнадцать было, — усомнился Илья.

— Может, конечно, и не она, а другая, — согласился Лешка. — Но здорово тоже! Идет с oberом под ручку к Днепру. Идет, смеется, улыбки ему строит, а тот и раскис, а в это время из-под яра двое партизан... «Хальт, чертова душа!» И хлоп его по башке — он и с копылков.

— Молодец... Эх, нам вот не пришлось. Я б их, гадов, крошил, как капусту! — вздохнул Илья.

Серафим неосторожно повернулся. Сено зашуршало. Ребята умолкли. Удивительная новость ошарашила его. Спать он уже не мог. Он должен все выяснить. Ведь это

чертовски интересно. Серафим громко зевнул и сказал безразличным тоном.

— Я все слышал про Марину Васильевну.

— Слышал? — оживились ребята. — Ты будь осторожен, Серафим. Может, все это вранье?

Серафим пошел на хитрость.

— Могут часть и приврать. Вы-то что слышали? — Ильяка рассказал все, что они узнали из разговора с девочатами. — Ну, вот. То же самое и мне говорили на Центральной. Все, видно, так и есть...

— Что ж ты молчал? — возмутился Лешка.

— Стану я трепать языком. А вдруг действительно вранье?

— Это, конечно... А ты, Серафим, молодец. Знал и помалкивал. В серьезных вещах надо уметь держать язык за зубами, — сказал Ильяка.

Серафим улыбнулся про себя и стал думать о том, что узнал от ребят. Вот это новость. Пятнадцать лет — и подпольщица.

— А если попросить ее рассказать, а? — неожиданно сказал он вслух.

— Что ж, — встрепенулся Ильяка. — Настроить девченок — вот тебе и мероприятие: воспоминания подпольщицы. Здорово?

— Здорово! — в один голос подтвердили Лешка и Серафим.

— Так и запишем, — сказал Ильяка. — Ну, а теперь спать!

Вскочил Серафим от какой-то таинственной тишины. Продрал глаза. В открытую дверь чердака светило яркое солнце. Ни Ильки, ни Лешки на сеновале не было. Рядом с Серафимом пустовали две глубокие норы, проделанные в сене. На лестнице Серафим присел и зажмурился. В лицо дохнуло паром, который шел от земли. Где-то журчали ручьи. Серафим посмотрел в сторону Колового мыса и сразу же увидел ребят. Они стояли на увальчике и смотрели в сторону кукурузной плантации. Серафим тоже обратил внимание на нее. Удивило поле, оно было почему-то серым, будто покрыл его асфальтом кто-то за одну ненастную ночь. Серафим слез на землю и столкнулся со стариком. Он был сутуловат, но кряжист, с широкими крутыми плечами, огненно-рыжей бородой и молодыми глазами. Когда Серафим подошел к нему, он смотрел на

Коловий мыс и, чему-то радуясь, одобрительно кричал и тихо посмеивался. Увидев Серафима, он удивленно шевельнул лохматыми бровями, не теряя еще веселого задора в глазах, но в следующее мгновение на Серафима уже глядели глаза, полные заботы и даже тревоги.

— Оттуда? — спросил старик и кивнул в сторону кукурузной плантации. Серафим догадался, что имеет в виду старик.

— Да, из совхоза, — подтвердил Серафим.

Старик покачал головой и, ничего не сказав больше, пошел своей дорогой. Серафим посмотрел ему вслед. Чем-то недобрым повеяло на него от старика. «Чему он так радовался? — подумал он. — Недоброжелатель?»

...По отлогому склону от Верховинки прямо на Коловий мыс бежало несколько ручьев. Не встречая препятствий на своем пути, они устремлялись на поле, растекаясь по нему жилками в разные стороны. Потом эти жилки исчезали, оставляя на поверхности земли сероватые пятна.

Лешка, глотнув слюну, мрачно сказал:

— Заболачивает.

— Наносы, — согласно кивнул головой Илька. — Если б это были наносы Нила. Помнишь? — он вприщур посмотрел на подходившего Серафима.

— А эти... вредны? — он указал на серые полоски.

— Песок. Вот в чем дело, — нахмурился Лешка.

Серафим беспомощно огляделся и вдруг обрадованно воскликнул:

— Едет Марина Васильевна! Она-то разберется. Я уверен — она придумает.

Лешка скептически поджал тонкие губы:

— Что можно придумать, когда по полосе пешком не пройдешь? Утонешь по колено, — сказал и выжидательно посмотрел на Ильку. Илька мучительно морщил лоб, кусал губы. Уже позднее до него дошли слова, сказанные Серафимом о Марине Васильевне. Он встрепенулся. Блеснул неожиданно улыбкой и, посмотрев на дорогу, решительно махнул рукой.

— Ну, это мы еще посмотрим! Пошли!

Ребята заинтересованно переглянулись и потянулись за Илькой навстречу Марине Васильевне.

Марина Васильевна окинула плантацию пристальным взглядом, и в сердце ее что-то дрогнуло.

— Неужели,— упавшим голосом произнесла она.

— Точно, Марина Васильевна,— подхватил Илька почти весело.

Марина с укоризной посмотрела на него и покачала головой.

— Чистый пливун,— продолжал Илька.— Загонять трактор сейчас — гиблое дело.

— Сама вижу. Чему же ты радуешься?

Илька обиженно вытянул губы.

— Я не радуюсь. Просто я вижу выход.

— Говори,— попросила Иноземцева.

— Дождь такой, видно, еще здесь будет. Вообще у гор, говорят старожилы, засуха — редкое явление.

— Предположим,— кивнула Марина.

— Так. Значит, нам надо уберечь поле от этих ручьев, которые бегут с Верховинки. Не так ли?

— Допустим, так.

— Следовательно,— торжественно заключил Илька,— вопрос в том, как это сделать.

— Илька! — взмолилась Марина.

— Хорошо. Хорошо. Округляю: надо у кромки плантации, вот здесь, под увалом, проделать канаву или глубокую борозду. Прямо туда, к Чарышу, к кустам.

Марина подумала и решила, что эта мысль стоит внимания. Лешка горячо поддержал Ильку.

— Земля-то здесь, Марина Васильевна, будто масляная. Стоит потрудиться.

— А что ты скажешь, Серафим? — обратилась Марина к Подгорному. Тот опустил глаза. Потом поднял их на Иноземцеву:

— Думаю, что это дельно,— сказал и вспыхнул. Никогда так с ним не советовались, и ему на миг почудился в голосе Марины Васильевны скрытый смехок. Но она серьезно посмотрела ему в лицо и так же по-деловому потрянула головой.

— Значит, решено,— сказала она.— Подождем день, другой, пока не подсохнет полоса.

Тут же Марина распорядилась, чтобы Илька и Лешка ехали на второе отделение за сеялкой.

— Ночью быть дома,— наказала она.— С утра будем рыть по бровке канаву. Я думаю, неглубокие можно сделать и поперек поля. Влаги тут больше чем достаточно. Итак, за работу!

Стояли теплые дни. После ливня долго еще парила земля, заволакиваясь вечерами и утрами зыбкими туманами. Потом туман расползлся по горным ущельям, оседал в ложках и балках, смачивая травы, и на небе весь день сияло яркое солнце.

Совсем еще недавно с весны до осени шумели в этой предгорной степи дикие травы. Маячил белым пышным султаном ковыль на взлобках, на склонах балок засыхала клубника, по низинам, сырым и топким, распускала свои шершавые ладони, раскручиваясь из листа в дудку, «зачья капуста».

А там, у Чарыша, на ровном месте шумел пырей, горели шапки «татарника», обвивала тонкие березки повилка.

В жаркий полдень над степью парили кобчики. Прятались в густой траве выводки куропаток. Утопая в густом багульнике, неторопливо скакали чуткие козы, пробираясь к солонцам. Благодатный край.

И вот пришли и осели здесь, прямо на голой дикой степи, люди. Они по-хозяйски размерили землю, определили свои опорные пункты и смело повели наступление. Острые и сильные бульдозеры, вспарывая верхний слой земли, проделали дороги. Не сдавалась земля, не признавала новых хозяев. Дороги после дождя засасывали в грязь машины, топили ходки и телеги. Крепкие отвалы целины мертвой хваткой тысяч корней цеплялись за землю, не давая ее мельчить... Арматура — не пласт! А человек пускал по нему диски, полосовал ножами, бросал на него тяжелые сцепки железных борон. Раздирая корни, прыгали они с яростью от борозды к борозде, от отвала к отвалу, мочалая, теребя, разрывая в клочья литые пласты целины. И вот всюду, куда ни кинь взгляд, чернели теперь поля.

Но все еще сопротивлялась земля. Сверху ударили весенние заморозки, и долго держала она принятые зерна, не давая им расти. Но они оказались такими же упря-

мыми, как и эти напористые незванные пришельцы. Еще подувал «сиверок», еще до полудня в низинках звенела корочка приморозка, а уже на пригорках, прокалывая землю, показались первые всходы. Прошли благодатные, теплые дожди, прогремели первые грозы, и зазеленели поля, зазвучали навстречу теплу весенние мелодии жаворонков. И сдаться бы этой упрямой целине, так нет — на кукурузу обрушилась.

— Нет, не так-то просто тягаться с нами... Не так-то просто, — шептала Маринна Васильевна, покрасневшая, возбужденная. Много у нас сейчас важных дел, но кукуруза — главная забота. В руках ее лопата с длинным черенком. Такие же лопаты у девочек и парней. Илья, протянув трактором глубокую борозду, скрылся где-то в прибрежном кустарнике. От Колового мыса видны плесы Чарыша. В этом месте он образует луку и стремительно бежит к Оби, неся по обеим берегам густые заросли черемухи и калины. Жарко. Марина Васильевна снимает с головы платок и вытирает лицо. Она в паре с Дусей. Проворная девушка, быстро орудуя лопатой, легко продвигалась по канаве, выравнивая ее бока, очищая дно от взрыхленной плугом земли. Метров за десять от них, впереди, дружно взмахивали блестящими точно от полуды лопатами Соня и Люба. А еще дальше — Серафим с Лешкой... Вся Кушкинская застава вышла на бой. «А ведь и правда, будто застава, — подумала Маринна Васильевна. — На самом отдаленном участке совхоза расположились».

Ее не покидало хорошее настроение. Работа спорилась в молодых руках, и это радовало. Ведь она, кажется, нашла выход из безнадежного положения. Ей уже чудился шелестящий плес зеленой рощи, которая скоро зашумит на Коловом. Виноватый взгляд Гуса и откровенно-радостный — Ивана Ивановича, когда они, не веря своим глазам, пойдут по кукурузной плантации, скрываясь в ней с головой...

В этом месте ее мысли были прерваны насмешливо удивленным возгласом:

— Это что? Никак траншею копаете?

Марина Васильевна, вздрогнув, выпрямилась. Прямо перед ней на гребне Верховинки стоял, помахивая кепкой, взопревший от жары Паршуков. Он был в вышитой рубаше, перепоясанной крученым белым поясом с не-

большой разлохмаченной кисточкой на левом боку. Вид его был праздничный, добродушный.

— Здравствуй, управляющий! Иль чего добываете? — хмуроватые глаза его излучали насмешку.

— Ага, — вздохнула Марина Васильевна.

— Скажи на милость! Мы столько лет жили тут и не знали про клады.

— Плохо, значит, смотрели.

— Да, ничего не скажешь. Глазастый вы народ, Марина Васильевна.

— Не обижаемся.

— Ну, ну. — Председатель колхоза помолчал, посмотрел в сторону Чарыша и уже озабоченно сказал: — Смотрите, утопит там на луке трактор-то. Затискается в прову. И чего понесло его туда?

Марина Васильевна посмотрела в сторону реки и ничего не ответила. Только заметила Дуся, как тень беспокойства скользнула по ее лицу.

— Не затискается, — сказала она вместо нее. — Он у нас самый глазастый.

Паршуков, сделав вид, что не слышит, серьезно спросил:

— Небось, и поперек пройдетесь?

— Пройдемся.

— Ушлая же ты, Марина Васильевна, — весело вздохнул Паршуков. — Два зайца хочешь зараз убить: и от скота уберечь «кукурузу» и от мокрени сберечь. Ушлая!

— Вот уж о скоте не думала. Небось, не допустите сами потравы. А от мокрени — отгадали, Сидор Петрович. Думаю отстоять Коловый.

Паршуков промолчал. Покачал недоверчиво головой и, пожевав губами, он постоял еще немного и пошел на ферму.

Разговор с председателем колхоза задел как-то Марину Васильевну. Она хорошо поняла его. Знала, что он сильный хозяин и, как многие люди такого склада, нетороплив в своих решениях, прижимист и хитроват. «Неужели, — думала она, — осудил мою затею? А, действительно, не выглядит ли это все со стороны детской забавой?» Беспокойство закралось в сердце. А тут еще этот Илька. Где он там запропастился на этой луке? Не попал ли и впрямь в болото?

Ильку задержали непредвиденные обстоятельства. На выезде с полосы он вовремя заметил топкую низинку, изуродованную небольшими кочками. Между кочек поблескивала вода. Илья остановил трактор и стал соображать, как лучше обойти ее. Взгляд его случайно упал на косогор. Там, под кустом боярки, сидел мальчишка в большой не по росту телогрейке, старенькой шапчонке и босиком. Он хмуро смотрел на тракториста, сбивая тонким ивовым прутиком какие-то желтые цветы. Илья весело подмигнул ему и крикнул:

— Здорово!

Мальчик еще больше нахмурился, но откликнулся.

— Здорово.

— Ты откуда взялся?

— Да все оттуда же.

— А-а,— кивнул Илья и, словно не замечая недружелюбного тона мальчика, продолжал:

— Тут, брат, чуть не затискался с машиной.

— Здесь запросто,— согласился мальчик и деловито высморкался.— Да тут объехать-то пустое дело.

Илья встал на гусеницу и внимательно осмотрел кусты.

— Пожалуй, так,— решил он.— А ты что здесь делаешь?

— Пасу... Ясно дело.

И тут Илья увидел на втором склоне Верховинки отару.

— Чабан, значит?

— Значит, так,— буркнул мальчишка и вдруг, загоревшись, спросил: — а это у тебя ДТ?

— ДТ.

— Мировецкая машина. А в наших Озерках пока «Натики»,— мальчик вздохнул.

Что-то потянуло Илью к этому мальцу. И через минуту он уже знал, что зовут его Колькой и что пасет он за деда, а сам он совсем из другой деревни, из Озерок, а совсем не хайрюзовский. Сегодня с самого утра куда-то запропастилась бусая суягная овца. А он не нашел ее, теперь жди нагоняя от деда.

— Он не любит рассусоливать,— сказал в заключение Колька.— Хоть и в передовиках ходит, все равно луп-

повку может задать немилосердную. Он за поголовье стоит.— Слово «поголовье» Колька выделил, подражая кому-то из взрослых. Ильяка улыбнулся. Определенно нравился ему пастушок.

— А ты шибко-то не поддавайся ему,— посоветовал Ильяка.— Отпор давай.

— Да-а. Хорошо тебе говорить. Ты — вольная птаха, целинщик.— Колька встал, посмотрел на Ильяку и молча пошел за косогор. Там, где-то у самого подножья гор, чернела стоянка.

Ильяка посмотрел ему вслед и полез в кабину. Ему было жаль мальчишку, и мысленно он решил обязательно побывать на его стоянке. «Сирота, небось, а дедок и рад поэксплуатировать его»,— подумал Ильяка, выезжая на лужайку. Он уже объехал самое подозрительное место и начал подниматься в гору, как вдруг правой гусеницей стал проваливаться и клониться на бок.

Соскочив с машины, Ильяка обнаружил небольшой овражек.

— Промоина! — со злостью сплюнул Ильяка.— Эх, зевака! — Он огляделся по сторонам, ища какую-нибудь колодину, чтобы столкнуть ее в яму. Но ничего подходящего не попадалось на глаза. Случайно он обратил внимание на старое остожье. «Приволюку сена и забью ямину, а сверху земли накидаю»,— решил он и подошел к остожью. Еще издали увидел он какое-то живое существо, падавшее и снова поднимавшееся на сене.

«Кто это? — подумал он и поднял на всякий случай палку.— Может, барсучонок... Вот бы оглаушить его. а может, лиса». — Он стал красться, прячась за кустами боярки и черемухи. Выскочив на полянку и быстро перебежав ее, Ильяка уже взмахнул палкой и хотел ударить ею, но рука повисла в воздухе и пальцы сами собой разжались: в остожье лежала овца и тяжело стонала. А рядом, спотыкаясь на слабых ножках, ходил и жалобно блеял мокрый еще ягненок. Ильяка подскочил ближе. Овца приподняла голову и снова бессильно опустила ее. В глазах ее, больших, круглых, застыли боль и мука. Ильяка растерянно огляделся и вдруг заметил голову второго ягненка. «Не может разродиться!» — мелькнула догадка, и что-то похожее на стыд обожгло Ильяку. Почему-то в этот миг встало перед ним лицо Кольки. Вспомнил:

«Хорошо тебе говорить... ты вольная птица, а дед... он не прощает...» И тут только Ильяка заметил, что овца была какой-то дымчатой масти.

— Бусая... Это она, Колькина потеря,— догадался он.— Так что же делать? Что? — шептал растерянно.— Вот бы Марине Васильевне сказать. Да когда же теперь? Пока сбегает — подохнет овечка. Хоть бы никто не увидел из наших,— он снова огляделся по сторонам, засучил рукава и решительно шагнул к овце... Через несколько минут, вспотевший от напряжения, с радостно бьющимся сердцем Ильяка побежал назад. Не останавливаясь у трактора, он подбежал к ручью, всполоснул руки и, вытирая их о брюки, выскочил на косогор.

— Ко-олька! — закричал он.

Прислушался и снова крикнул, сложив ладони трубой:

— Колька!

И вдруг совсем рядом из-за куста раздался спокойный Колькин голос:

— Ну, чего ты орешь?

— Колька! Коля! — бросился к нему Ильяка.— Пойдем... Пойдем, друг. Не одну, а сразу три бусых овцы я нашел тебе!

— Врешь! — не поверил пастушок, но глаза его радостно заблестели.— Двойняшки?

— Пошли. Пошли скорее! — и Ильяка увлек его к старому заброшенному остою.

* *
*

Девушки с Верховинки сгрудились на самой гривке и о чем-то спорили. Одну из них Серафим узнал по голосу. Это была она, с грустными, серьезными глазами, агитатор и учетчик фермы Лена Селезнева. О чем это они спорят? Серафим, расчищая канаву, напряженно слушал. Говорили горячо и сбивчиво, особенно та непоседа с пышными золотистыми волосами — Фрося. «За кого-то заступается», — догадался по отдельным словам, долетавшим до него, Серафим. Лена резонно и, как всегда, спокойно ответила:

— Ей дороже свой курятник? Ну и пусть идет к нему. Это даже лучше. Теперь я хоть буду знать, к чему у нее больше душа лежит...

— Эх, Ленка! — вздохнула покорно Фрося. — Он и у тебя свой, курятник. Скажешь, нет?

— Есть, что же тут такого? Зато сердце не закрываю в него и не сажусь раньше времени на насест, как не-сушка.

— Опять же ты, — сказала Фрося, и они вместе сбегали вниз.

Серафим быстро орудовал лопатой, почти не разгибаясь, и вздрогнул, когда услышал вдруг сбоку:

— Здравствуйте! На подмогу к вам. Давайте смену!

Серафим выпрямился и встретился глазами с Леной. Она со спокойным любопытством смотрела на него. Серафим поплевал на руки, в шутку бросил:

— Еще сам не размялся, как следует.

Лена подошла ближе, присела над канавой и, не поверив, покачала головой. Потом вдруг заговорщическим тоном спросила:

— А вы не скажете, что означают слова: «Персона нон грата»? Это по части дипломатии. Может, встречали такое выражение?

Серафим удивленно вскинул брови:

— А зачем это вам, Лена?

— Да как же! А вдруг спросят? Меня об всем девчонки наши спрашивают. Я же агитатор... И вообще. Интересное какое-то, звучное выражение.

— К сожалению, Лена, я не из дипломатического корпуса.

Лена грустно вздохнула.

— А, между прочим, это означает, — добавил Серафим, — что дипломат не угоден той стране, куда он послан своим правительством. Короче говоря, в переводе на русский язык это выражение означает: «Катись к чертовой бабушке от нас... Мы не желаем тебя видеть на нашей земле».

— Интересно, — восхищенными глазами уставилась Лена на Серафима. — Сколько на свете интересных вещей. Или вот взять слова: «Аллегро»... «Сольфеджио»... Правда, загадочно?

— Это вы... интересная, — усмехнулся Серафим, избегая открытого, доверчивого взгляда этой привлекательной девушки. Лена озабоченно посмотрела в поле. И уже совершенно серьезно сказала:

— А как же. Иначе зачем же и жить? Я вот сговорил

ла девчонок, нынче на заочное отделение в техникум будем поступать... Да вот трусим экзаменов. Вы, небось, все уже оформились? Да вам легче... Вы — целинники. Ой, заболталась с вами, а Фрося уже работает с девчонками вашими... Я сейчас поищу лопату во дворе. — Она вспорхнула и убежала.

«И откуда у нее что берется? — подумал Серафим. — До всего ей дело... Вот помощь организовала. Хотя, наверное, своей работы полно. И почему-то завидует нам, будто мы на привилегированном положении».

— Ты что красный такой? — услышал он голос Лешки. — С натуги?

— Ага.

— Смотри, не наживи несчастья. Ты вот скажи, верное наше дело или нет?

— Какое дело? — Не поднимая головы и продолжая работать, глухо спросил Серафим.

— Ну вот эти канавы для стока воды?

— Думаю, правильно.

Лешка поиграл лопатой.

— Видишь ли, тогда надо и поперек бороздить.

— Ну и правильно. Марина Васильевна говорила «усы-суваки» проделаем.

— Усы... пожалуй, да, — сказал Лешка и замолчал.

На противоположном конце полосы зарокотал мотор и все, как по команде, обернулись. Ехал Илья. Сейчас он прицепит бороны. Нужно взрыхлить корку. Где это он так долго пропадал? Именно об этом и спросила его Марина Васильевна, перебежав поле.

Илья отвел глаза в сторону и ничего не ответил.

— Цепляй бороны, Илья. Раздумала я «усы» делать.

Илья выжидающе посмотрел на нее.

— Видишь ли, кукурузе только дать закрепиться. С влагой она и сама справится. Канавы нужны. Она спасет ее от размыва... А тут, на полосе, она сама скамандует.

На другой день с утра стали подсеивать кукурузу. Упавившись к обеду с Коловым мысом, переехали на Кушку, к Кудрепку. Там на второй плантации решили досеять остатки семян. «Хуже не будет», — решила Марина.

ГЛАВА

В сиреневой косынке, в красном джемпере Марина Васильевна стоит на пригорке и смотрит, как идет посев. Илька ей приказал не сходить с пригорка, пока не кончит клетку.

«Хороший ориентир — красная кофточка. А вы уж для пользы дела не обижайтесь, что за манекен послужите»... Ох, этот Илька: охрип, грязный, как черт, одни глаза блестят, а трактор никому не уступает. В третью смену агрегат идет... Вот пошла к нему Соня. Уговорит или нет? Соня остановила машину и замахала энергично руками. Илька не сдавался. Наконец, показался из кабины. Медленно занес ногу на гусеницу и спрыгнул на пахоту.

— Уговорила... Молодец Соня.

Под вечер со стороны Верховинской колхозной фермы донесся гул машин. Марина Васильевна вгляделась. От Хайрюзовки на верхнюю дорогу с тракта свернула колонна автомашин. Тяжело взывая, шли они на подъем. У самой подошвы Сторожевой сопки они вытянулись в ленту и запылили. «Вырвались на ровную дорогу, — подумала она. — Чья же это колонна блудит стороной от тракта?» Сосредоточившись на посеве, Марина Васильевна совсем забыла об этой колонне, если бы не Серафим.

...Кукурузу к сеялке носили в небольших мешках. Вот с очередным рейсом возвратился Серафим. Он бросил мешок у ног Марины Васильевны и рукавом вытер вспотевшее лицо. — Последний. — Помолчав, добавил: — А к нам гости, — сказал будто между прочим, тяжело дыша.

— Кто же? — удивилась Марина Васильевна.

— Да, говорят, новый инженер с колонной.

Марина посмотрела в сторону Кушки. Там, действительно, стояло несколько груженных автомашин.

— Около гор колесили... Утискались, ни рожни, как говорят, ни кожи... — сказал Серафим.

— Что их понесло вкруговую?

— Говорят, стению не пробьешься. Балки и лога в воде, а мостов кот наплакал. Которые имеются, говорят, так по ним только кур гонять, а не машины.

Марина Васильевна почему-то ощутила легкое беспокойство.

— Инженер-то славный, видать, парень. Весь измазанный и устал, наверно, а все над шоферами подшучивает. Ну, а едят, Марина Васильевна, скажу вам, будто с голодного края. Дуська все за голову хваталась и чуть истерику не развела с утренним супом — половница ведь в котле осталась. Она хоть и грозилась накормить им же и в обед, да, кажется, зря: по три — четыре миски опорожнили гости незваные.

— Ну и чему тут удивляться? Измучились, проголодались люди.

— И я вот говорю. А Дуська рада: подливает и подливает: «Пожалуйста, пожалуйста... Вам добавить?»

Серафим скупно хохотнул. — Да вон, кажется, сам инженер.

От стана отделился человек в тяжелых больших сапогах. Не спеша, раскачиваясь, он направился к ним. Что-то дрогнуло, оборвалось в груди у Марины. «Но отчего?» Старалась понять она свое странное состояние и не могла. В походке, в движениях этого незнакомого человека было что-то хорошо знакомое, близкое. Не отрывая от него глаз, стояла она, ожидая чего-то необычайного, неотвратимого.

Вот он совсем уже близко, у подошвы пригорка. Сняв кепку, весело помахал ею, что-то крикнул, а Марина Васильевна, побледнев, тихо охнула и опустилась на мешок с кукурузой.

— Марина Васильевна! — испуганно воскликнул Серафим.

— Ничего... Ничего, Серафим... Ничего. — Она схватила его руку и стала тискать в своих, горячих, лихорадочных, потом рывком поднялась, торопливо заправила выбившиеся из-под косынки волосы и, как показалось Сера-

фиму, беспомощно огляделась, будто ища поддержки. Странное состояние Марины удивило и озадачило Серафима. В это время, перекрывая гул трактора, с подходившей сеялки долетел голос Ильки:

— Ориентир! Что случилось с ориентиром?

Инженер вытер кепкой лоб, потоптался немного, не сводя строгих, заметно уставших глаз с трактора, покачал недовольно головой и протянул руку Марине Васильевне.

— Хозяйке полей,— скупно улыбнулся он.— Дмитриев... И, очевидно, не расслышав ответа, укоризненно произнес: — Ну вот, а еще хотим, чтобы техника у нас была в порядке. Что вот они делают? Разве не слышат, что стучат подшипники? Простите! — он пошел навстречу трактору, а Марина, шагнув за ним, остановилась, стиснула руки, постояла, замерев, и, резко повернувшись, взглянула какими-то невидящими глазами на Серафима.

— Ты сказал... последний куль... да? — прошептала она.— Да?

Серафим испуганно смотрел на нее и никак не мог понять, о каком куль спрашивает она. Таким взволнованным было ее лицо, такими странными были ее глаза.

— Ах, куль? Да, да! — воскликнул он, сбивый с толку.

— Хорошо, Серафим... Пусть досевают тут... Мне надо... Я пойду. Надо посмотреть... всходы пшеницы.

Конечно же. Она может идти. Разве они не справятся тут одни? Не впервой. Тем более, сама Соня за рулем. А Соня — знающая девушка.

Марина Васильевна торопливо шла по бровке полос туда, через Кудренюк, к горам. Серафим, охваченный непонятной тревогой, смотрел ей вслед и с беспокойством думал:

— Что же стряслось? От кого она бежит? Кто напугал ее? А, может, все это показалось? Почему-то подумалось, что неожиданная перемена в настроении Марины Васильевны вызвана приходом этого, нивесть откуда взявшегося, инженера. Серафим подозрительно вгляделся в его статную фигуру и почувствовал непонятное беспокойство.

**
*

На инженера насели всей бригадой.

— Ну что вы с нами делаете, товарищ Дмитриев? —

горячо спорил с ним Илька. — На перетяжку... Шутка сказать! А вы нам другой трактор дадите?

— Нет, не дам, — спокойно улыбался инженер.

— А кукуруза? Вы поймите...

— Все понимаю.

— Нет, не все! — воскликнула Дуся, стукнув поварешкой о прилавок. — Мы дали слово в три дня. В три... Понимаете?

— Понимаю, — кивнул головой инженер. — А вы знаете, что станет с машиной через три дня? Ее придется в капиталку сдать.

— Не сдадим... Вот честное комсомольское! — стукнул по своей груди Илька. Все закричали, окружив Дмитриева со всех сторон.

— Осталось-то... Вы понимаете: на день работы! На один день!

— Да что там делать весь день-то! — сверкал воспаленными глазами Илька. — На пять — шесть часов!

— А вот тебе, герою, совсем не разрешаю садиться за руль, — сказал Ильке инженер. — Безбожно гонишь. А вот вы, — он разыскал глазами Соню. — Вы — молодец. Если хотите: два дня вам на эти оставшиеся гектары.

Все замолчали и с недоумением глядели на Дмитриева.

— Не привыкли так работать?

Илька сконфуженно молчал. Молчали и другие.

— Трактор — машина. И любит она прежде всего заботливые руки, внимание. А вы напропалую гоните. Вот вам два дня. Потихоньку закончить и пригнать трактор в мастерскую. Ясно? А если вздумаете за 5—6 часов — отберу. И все-таки сегодня же — перетяжку.

— Ясно! — заорали ребята, сразу повеселев.

— Ну вот, — хлопнул себя по коленке инженер и хитро сощурил глаза. — И не думайте, что я пошел на ваши уговоры. Нет. Меня вон товарищ повар озадачила... Ведь, чего доброго, и в ужине отказать может! Ишь, как подозрительно на меня посматривает!

Дуся отвернулась, скрывая свое смущение.

Вскоре на дороге раздалась команда:

— Моторы! — а потом, обращаясь к кому-то: — А где же ваш управляющий? — Никто ему не ответил. Взревели моторы, и машины тронулись. Дуся, как только машины пошли, бросилась к девочкам.

— Девочки, что я заметила! — глаза Дуси округлились, и она скороговоркой выпалила:

— Честное комсомольское... вот с места не сойти! Этот Дмитриев — вылитый он, который там... у нее... на карточке!

Девушки отпрянули от нее. Раньше других опомнилась Соня. Она посмотрела на повариху и скептически улыбнулась:

— Значит, по-твоему, это тот... Костя и есть, да?

— Эх, вы! Я вам мигала, мигала, чтоб пригляделись к нему, а вы затеяли про свой трактор... Он! Хоть что говорите мне — он! И глаза, и лоб... А когда улыбнулся — сразу меня, как ножом под сердце, — вспомнила про ту карточку! Вот, думаю, где я его видела!

Серафима как по голове кто стукнул: перед ним встала картина встречи Марины Васильевны с инженером на кукурузном поле, ее растерянность, непонятный испуг и неожиданное решение — уйти на пшеничные поля.

«Неужели... Вот это да-а!»

Серафим захлебнулся теплым чаем, закашлялся и, вскочив, вылетел из «салона» на улицу. Он пробежал на ток. Здесь у трактора возились Илька с Лешкой.

Серафим не мог сдержаться, чтобы не рассказать все, что слышал и видел сам. Ребята, пораженные новым известием из неразгаданной до конца тайны, обтирая паклей руки, вышли за ток и устали в поле. Там, где-то на самой кромке полей, маячила одинокая фигура. Она то наклонялась к земле, то снова выпрямлялась и медленно шла к стану. Ребята молча смотрели на нее, взволнованные, потрясенные новой загадкой. Все вспомнили про ту фотокарточку, которая висит на стене в квартире Марины Васильевны и, копаясь в памяти, старались восстановить до мельчайших подробностей лицо молодого партизана. Запомнились всем почему-то боевые ремни, которые лежали крест-на-крест на его груди... Эфес шашки, на котором лежала его левая рука... А вот, чтоб глаза, улыбку, как говорит Дуся, — никто из ребят не запомнил.

Быстро сгущались сумерки. В ущельях каменной гряды уже лежал синий полумрак, а на степи, в озерах причарышской поймы, там, где поля сходятся с узенькой светлой полоской воды мелькавшего из-за кустов Чарыша, еще тлели розоватыми лепестками блески заката.

Идет Марина Васильевна по полю, пробует взглядеться в молодые зелены, но ничего не видит, туманом заволокло глаза. Гудит голова. Стучит в сердце горячая кровь, шумит в висках. Бьется, как загнанная в клетку степная птица, беспокойная мысль: «Как это случилось? Почему ты здесь, почему один, Костя?»

На миг встает его лицо. Усталое. С белыми паутинками у глаз, резкими складками у губ... А на висках — снежная пыльца.

— Поседел... А ведь такой же! — Марина улыбается, вспомнив его энергичный голос, требовательный взгляд и нетерпеливые резкие движения. — Все такой же...

Она смотрит вдаль. Стремительными стайками кружат над озерами утки. Гнездятся. Прибрежный кустарник становится все плотнее. Гуще его листва. Скоро зацветет черемуха, а чуть позднее — калина. Ее тут много. А вон в той березовой роще она обнаружила минувшим летом нетронутый питомник белых грибов...

Думает Марина о постороннем, а где-то рядом другая мысль. Она будоражит кровь, заставляет сильнее биться сердце. Может быть, вот такой же была та березовая роща. Ясный августовский день. Пятнадцатилетняя подпольщица Таня и партизанский разведчик Костя Дмитриев сидят на берегу речушки и, как все выздоравливающие, ловят для партизанской ухи рыбу. Костя помогает ей насаживать на крючок червя. Он весел и все говорит, говорит, говорит... Светлая бородачка просвечивает, курчавится, искрится на солнце.

— Только это схвачу я тебя в охапку, а ты со скальзываешь и сердито бубнишь: «Сама пойду... Сама пойду. Не тискай ты меня, пожалуйста!» Костя смеется, дурачится. И, конечно, никакая рыба не идет на приманку, хоть черви молниеносно исчезают с крючка. Таня просит рассказать о старосте, который завалил явку, после чего ей и другим подпольщикам пришлось с боем прорываться к партизанам.

— Понимаешь, коварным оказался подлец. Ведь он иногда помогал нам... Ну, значит, волоку тебя: вдруг он навстречу. Увидел меня, вытаращил глаза и как закричит, заскачет вокруг меня: «Тарасюк! — кричит. — Вот он! Держи его! Партизанский разведчик!» Я растерялся. Что

делать? Как поступить? А потом такое зло взяло. Ах, ты ж, думаю, шкура продажная! Решил выкрутиться? Так получай же! Выхватил пистолет и разрядил его сгоряча. А он, как шарик... Не попал! А тут, видно, Тарасюк наскочил... В общем, урок классического бокса.

— А я?

— Ну, а ты на земле. Лежишь и не дышишь...

— Бросил бы... Что ж обоим пропадать?

— Как видишь, живы остались.

— Но ведь могло бы, Костя...

— Мало ли что могло! — рассердился он. — Этот Тарасюк получил по черепу рукояткой.

— Ты так рисковал, Костя... Рисковал из-за меня.

— И вовсе не из-за тебя, — пробурчал Костя, хмурясь. — Хороши б мы были партизаны, если б оставляли друг друга в беде. Скажет тоже!

Краска залила девичье лицо. Не понял! Неужели не видит, как он мне дорог! А может, не хочет?..

Да, это было так. Когда они возвращались в лагерь, Костя ясно дал понять ей это.

— Ты знаешь, Таня, — сказал он, когда они проходили по березнячку и то и дело наклонялись, чтобы сорвать появившиеся вдруг в изобилии грибы. — Знаешь что, Таня... После войны приезжай к нам на Урал. Правда! Спишемся! Мы тебя вот как примем!

— Кто это мы? — скрывая волнение, юная разведчица наклонилась за очередным грибом.

— Да мы, — Костя смутился немного, помолчал. — Если б ты знала, Таня, какая она хорошая, моя Катя! Сейчас уже учительствует... Только вот ведь положение: в течение года не могу весточку отсюда послать. Но она знает, что я в тылу. Будет ждать.

«Что случилось тогда с тобой? — думает Марина. — И росы не было на траве, а тебе казалось, что ты видишь ее блески!»

А Костя о чем-то говорил, говорил... Как мучительна была эта дорога через лес! У него есть Катя...

Вот и забыть бы тебе его — и вдруг новая встреча на Сельскохозяйственной Выставке в Москве. Человек в сером костюме дотошно расспрашивал о чем-то экскурсовода. Записывал. Рассматривал новые марки машин. Увлекался так, что никого не замечал вокруг.

«Нет, это не он, не он, конечно», — старалась ты убе-

дить себя, и тебе даже хотелось, чтобы он так и не обернулся, хотя, замерев вся, ты стояла в толпе и что-то ждала, ждала. И ты не обозналась. Да и возможно ли это было?

...Как он обрадовался тебе! Взял тебя за руку да так и не отпускал до самого вечера.

Москва... Ты, конечно, ничего не помнишь, и не замечаешь. А ведь это была ты виновницей всему. О семье тогда Костя сказал коротко и выразительно:

— Кажется, живу, — и горько усмехнувшись: — будто кулик на чужом болоте...

— Но почему?

— Это не просто... рассказать обо всем. Вот тебе такая картина. Приходишь ты с работы как черт разбитый, а с сапог на чистый пол лужица натекла. Теща молча за тобой тут же вытирает тряпкой. Молча, понимаешь? Этакий сначала глубокий вздох, взгляд на жену глубокомысленный, потом на тестя... А потом уж Катя начинает доносить: «Когда ты человеком станешь, Константин?» Мелочь? Их тысячи таких мелочей... Старичок благообразный такой. Лик святого угодника. Дни размечены до минуты. Немецкая аккуратность во всем. По воскресеньям — гости. И все тихо, мирно. Две стопочки не могли... не хорошо. Преферанс. Порядок. Интеллигент? Да. Крупный экономист. Катя? Ей все больше и больше, кажется, становлюсь в тягость...

Это Костя-то в тягость? В нем столько энергии...

— А тут строиться начали. Расчет до копейки... Замучился. Махнуть бы на все к черту! Извини. Какая ты стала, Таня! Небось от женихов отбоя нет... А? Или уже... замужем?

— Нет, не уже, Костя.

— Уехать бы куда подальше от этих уютов. Завидую тебе. Эх, поработать бы нам вместе, честное слово! Ты в Белоруссии? Ах, на Волге. Что ж, интересно. Я уже немало поболтался. Восстанавливал многие МТС там, на западе. А сейчас уговорили дома. Покой! Уют!

Сказал он это так, что стало страшно. У него, видно, свое понятие об уюте.

— Нет, не так представлял себе семью, дом. Не так!

Потом провожать на вокзал приезжал. Был задумчив. Не сводил глаз с тебя. Как хотелось броситься к нему. Вырвать его, отнять у всех...

— Ты хорошая... Не забывай Костю. Ладно? — И оживившись, уверенно добавил: — Мы обязательно встретимся, Таня.

— И все эти годы ты ждала его. Разве нет?

На стан Марина Васильевна вернулась поздно и тотчас позвонила Градову, чтобы доложить о работе на кукурузной плантации.

— Слыхал... слышал, — раздался обрадованный басом директора. — Значит, поколдовала? Завтра поедем на Коловый. Нагрел нас, кажется, этот хитрец Паршуков... Вот жох... Сам ведь умею водить за нос, а этот и меня обставил!

Марина напряженно слушала, стараясь уловить какие-нибудь посторонние звуки в трубке, а, может... может, и голос. Ведь Костя мог быть в это время в кабинете директора.

— Так, Марина Васильевна... Значит, с пересевом тебя?

— Да.

— Хм. Посмотрим. Вот главный агроном чистит тебя на все лопатки. В детство, говорит, ударились... Как, а? Марина покраснела.

— Посмеяться и дурак может. Не велика премудрость, а вот деловой совет дать — это оказалось не по плечу и главному, — резко бросила она в трубку.

— Как не по плечу? А акт? Это, брат, тоже уметь надо! — Иван Иванович, видно, отвернулся от трубки и кому-то сказал: — Уже застраховался наш Гус. Настроили акты, — потом снова Марине: — Ничего, воюй, Марина... Воюй. Вот тебе что-то инженер хочет сказать насчет трактора. Передаю трубку.

Марина Васильевна присела на скамейку. Рука, державшая телефонную трубку, дрогнула, опустилась.

— Алло! Алло! — кричал в трубку голос. Раздалось шумное продувание и снова: — Алло! Алло!

Марина боялась произнести слово. А трубка бушевала. — Алло! Что за черт: замыкание, что ли! Алло!

— Да. Да, — произнесла тихо Марина.

— Алло! Товарищ... простите, — другой голос (это был голос Ивана Ивановича) проговаривает: — Иноземцева!

— Иноземцева? — голос Дмитриева дрогнул. Он замолчал.

— Да. Да. Здравствуй, Костя! — сказала Марина Васильевна. В трубке звенели, пощелкивая, провода. — Алло! Ты меня слышишь?

— Таня! Неужели!..

— Да... Да... Странно, правда? Удивительно, как это бывает в жизни... Я это... Я...

— Черт возьми, Танюша! — взревела трубка. — Я сейчас... ты погоди... не спи... Я сейчас, — он бросил трубку, а Марина сидела и все держала, прижав ее к уху, закрыв глаза и слушая песню проводов. Потом очнулась, положила трубку на рычажки и тихо произнесла:

— Вот и все... Что же ты сидишь? Иди. Встречай желанного гостя... Почти одиннадцать лет ждала ты этой встречи... Сейчас он будет здесь... Сейчас. Странно?! Да...

Марина поднялась и вышла из конторки. Она пошла в свой домик, но потом раздумала. Вернулась, прошла мимо конторки на тракт. Девчата с удивлением следили за ней.

Дмитриев, не доезжая Кушки, заметил на увале одинокую фигурку. Он резко притормозил и, выскочив из машины, не оглядываясь, резко толкнул за собой дверку кабины.

— Таня! — позвал он дрогнувшим голосом и шагнул к ней. Фигурка двинулась ему навстречу и в двух шагах от него остановилась, внимательно вглядываясь в его лицо. Дмитриев рванулся вперед, схватил ее за плечи:

— Ты?

— Ага, — сказала она и, откинув голову, засмеялась.

— Ох, Танюшка!.. Ох, ты... черт возьми! — и закружил, закружил ее вокруг себя. Она взмолилась:

— Не надо... Не надо, Костя!

— Удивительная вещь, — проговорил с трудом Дмитриев. — Сколько лет и вдруг...

— А я верю, что еще кого-нибудь встречу из наших... Правда?..

— Возможно... Дорог много, но в наше время часто они сходятся на большом перегоне... — и, помолчав, вздохнул: — Десять... Подумать только!

— Почему же десять? А Москва... Разве ты забыл?

Неужели так и не заметил той... встречи? — последние слова Марина произнесла сорвавшимся вдруг голосом. Смутилась и нескладно засмеялась. — Ты был такой заположенный в те дни... Воевал с кем-то в Министерстве. Помнишь? А тут какая-то маленькая Таня...

— Замолчи,— стиснул ее руку Костя.— Ты еще не знаешь, что натворила...

— Я? Не помню, Костя... Правда!

— После той встречи... Я, если хочешь... все время думал о тебе... Я ведь из-за тебя и на Алтай подался.— Верил, что встречу. Ведь ты такая же неугомонная, как я... ты не могла жить на своей Волге в такие дни... И вот, видишь... Я прав!

— Посидим, Костя... Вот здесь, на этом бугре,— Марина увлекла его за собой. Они выскочили на самую вершину холма.

— Вот тут. Красивые места здесь...

— Очень,— вздохнул Дмитриев и огляделся. Над черной степью полыхали яркие созвездия. Луна еще не взошла, и было темно. Марина украдкой следила за Костей. Сердце ее горячо билось. Как хотелось спросить его про семью... Что у них стряслось? Почему он один? Может, временно? Он, кажется, ждал сына... Милый, славный Костя... Как теперь все сложней...

— Не понравится ведь ей здесь,— сказал Костя задумчиво. Марина поняла, о ком он говорит.

— Понравится... Не может быть,— сказала она. Костя вздохнул.— Не знаешь ты ее.— Он замолчал.

— Партизанская ночь. Верно? — Тихо произнес Костя.

— Верно. А ты не забыл, Костя? — Марина Васильевна тряхнула головой, будто отгоняя тревожные мысли, и, поглядывая на него, тихо, вполголоса запела:

Кружит, кружит
вороне
Над родимым краем.
Становись все под
ружье,
Под Красное знамя...

— Говорили, что эту песню ты сочинил, Костя.

— Ее до меня уже пели,— Дмитриев опустил на бок, закрыл глаза и тихо повторил: .

сильевны настольная керосиновая лампа. Утром Дуся говорила девочкам:

— Иду я в «салон», смотрю, а у них при солнце горит лампа. Двери открыты настежь. А они о чем-то все спорят... говорят, говорят.

— Значит, это — тот... Костя,— решили девушки.

— Я же говорила! — воскликнула Дуся. — У меня глаз верный... А вот, что же он — женатый или нет?

— Всю ночь не спала, а видела, какая она веселая. — сказала Люба. — Бежит утром к Кудренку и поет...

— Любит, — твердо сказала Дуся, — вот увидите! Девушки переглянулись.

— Значит, он без семьи, — сказала Соня.

— А может, и есть. А вот полюбила давным-давно и не забывает. Так может, а? — спросила Люба-Коротель.

— Если так и бывает, — задумчиво сказала Соня, — то это... это страшно.

Илька завел трактор, подготовил с Лешкой сеялку и сейчас, ожидая Соню, нетерпеливо поглядывал на «салон», где собрались девчата. Не дождавшись, он пошел сам. На пороге «салона» он услышал голос Сони. Фраза удивила его. Он догадался, о чем вели разговор девушки.

— Почему же ты думаешь, что страшно? — спросил он Соню. Та на миг опустила глаза, потом подняла их на Ильку:

— Здравствуйте... Неужели неясно?

— А ты... ты веришь в то, что так может быть? — хмурясь, настаивал Илька.

— Да. Человек может любить всю жизнь... Любить одного. Но уверена: это страшно. Если он не свободен, если женат, имеет детей...

— Такого, наверное, не бывает, — сказал Илька. — Если вы имеете в виду Марину Васильевну и Дмитриева — у них дружба. Большая, сильная дружба. Я слышал, как говорил он, когда шли они к ней. Про Катю, про мальчишку рассказывал. Жена, наверное, и сынишка. И не разводите тут «охов» и «ахов». Поехали досевать!

— Мы и не ахаем, — обидчиво поджала полные губы Дуся. — А ты обещал попросить Марину Васильевну рассказать про работу в тылу...

— Уже есть договоренность. Поехали, Соня! — энергично кивнул головой Илька. — Только учти: трактор тебе кто готовит?

— Ну, допустим, ты и Лешка.

— Один я... без Лешки.

— Ах, один! — она прищурила свои глаза и насмешливо стрельнула ими в сторону Ильки.

— В том-то и дело, Соня... Один стараюсь!

Девушки с любопытством посмотрели на Соню. Сейчас она скажет так, что не одобровать Ильке. Язычок-то у Сони, слава богу. Но Соня почему-то смутилась, промолчала, отвернувшись, и неожиданно по-домашнему, с необычайной для нее теплотой в голосе сказала:

— Ты бы хоть палочки что ли пришел к гимнастерке, если растерял все пуговицы... Ходишь — грудь нараспашку...

Илька схватился обеими руками за ворот гимнастерки, глянул на грудь и запахнул ее.

— Пришью, — согласился он. — Вот закончим подсев и пришью.

Марина Васильевна сдержала свое обещание.

Вечером собрались ребята на ее квартире, и она начала рассказ о работе подпольщиков и партизан в тылу немецких оккупантов на Могилевщине.

Ребята с такой жадностью слушали ее, что ей невольно пришлось растянуть свои воспоминания на несколько вечеров. Больше она рассказывала о смелой подпольщице Могилева Тане. Но все поняли, кто была эта Таня.

Молодые целинники долго еще находились под впечатлением ее рассказов. Задумывались: как поступили бы они в те грозные дни в тылу врага?

Скрывая от всех свои раздумья и чувства, Серафим иногда уходил вечерами в степь и подолгу сидел где-нибудь в укромном месте, вдали от посторонних глаз. Здесь он часто задумывался о необычайной судьбе Марины Васильевны, о ее дружбе с Дмитриевым. С трепетом и волнением он ждал, что будет дальше. Девочки говорят, что она любит своего Костю... того Костю, который на портрете, а этот, сегодняшний, каков? «Неужели она по-прежнему ждет от него чего-то? — думал Серафим. — На

любовь-скороспелку она не пойдет... Что ж, так и будет любить, заперев свои чувства? Неужели это возможно?» Вчера Илька потребовал от всех клятвы. Настоящей клятвы, комсомольской, что кушкницы будут хранить и беречь тайну Марины Васильевны.

— Да, — сказала Соня. — Если Марина Васильевна однолюб, как же она должна быть сильна душевно!

«Однолюб! — недоумевал Серафим. — А как же иначе? Разве многих можно любить? Конечно, у Марины Васильевны сложнее... Разве она пойдет на то, чтобы разбить семью? Нет, не такая она... как же вот так, все это случилось...»

Тут же, в степи, прочитывал Серафим письма матери. Писала она часто и все об одном и том же. «Дорогой мой мальчик... Страх за твою судьбу преследует меня по-прежнему, — писала мать. — Я не могу равнодушно смотреть на здоровых парней и девушек, которые запрудили улицы нашей родной Москвы... А ведь мог бы и ты быть с ними. Вот Эдик Доронин пробился в институт. Хлопот с ним было немало у отца с матерью. Втиснулся. Он будет заметным инженером...»

Серафим презрительно морщился.

— Заметным. Так уж сразу. Пусть еще кончит, — он отворачивается от письма и, сорвав сухую былинку, сует ее в рот.

«...А ты, Сефочка, способней его. Это и учителя говорили, — продолжала мать. — Ты бы мог. Правда, у тебя слабое здоровье... Ведь ты всю жизнь страдал ангиной... И надо же было уехать в такую даль...»

«...Все знакомые ругают отца, что не смог удержать около себя единственного сына... Мог бы ведь помочь тебе в институт поступить. Главный конструктор такого завода, ведь кому скажи, так смеются... Мог бы, на худой конец, оставить тебя на заводе, под рукой... Не так разве? А он посмеивается...»

Серафим представил себе, как посмеивается отец. Он хитро так смотрит на мать, помешивает ложечкой в стакане и совсем не смеется, а только кивает ей головой: «Правильно, правильно, мать... А все же ты не лезь. Не вмешивайся в мужское дело».

Отец писем не писал. Только иногда на письме матери делал короткие, энергичные приписки, вроде таких: «Держись, парень. Выше голову...» или: «Ты не очень-то

расстраивайся от писем матери... Она ведь все воображает, что ты еще под стол пешком ходишь...»

«Нет, все-таки, он молодец», — думал Серафим об отце, и ему очень хотелось порадовать его чем-нибудь хорошим.

...А Марину точно подменили в эти дни. Она сама не узнавала себя. С приездом Дмитриева она почувствовала, будто сняла с себя какой-то тяжелый груз. Теперь ей, казалось, не страшны никакие трудности и заботы. Будто он помог снять все это одним своим присутствием.

Она вставала, как всегда, на утренней зорьке, и достаточно было ей взглянуть на изумрудную кипень всходов, на бусинки прозрачной росы, как хорошее, светлое чувство не покидало ее уже целый день. Она бежала к ручью, напевая какую-нибудь веселую мелодию. Ложилась спать, когда гас ребячий костер на берегу Кудренка, и счастливая улыбка не сходила с ее губ. О чем думала она в эти минуты? На что надеялась? Она и сама не смогла бы ответить на эти вопросы.

— Я счастлива... Как я счастлива! — шептала Марина. — Он рядом. Совсем рядом. Я его буду видеть часто... Может быть, даже каждый день... Приедет Катя... Она, видать, серьезная, умная. Я буду уважать ее... У них есть сын Витка. Он, конечно, удивительный мальчишка. Озорной, как все, и умный. Я буду любить его. Я буду всех их любить. Костя рядом... близко. И это хорошо. Бывает же такое: совсем исчез с горизонта и вдруг появился вновь!.. И как все удивительно в жизни: он не мог совсем исчезнуть. Не мог потому, что я его все время ждала...

Кушку трясли события, которые следовали одно за другим с немолимой последовательностью.

Первое событие — это приезд кассира. Еще накануне Марина Васильевна сообщила, что можно планировать покупки, и Илька тотчас же созвал ребят на короткое совещание.

— Ну, вот что, джентльмены, и вы, леди,— обратился он к собравшимся. (Дело происходило на берегу Кудренка, на лужайке).— Будем продолжать традицию коммуны или перейдем на принципы индивидуализма?

— То-есть? — спросила Люба-Коротель и покраснела по обыкновенному.

— Краснеешь? — укоризненно заметил Илька.— Леша, подскажи ей...

— Это ты подскажи,— рассердилась Люба.

— Завтра приедет к нам кассир. Сегодня мы с управляющим просмотрели заработок каждого. Получается солидно. Так вот. Будем по-прежнему жить коммуной, общим котлом или как единоличный сектор?

— Как там с грошами? — спросил Лешка.— В среднем...

— В среднем от семисот и немного больше,— пояснил Илька.— Если вложить в общую кассу рублей по триста — сумма получается кругленькая...

— Почти две тысячи! — ахнула Люба.— Враз можно и пальто, и обувь, и платье...

— Нас шестеро. Значит, за шесть месяцев каждый получит эту сумму... Ну как — тянем померки?

— Начнем! — закричали ребята.

Лешка почесал свой чуб огрызочком расчески, усомнился:

— А ну, как наши леди начнут выскакивать замуж? Как с них тогда высчитаешь?

— Придется простить... Будем считать эту сумму приданым! — притворно вздохнул Илья.

Все засмеялись, а Илья стал что-то писать на листках из блокнота.

— Значит, так, — пишем: май, июнь, июль, август, сентябрь, — бормотал он, скатывая трубочки и бросая их в кепку. Потом он взял кепку, встряхнул номерки и предложил:

— Начнем с вас, леди, — и поднес кепку к Любе-Коротель. Та вспыхнула, зажмурилась и сунула руку в кепку.

— Заклинания!.. Заклинания пошепчи, Люба, — засмеялись ребята; с интересом следя за процедурой.

— Тухтарь, бухтарь.. Карабас... Тухтарь. Бухтарь... Тух... Фу! — произнес, задрав голову к небу, Илья.

Люба развернула номерок, взглянула на него и просяла:

— Май!

— Вот ведь везет! — удивились ребята. Долго держала руку в кепке Дуся. Она попросила Илью:

— Позаклинай, а? Бьюсь тянуть! — Илья вздохнул и, посмотрев вверх, быстро пробормотал:

— Тухтарь-бухтарь... Карабас... Тух...

— Июнь! — воскликнула Дуся.

— Тьфу! Такие месяцы! — огорчился Илья.

— А ты больше не колдуй им! — предложили ребята, заметно волнуясь.

— Мне можете не колдовать, — сказала Соня и, как всегда, серьезная, сосредоточенная, уверенная в своих действиях, добавила категорически, будто давно решенное: — Вытяну июль или август!

Соню любили и даже побанвалились. Эта немногословная, строгая девушка внушала к себе невольное уважение. Все она делала уверенно и смело.

— Ну, я же говорила — август! — сказала спокойно Соня и, как ни в чем не бывало, села на траву, бросив номерок. Ребята с подозрением посмотрели на своего вожака. Уж не подстроил ли им все это Илья?

Тот крикнул и, будто отгадывая мысли ребят, произнес, делая обреченный жест:

— Судьба так благоволит им... Недаром гороскоп сегодня ничего не сулил нам, ребята, доброго. Очень было подозрительным расположение звезд. Видно, фортуна хорошо осведомлена о нуждах наших леди. Это по-рыцарски.

...Но вскоре все раскрылось, кто-то из самих девчонок проболтался, будто на первых месяцах были проколоты иголкой дырочки, и об этом хорошо знали все девчата. Илья со своей рыцарской душой мог пойти на это, и ребята, чтоб разоблачить нечестную сделку, побежали к Кудренку, решив отыскать в траве брошенные номерки. Но, как видно, ветром все номерки куда-то унесло.

Так и осталось это тайной, а Илья отшучивался и, конечно, отпирался, хотя «честным комсомольским» не клялся. Он даже возмущался:

— Грош цена тому «честному комсомольскому», которым швыряются по каждому пустяку... Не серьезно это и не верно.

Что ж, он был прав.

Второе событие началось так. Поздно ночью Лешка разбудил комсорга.

— Ты чего? — встрепелся тот, протирая глаза.

— Тс-с... — огляделся по сторонам Лешка. — Серафим снова исчез.

— Как исчез? Куда?

— Понимаешь, вторую уже ночь... Оденется втихомолку и потихоньку скрывается.

— Куда же он?.. А не объелся? Животом не мается?

— Я подсмотрел за ним. В степь уходит.

Илья сел на койку. Быстро натянув свитер, стал обуваться.

— Ох, уж этот мне Серафим, — ворчал Илья.

Они тихо вышли и направились по дороге в Хайрюзовку.

А в это же самое время Дуся и Люба-Коротель сидели у Марины Васильевны. Огня не зажигали.

В руках у Марины Васильевны была толстая тетрадь в коленкоровом коричневом переплете.

— Стихи... Это хорошо,— сказала она.— А вообще-то, сами понимаете, некрасиво, девочки, читать сокровенное.

— Но ведь я же случайно нашла ее, эту тетрадку.— в десятый раз оправдывалась Дуся.— Он, видно, полоскал свою рубаху, а я после него пошла мыть посуду...

— Тут ничего и особенного-то нет,— вставила Люба.— Просто стихи. Не знаю, как они там в смысле техники, а ведь от сердца.

— Давайте почитаем, Марина Васильевна! — воскликнула Дуся и, взяв из ее рук тетрадь, быстро стала листать ее.

— Вот это... Слушайте:

Куда уйти?
Как скрыться от бывшего?
Кому сказать,
Что все не так, не то...
Я ведь и сам бы мог
Вскочить на скакуну лихого
И мчаться, как скиф,
По дикой по степи,
Чтобы летел с насаженным стоном,
В кровь раздирая пасть,
Мой аргамак
И пеной брызгал на просторах
Земли кержацкой...
А потом унасть...

— Говорят, поэты все немножко чокнутые... Пойми тут его...

— А мне почему-то нравится,— сказала Дуся.

— А вам? — блестя глазами, обратилась Люба к Марине Васильевне.

— Не знаю,— задумалась она,— но, по-моему, в жизни он дальше ушел, чем в стихах.

Девушки засмеялись. Дуся продолжала листать тетрадь.— А вот про рябину. Помните, это та, которая за Сторожевой сопкой, в логу, на камне растет. Послушайте... Правда, не окончено:

О, как я завидую
Молодой рябине,
Что умеет, видно,
Держаться на стремнине.
Водой не размоем
Молодые корни.
Их надежно скроет
Камень придорожный...

— Правда, неплохо? — подняла глаза Дуся. — И рисунок дал.

— Ты прочитай-ка о Тане. Какой-то Тане пишет он, — фыркнула Люба.

— Да ну тебя, — отмахнулась Дуся и сердито посмотрела на подругу.

— Интересно... Серафим и какая-то Таня, — тихо проговорила Марина Васильевна.

— Да ничего тут интересного... Это не стихи. Видно, поэтического таланта не хватает, чтобы излить свою душу перед ней, — пренебрежительно добавила Дуся. — Слушайте: «Таня... Я хочу встать рядом с тобой... Мне стыдно, когда я только подумаю, что не смог бы, очевидно, быть таким же. Согласись, это удел очень сильных. Как же быть мне? Если я рядовой и обыкновенный?»

— Вот и все, — закрыла тетрадь Дуся. — Драму, видите ли, разыгрывает. Да я на тебя и смотреть не хочу после этого!

Дуся разошлась не на шутку. Люба смотрела на нее с недоумением.

— Успокойся, Дуся, — обняла ее за плечи Марина Васильевна. — Он хороший. Он тут ни при чем.

— Вы не видели, как только сейчас куда-то проныгнули ребята? — спросила Люба, не понимая, с чего это вдруг так расстроилась ее подруга.

— Нет... Куда же они? — заинтересовалась Марина Васильевна.

— А вот по той дороге к горам отправились... Полуночники, — Люба вздохнула. — И чего бродят?

Илька с Лешкой вернулись, когда уже стало светлеть на востоке. Они быстро прошли к своим койкам, разделись молча и юркнули под одеяло.

— Я думаю, не клад ли он ищет? — прошептал Лешка.

— Вот чудик, кто же его со спичками ищет? Он же в земле! — фыркнул Илька и добавил решительно: — Спать. Я думаю, он рехнулся.

Лешка укрылся с головой.

И во-время. Послышались осторожные шаги под

скошком. Едва слышно скрипнула дверь, и в вагончик уставшей походкой вошел Серафим. Он подошел к своей тумбочке и стал раздеваться. Вдруг он схватил что-то с тумбочки и прыгнул к кровати Лешки, сдернул с него одеяло. Лицо Серафима было искажено злобой.

— Ты... Ты... а? — прошептал Серафим, потрясая в воздухе какой-то тетрадь. Лешка приподнял голову и с великим изумлением посмотрел на разъяренного парня.

— Ты что — объелся, лунатик? В чём дело?

— Не знаешь?... Не знаешь? — Серафим задыхался от душившей его ярости. — Я вот как этой самой, — он потряс в воздухе толстой тетрадь, — как двину... Будешь знать, как чужие вещи брать.

Лешку подбросило. Он бешено тряхнул головой и, вскочив, схватил Серафима за плечо.

— Ты... Ты... Меня?

— Отпусти... Отпусти. — прохрипел Серафим. Поднялся Илька.

— А ну, рыцари круглого стола, — сказал он вполголоса. — Отдайте мне свои папиры. Дуэль ввиду позднего часа не состоится.

— Да ты понимаешь? Грозит! — возмущенно воскликнул Лешка.

— Тс-с, — поднял руку Илька. — Дайте людям спать.

— Вот ведь еще... В драку лезет. Да я тебе все ребра отобью! — не унимался Лешка. — Что я у тебя брал? Эту тетрадь? Да ты сходи умойся: я впервые ее вижу, твою тетрадь... Да я ее и в руки не возьму!

Серафим, сердито посапывая, прошел к своей койке.

Утром население Кушки собралось у Кудренка. Начинался ясный теплый день. Ребята, жмурясь от солнца, блаженно потягивались на молодой траве, лениво перебрасывались шутками. Подтянутый, седоусый Иван Иванович Градов сидел на корточках и весело щурил глаза на парней и девчат.

— Ну что ж, начнем, товарищи, — сказал он, и лицо его сразу приняло серьезное выражение. Заметив подошедшую Марину Васильевну, он показал ей место около себя.

— Итоги сева, товарищи, будем подводить осенью, — продолжал Градов. — Но качество определить можно уже по всходам. Огрехи и заправку полос закончили. Так, Марина Васильевна?

— Так.

— Лишнюю работу производили, товарищи. Можно бы сразу не допускать брака.

— Да разве ночью увидишь качество? — вставил Лешка. — А потом, Иван Иванович, ни одна работа не проходит без ошибок. Недаром говорят: на ошибках учимся.

— Так, так, — согласился с ним Градов, — только все же, я думаю, лучше, если бы эту пословицу реже вспоминали... а?

— Нельзя, Иван Иванович, без пословиц.

— А мы другую придумаем, — хитро подмигнул им директор. — Новую придумаем и забудем старую.

— Можно!

— Выделить комиссию по разработке новых пословиц, — предложил Илька.

— Нет, ребята. Пословицы придут сами, — сказал Градов. — Они обязательно будут, когда мы по-настоящему научимся отвечать за свою работу. Партком совхоза просил меня передать вам благодарность за ваш труд. Особенно за то, что вы не успокоились. Много прилагаете выдумки, чтобы спасти, например, кукурузу. Партийный комитет просил подумать, ребята, над тем: будем ли мы заводить свой огород? Очень просил подумать.

Ох, и хитер же директор! Илька разгадал его ход, однако тут же подумал: «А ведь идея! Картошка своя, морковь, огурцы, бахчевые, может, пойдут... Лучок свежий... Нет, неплохо, очень неплохо все это...» Он перехватил взгляд Марины Васильевны, та едва заметно кивнула ему. — «Поняла».

— Хорошая мысль, — сказал вслух Илька, — лучок и все прочее...

— Только все это на самостоятельность. Тракторы Дмитриев уже согнал к мастерской, — предупредил директор. — Совхоз не имеет возможности помочь ни машинами, да их и нет для огорода, ни семенами. На полную вашу инициативу.

— Да, лучок свой... морковочка... Витамины, одним словом, — продолжал Илька.

— Морковка бывает, между прочим, коротель... Бывает кормовая обычная, — вставил Лешка и посмотрел хитрющими глазами в сторону девчат. Парни расхо-

тались, а Люба юркнула за спины подруг. Когда оживление и смех спали, раздался голос Серафима:

— Значит, прощай выходные. Знаю я этот огород. Так и будешь с тяжкой по нему прогуливаться.

— Смотрите. Дело ваше,— сказал Градов.— Не посадим овощи — будем ждать летом привозных.

— Ну уж привозные — не овощи! — воскликнула Дуся.— Подумаешь, заработался парень,— бросила она осуждающий взгляд в сторону Серафима.— Может, надеешься, что Танечка подбросит в посылочке?

«Подлец,— посмотрел в сторону Лешки Серафим.— Успел девчонкам трепануть. А ведь сделал такой невинный вид — «Не брал!» Подлец!»

Лешка, может, и поддержал бы это заявление, если бы высказал его не Серафим. Вслед за Дусей он вскочил и произнес горячую речь в пользу коллективного огорода.

— На этого скептика,— он кивнул головой в сторону Серафима,— на него вообще нечего обращать внимания: У него не все шурпы завинчены,— он постучал себе по лбу пальцем.

— У меня, может, плохо завинчены, но они есть... а у тебя, к сожалению, потеряны. Вот беда-то в чем, Угрюмов,— спокойно ответил ему Серафим, называя впервые Лешку по фамилии.

— Ну, это еще мы посмотрим! — вскипел Лешка.

— А чего ты взъелся? — сердито глядя на Лешку, выступила вперед Дуся.— Подумаешь, умник сыскался. Ты, Лешка, брось эту свою привычку — грозить! Как блажной.

— Я не блажной.

— Ну и не тряс кулаками! — закричали девчата. — Задаваха!

— А как с семенами? Где будем брать? — спросил Илья и заслужил благодарный взгляд Марины Васильевны.

— Пожалуй, это не трудно... У нас есть уже знакомые в Хайрюзовке. Вот Серафим тоже не раз бывал на ферме. Попросить — продадут. А картофель, я думаю, колхоз не откажет, займы или за деньги — даст. Это я беру на себя,— сказала Марина Васильевна.

— Значит, так и запишем: садим свой огород. Коммунальный,— заключил Градов.— Семена поручим Угрю-

мову, Подгорному и Марине Васильевне. Нет возражений?

— Не-ет! — весело откликнулось собрание, с любопытством поглядывая на двух «непримиримых»: Серафима и Лешку.

— Не пойду с ним! — буркнул решительно Лешка.

Градов, улыбаясь, развел руками:

— Теперь уж я ничего не могу поделать: решил коллектив. Итак, Марина Васильевна, — обратился к управляющему Кушки Градов: — Организуй коней. Назначьте плугарей. Я, думаю, соток восемьдесят хватит вам... а?

— Вполне. А за коней боюсь: ходили ли они в бороде? Да и пахать. — она оглядела притихших ребят, — пахать-то, наверное, на конях никто не умеет.

Ребята молчали.

— Вот ведь положение, — сказал Илька. — Мы дети новой эры, машинной. На трактор — пожалуйста, любой, а вот по-дедовски, методом прошлой эпохи... — он пожал плечами, — вряд ли кто из нас...

— Да не такой уж он и далекий, этот метод, — почесал в бороде Градов. — А ведь я и не подумал об этом. Люд-то вы городской.

И тут всех выручил Лешка.

— Да я вас, ребята, за один час сделаю пахарями. Правда! Давайте упряжь!

Градов весело посмотрел на него: — Ну, вот и молодец.

**

После собрания Серафим остановил Дусю у кухни.

— Ты это про какую Таню сболтнула?

Дуся презрительно сощурила глаза:

— Будто не знакомая!

— Погоди... Кто тебе сказал? Лешка?

— Почему Лешка? — недоуменно вскинула брови Дуся и вдруг, догадавшись, воскликнула: — Чумной ты и есть, чумной! Тетрадку-то ведь я подобрала вот там, на берегу... Разиня! — и, улыбнувшись озорно, добавила: — Поэт. Все твои секреты теперь знаю. — Дуся хотела уйти, но Серафим, покраснев, схватил ее за руку:

— Погоди... Вообще-то, учти. Вообще-то гадко и нечестно читать чужие вещи.

— Ну что ты теперь со мной сделаешь, с такой невоспитанной? Взяла и не вытерпела... прочтала. Сама знаю, что не совсем это... а если хочешь знать, мне нужно было,— решительно произнесла Дуся.

— Что нужно?

Хитринка мелькнула в глазах девушки, она что-то хотела еще сказать, но тяжело вздохнула и, вырвав руку, бросилась на кухню.

— Да стой! Стой!

— Ну, что? Что? Говори. Мне некогда! — нетерпеливо уже протянула Дуся.— Понимаешь — нет времени! Картошку надо чистить.

— Успеешь. Ты скажи... Ты Марине Васильевне ничего не говорила про ту... про Таню? — прошептал Серафим и, уловив на лице девушки легкое замешательство, переменялся в лице.— Брякнула? — упавшим голосом простонал он.

— Вот еще! Стану я говорить. Интересно ей слушать. Лицо Серафима прояснилось.

— Ты не смей ей... Не смей про Таню... Ни слова... Слышь?

— Ишь ты! Так и лопочет про свою Таню. Нужна-то она была кому, твоя красавица! — Дуся сердито хлопнула дверью. Серафим постоял, потоптался у двери, потом приоткрыл ее и произнес тихо, но внушительно:

— Если б ты понимала! Эх! — и пошел прочь.

Почти полпути шли ребята молча, каждый был занят своими думами. Когда переходили Кудренок, прыгая с камня на камень, Лешка чуть было не сорвался в воду. Серафим вовремя удержал его сзади за рюкзак.

— Спасибо, Серафим. Вот ведь было б дело,— засмеялся Лешка.— Шел бы по селу мокрый, как суслик.— Они вышли на берег. Шумно отдуваясь, остановились. Постояли, передохнули.

— Серафим, а что это за тетрадка у тебя? Секрет?

— Ничего секретного. Просто так. Для себя.

— Дневник? — с интересом посмотрел на товарища Лешка.

— Да какой там дневник — заметки, — небрежно бросил Серафим. — А ты не сердись, что тогда налегел... Ты не виноват вовсе... девчонки.

— Ну вот, — широко улыбнулся Лешка. — А ты чуть не в драку. Эх, ты! — Лешка дружески ткнул его кулаком в плечо. Оба рассмеялись. — Да, как же мы будем заготовку вести? Прямо из дома в дом?

— А как иначе? Хотя... слушай, можно и не так, — внезапная догадка осенила Серафима. — Там живут... эти вот, девчата из Верховинки. Лена есть. — Он запнулся, отвел глаза в сторону. — Она тут на ферме учетчиком работает.

— А фамилию знаешь?

— Селезнева. — Лена Селезнева. Так ее девчата называли.

— Ага, значит, с нее и начнем, — решил Лешка. — Комсомолка?

— Ясно дело... агитатор.

— Поплыли дальше.

...Хайрюзовка открылась сразу, под крутым увалом в широкой прибрежной долине. Ребята посмотрели на село сверху и начали спускаться. Узенькая улочка, куда они попали, была грязная. Чтобы пройти, надо прижиматься к оградкам, хвататься руками за жерди и колья, прыгать с одного сухого места на другое. У женщины, копавшейся в огороде, Лешка спросил про Селезневых. Та опустила подоткнутую юбку, посмотрела внимательно на парней и в свою очередь тоже спросила:

— А вам каких Селезневых?

Парни переглянулись.

— Значит, их много тут?

— У-у, батюшки, да полдеревни.

— Нам тех, у кого есть дочка! — сказал Серафим.

— Ишь ты. Не жених ли? — засмеялась огородница. — Все равно на всех не хватит! Посуди сам: у Петра — три дочки, у Степана — тоже три. У Исидора — две. У Степаниды, правда, одна... Может, ее?

Ребята сконфуженно молчали.

— Ну так, какую вам?

— Не знаем...

— А я знаю, — сказала весело женщина. — Лену, небось, Степанидину, а?

— Ее! — оживились ребята.

— Она еще на ферме,— добавил Серафим.— Но почему Степанидина? Она же Селезнева?

— Да мать у ней Степанида... А в деревне ведь так: Степанидина и Степанидина. Без отца она. Убили фашисты. Ее, значит?

— Ее, ее!

— Ну, вот.. Это на Зеленом клину. Пройдете сельпо, клуб и направо, к реке. Тут их домик стоит, наличники синие... увидите.

Поблагодарив добрую женщину, ребята пошли. Серафим вдруг остановился и обернулся:

— А как это вы догадались, что ее нам надо, а не другую?

— Она у нас сурьезная. И агитатор опять же... авторитетная девушка,— сказала женщина.

...С Леной встретились случайно у сельпо. Она признала ребят, и сама сбежала с крылечка магазина.

— Здравствуйте! Какими ветрами к нам? — улыбаясь, протянула руку Серафиму и Лешке. На ней был строгий серый костюм. На голове легонький голубой полушалок. Подобранная, стройная, как вьюнок, и глаза совсем незнакомые, веселые, лучистые. Серафим с трудом отвел от нее взгляд. Сердце его бурно заколотилось.

— Ну и грязюка у вас...— пролепетал он.

— Этого хватает... А вот смотрите,— и Лена указала на тротуар.— Это мы на комсомольских воскресниках. Два года дрались с Паршуковым. Правда! Но добились! — она засмеялась и вдруг, спохватившись, спросила: — Проголодались? Есть хотите?

— Да нет! — подхватили ребята.— Мы недавно...

— Тут такое дело,— начал Лешка, осмелившись.— Огород решили садить общественный. А семян нет. Хотели у вас тут приобрести.

— За небольшим дело! Да? — засмеялась Лена.— Поможем! А пока к нам. Идет?

Ребята молча пошли за Леной.

— Вера! — окликнула Лена девушку с двумя косами за плечами, идущую по другой стороне широкой улицы.— Погоди! — и махнула ей рукой. Они поговорили минуты две и разошлись.— Да,— вспомнила о чем-то Лена.— Скажи Гале и Стеше.

— Ладно! — откликнулась та.

— По домам вам не стоит ходить,— сказала Лена как давно решенное.— Некрасиво. Все же — рабочий класс... Верно?

Ребята охотно согласились с ней. Они прошли мостки через какую-то речушку, тополевый сад. Вдали сквозь деревья мелькнула полоска воды. Остановились у пятистенного домика с красивым крылечком. Синие ставни и наличники сразу же бросились в глаза.

— Ну, вот и пришли,— сказала Лена. Высокий забор преградил им путь. Он тянулся далеко и вправо и влево. Заметив недоуменные взгляды ребят, Лена понимающе кивнула головой, и глаза ее стали грустными: — Отец... его память. Он был у нас опытным-селекционером. И не любил, когда лезли на грядки любопытные, хотя, не подумайте,— она грустно улыбнулась,— секретов у него не было от людей. А раньше времени не любил показывать. Вот и огородил свой надел, а участок — весь огород.

Звякнула щеколда калитки.

— Заходите.

От калитки ровная дорожка вела прямо к крыльцу. По бокам дорожки — грядки, клумбы, ровные квадраты возделанной земли. В палисаднике — яблоньки, вишни, крыжовник.

Лешка толкнул локтем товарища и прошептал:

— Вот порядочек... скажи, а?

Серафим молча кивнул ему.

— Погодите меня, я сейчас. Я за мамой сбегая,— сказала Лена и, ловко лавируя между грядками и клумбами, побежала куда-то за дом, по огороду.

— Опытник, понимаешь? Вот голова,— горячо говорил Лешка.— Хотел бы я иметь такого отца.

— Погиб, кажется, на фронте,— сказал Серафим.

— А она, что ж, продолжает его дело?

— Н-н... не знаю,— протянул Серафим.

Лешка обошел осторожно клумбу и нагнулся к деревянной бирке, прибитой к палке. «Свекла сахарная, предшественник — кукуруза». Через широкую межу — другая бирочка: «Кукуруза. Посев 10 мая. Предшественник — картофель». Лешка разогнулся и стал считать бирки. Их было много. Он насчитал более двадцати и бросил: возвращалась Лена. С ней шла, подняв тяпку на плечо, ее мать.

— Мою маму зовут Степанидой Макаровной,— сказала Лена.

— Здравствуйте, Степанида Макаровна,— пошли ей навстречу ребята. Не старая еще женщина с открытым добрым лицом поставила тятку, вытерла руки о фартук и, обняв ребят, подтолкнула их к дому:

— Пошли... пошли. Будут вам семена.— А сейчас — варенцом угощу.— Небось, давно не ели?

— Давно,— сознался Лешка.

— Ох, матери, матери,— о чем-то своем подумала Степанида Макаровна и покачала головой.

— Пошли, пошли,— настойчиво подталкивала она ребят к крыльцу. Лена уже была в доме. Пока ребята вытирали ноги, боясь ступить своими ботинками на чистые половички — дорожки, Лена успела переодеться в простенькое ситцевое платье и вышла их встречать.

— Да оставьте вы в покое ботинки! — воскликнула она.— Проходите! Давайте ваши рюкзаки. Вот так. Заходите, заходите!

В небольшой кухонке было чисто и опрятно. На окнах — занавески. Старая клеенка постелена у русской печи прямо на половики. В углу шкафчик всякий для посуды. На подоконниках росли помидоры. Они вытянулись и уже, кажется, набирали цвет. В баночках из-под консервов до десятка других каких-то садушек.

Мать Лены принесла кринку с квашеным молоком и усадила ребят за стол. Пока они ели варенец, Лена разорвала несколько старых газет и ловко стала крутить кульки. Мать достала с печи большой узел и, сев на лавку, развязала его. Там оказалось несколько узелков, разных по своим размерам. Взяв один из них, Степанида Макаровна стала зубами развязывать его.

— Ну вот, я так и знала: морковка. Это коротель. Кажется, отцов сорт? — она посмотрела на Лену. Та подошла ближе.

— Да, да,— кивнула она.— Сыпь, мама,— и подставила кулек.

— Тут вам будет на целую сотку,— взглянула она на ребят.

— А вот это огурцы. Муромские, урожайные, до самой осени будете есть свежие.

Пришли две девушки. Тоже с узелками. Одну из них, с косами, ребята сразу же узнали. Это была Вера, с ней

говорила Лена дорогой. В комнате сразу стало шумно. Бросая украдкой любопытные взгляды на ребят, девушки наперебой, смеясь и выкрикивая, стали рассказывать Лене о каком-то Степке Карзубом, который, как поняли из их не совсем стройного рассказа ребята, напился у кого-то медовухи и решил на спор переиграть Чарыш. Бухнулся с берега, вынырнул, как ошпаренный, и заорал:

— Спасите! Братцы! Тону!

Пока столкнули лодку да изловили хвастуна, ноги его действительно стало сводить судорогой.

— Протрезвился! — смеялись девчата. Лена, безразлично морщась, пояснила ребятам:

— Есть тут дурак один. Каждую весну приезжает из города в отпуск. А вообще-то здешний. Прямо шутом стал каким-то. А вы что же?

Лена обратила внимание на то, что ребята застеснялись и стали плохо есть. — Я подолью вам, а?

— Нет, нет, спасибо, — не глядя на девчат, поднялся Лешка.

— Вкусно очень. У нас, конечно, этого не бывает. — Серафим потянулся было еще к кринке, но видя, что Лешка встал, поднялся тоже.

— Нет уж. У нас так не делается, — решительно сказала Лена и усадила Серафима обратно. — Я же вижу — понравилось... да?

Серафим густо покраснел и, чтобы скрыть смущение, стал усиленно кашлять в кулак. Однако противиться у него не хватило сил.

— Вот еще стакан, — сказала Лена и, разломив белый калач, сунула ему под руку. — Чтобы все! Чтобы, как говорят у нас, было ведро.

— Ну, пропал Серафим! — пошутил Лешка. — Будешь знать, как гостевать в колхозе!

Шутка выручила Серафима. Он осмелел, посмеялся и с удовольствием продолжил свою трапезу.

Когда многочисленные кульки с семенами были старательно уложены в рюкзаки, Серафим шепнул Лешке:

— Будем предлагать деньги?

Лешка сердито повел бровью.

«И так уходить как-то стыдновато?» — понял его Серафим. Но Лешка опять нашел выход. Когда, тепло простясь с гостеприимными хозяевами, они направились из дому, Лешка как бы в шутку сказал девушкам:

— А теперь наша очередь угостить вас... пошли в село!

Девушки было заупрямились. Лена даже стала строгой и укоризненно посмотрела на Лешку. Серафим, похвалил в душе Лешку за находчивость, поддержал его:

— Нет, как хотите. Если вы не пойдете — мы не уйдем отсюда.

— Вот именно! — подхватил Лешка.

— Тогда айда, девочки, — весело сказала Вера. — У нас, например, в доме сегодня ни капли нет варенцу!

— Что ж, пошли.

Они направились к воротам, и тут Лена, вспомнив о чем-то, схватила Серафима за рукав: — Погодите. Я сейчас! — и побежала в дом. Через минуту она уже была снова на крыльце, держа в руках какую-то толстую тетрадь.

— Вот, передайте Марине Васильевне. Это опыты отца с кукурузой. За много, много лет. Тут цифры, выводы. Пусть посмотрит. А потом на Верховинку завезете.

— Хорошо.

Лешка посмотрел на огород и, не скрывая своего восхищения, сказал:

— Вы, Лена, тоже занимаетесь селекцией?

— Нет, что вы. Пробую вот... второй только год. У меня мама... отца хочет видеть во всем этом. Ну и решили. Что получится, — не знаю. Я ведь совсем была маленькой, когда отца...

— Молодец вы, честное слово! — не выдержал Лешка.

Лена усмехнулась:

— Пойдите, не восхищайтесь. Еще ничего не сделано. Да и учиться надо по-настоящему. Думаю, Марина Васильевна поможет мне.

— Конечно. Да и все мы! — воскликнул Серафим.

В магазин вошли ребята, а девушки остались на крыльце.

— Три килограмма конфет, — сказал Лешка и добавил: — Вон тех, в красивой обертке. Что там, «Куколка»?

— В три кулька, — добавил Серафим.

— Да, да, — подтвердил солидно Лешка. В магазине никого не было, если не считать одного паренька, который что-то разглядывал на полках. Серафиму он казался знакомым. Но где видел, не припомнил.

Пожилая, полная продавщица, ловко орудуя плницей и бумагой, с любопытством посмотрела на незнакомцев. Что она так смотрит? — подумал недовольно Серафим.

Взвесив один кулек и поставив его, продавщица будто мимоходом бросила:

— А конфеты, ребята, дорогие.

— Ну и что ж? — сказал высокомерно Лешка.

— Да так я. Может, думаю, не знают, — успокоилась продавщица.

«Вот почему она так разглядывала нас», — подумал Серафим и на всякий случай ощупал внутренний карман. Защелкали костяшки счет. Раз-два. Раз-два. — Сто восемьдесят три. — изрекла продавщица и пояснила извиняюще: — три рубля — гужевая надбавка у нас.

Что-то дрогнуло внутри у Лешки. Он обернулся к Серафиму. И тот все понял. На семена ребята дали всего полста рублей. Значит придется раскошелиться самим. — Сто тридцать три рубля! — ужаснулся Серафим.

— Как сто тридцать три? Не сто тридцать три, а сто восемьдесят три, — поправила продавщица.

— Да это мы свое! — небрежно бросил Лешка. — Ладно, Серафим. Я отдам, а потом подсчитаем.

Взяв кульки с подарками, ребята вышли из магазина.

— Вот, пожалуйста. Каждой в отдельности! — сказал Лешка, торжественно вручая конфеты сначала Лене, потом двум ее подружкам.

— Ох, однако дорогие? — воскликнула Лена.

— Да ну... челуха! — сказал Серафим.

— А ты, Ленка, ешь. Дареному коню в зубы не смотрят, — засмеялась Вера.

Девушки проводили кушкинских заготовителей через площадь и пожелали им хорошей дороги. По узкому грязному переулку шли гуськом, друг за другом, каждый думая о своем. У покосившегося плетня их встретил молодой парень. Он крикнул:

— Ну как, подсластили?

Будто кто хлестнул плетью по лицу Лешки. Он резко повернулся к парню. Тот колюче и нахально посмотрел на него и не спрятал глаз:

— Ха!

Серафим тотчас признал его: это он стоял в магазине

и глядел на полки. И тут же вспомнил: его честили девчонки на Верховнике. Молоковоз.

— Что бойкий шибко, а? — спросил Серафим, подходя к парню. Тот отступил на шаг.

— Пошли, Серафим, — сказал Лешка. — Не обижай подростка.

Серафим нехотя вернулся на дорогу. Вслед им донеслось:

— Смотри-ка, испугали! Побирушки!

Кровь бросилась в лицо Лешке. Он побагровел и не успел Серафим сообразить, что он собирается делать, как Лешка молниеносно сбросил с себя рюкзак и бросился на парня.

— Вот уж этого не прощу тебе, идиот!

Кудрявый быстро огляделся и, перемахнув через плетень, бросился бежать. Лешка вложил два пальца в рот. Раздался оглушительный свист.

— Стоит ли терять самообладание из-за какого-то ненормального молоковоза? — философски заключил Серафим.

Лешка ничего не ответил, и они, молчаливые и сосредоточенные, зашагали по дороге. Взойдя на увал, остановились и посмотрели на село.

— Знаешь что, Серафим? — сказал Лешка. — Ты об этом случае с конфетами... понял? Не говори на Кушке. Хорошо?

— Конечно, — кивнул головой Серафим.

ГЛАВА 9

После обильного дождя в предгорьях, в долине Чарыша снова установилась жаркая погода. Гус возвращался с поля довольный, радостно-возбужденный: магар, суданка, костер безостый быстро шли в рост, обгоняя сорняки. Он зашел в свой кабинет.

— Вот так-то, Елизавета Семеновна, — подмигнул Гус молоденькой агрономше, работавшей на его пункте. — Запишем новости...

Хорошенькая Елизавета Семеновна, или просто Лиза, как ее все называли, удивленно вскинула аккуратно выщипанные темные брови и пожала плечами. Круглое, румяное лицо ее и кокетливо вздернутый носик изобразили радостное изумление:

— Ну вот, а вы боялись. Трава тут любая пойдет. Пшеница, та не всегда... годами.

— А вот мы и пшеницу заставим родиться — весело откликнулся Гус. Быстро записывая что-то в толстой тетради, он продолжал:

— У нас и она пойдет. Дайте только срок. Как это в старой хрестоматии: дайте только срок, будет вам и белка, будет и свисток. Так-то, Елизавета Семеновна, — Гус блеснул очками, захлопнул тетрадь и, положив ее в стол, поднялся. Зазвонил телефон.

— Да, слушаю. Иду, — Гус положил трубку и притворно вздохнул: — Директор. Пойду.

У дверей Гус задержался.

— Простите, — обернулся он к Лизе. — У бывшего колхозного стана, на втором поле, пробу взяли? Там, кажется, костер безостый?

— Да. Вчера еще сняли.

— Сколько входов на квадратном метре?

— Больше нормы.

— Ого! Вот видите! — потряс головой Гус и, посвистывая, вышел. Как только закрылась за ним дверь, Лиза достала из стола круглое зеркальце и посмотрелась в него. Щеки ее горели. Она нахмурилась.

— Господи, неужели я вечно так и буду полыхать, как доярка! — вытащив пудру, она торопливо стала накладывать ее на лицо. Покончив с этим, Лиза вздохнула и, покосившись на дверь, зло произнесла: — Черт ледащий... помешался на своей траве.

В кабинете Градова о чем-то оживленно разговаривали Кожин и управляющий Кушкинским отделением Иноземцева. Гус приветливо улыбнулся и, сняв по привычке очки, протер их подолом гимнастерки.

— Должен вас порадовать, товарищи, — сказал он, близоруко щурясь, — не костер, а сущий пожар на опытном! Завалю сеном. Да каким! Добротным, высокопитательным сеном!

— Пожар и есть! — угрюмо бросил Градов, не разделяя оптимизма ученого агронома.

— Н-да, — сказал задумчиво Кожин. — Костер безостый вот уже десять лет горит в колхозах. Но, должен вам сказать откровенно, товарищ Гус, горит вместе с ним и животноводство.

— Не верю. Не верю, — воскликнул Гус, проходя к директорскому столу и садясь в кресло.

— К сожалению, так, — вздохнул Кожин. — Ведь трава не самоцель.

— Да, конечно, — согласился с ним Гус. — Но эта система поможет восстановлению структуры почв. Это аксиома и, надеюсь, не только для меня, но и для других агрономов, — он бросил загадочный взгляд на Марину Васильевну.

— Вы так думаете? — подхватил Кожин. — А вот я не уверен в том. Аксиома в книжках, а на деле — теорема, по крайней мере в наших краях.

Гус покровительственно посмотрел на секретаря райкома:

— Постараемся доказать ее и на деле, товарищ Кожин.

— Дай бог,— сказал Кожин.— Но не в этом суть нашего разговора сегодня. Познакомьте, Иван Иванович, товарища главного агронома с этой тетрадкой. Я думаю, она наведет и его на размышления.

Градов согласно кивнул и, взяв со стола тетрадь в твердом переплете, передал ее Гусу. Тот с интересом развернул ее.

— Ну, а Марине Васильевне, я считаю, нужно все же помочь,— продолжал Кожин.— В Алейске у нас на базе селитра есть. Пошлите машину.

— Хорошо,— коротко бросил Градов.— Поможет?

— Я не уверена,— созналась Марина Васильевна.— Но надо испытать. Селезнев на восьмом году удачно определил состав удобрения под свою кукурузу, а участок его так же у Чарыша, как наш Коловый мыс.

— Значит, я был прав, что активировал Коловый,— улыбнулся Гус и торжествующе посмотрел на Градова.

— Можно подумать, что вы рады этому,— сказала Марина Васильевна.

— Нет, почему же? — спохватился Гус.— Я люблю творческие порывы у своих коллег. Только надо уметь и... на какой-то там научной основе. Да. Нужна прежде теоретическая база, ну, а потом и эксперименты. Травопольная система — это не выдумка наших генетиков. Она взята на вооружение за границей. Ну, а пропащная... Я не верю, что это серьезно. Знаю я и академика Прянишникова и других. Но согласитесь, разве ЦК пошло бы на то, чтобы ввести единую систему земледелия, не изучив, не разобравшись, какая система ближе и перспективней? — Гус пожал плечами.— Конечно, все учтено.

— Не знаю, что вы имеете в виду,— сказал, вставая, Кожин,— но вам должно быть тоже уже известно, что есть новое решение ЦК, которое предостерегает против огульного введения этой системы.

— Но, товарищ Кожин, кому-кому, а вашему району все карты в руки. Район образцовый в крае в смысле внедрения правильных травопольных севооборотов. Можно сказать, гордость крайсельхозуправления! На что обижаться?

— Да. Денег получаем много, народ в деревнях не

обижается. Можно бы и не возражать и согласиться с этим. Если бы не одно «но».

— Какое же? — снисходительно улыбнулся Гус.

— Перспектива. Ее-то и нет. Прав был Минчурин, говоря, что нельзя полагаться на милость природы. А ведь мы, говоря откровенно, ждете этой милости.

Гус усмехнулся.

— Вот товарищ Иноземцева докажет нам иное.

Марина Васильевна густо покраснела.

— Не смейтесь. Простой крестьянин-опытник и тот давно понял, что нужны новые поиски, — сказала она.

— Это вот этот? — потряс тетрадью Гус. — Что ж, почитаем новоявленного академика.

— Спорить, товарищи, не будем, — примиряюще сказал Кожин. — Хочу добавить: в отношении того, что «карты в руки», — вы правы. У нас они есть, по крайней мере за последние десять лет... Это будут хорошие карты для вновь открывающегося в крае сельскохозяйственного научно-исследовательского института. А институт этот как раз и будет заниматься пропажными. На опыте нашего образцового района, — Кожин иронически подчеркнул — образцового, — он убедится, что поиски иного пути в земледелии нужны. Очень нужны! — И, обращаясь к Градову, сообщил: — К вам подъедет предрика... возможно, не сегодня — завтра, обсудите обстоятельней вопрос с дамбой через пойму. Разговор мы такой уже вели в райкоме... До свиданья!

— Я могу быть свободен, Иван Иванович? — потянулся к директору Гус после ухода Кожина.

— погоди. Не торопись, — остановил его Градов. — Чуешь, куда ветер, а? Уж если секретари заговорили, то, действительно, невтерпеж от ваших трав становится.

— Бесплодный разговор.

— Нет, не бесплодный. Если говорить как государственным людям, то разве можно отдавать под пустырь столько земли?

— То есть как это под пустырь? — вскочил Гус.

— Сиди, сиди. Не ерепенься... Я не защитник пропашной, потому что не знаю ее, но и это не дело. Это, скажу тебе, не наука тоже, которая обворовывает собственное государство на миллионы, а может быть, на миллиарды пудов зерна. Да вот возьми по нашему совхозу.

— Иван Иванович! — заерзал в кресле Гус.

— Не егози, не егози, — махнул на него рукой Градов. — Возьми у нас... пять тысяч под травами! Это минимум 50 тысяч центнеров пшеницы... 300 тысяч пудов. Почти полмиллиона!

— Что ж вы поили на это?

Градов передохнул. Выпил воды. И уже без воодушевления ответил.

— Да уж будь уверен, если б не ввязался этот черт твой, Трещинский, ни за что бы не дал!

— Ну, хорошо. Нынче еще сняли бы урожай на этой старопашотной земле, а как на будущий год? Снова пшеницу? Да это ж варварство, товарищи!

— Ввели бы плодосмен, — подсказала Марина Васильевна.

— И вы все-таки говорите об этом после того, как явно провалились с кукурузой уже нынче, — насмешливо бросил Гус. — Не забывайте еще одного обстоятельства, ведь секретарь райкома может этого и не знать, плодосмен потребует химических удобрений. Вот вы уже нынче израсходовались на суперфосфате? А что толку? Ошиблись с почвой? Хорошо. Вы думаете, дешевле станет селитра? Пропашная система потребует много миллионов рублей на развитие химической промышленности.

— Дело не в этом — твердо сказала Иноземцева. — Дело в том, что именно раскрывает секрет урожая. Вот у товарища Селезнева пшеница по кукурузе дала 35 центнеров в среднем с гектара. Пусть на грядке.

— Грядку можно утопить в различных удобрениях, — усмехнулся Гус. — Вы попробуйте это на большие массивы вынести.

— Что ж, кукуруза не такая уж трудоемкая культура, если учесть, что ее можно обрабатывать и убирать машинами. Суперфосфат и калийные стоят гроши...

— Как же вы думаете вносить сейчас селитру? Ведь как мне известно, на Коловом кукуруза имеет уже полтора листочка? — он скривил губы.

— Полтора... Даже меньше, вянут листики, — спокойно выдержав взгляд Гуса, сказала Марина Васильевна.

— Ну вот, видите. Как же думаете поступить?

— Думаю, как советует Селезнев... рассею с землей по плантации. Влаги много. Уйдет в землю.

— Что ж, этот прием допустим в агротехнике, но он мало эффективен,— сказал Гус.— Лучше бы, конечно, с семенами вводить. Но, как говорят, на безрыбье и рак рыба.— Гус победно посмотрел на Марину Васильевну, потом на Градова и бодро закончил:— Я не возражаю, Иван Иванович. Мне даже нравится такая настойчивость, — снова милостивый взгляд на Марину Васильевну.— Хорошее это качество для ищущего человека.

Проводив глазами Гуса, Градов набросился на Марину Васильевну:

— Ну чего ты голову повесила? А воевала за тот Коловий. Отвоевала, так не пускай слезу.

— Да я ничего, Иван Иванович,— слабо улыбнулась Марина Васильевна.— Обидно может он вести себя и говорить.

— А ты терпи, не сахарная, небось... Будет тебе седитра. Сейчас же направляю в Алейск,— и добавил:— А к моей зайди, соскучилась.

— Хорошо. А что это за дамба? — спросила Марина Васильевна, вспомнив наказ Кожина.

— Морока, вот что. Он, Кожин-то, хоть и отличный мужик, а тоже себе на уме. Видишь ли, пока тут колхозы были, так управлялись паромом. А теперь свой целинный совхоз. Дамбу предлагают строить на пойме. В коренную воду Чарыш ведь заливает тут все. На полсотни верст кругом заливает. И когда спадет вода, все равно по этой проклятой пойме ни пройти, ни проехать. Так вот, район решил на нашей спине прокатиться. Вам, говорят, деньги дадут всегда... Вы целинники. Под шумок и на дамбу отпустят.

— Ну и как?

— А никак. То ли я деньги и технику сам кую? Сказал Дмитриеву, он как накричал на меня... характерный, черт, попал, такие по мне, люблю таких горячих... Да! — воскликнул Градов.— Вы с ним, оказывается, знакомы, а? Что-то он тебя Танюшей величает?

— Вместе партизанили. Я в подполье была... Таня — кличка.

Градов во все глаза смотрел на Марину Васильевну.

— Да когда ж ты успела? — развел он руками.

— Успела вот, — грустно улыкнулась Марина Васильевна

— Ну и ну! — Градов некоторое время молча разглядывал Марину Васильевну. — Успела, говоришь? И молодчага, — заключил он, стукнув кулаком о стол. — И тут выстояшь! И не только выстояшь — ты ищи, ищи — и победишь!

— Ой, Иван Иванович! Не кричите! — покосилась на дверь Марина Васильевна. — Постараюсь...

Градов обмяк.

— Люблю, тихо проговорил он, наливая дрожащей рукой воду. — Люблю таких... Извини, пожалуйста, закипает вдруг вот тут, — он ткнул кулаком в грудь, — закипает, когда такое встречаю... Сдаю, что ли?

Всю ночь просидела Марина Васильевна над тетрадью опытного Селезнева. С карандашом в руках еще и еще раз проверила она данные плодосмена. Это были удивительные цифры! Около двенадцати лет, превратив свой приусадебный участок в опытное поле, вел упорную и настойчивую борьбу простой крестьянин, чтобы разгадать секрет структурности почвы. И вот они, эти цифры побед! Чем выше урожай кукурузы, тем выше урожай пшеницы... 1937 год — урожай с початками в пересчете на гектар — 680 центнеров. Пшеницы — 30 центнеров. 1938 год — кукуруза с внесением селитры — 800 центнеров. Пшеницы — 35 центнеров... Вздвигая и счастливая, ни минуты не вздремнув, ушла на рассвете Марина Васильевна на Коловий. Не заметила, как взошло солнце, как показался кроваво-красный, весь в солнечных бликах, Чарыш. От Верховинки, разбрызгивая росные звезды, отходило к горам стадо коров. Как-то девушка, пробежав по гребню увала, сбежала вниз.

— Здравствуйте. А я вас поджидала! — услышала Марина Васильевна звонкий девичий голос. — Вам отдали тетрадь?

— Да... Так это твой отец, Лена?

— Да, да, — весело закивала девушка. Марина Васильевна обняла Лену, прижала к себе.

— Спасибо. Большое спасибо. Вот он пишет селитра.

— Да, конечно. У нас ведь так же сыровато. А вы суперфосфат, да?

— И немало.

Они нагнулись к всходам. Редкими и невеселыми были всходы.

— Нынче, кроме кукурузы, правда, взяли и посеяли грядку сахарной свеклы, это мама настояла, — рассказывала Лена. — Она больше меня знает. Все годы с отцом на участке. И знаете еще, кроме свеклы, картофеля, гороха, решили морковь испробовать.

— Я обязательно побываю у вас, — сказала Марина Васильевна.

— Об этом мы с мамой и хотели вас просить, — обрадовалась Лена. — Я ведь не очень еще разбираюсь. Но буду обязательно, — она решительно тряхнула головой и неожиданно добавила: — а вы не очень расстраивайтесь. Над отцом, говорят, смеялись все, а он свое. Когда уходил на фронт, сказал: «Если бы не Гитлер, мать, на колхозное поле перенес бы секрет урожая. А пока сбереги мои записи. И уж если что там случится, в надежные руки отдай, а лучше всего отнеси в райком партии». Ушел и потерялся без вести. Мы все ждали, ждали. А в прошлом году мама решила: «Будем без него вести опыты. Скорей придет». И все она помнит, что и как. В тетрадку даже и не заглядывает. Вот она у меня какая! — «Да и сама ты такая же», — тепло подумала о девушке Марина Васильевна.

Ежедневно стала бывать на Коловом Марина Васильевна. Иногда ее сопровождал Лешка. Всходы чахли. И тогда решила испробовать последнее средство. Правда, поздновато уже. Но если селитру рассеять с землей и подборонить легкой боронкой, может, что и будет...

Все кушкинцы переживали эту неудачу. Как-то Серафим осторожно спросил, есть ли что полезного в записях, которые он принес от Лены.

— Конечно, Серафим, — сказала Марина Васильевна — эта тетрадь стоит десятков томов травопольщиков.

Серафим, довольный, крикнул: «Лена знала, чем вдохновить. Она такая...»

Под вечер с соседнего отделения завернул на Кушку Дмитриев.

— Хоть и крюку дал километров с десятка, но, думаю, как миновать? — оправдывался он перед Мариной

Васильевной. А перед ней и оправдываться не нужно было. Она всегда рада видеть его.

— Ты вот что, Маринка, — сказал Дмитриев решительно и строго. — Ты эту хандру брось.

— Хандру? Откуда ты взял?

— Да вот с этой самой кукурузой. Я все знаю.

— И ничего ты не знаешь, — весело воскликнула Марина. — Кашу будешь есть?

— Какую?

— Гороховую.

— Давай. Люблю. Не из своего ли уж огорода? — он подмигнул.

— Пока привозная. Не смейся. Будет и из своего.

— Я и не смеюсь. Просто полюбопытствовал. Умеешь ты как-то обживать места. Вот и огород уже.

— Вовсе это не я. А дело стоящее.

— Конечно.

Дмитриев ел горошницу, обжигаясь: торопился, не хотелось обидеть Марину.

— Отвык от горошницы. Совсем отвык, Костя, — говорила Марина. — Вот сейчас дуешь на ложку, крутишь головой — горяча! А помнишь?

— Агм, — бурчал Костя и, смеясь одними глазами, торопливо переворачивал во рту каленую кашу. Он смотрел на Марину и никак не мог отделаться от первого впечатления — не стало Тани. Перед ним совсем незнакомая, но до боли, кажется, близкая и родная девушка. Сильная, по-прежнему смелая и решительная в делах. Неужели она от всех отворачивалась все эти годы? Милое, улыбчивое лицо. И глаза. Порой ласковые и бездонные. Порой суровые и жесткие. Этого не было раньше. Тогда он видел в них слепую покорность и восхищение. Да, она восхищалась любым его боевым делом, не замечая своего личного героизма и отваги.

— Костя... Костя! — услышал он. — Что с тобой? Замечтался за кашей? Какой позор для хозяйки!

Дмитриев отодвинул от себя алюминиевую чашку и встал, не скрывая своего волнения.

— Извини. Сейчас пройдет, — он встал и подошел к окну. — А это еще что за личность? — остановился он

у портрета и в следующее же мгновение резко обернулся к Марине и недоуменно уставился на нее. — Никогда у меня такой фотографии не было. Честное слово! Где ты ее взяла?

Дмитриев осторожно снял фотокарточку со стены и внимательно присматрелся.

— Нет! Хоть убей, не помню. Никогда в отряде не фотографировались. Да и нельзя. Конспирация не позволяла такую роскошь.

— Конечно, — согласилась с ним Марина. — И все-таки фотографировали тебя там, в отряде.

— Но кто? Когда? Как?

— Хорошо. Я расскажу. Только ты, пожалуйста, повесь портрет. Я тебе его все равно не отдам. Вот так. А теперь слушай.

Марина взволнованно прошла по комнате.

...Костя, конечно, помнит, как из-за излишней доверчивости чуть было не погиб Сергей Соболевский, вожак комсомольского подполья Могилева. Как-то на улице его встретил Казик Гельман.

— Привет подпольщику, — тихо сказал Казик. — Я ведь все знаю. Не отпирайся. Почему вы мне не доверяете? Обидно.

Сергей тогда отшутился и, конечно, не ввел в организацию. Он посоветовался с другими подпольщиками. Уж очень заманчив был объект, на котором Казик работал — электростанция. Решили рискнуть, тем более, что в прошлом и в семье у Гельмана было все «чисто». Отец — рабочий. Брат — коммунист. Служил в Красной Армии. Бил фашистов. Как раз этого «чистого» прошлого и боялся Казик. Он из кожи лез, чтобы заслужить благосклонность оккупантов. Это были дни, когда в городе уже работало свыше десятка подпольных групп. Горели склады, эшелоны, выведена была из строя шелковая фабрика. Было убито несколько предателей. Земля горела под ногами оккупантов. Советский город мстил и карал. Сбились с ног гестаповцы. Они сразу обратили внимание на то, что мстители обходят такой важный объект, как электростанция. Присмотрелись к тем, кто на ней работал. Отметили старательного Гельмана. Его преданность делу. Еще до встречи с Сергеем его вызвали в гестапо, поблагодарили за хорошую работу и «бдительность» на производстве.

— Мы по очереди сами ведем охрану,— похвастался Гельман и заверил, что сохранит станцию от диверсий. Ему выдали пятьсот марок, но тут же, узнав, что он местный, предложили изменить свою тактику.

— Ты должен узнать, чем заняты твои товарищи по школе. Среди них — бывшие комсомольцы. Не так ли?

— Конечно,— покорно поддакнул Гельман. — Некоторых я уже видел... правда, не разговаривал.

— Твоя задача — наладить с ними связь, войти в доверие. Ясно? — приказали в гестапо. И Гельман согласился. Так стал этот малодушный человек предателем своего народа, агентом немецкой тайной полиции.

Во время второй встречи с ним Сергей рассказал, что он и его товарищи действительно ведут подпольную борьбу с оккупантами и предупредил его:

— Учти, предателей мы уничтожаем.

— Верьте мне,— сказал Казик.— Я хочу сам активно включиться в эту борьбу, но не знаю, как и с чего начать.

— Надо взорвать электростанцию,— сказал Сергей.

— Но как?

— Мы держим связь с партизанским отрядом. Мины уже заказали. Ты готов?

— Да,— сказал Казик и вызвался сам помочь перенести мины.

Сергей подумал и решил, что так будет даже лучше. Казик имеет пропуск. Он может официально отпроситься на соседнюю электростанцию, которая не работала, и посмотреть запчасти для своей.

— Хорошо,— согласился Сергей.— Буду ждать тебя за городом.

И вот Казик в деревне, на явке партизан.— Ты не помнишь, Костя, кто приносил те мины на явку? — внимательно посмотрела на Дмитриева Марина Васильевна.

— Как не помнить.— улыбнулся Дмитриев и взглянул на фотографию.— Вот такой как есть: в полумешке, ремни, наган справа, сабля... Помню и этого Казика. Длинноногий, угрюмый, застенчивый такой.

— А вот послушай дальше,— продолжала Марина Васильевна.— Ты мог ничего не слышать и о Генрихе Захарьяне. Это был смелый и очень решительный подпольщик из группы военнопленных «Непокоренные». Он работал в штабе немецкой дивизии монтером. Чтобы

создать репутацию преданного немцам человека, Захарьян замкнул электрические провода. А когда ночью заработал движок, в здании штаба начался пожар. Поднялась паника. Положение спас Захарьян. Он даже прихватил забытый кем-то из офицеров портфель с бумагами, видно, не имевшими большой ценности. Начальник штаба объявил Генриху благодарность и даже, кажется, выдал бесплатные талоны в столовую, где питались полицейские. Генрих имел пропуск. Свободно ходил по городу и днем и ночью. Как-то в одной из легковых машин он увидел переводчицу гестапо с молодым парнем. Лицо парня Генрих запомнил. И вот однажды, пробираясь на Большую гражданскую, где в домике Карпинской была оборудована подпольная типография, Генрих заметил человека, сидящего в развалинах дома и внимательно наблюдавшего за домиком Карпинской. Генрих спрятался и стал следить за ним. Когда тот повернулся, Генрих сразу же узнал его: это был тот самый парень, которого видел он в машине с немкой из гестапо. Вот из домика вышла молоденькая девушка. Она осторожно огляделась и пошла в город. Когда она поравнялась с развалинами, парень вышел ей навстречу и, улыбаясь, сказал:

— Внимание! — и поднял руку. Девушка испуганно заморгала. Парень махнул правой рукой. В рукаве его мелькнул какой-то металлический предмет.

— Вот и готово. Чего вы испугались?

«Фотографирует, гад, — догадался Генрих, — за домиком Карпинской слежка». Генрих огляделся. Окраина была пустынной. Решение пришло мгновенно. Он вышел из развалин. Проходя мимо парня, быстро спросил, вытащив сигарету:

— Спичка есть?

Парень стал левой рукой шарить в кармане. Правую осторожно держал на отлете.

— Что это у тебя, ранен? — кивнул он на его руку. Тот усмехнулся. Генрих резким движением ударил его по руке. Из рукава выпал небольшой фотоаппарат. Чтобы не дать парню опомниться, Генрих схватил его за горло. А когда тот захрипел и стал дергаться, бросил его.

— Беги! — крикнул Генрих расгневившейся девушке и, схватив фотоаппарат, сам скрылся в развалинах.

В ту же ночь мы проявили пленку. Девушкой оказалась связная нашего отряда Женя. Она в тот день приходила к Карпинским за листовками. Вторым был ты.

— Не может быть! — воскликнул Дмитриев.

Марина Васильевна улыбнулась, пожала плечами.

— Представь себе. Пленку сожгли, а я вот сохранила... Потом увеличила.

— Кто же он... этот фотограф?

— Казик Гельман.

Наступила тишина, сдвинув брови, затуманенными глазами смотрел в окно Константин Дмитриев. Потом оживился, спросил:

— Генрих задумал предателя?

— К сожалению, нет. Отдыхался подлец, — сказала Марина. — Уже на второй день он пришел вместе с ге-становцами в дом Сергея Соболевского.

— Мы пришли за минами для электростанции, — сказал он Сергею и засмеялся. Сергей рванулся, ударил головой прохвоста, тот отлетел в сторону. На Сергея навалились и увезли. Арестовали и друзей его. Погибли мать и дочь Карпинские. Да, Костя, славные это были люди. Мужественные и светлые.

— А Сергея спас Воргун, — сказал Дмитриев. — Прямо из тюрьмы. Вот смелость! За три дня до казни Сергея спас.

— Да, я знаю. Здорово все было продумано: как раз под рождество. Удачное время выбрал. Внутри тюрьмы были три офицера и два полицейских. Ведь он в тюрьме работал, Воргун-то, ты знал об этом?

— Слышал. Мы тоже готовили было подарок рождественский для немцев. Идем в Луноново. Там лагерь военнопленных был. Да ты знаешь. Смотрим, человек восемнадцать ведет какой-то немецкий офицер. Выскочили мы из засады, а это Соболевский с освобожденными из тюрьмы.

— Да, — задумчиво произнесла Марина.

— Как же ты выбралась тогда в деревню? — спросил Дмитриев.

— Кое-как. И, понимаешь, когда меньше всего ожидала опасности — она тут как тут.

— Кто же думал, что этот староста гадом окажется. Шли как на явку, — сказал Дмитриев.

— Вот здесь уже ты выступаешь, как мой спаситель! — засмеялась Марина.

— А ничего... Тогда, кажется, я развернулся? — Дмитриев тоже засмеялся, встал и натянул на голову кепку. — Пора, Танюшка... Еду. Заболтались мы с тобой. — он протянул ей руку. — За горошницу спасибо! Когда увидимся, а?

— Разве мы за горами живем?

— Ты, пожалуйста, носа не вешай... Наплевать на Гуса и прочих. Ведь такое дело!

— Да что ты меня, как маленькую, уговариваешь? — возмутилась Марина.

— Ну, не буду. Я верю. Ишь какая стала!

— И впрямь большая... Подожди, Костя, — Марина критическим взглядом осмотрела его с ног до головы и покачала головой: — Так нельзя. Гимнастерка грязная, брюки в коленках протерлись. Ты же инженер! Присылай с кем-нибудь, выстираю... Слышишь?

— Ну уж, нет, — сконфуженно улынулся Дмитриев. — Не хватало еще этого. Даю слово: отдам в стирку. Времени, понимаешь, в обрез. Некогда особенно следить за собой.

— На это всегда можно найти время.

— Пристыдила. — Он толкнул ногой дверь и вышел. — Ну вот, а к вам новый уполномоченный катит! — весело воскликнул он.

На Кушку подруливал мотоцикл. Марина Васильевна сразу же узнала в приезде Полещука. На стане было безлюдно. Все работали на огороде. Полещук подкатил к «салону» и стал отвязывать с багажника сумку.

Марина проводила Дмитриева до машины. Усевшись за руль, Дмитриев вдруг рассмеялся:

— Ты знаешь, зачем я приезжал к вам? — спросил он. — Нет? Дело — серьезное, а смеюсь я потому, что заговорила ты меня. Сначала кашей, потом историей с фотографией.

— Какое же дело?

— Понимаешь, что за чертовщину придумали в районе? — воскликнул он, и глаза его приняли холодное, жесткое выражение. — Хотят загнать все наши тракторы на строительство дамбы через пойму!

— Слышала. Ну и что ты волнуешься? Что кипятись?

— Вот еще новости! Уборка на носу, а там зябь, да еще лесу до черта надо вывезти, а они — дамбу. Не выйдет! Не дам!

— Упрямый.

— А что ж ты думаешь. У меня одна голова на плечах, — он завел машину. — Поберегись! — «Газик» попятился назад, круто развернулся и вышел на дорогу. Дмитриев, высунувшись, махнул Марине рукой. Она смотрела ему вслед и не слышала, как подошел Полещук, вздрогнула, когда раздался рядом его басок:

— Здравствуйте. Что это он кричит? Как понял я, насчет дамбы?

— Да. Не хочет давать тракторы. Здравствуйте!

— Будет решение бюро и все. Куда денется? Согласится, как миленький. На то она и партийная дисциплина.

— Он тоже по-своему прав.

— А там не будут смотреть, кто прав, кто виноват. Вынесут решение — и все. Выполняй.

Марина Васильевна не стала спорить.

— Вы к нам с каким-нибудь мероприятием?

— Проведем диспут о любви.

— Это так важно?

— Все важно, товарищ Иноземцева, что касается воспитания молодежи, — сказал Полещук серьезно.

— Да, конечно, — отворачиваясь от Полещука, чтобы скрыть улыбку, согласилась Марина Васильевна. — Сейчас они закончат сажать картофель. Сегодня так удачно все получилось. Приехал Паршуков и, узнав, что у нас нет семян картофеля, прислал на машине. Решили не терять времени. День хороший.

— Огород — это вы хорошо решили. На других отделениях все еще идут дебаты: нужен или не нужен общественный огород. Ваше начинание я обязательно буду пропагандировать в совхозе. Это важно!

ГЛАВ 4

10

Весть о диспуте ребята встретили по-разному. Но в основном все сходилось на одном:

— Почему же все-таки диспут?

— Ну, такая уж общепринятая форма этого мероприятия,— пояснил Полещук.

— Странно,— покачал головой Илька.— Диспут я так понимаю: есть два-три противоположных мнения... Начинается спор. Так?

— Так.

— А вот мы, кажется, не спорим. Не слышал я, чтоб по этому вопросу были расхождения.

— Вы что ж, разговаривали на эту тему? — спросил Полещук и с недоверием посмотрел на Ильку. Тот смутился.

— Кажется, нет.

— В том-то и дело,— торжественно произнес Полещук.— Мнений будет тьма и все противоположные. Как повести разговор. По какому руслу его направить.

— Да,— сказал Серафим,— деликатный вопросик...

Соня с откровенным недоверием смотрела на Полещука, рывшегося в многочисленных бумагах. «Небось, инструкцию о любви ищет»,— подумала она и фыркнула.

— Ты что? — шепнула ей Дуся. Соня наклонилась к ней, и они расхохотались вдвоем. Полещук неодобрительно посмотрел в их сторону.

Он начал свое выступление «со спутников любви» — рассказал о дружбе, о товариществе, об идеалах. В общем, это было интересно, хотя и не ново.

Любовь Полещук разбивал по категориям: мещанская, корыстная, скоропалительная — то есть любовь с первого взгляда.

— Может ли быть такая любовь? — спросил он.

— А бог ее знает, — вздохнул Серафим. Все заулыбались. Дуся вдруг покраснела и выпалила:

— Конечно, кому что дано. Тебя, пожалуй, и ДТ не проймет — лемеха все попортит.

— Дуська! — в ужасе воскликнула Люба-Коротель.

— А что он! — сказала Дуся с сердцем и поглядела на смутившегося парня с явным сожалением. Бедная Дуся и не догадывалась, как по простоте своей душевной выпалила при всех давно мучившую ее досаду на незадачливого Серафима. Люба закрыла руками лицо, а парни, многозначительно переглянувшись, с откровенным любопытством посмотрели на Серафима.

Окончив свою речь и вытирая лицо платком, Полещук сел, пригласив высказаться «по существу вопроса».

— Давайте поактивней, товарищи. Что вы, например, думаете о любви с первого взгляда?

— А тут и думать нечего. Не бывает, — сказал Лешка.

— Так, — хитро сощурился Полещук. — Ну, а другие как думают?

И Серафим решился.

— А я вот скажу, — поднялся он. — Ввиду того, что никто из нас, наверное, не испытал этого, вопрос с повестки дня удалить и время, затраченное на него, считать бесполезно и неразумно потерянным. О чем и зафиксировать в протоколе.

Полещук растерянно приподнялся.

— Правильно! — выкрикнул Лешка и расхохотался: он увидел испуг на лице инструктора райкома. Это показалось смешным. — А я вот про такую любовь знаю... Как вы, интересно, будете судить о ней. Рассказать?

— Пожалуйста, — ожил инструктор.

— Возьмем так: он и она.

— Предположим, — улыбнулся Полещук.

— Она замужем. Имеет детей. Он — женат. Имеет тоже детей. Она ошиблась в браке. Он — тоже допустил оплошность. Она разочаровалась в своем муже, а он — в своей жене. И вот они встретились. Могло так, на работе. Замечая друг друга, наблюдая, поняли: они соз-

даны один для другого. Полюбили. Но ничего лишнего не допускают. Так, живут каждый по себе. Страдают молча и все. И вдруг порвали с такой неувязкой и сошлись, зажили счастливо. Осудит их общество?

— Да,— не колеблясь ответил Полещук.

— Ну и глупо,— сказал Лешка, надувшись.— Это ж и есть настоящая любовь.

— А этика? Наша мораль? — возмутился Полещук. Заметив подошедшую Марину Васильевну, он добавил. — Вот сделал открытие!

— Чего стоит другая любовь,— не сдавался Лешка. Марина Васильевна присела, прислушалась.

— Как это чего? — возмутился Полещук.— Я ведь говорил вам о большой, настоящей любви! А потом учти главный и решающий фактор — дети. Да, ничего из такой любви не выйдет.

— Значит, вот так и живи они и сохни друг без друга? Вот и вспомнишь Ромео и Джульетту.

— Почему ж они создали себе семью, не проверив сначала своей любви и привязанности друг к другу? — возмутился Полещук.— А это, знаете, мало ли там что после такого длительного времени, надо и совесть знать... Ответственность перед обществом. Эти ошибочки мы знаем! Не сошлись характером и прочая ерунда. Вот почему я считаю, что полюбить с первого взгляда и навсегда — это редкое счастливое исключение в жизни.

— Не знаю, как там насчет исключения,— тихо произнес Илька,— только в такие исключения я верю...

Он поднялся, бледный и взволнованный. Ребята, притихшие настороженно смотрели на своего вожака. Таким Илька бывает, когда ему приходится принимать очень важное решение.

Соня вспомнила: таким она видела Ильку в тот день, когда они переплавляли сельхозмашины через Чарыш. Тогда он один не растерялся. Сначала послышался страшный грохот. Середина Чарыша коварно вдруг вздыбилась, лед лопнул, и льдины стали быстро расходиться, образуя трещины. Вот уже местами из них заклокотала вулканами вода. Бросив сеялки на льду, ребята шарахнулись к берегу. А Илька стоял на льду, Лицо его было бледным, глаза горели. Некоторое время он стоял и глядел, как предательски быстро росли трещины, потом, на что-то решившись, схватил звено желез-

ной бороны и, подбежав к расселине, быстро перекинул через нее

— Ну, что рты разинули? — крикнул он сердито растерявшимся ребятам. — Кидайте доски, балки. Крепите настил. Не давайте льдинам расходиться! Ну, живо!

Ребята опомнились...

Да, только благодаря находчивости Ильки техника была спасена. Вот такое же лицо было у него тогда — строгое, решительное, слегка бледное. И ей понравилось это... Правда, вот если б чуточку был он посерьезней. Много мальчишества и озорства. Перебродит? Отстоится? Но о чем он говорит? Соня отогнала свои мысли, прислушалась. И вздрогнула: лицо ее побелело.

Она не ослышалась — он говорил о ней.

— Не знаю сам, но этого со мной никогда раньше не было. Соня стояла на берегу, а когда я крикнул, чтоб ребята быстро скрепляли льдины плахами, она первая перескочила трещину и стала помогать мне. Что в тот миг случилось со мной, — не знаю. Только я увидел ее какой-то другой... Я не знаю какой. Но понял, что не могу без нее. Не могу, чтобы не видеть ее...

Соня с возмущением поднялась. Перед ней мелькнули испуганные фигуры ребят. Что он надумал? Что говорит!

— Я протестую! — тихо сказала Соня. — Ты, ты... не имеешь права... Ты все... разыгрываешь.

— Я сказал, что думал, — произнес Илька. — Можешь писать, а можешь и не писать это в протоколе.

Соня бросила карандаш, гордо тряхнула головой и решительно пошла к стану. За ней вскочили девчата. Илька опустил голову и смотрел в землю, ломая в руках соломнику. Он не поднял головы и тогда, когда, пораженный случившимся, Полещук растерянно произнес:

— Ты что же, Петров, наделал?

Тот слабо улыбнулся:

— Не знаю... Как хочешь, так и суди!

— Ну, слушай, знай край, да не падай... Ты мне сорвал диспут. — Полещук торопливо стал совать свои бумаги в полевую сумку. — Мы еще, товарищ Петров, встретимся и поговорим на бюро райкома. Я считаю твои действия преднамеренными, а за такие вещи сам знаешь, что бывает. — Он пристально посмотрел на Ильку и решительно бросил: — Можешь не сомневаться!..

Полещук резко повернулся и зашагал к стану. Для него было ясно одно: Петров — бузотер, и чем быстрее он поставит вопрос в райкоме о его замене, тем лучше будет для дела. Не мог товарищ Полещук терпеть в своем «кусте» такого безобразия.

После ухода Полещука ребята сгрудились около Ильки и молча ждали, что он скажет.

— Ну, вы что? — спросил он, виновато улыбаясь.

— Да-к ты вправду? — прокашливаясь, спросил Лешка.

— О чем ты, Леша? — невинно глянул в его сторону Илька.

— Так вот про эту самую любовь-то? — Лешкино лицо расплылось в улыбке.

— Хм, — потупился Илька. — А по-твоему, мог я с Со-ней разыграть такое ради смеха?

— А неужели это страшно сказать девчонке? — не поверил Лешка.

— Это, оказывается, очень страшно. Понимаешь, хочешь сказать, а язык к небу прирастает и начинает молоть черт-те что, только не то, что хотелось бы тебе сказать! — признался Илька. — Не знаю, что теперь будет... — он с тоской посмотрел в сторону стана.

— А что будет? — сказал Серафим. — Известно. Уйдет она от нас и все.

— Ты думаешь?

— Конечно. Она такая. Вот если б она тебя тоже... ну, это самое... любила... тогда б раз плюнуть добиться, чтоб осталась.

— А почему ты думаешь, что она не любит, — обиделся за друга Лешка. — Может, она так, сгоряча. Стыдно же ей.

— Что ты, не знаешь Сони? — насмешливо бросил Серафим.

— Ух и натворил же я, ребята, — Илька покрутил головой. — Что Марина Васильевна подумала, а?

Ребята промолчали. Всем почему-то показалось, что действительно самое страшное во всей этой истории — это мнение Марины Васильевны.

— Вот что: пойду и попрошусь на другое отделение, — заявил Ильяка. — И Полещук не будет возражать.

— Ну, это ты брось, — решительно сказал Лешка. — Б есты, значит?

Ильяка промолчал. Потом оживился. Предложил:

— Пошли на Сторожевую? Кто из вас видел стень с этой сонки в это время, вот так, в сумерках?

— Да все, наверное, — сказал Лешка.

— Ну, как хотите. Пойду один. — Ильяка махнул рукой и зашагал к горам. С каждой минутой в глубокой задумчивости он все убыстрял и убыстрял шаг, будто боясь опоздать к чему-то. Не останавливаясь, преодолел крутой каменный подъем и вышел на широкую ровную площадку, переносившую уступом гору. Оглянувшись — и увидел ребят.

— Ну, вот и хорошо. Я люблю это место, — сказал он весело. — Посмотрите, какая красота! Вот смотришь — и хочется петь. Смотрите, сколько новых огней зажглось в этой глухой прежде степи. Вот там, видите, у Чарыша роятся мотыльки? Это новый совхоз «Кубанка». А вон вон, за увалом, видите, зарево? Там старый совхоз «Урожайный». И наш. Смотрите, как он горит! Все отделения видны.

Серафим смотрел в стень, дышащую мирно и спокойно, и чувствовал, что и ему хочется петь или говорить звучными, сочными стихами. И не хотелось думать, отчего все это и почему.

А когда Ильяка немного взволнованным, проникновенным голосом запел:

За фабричной заставой,
Где закаты в дыму...

Серафим подхватил вместе со всеми:

Жил мальчишка кудрявый —
Лет семнадцать ему.

Песня летела над полями, над перелесками, над голубеющими блюдами озер, вплетаясь в серебряные струи ручья, спешащего в долину, на простор, и оттого, что она родилась неожиданно в самом сердце ребят и была вольна и независима даже от их желания, казалось, что музыкой звенит каждый шорох налившихся соком трав,

каждый кустик, и даже в холодном сполохе звезд. в их падении дрожали струны весенней мелодии.

Кончилась песня, а ребята, сгрудившись, стоят у валуна и смотрят молча в степь. Песни уже нет, а ее мелодия еще звенит, звенит в сердце, вызывая какое-то не то тревожное, не то радостное смятение в душе.

— Хорошо! — выдохнул Илька. — Так бывог и взлетел к этим звездам и сказал всему миру: «Хорошо, друзья... Как хорошо жить-то на белом свете!»

ГЛАВА

Илькин неудачный «дебют», как называл его публичное признание Полещук, наделал много шума и внес в размеренную жизнь Кушки какую-то остроту. Девчата, затаясь, ждали новых событий, хотя делали вид, что ничего не случилось, и вслух, особенно при Соне, никто не говорил об этом.

Полещук извинился перед Соней и пообещал серьезно поговорить с Петровым. — Если нужно будет, — добавил он, — можем принять крутые меры. Чтобы не повадно было другим.

Странно и непонятно вела себя Соня на этой беседе. Она надула губы и насмешливо произнесла:

— А вы не посадите его?

— Как это посадите? Куда? — растерялся Полещук.

— Известно куда — в тюрьму, — с невинным видом шевельнула черными бровями Соня. Полещук, насупясь, стал ворошить содержимое своей полевой сумки. Не глядя в сторону Сони, язвительно буркнул:

— Это не остроумно, товарищ Васильева. Но по головке его не погладим. И не думайте: не потому, что он обидел комсомолку Софью Васильеву. Нет! По другим мотивам.

— Любопытно. По каким же? — блеснула глазами Соня.

— По каким? Вы, кажется, не очень огорчены тем, что произошло на диспуте? — Полещук, прищурясь, быстро взглянул на Соню. — А мы считаем это хулиганской выходкой. Петров сорвал мне важное мероприятие.

— Вы кончили? — спросила Соня.

— Да.

— Бурные аплодисменты переходящие в овацию! — сказала она, захлопав в ладоши. Потом встала и быстро вышла из конторки.

— Ну и Соня! — переглянулись девчата. — Что она лезет на рожон?

— И-да, — сказал Полешук. — Язычок...

— Да вы же сами видите, товарищ Полешук, не в себе она. — заступилась за подругу Дуся. — Каждого, доведись такое, выбьет из колен.

— Да, конечно. Я понимаю. Вполне это резонно. Да, — согласился с ней Полешук.

— Любовь Илькина, злодейка, натворила дел, — притворно вздохнула Люба-Коротель.

— Не любовь-злодейка, — поправил ее Полешук. — А сам этот Петров.

Подхватив сумку, он уже на ходу спросил:

— Иноземцева дома?

— Дома, — ответили девчата.

— Попрошу верховую лошадь. Даст? Мне надо провести одно мероприятие на втором отделении. Бензин вышел. Придется мотоцикл оставить у вас.

Ему никто не ответил, и он, кивнув головой на прощанье, зашагал к домику управляющего.

Девчата молча вышли из конторки и остановились. Было тихо. По небу косо срезанными полотнищами плыли красноватые облачка вечерней зари. В траве пели цикады и перепела.

— И где только их черт носит, — сказала Дуся, — вся каша остынет.

— Может, Ильку уговаривают? — заметила Люба-Коротель и фыркнула.

— Он ведь, небось, бешеный сегодня.

— Ну да жди, — отмахнулась Дуся. — Его не скоро прошибешь. Ты думаешь он и вправду брякнул на диспуте-то? Как же! Держи карман. Соню хотел поразить. А вот она куда делась?

Девушки помолчали. Прошли за ток.

— Марине Васильевне судьбу изливает, небось, — высказала свое предположение Люба.

— Нет, Марина Васильевна вышла с Полешуком. На луг пошли к лошадям.

— Тогда где же она?

А Соня, расстроенная, взбудораженная, шла в это время по полю, сама не зная куда. Вот она опустилась в неглубокую балку. Пробралась сквозь старый, колючий репейник и остановилась перед ней на поляне горел небольшой костер, чуть поодаль темнели какие-то строения. На корточках, подавшись вперед к костру, сидел вихрастый, лет двенадцати, мальчишка. Едва Соня остановилась, отдирая рассыпавшиеся в руках, но еще цепко державшиеся за платье репейные шарики, как лохматый черный комок, лежавший по левую руку мальчишки, подпрыгнул вверх и бросился на нее, заливаясь громким лаем. Соня испуганно огляделась, пытаясь за что-нибудь спрятаться, но вокруг, кроме кустов репейника, ничего не было, и она замахала на собаку руками:

— Цыть! Цыть!

— Пушка, назад! — раздался сердитый окрик мальчика. Он вскочил и, жмурясь от огня, стал смотреть на девушку. Собака сейчас же сникла и прекратила свою атаку. Тявкнув для приличия раза два, но уже совсем другим тоном, скорее недовольным, чем яростным, она, тихо урча, пошла от костра и улеглась в траве.

Соня, робко оглядываясь, все еще стояла на месте.

Мальчик посмотрел на девушку, спокойно повернулся к костру и стал шуровать в нем палкой. До Сони долетел его деловитый голос:

— Вот и «печенка» уготовилась. Иди, чего устави-лась-то!

Он выкатил из костра несколько обуглившихся картофелин, схватил одну из них и, перебрасывая из ладонки в ладонку, стал яростно на нее дуть.

Соня улыбнулась. На нее пахнуло чем-то давно утраченным и забытым. Вот так же, помнит она, с сестренкой Катей и братом Володькой варили они на покосе у деда картошку. Тогда были и огурцы малосольные, свежий, пахучий ржаной хлеб, такой, как могли печь только в их станице Богучарской, и еще было тогда немножко сливочного масла. Вкусно! Ах, как давно это было! Да и было ли? Соня подошла к костру и присела около него так же, как и хозяйки стана, на корточках.

— Ну, здравствуй! — сказала она. — Злая же у тебя Пушка.

Мальчишка уже разломил одну из картофелин и, отчаянно махая то одной рукой, то другой (пообжег все пальцы!), подпрыгивал на месте. Остудив таким образом все картофелины, он отдышался, схватил лежавшую рядом сумку и, вытащив из нее калач, разломил его и подал одну половину Соне.

— Будем ужинать,— сказал он коротко и тут же, насыпав на дощечку соль, стал с аппетитом есть «печенку».

Соня не удержалась и последовала его примеру. Ее очень заинтересовал этот серьезный, немногословный подросток.

— Ты кто? — спросила она.

— Колька,— сказал он и воскликнул вдруг: — Эх, что ж я, а молоко?

Он тряхнул светлыми вихрами и бросился в небольшую избушку — стан. Молоко было необычно вкусное. Соня пила его из жестяной кружечки, прикусывая печеной картошкой и мягким калачом.

— А меня звать Соней,— отрекомендовалась девушка.

— Я знаю,— сказал Колька.— Я вас всех знаю. И Марину Васильевну знаю, и Любу-Коротель, и Дусю...

— Да как же ты знаешь? — поразилась Соня.— Ты у нас ни разу не был.

Колька скупно усмехнулся:

— Сорока на хвосте принесла... А ты как отбилась сегодня от своих?

— Вот так... отбилась,— улыбнулась Соня.— Марину Васильевну видел?

— Ага... Она как-то в Хайрюзовку ездила. Стрелка-то у нее какая! Любота! Мне бы такую,— он вздохнул, помолчал и добавил.— Ты ешь, ешь. Сейчас новую набросаю. Ребята должны подойти.

— Это какие же?

— Друг у меня есть среди ваших целинщиков. Илкой звать. У меня с ним дело есть большое.

— Вон как! Какое же дело? Секрет?

— Для других секрет, а для тебя могу сказать. Учит он меня. И от деда хочет отбить. Я ведь страсть как учиться хотел, а дед забрал меня из Озерок. Пастушонком сделал. Навроде бы помощником своим. Он тут в Хайрюзовке го известным чабаном значится. Евстигнеем

Мироновичем навеличивают его. Все проценты перекрывает. Вот он какой!

— А родители? Родители твои что ж? Так вот взяли и отдали в другую деревню?

— Мать у нас,— после короткого раздумья ответил Колька.— Отец где-то с другой цапкается. Бросил нас пятерых. Эх, был бы он с нами. Да я б при нем-то разве так жил! Не знал он, поди, какую я страсть имею к ученью, а то б ни вжись не ушел от мамки.

Он беспокойными глазами посмотрел куда-то в степь. Соня поперхнулась.

— Ты что? Ешь! Еще есть! — оживился Колька.

— Спасибо, Коля. Я наелась. Не хочу больше,— от-
вернувшись, тихо произнесла Соня.

— Ну, как хочешь. Невольник не богомольник,— вздохнул Колька и вдруг забеспокоился: — Надо костер распалить!

— А ты бы ел, Коля. Я могу подложить в костер!

Соня поднялась.

— Сиди,— махнул рукой Колька.— Я живо. Тут в кустах сухие валежники есть! — он схватил топор и быстро пошел по догу. Скоро захрустели сучья, раздался стук топора. Соня стояла у костра и, встревоженная откровенностью Кольки, смотрела в степь. В голубоватых бликах отсвечивали кусты, где-то журчал ручей.

Соня решила поподробней расспросить обо всем Кольку. Она помогла ему разжечь костер. И когда огонь, яростно пожирая сухие дрова, устремился кверху и довольный пастушонок протянул к нему руки, Соня спросила про деда.

Колька нахмурился. Долго молчал, будто собираясь с мыслями, погом нехотя бросил:

— Есть когда ему возиться с овечками. У него вон пасека своя.

— Значит, ты один с отарой управляешься?

Колька, жмурясь от пламени, отступил назад и, не глядя на Соню, небрежно проговорил:

— Большое тут дело... отара.

— Да не в этом суть, Коля! — горячо воскликнула Соня.— Ведь чабаном-то числится он!

— Ну и пусть. Он же кормит меня и одежонку справить обещал к зиме,— безразличным тоном сказал Колька и вздохнул.— Где нам мамка-то напасется всего.

— Выходит, дед на твоём горбу славу лучшего чабана зарабатывает в колхозе? Это эксплуатацией называется — раз. Во-вторых, какое право он имеет, чтобы отрывать тебя от учебы, закрывая человеку глаза на будущее? — возмутилась Соня.

— Илья так же говорит, — проговорил Колька и, оживившись, добавил решительно: — Но мне-то не закроет! Я, может, и согласился-то на одно лето. Осенью пойду и сдам Ольге Павловне все экзамены за пятый. Илья поможет. Я ведь памятливый ужасно!

Где-то на дороге из Хайрюзовки раздались веселые голоса гармоник. Соня встрепелась.

— Ферменские пошли из деревни. Тут дорога-то совсем рядом! К вам все собираются сходить. — Колька вздохнул и добавил:

— Хорошо у вас.

— Тебе нравится?

— Шибко, — кивнул Колька. — А я ведь чуть-что и к вам подамся. Я все могу делать.

Соня взяла его руку и молча сжала в своей.

— Придешь, Коля. Мы тебе во всем поможем! А сейчас до свидания. Пойду я.

Колька стеснительно отнял руку и, оглядевшись, тихо проговорил:

— Что-то долго Илья не идет. Увидишь — скажи. Мол, ждет.

**
*

— Ага, вот и костер, — проговорил Илья. — Это знак мне подает Колька. Небось, и картошек уже наготовил.

Ребята посмотрели в сторону Хайрюзовки и действительно заметили яркое красное пятнышко в темной пастби глубокой балки. Они с удивлением посмотрели на Илью и в один голос спросили:

— Это еще какой-такой Колька?

Илья тихо рассмеялся.

— Моя тайна, хлопцы. Но скоро вы о ней узнаете. — Илья поднял руку, прислушался. — Гармошка... девчонки поют.

— Ну, я пошел! — махнул рукой Илья и стал быстро спускаться с горы, забирая влево, к балке.

Ребята еще постояли с минуту, потом тоже стали схо-

дить к дороге, по которой двигалась шумная толпа молодежи. Девушки звонко и задорно пеют:

...Мама,
Не тоскуй, не грусти,
Пожелай мне доброго пути.

— песне тихо подырывала двухрядка.

Когда Серафим и Лешка подонили, парни и девушки остановились на бугре. Взявшись под руки, стеной стояли девчата и продолжали петь. Кто-то отошел от них и зашагал в сторону Кушки.

— К нам в гости!

Лешка толкнул локтем Серафима и зашипел.

— Видел? Соня. Почему?

— К нам почаще! — донеслось от девчат и озорное:

— Да с парнями!

— Куда вы их прячете?

— На засолку, что ли?

— Они и так уж просолели, — заметила одна из них, высокая, стройная, с двумя большими косами за плечами. — Ишь ведь какую махину земли подняли.

— Узнаешь? — зашептал Серафим на ухо товарища.

— Узнаю. Вера.

— Махину, — заметил один из парней обидчиво. — А техника? Новенькое все, как с иголочки. Вот и сравни с нашей.

— Техника, — насмешливо бросила обладательница кос, — понимаешь ты много. Больше со старой потели, сама видела.

Нет, не могла сердиться Марина Васильевна на Ильку. Она думала, долго думала о его поступке и в душе скорее радовалась его смелому решению. Он поставил на коллективное обсуждение свои чувства. Возможно ли это всерьез? «А почему бы и нет? — думала Марина Васильевна. — Может быть, это и есть то самое новое, что несут по-своему в жизнь эти молодые люди? Никаких тайн и даже тайны сердца». Но ей вспоминались не раз в эти дни слова Соня:

— Это по меньшей мере наглость со стороны Ильки, — говорила Соня в пылу гнева.

— А почему?

— Как? Неужели вам непонятно?

— В том-то и дело, Соня. Непонятно еще: стоит ли обижаться?

— Ну уж извините,— кипятилась Соня, гордо отбрасывая со лба каштановую челку волос.— Извините. Стать посмешищем всех. Извините. Если б он наедине это сказал.

— Понимаю тебя, Соня,— засмеялась Марина Васильевна.

— А то ведь при массе,— продолжала возмущенно Соня.— Что б вы, например, сказали тому человеку, который позволил бы сыграть с вами такую шутку?

— Что б сказала я? — подумала Марина Васильевна.— Что бы сделала я?.. Если б это был любимый человек,— сказала она вслух,— я бы его пожурела наедине.

— Вот видите,— подхватила Соня.— Опять же, если любимый, а если... так... никто. Ну, просто... товарищ?

Соня заметно смутилась, и Марина Васильевна поняла ее. Она обняла ее и крепко прижала к себе:

— Не надо, Соня. Не травми себя.

Соня молчала. Марина Васильевна утвердилась в своей догадке, что Илька не безразличен Соне. Только кому понравится гласное обсуждение твоих самых сокровенных чувств и дум?

Шкоземцеву вызвали на центральную усадьбу на совещание, и она решила пораньше съездить на Коловый мыс. На востоке едва прорезалась розоватая полоска. Небо было ясным и чистым. Стояла тишина. Казалось, кто-то подготовил, прибрал и небо и землю к восходу солнца. И замерло все в торжественном ожидании. Не шелухнет трава, не зарябит вода в озерах. Висят, не дрогнув, серебряные серьги росных капель на голубых ресничках отяжелевшей медунки. Марина улыбается. Какое хорошее свежее утро. Сегодня она снова увидится с Костей. Он обещал показать фотографии Кати и Витьки. «Скучает без них,— думает Марина,— что бы такое придумать, Костя, чтобы ты не скучал? У Кати скоро кончится учебный год, и она приедет. Ей должно здесь понравиться. Ведь такая красота у нас! Будешь приду-

мывать и не придумаешь. А Витьку я отобью у вас к нам на Кушку... здесь, у гор, курортное место. И Чарыш рядом. Будем с ним на рыбалку ездить. За ягодой ходить. Здесь, конечно, интереснее ему будет, чем на Центральной. А Катя, конечно, умная. Не может она подумать плохо о наших взаимоотношениях с тобой, Костя...»

Так думала Иноземцева-коммунист, но совсем по-другому — Марина-девушка. В этих ее думах отсутствовало утешение. В них одна буря сменялась другой и совсем не было затишья. Да, она чувствовала, видела, как менялся Костя при встречах. И это многое ей обещало. Но выхода не видела. Она не могла поступить так, как поступили бы на ее месте многие женщины. Видно, она не из того теста.

Марина-девушка ненавидела Костю. Но порой ей казалось, что эта ее раздвоенность и мучительная тяга к нему были приятны.

«Наверное, можно любить молча», — думала она, но тут же все в ней восставало, ожесточалось против такого смирения.

Да, можно было бы закрыть на все глаза, броситься ему навстречу... Но будет ли это настоящим счастьем? Нет, не видела она выхода... И старалась уйти в работу...

Раздалась первая трель жаворонка. Один за другим они взлетали из травы по обе стороны дороги и, ввинчиваясь в воздух, звенели-звенели, радостно и неумолчно. И вдруг — все запело, пришло в движение — на зостоте вставало солнце.

— Здравствуй, солнце! — пропела Марина Васильевна, — с восходом тебя!

От брода через Кудренок поднимался навстречу какой-то человек.

— С добрым утром, Марина Васильевна, — услышала она и натянула вожжи. Стрелка остановилась, косясь глазом на встречного.

— Илья? Ты?

— Как видите. Собственной персоной, — невесело улыбнулся Илья.

— В Хайрюзовке прогулял?

— Да нет... чуть поближе,— Илья рубашкой стал вытирать мокрое лицо (видно, он только что помылся в Кудренке) и, помолчав, добавил:

— Можете поздравить: участник классовой битвы. Не беспокойтесь — выдержал.

Марина Васильевна широко открытыми глазами смотрела на него и ничего не понимала. Но тревога уже закралась в сердце.

— Ой, Илья, что-то ты, кажется, натворил?

— Не думайте, ничего плохого. Но я не мог поступить иначе. А вы на прием к ее «величеству»? — перешел он, как всегда, на шутливый тон.— Предала наши надежды. Меры наши оказались не достаточно хорошими.

— Илья! — укоризненно воскликнула Марина Васильевна.— Я требую объяснения. Подрался?

— Неужели я похож на хулигана?

— Я не говорю. Но тогда что же?

— Просто дипломатическая неувязка. Маленькое расхождение во мнениях с одним гражданином.

— По поводу?

— По поводу взглядов на жизнь.

Она пристально посмотрела в глаза парню, покачала головой и тронула Стелку.

— Бульте спокойны, Марина Васильевна! — крикнул вдогонку Илья.— Совесть у меня чиста!

— Совесть,— досадуя на упрямого парня, прошептала Марина.— Однако, что же случилось?

Коловый не обрадовал. Плантация лежала наполовину черной в серых морщинках дождевых наносов. «Поздно... поздно,— подумала горько Марина Васильевна.— Не помогла и селитра. Но она явно оживила некоторые всходы. Вот эти, что повыше, гектаров тридцать — тридцать пять. Здесь, кажется, мы еще боремся с болезнью. Да? — она сорвала побег и рассмотрела его корешок.— Здоров. здоров!» — посветлевшими глазами посмотрела на хорошо зазеленевший участок и задумалась: «В чем же дело? В чем дело?» С тяжелым сердцем покидала Коловый Марина Васильевна. Боясь опоздать на совещание, она погнала кобылу и, не останавливаясь на Кушке,

выехала на тракт. «В чем дело? — мучительно думала она. — Неужели только в том, что этот участок чуть выше?»

У брода через Кудренок Марина неожиданно встретила Соню. Она вышла ей навстречу из неглубокого ложка и, пряча глаза, сбивчиво попросила:

— Вы не верьте, что там наговаривают про Илью. Этого не может быть.

— Да в чем дело?

— Ерунда. Не верьте и все. И я не верю.

— Вы сегодня решили извести меня загадками.

— А он говорил, да? — прошентала Соня.

— Да вот как и ты — вокруг да около, а главного не сказал.

— Тут идет болтовня. Будто... будто он... подрался.

— Ну вот, я так и предполагала.

— Только вы не верьте. Я вас задержала? Поезжайте, поезжайте. — Соня как-то неестественно скривила губы и побежала к стану.

— Вот сумасшедшие, — посмотрела ей вслед Марина Васильевна и раздраженно хлестнула вожжой. — Час от часу не легче. Теперь жди разговора «Чепэ на Кушке», — скажет парторг. Объясняйся. А Соня взволнована. И, видно, не напрасно.

Мало-помалу Марина успокоилась и стала думать о другом. Она вспомнила, что давно не писала матери. И, решив про себя обязательно уговорить ее переехать в совхоз, легко вздохнула.

«Но разве она бросит свой домик? Огород, сад... Родных на тихом сельском кладбище. А их много. Особенно после войны. Дед Андрей... Ведь и невдомек было односельчанам, как темными ночами прокрадывалась к нему Таня, партизанская разведчица, с новым приказом из лесу. А жалел, жалел как он ее. «Ты чистый бесенок, — говорил он ей всякий раз, встречая в саду. — За себя не боюсь. Мне место давно там вон уготовано за поскотиной... А тебе жить да жить еще». «Успею, наживусь, дедушка, — смеялась тогда она. — Им бы вот побавить жизни», — кивала она в сторону патрулировавших немцев. — «Убавим, не беспокойся». И вот, когда горел элеватор с зерном, а деда вели избитого за околицу села, он шел, говорят, весело. Шел и кричал на конвоиров: «Жрите огонь... Жрите огонь, погань проклятая!»

Скоро, скоро по раскаленным углям ходить будете! Она вам ничего не простит, земля наша русская!»

О смерти деда, о его стойкости рассказывал в отряде Костя. Тогда Таня выскочила за лагерь, уткнулась в траву и горько плакала.

«Костя, Костя... Вот и снова наши дороги рядом идут».

Марине Васильевне неожиданно пришла в голову мысль, что она ведь совсем не знает Костю в жизни. Там... там другое дело. Там весь ты устремлен в одном направлении. И ум и сердце твое, сноровка и смекалка — все подчинено было одной задаче, которая стала почти твоей потребностью перехитрить врага, разгадать его гнусные планы, вырвать у него инициативу, уничтожить... Так было. Здесь же все кажется значительно проще. Но сколько в этой простоте сложного. И все равно мы не имеем права спотыкаться на этом пути. Она снова вспомнила о странном поведении Ильки, о недомолвках его. И на сердце стало тревожно. А ведь казалось, что все видишь и все знаешь в жизни этих молодых парней и девушек.

Илька пришел на стан уже после завтрака и сразу же завернул на кухню. Дуся подозрительно оглядела его. Тот устало улыбнулся одними глазами:

— Не узнаешь? Покормишь?

Дуся засуетилась, забежала вокруг плиты.

— Суп будешь хлебать? — она схватила жестяную чашку и черпак. Он отрицательно тряхнул головой.

— Нет, Дуся, хлебай ты его сама. Как всегда, гороховый?

— Как всегда... гороховый, а сегодня чечевичный, — упавшим голосом произнесла Дуся.

— Мне достаточно чая. Он сегодня высококалорийный?

— К сожалению... — развела руками Дуся.

— Понимаю. Опять сахар не привезли?

— К сожалению... Ой, что ж это я. Могу тебе домашнюю лепешку предложить, — спохватилась Дуся. — На говяжьем сале.

— Ну, хорошо. Давай лепешку, — согласился Илька. — Тогда и чай будет кстати.

Дуся проводила Ильку внимательным взглядом, закрыла после его ухода окошечко и бросилась к девочкам.

— Пришел,— возвестила она.— Пришел, будто подмененный! Ой, дерочки, неужели это правда?

— А тебе очень хотелось бы, да? — презрительно щурясь, спросила Соня.

— Ну, конечно,— обиделась Дуся.— За кого ты меня принимаешь?

— Тогда нечего стронть страшные глаза,— отрезала Соня.— Страсть ненавижу, когда вот так по-бабьи ахают. Этот старый куркуль использует, конечно, случай, чтоб раздуть кадило. Только не верю. На вот столечко не верю, что Илька мог такое выкинуть! — она показала полмизинчика.

Дуся оправилась от смущения,— она совсем не ожидала такого отпора,— решительным тоном бросила.

— Можешь не верить, а другим не заказывай!

Соня испуганно расширила глаза и молча посмотрела на Дусю.

— Вот так! — еще решительней сказала Дуся и, круто повернувшись, вышла из вагончика.

...Илька сходил на Кудренок, помылся до пояса в ступенной воде и пошел прямо в поле, где ребята досаживали под борозду картошку. Серафим, которому Лешка успел сказать под секретом о каких-то таинственных приключениях с Илькой, с любопытством поглядывал на комсорга и ждал, что тот не вытерпит и сам все расскажет. Но Илька помалкивал, отчужденно шел бороздой и бросал одну за другой картофелины, не поднимая головы, не обращая, казалось, ни на кого внимания.

Лешка шагал за плужком, легко выбрасывая его на концах гона. На лице его все время играла довольная улыбка. Весело посвистывая на коней, он хлестал воображаемым бичом и покрикивал, как заправский пахарь.

— А ну, взяли-и.... го-олуби-и.

Серафим, которого раздирали сомнения, подошел к нему и, идя рядом, сердито спросил:

— Ну, ты, природный пахарь, молчит ведь комс-орг-то, а? Может, вранье?

Тот посмотрел на Серафима, потом понимающе сверкнул глазами и, ухарски сбив набскрень кепчонку, продолжал:

— А ну еще... Ну еще, голуби-и!..

ГЛАВА 12

А произошло вот что.

Часа за полтора до таинственного возвращения Ильки пришел на стан старик. Он был высок, кряжист, с окладистой рыжей бородой и молодыми глазами. Заметив Дусю, бежавшую на кухню с ведром воды, он поманил ее толстым, коротким пальцем и прокашлялся:

— Укажи-ка, девка, ваше начальство. Жалобу имею на фулиганов.

Дуся задохнулась от любопытства.

— Вы, дедуся, откуда будете?

Он сурово оглядел девушку.

— А ты что, аблокотом робишь?.. Ты мне укажи, где тут ваш старшой. Директор или кто...

Дуся испуганно поморгала ресницами и указала на домик Марины Васильевны.

Старик вперевалку, не спеша, подошел к двери, постоял немного, постучал одним пальцем. Ему никто не ответил. Марина Васильевна в это время была уже на Коловом. Ребята еще не поднимались. Значит, там никого не было. Старик пошаркал подошвами сапог о половичок, лежавший у порога, — хотя было сухо, и еще раз постучал. Тут Дуся вспомнила, что Марины Васильевны нет дома. Она крикнула старику об этом. Сердцем чуяла Дуся, что посещение этого «пугачовца», как мысленно назвала она старика, не сулило ничего хорошего для молодых обитателей Кушки.

«О каком это он хулигане говорит? — мучительно думала она. — Искось, перепутал отделения. Вон на втором, говорят, там есть... Тяпнули что-нибудь со двора и поми-

най как звали. Нет, наши не из таких». Старик покашлял в кулак и прошел к вагончикам. Остановился в раздумье, почесал бороду.

Возясь у плиты и воюя то с паром, валившим из котла будто из доменной печи, то с накипью, которая чуть что так и лезет на плиту, Дуся нет-нет и посмотрит в окно. Уж очень хотелось ей узнать, зачем пожаловал старик. Неожиданно из попутной машины выскочил с банкой в руках Полешук. Он остановился у мотоцикла и стал заливать горячее. Старик подошел к нему. Говорили они вполголоса, и Дуся, как ни прислушивалась, ничего не могла разобрать. Наконец, мотоцикл затарахтел. Потом заглох. Старик мял в руках картуз и все приговаривал: «Фулиганство это... Смертоубийство середь дня».

— Хорошо, хорошо. Разберемся,— пообещал Полешук и прошел на кухню.

— Водичка будет? — спросил.

— Этого добра хватит,— засуетилась Дуся. Пока он пил, Дуся, копаясь с посудой, безразличным тоном спросила:

— Не на прополку ли приглашает в колхоз? Хлеба-то у них шибко заросли сурепкой.

Полешук крикнул. Оторвался от кружки и насмешливо заметил:

— Сурепку не полют. Пришел он по другому делу. Кто-то из парней избил его. Избил, говорит, при исполнении служебных обязанностей. Дельце!

— Избил? — поразилась Дуся.— Да кто с ним сладит из наших-то?

— Проверим. Где управляющий? На Коловый уехал? А Петров? Ночью он никуда не уходил? — допрашивал Полешук.

— А что ж ночью, караулю я их, что ли?

— В косоворотке, говорит, был парень. У него, по моему, такая рубаха.

— Да мало ли их вокруг и в других отделениях в косоворотках-то?

— Ну, хорошо. Разберемся. Какой человек пострадал! С Доски почета не сходит лет пять или больше. Известный всему району чабан!

Полешук, возмущенный и оскорбленный, решительно вышел из кухни и направился к своему мотоциклу. Потом обернулся и наказал:

— Будут звонить и спрашивать из района, скажите, что выехал. К бюро буду в райцентре.

Дуся пообещала. К Полешуку снова подошел старик.

Дуся хотела было послушать, о чем он будет говорить, но тут плита грозно зашипела, на повариху повалил пар, и она бросилась спасать варево. Когда не на шутку расхोлившаяся плита была умело и быстро покорена хозяйкой, Дуся услышала под окнами голоса мужчин.

— Ну, стало быть, мое дело было уведомить вас, — говорил старик. — Чтoб другим не повадно было совать свой нос туда, где их не спрашивают. А уж по начальству сообщу. Как мы с Семен Семенычем запросто... с секретарем райкому, значит. Я ему и обскажу все. Мысленное ли дело! Еще и молоко, извиняюсь, материнское на губах не обсохло, а он с вилами на знатного человека села кидается. Там ему дадут острастки. В другорядь подумает.

— Хорошо. Хорошо, Евстигней Миросныч, — заверил его Полешук. — Мы и сами примем решительные меры.

— С Потаповым тягаться не могли. Сомну! — гремел старик. — Потому как Потапов первейший человек на селе! Два сына за Советы погибли смертью храбрых!

— Понимаю вашу обиду. Разделяю, Евстигней Миросныч. Такой вышел конфуз. Ай-яй-яй! — соболезнуя, встал Полешук и в самом деле расстроенный. Он тщетно пытался завести мотоцикл.

— Благодарствую, — буркнул старик и сурово осмотрел степь. Придирчивым взглядом он обшарил посевы, вздохнул и, крикнув, махнул рукой: — Прощайте!

«Чистый медведь, — подумала Дуся, украдкой из-за окна наблюдая за стариком. — Будто хозяин тут. Или, как зыркает глазами по степи. Небось, не шибко доволен новыми хозяевами». Наконец, мотоцикл затрясся, затарахтел. Полешук вскочил на него и, махнув рукой старику, покатил по дороге.

...Вскоре все на Кушке знали о ЧП с Ильдкой. Только он, будто ничего не знает, ни о чем не догадывается, сажал спокойно картошку, а когда девчонки принялись разбивать грядки и лунки под овощи, спокойно взялся за железные грабли и стал помогать им.

Лешка пробовал балагурить. Разравнивая вспаханную площадку, он говорил:

— Вот здесь мы посеем морковку...

— Опоздали с морковочкой, горе-агроном,— оборвала его Дуся.— Ее чуть ли не в снег сеют.

— Нет, почему же,— не сдавался Лешка.— Мы скоро-спелую посеем. И вырастет у нас коротель. Коротенькая такая, сочненькая...

Люба-Коротель вспыхнула и умоляюще посмотрела на шутника.

— Не остроумно,— отрезал Серафим.— С бородой.

— А ты что-нибудь подбрось свеженькое.

— Пусть вот комсорг придумает.

Илька выпрямился, блеснул устало глазами и совершенно серьезно бросил:

— После обеда, ребята, потолкуем. Есть очень важный разговор.

После обеда ребята собрались на своем любимом месте — возле Кудренка. Разлеглись на цветастом косогорчике, а Илька устроился на камне-валуне — впереди, у самого ручья.

— Можете считать это нашим собранием, но я хотел все решить, уточнить, прояснить, а потом уж собрание провести.

С ним согласились, и тогда Илька начал свой рассказ.

...Колька стоял у костра и смотрел в степь, а Илька, выйдя из кустов, глядел на него с дороги и думал: «Где у этого мальчишки судьба? В чьих руках?»

— А у меня были только что гости,— сказал Колька, подавая руку.— Но я тебе оставил «печеноч». Ешь.— Он покопался в костре и выкатил побелевшие уже картофелины.— Ешь. Вот соль.

— Весь день один? — поинтересовался Илька.

— Был дед. Еще засветло был,— как-то безразлично сказал Колька.— А задачу я все-таки осилил... Решил.

— Сколько действий? — спросил Илька, подсаживаясь к костру и разламывая одну из «печеноч».

— Четыре.

— Ответ?

— Одиннадцать целых и сорок шесть сотых.

— Правильно,— кивнул удовлетворенно Илька, гоняя во рту горячую картошку.— Теперь читай стихотворение.

Колька одернул рубашку, выпрямился и стал читать наизусть стихи. Смотрел на него Илька и думал: «Что же дальше? Неужели можно довольствоваться тем, что вот

делаешь такое доброе дело — готовишь этого мальчонка за пятый класс? Не пора ли решительно разрубить этот узел, который так хитроумно затянул старик? Нет, надо действовать и действовать немедленно. Надо развенчать благодетеля. Надо идти в село и открыть глаза прежде всего секретарю партийной организации колхоза».

— Вот что, Николай, — сказал он, решительно поднявшись. — За пятый класс ты сдашь. Я уверен. Но тебе надо будет и дальше идти. Понимаешь? Нельзя тебе останавливаться в самом начале пути.

— Я буду учиться. — скороговоркой проговорил Колька. — Я уйду в свою деревню.

Илька махнул рукой. Безнадежный этот жест испугал мальчика.

— Я не то пятый — я до десятого дойду! — воскликнул Колька. Илька обнял его:

— Верно. Иначе ты и не можешь. Но нужно тебе поинему жить, Колька. Так дальше жить нельзя. Я постараюсь помочь тебе. Пойду в правление.

— Зачем? — взметнул испуганные глазенки Колька.

Не понял Колька намерений Ильки. Зато хорошо понял Евстигней Миронович, откуда грозит ему опасность. Он встречал Ильку не раз здесь на тырле, но не придавал этому значения. Когда же Колька, возражая ему, как-то бросил с угрозой: «Это твои кулацкие замашки, дед, чтобы закабалить меня», он понял: тут дело рук этого целинника. Не был Евстигней Миронович кулаком, и это документы подтвердят, если надо. И село может сказать. Правда, на людей не надейся. Говорили в деревне еще задолго до коллективизации о его хозяйстве. О маралах говорили. На поденщиков намеки были. Но разве это батраки? Такого нет закона, чтобы поденных рабочих батраками считать. А потом, кто скажет, что он не по своей личной воле и совести разогнал всех маралов, отказался публично от пая на мельнице и пошел одним из первых в коммуны? И не он ли помог выйти многочисленной родне из голи-моли в люди? Как кровных, держал на своих харчах Аксютку, Ивана, Федору. Не мало внесла эта провальная яма — война. Кого совсем, кого без вести. Кому, как не ему было позаботиться о родственниках? Вот и этот Колька. Он его кормит, обувает, одевает. А какая его работа? То ли он его в лес посылает одного? Следить за овечками — падады нет. Пуп не надорвешь. А что там

оторвал от парты, так умный будет — наверстает в свое время.

...Евстигней Миронович пришел на тырло неожиданно. Не замечая Ильки, он прошел к загонке, посмотрел на овец и сурово сказал Кольке:

— Пора бы, кажется, и на покой. Утром опять дремать будешь. Овца зорьку любит. Где ягиоки-то?

— В сараюшке, — сказал, сконфузившись, пастушок. — Отбил с вечера, как велел.

— Велел. Пора и самому знать об этом, — пресбурчал недовольно старик. Он остановился у костра и тут сделал вид, что увидел Ильку.

— Ты бы, парень, чем мозги забивать мальчонке, дал ему покой. У вас там, в совхозе, небось, зорюете до полдён, а наше дело такое: с зарей вставай да и ложись с нею.

— Ну, вы совхоз оставьте в покое, — отрезал Илька. — Не вам судить о нем и о его людях. Вижу — сучок он в вашем глазу. Только Кольку мы не дадим вам в обиду. Хватит, поэксплуатировали. Залезли на Доску почета за чужой счет. Я вот пойду в колхоз. Выведу все на чистую воду.

Евстигней Миронович вздрогнул. В глазах мелькнули желтые язычки. Он задохнулся. Сбычась, будто примериваясь к парню, недобро уставился на него. Шевельнулись лохматые брови над переносицей, то сходясь, то вздыбливаясь крутым изломом кверху.

— Та-ак. Значит, указ появился?

— Нет, не указ. Я вас только предупреждаю.

— А если я плевал на твои предупреждения?

— Можете плевать, но ничего у вас не выйдет.

— Пушка! — рявкнул вдруг старик. — Взы его! Взы!

Пес послушно бросился было на Ильку, но, узнав его, взвизгнул, виновато завилал хвостом и заметался по сторонам, растерянно лая.

— Ах ты, сволочуга, и ты продался! — старик круто обернулся, одним рывком вырвал из ограды жердину, замахнулся на пса.

— Дедушка! — рванулся к собаке Колька. Но в то же мгновение раздался хруст и собака, не успев пинуть, упала с раздробленным черепом на старый репейник.

Колька с ужасом уставился на мертвого друга. Илька, сжав кулаки, побледневший, стоял перед озеверевшим

стариком и молча смотрел в его искаженное бешенством лицо. «Ударит? Не посмеет. Нет. А что? Какой из Кольки свидетель. Пригрозит — и тот онемееет, — лихорадочно билась мысль. — Изломает всего. Медведь в ярости».

— Ну, чего вытаращил глазищи? — шагнул к Ильке старик, вертя угрожающе в руке жердь. — Проваливай, пока цел. А то вот как подвезу, — он замахнулся своим оружием: — Ну! — властно прикрикнул он.

— Не запрыг, не понукай — я тебе не Пушка, — тихо проговорил Илька. — Брось дубину!

Старик опустил жердь и пошел на Ильку. Вид его не обещал ничего доброго. Но Илька не отступил. Он только собрался весь, сжался в комок, холодом дохнуло в сердце.

— Уйдеш-шь? — прошептал старик.

— Моего отца, говорят, убили кулаки... вот такими же кольями, — выдавил Илька, не повышая голоса. — Мать говорила... Я ребенком был, — у Ильки пересхватило дыхание. Сдавленным голосом он продолжал глухо, тихо: — Кровавый кусок из него сделался... За то, что он выполнял свой долг перед государством и партией, разоблачал их... Такне, как ты, убили моего отца!

Старик замер в трех шагах от Ильки. Он испуганно смотрел на этого хрупкого парня. Тяжело, с хрипом дышал, и Илька видел, как мелко-мелко дрожали его руки, сжавшие сухую, с желобком — трещинкой посредине тонкую жердь.

— Врешь! — заорал испуганно старик. — Врешь!

Круто повернувшись, он подбежал к ограде и со всего размаха ударил по ней жердью.

— Врешь, варначина! — раздался треск, конец сломанной жерди со свистом полетел назад и ударил старика в бок. В загонке шарахнулись в другой угол овцы. Старик схватился за бок и, простонав, повалился на траву:

— Убили! Ох! Убили-и-и! — голос его сорвался на визг. Колька вскочил и, бросившись к Ильке, прижался к нему.

— Коля... Внучонок! — донеслось от ограды. — Где ты там!

Разжалобил Кольку этот тон. Кинулся он от Ильки и с готовностью крикнул:

— Я сейчас, деда... Сейчас! Я тут!

— Ох... Ох... Воды мне... Горит все!

Колька схватил котелок и метнулся к ручью.

— Я сейчас, сейчас...

Илька почувствовал усталость. Он молча посмотрел на старика и пошел к дороге.

— Эй ты, бездомник! — услышал он сзади. — Ты еще меня попомнишь. Я тебе покажу, как заслуженных людей бить.

Илька круто остановился, хотел крикнуть что-нибудь резкое, обидное, но передумал, махнул рукой и сказал:

— Что ж, генеральную репетицию ты не плохо провел. Валяй дальше. Посмотрим, как у тебя спектакль получится!

— Получится. Не сумлевайся. Я тебе, сукину сыну, покажу, как наводить порядки на чужой земле, в чужой семье, голоштанник!

...Илька закончил свой рассказ, помолчал и добавил, будто рассуждая сам с собой: — Прав я был, что вмешался в чужую семью или неправ? Мне кажется, я обязан был поступить так, а не иначе.

— Да-а,— протянул Лешка, глядя задумчиво в ручей. — История... Как теперь твои уроки? — спросил он Ильку.

— Думаю, что встречу все-таки с Колькой. Потолкуем. Договоримся.

Привезли почту. Дуся зазвала старого почтаря на кухню, стала угощать его чаем.

— Хитрющая ты девка,— разглаживая седую бороду, говорил старик. — Новости хочешь знать?

— Конечно, Егор Петрович. Затем и стараюсь,— не обижаясь, откровенно сказала Дуся.

— Ишь ты. Ну уж за твою приветливость.

Он подул в чашку, зачерпнул деревянной ложкой повила, сделал большой глоток и начал докладывать:

— Перво-наперво, соседские новости. Подвозил вчера до району Потапсва Евстигнея. Грозился на ваше отделе-

ние. «Повез, говорит, в райком заявление». Это как же так? Фулиганят ваши ребята?

— Врет он. Не верьте ему! Тут целая история,— возмущалась Дуся и, торопясь, глотая слова, рассказала, как это все получилось.

— Оно, может, и так,— согласился после короткого раздумья почтальон.— Евстигней жил когда-то в Озерках, и старики его сквозь тут знавали... Жесткий мужик. А тут случилось такое в семье — сыновья вразлад пошли. Против, значит, отца. В партизаны подались. Тут такая была коловерт, что твое светопредставление: сын на отца, брат на брата. Убийство! А ну еще плесни, дочка! — попросил, обтирая рукавом красные губы, старик.

— Баданчику бы бросила в заварку — хорошо! Дух приятный с него. Куда супротив земляничного!

— А что это такое?

— Травя. Лопухи такие. Да вон их на Сторожевой сопке — хоть стога мечи. Во время войны здорово в ход шел.

— Ну, про того-то — Потапова! — нетерпеливо попросила его Дуся. Подперев обеими руками лицо, она усеялась напротив, за соседний столик.

— Вижу, любопытная,— блеснул глазами почтальон.— Ну что там... Парни у Потапова были настоящие герои. Погибли под Солоновкой. У самого Колядо служили. К старику за старое не придерешься. Работает на виду, вроде, а спроси-ка в селе, у кого к нему сердце лежит? Ни у кого. Будто бирюк. Метал я с ним как-то лет тому, поди, пятнадцать будет. Подойдет к копне и как с размаху запустит трехрожки, ну ажно жутко становится,— навреде в самое сердце бьет. Вот какое мнение у тебя остается... А ну, еще плесни, дочка! — отставил чашку старик, заметно взопревший.— А может, все это блазнится людям. Только вот никогда такому не доверишь свои сердечные мысли. Боязно! Бывает же такое.

— Так, значит, в райком ездил?

— Туда. Я, говорит, покажу, как семью красных партизанов обижать. Про сына старшего вспомнил, Степку. Даже прослезился. Он, правда, орел был. Отрядом командовал. Только всем известно, что он того Степку вилами однажды чуть не запорол за марала одного. Какой он там отец был своим сынам! Скрытный да жадный... Ну, вот и спасибо. Поеду дальше. А на Центральной,

слышно, байга идет, собрались прямо в столовой,— добавил он, надевая фуражку и вставая.— Дым коро-мыслом.

— Что там такое?

— А кто их знает. Шумят, ругаются на чем свет стоит. Ну, значица, до свиданья. Премного благодарны, барышня, за угощеньице... К нам отгащивать!

Дуся проводила гостя и, поколдовав что-то на кухне у плиты, не вытерпела, захватила газеты и побежала к девчонкам, чтобы передать «последние известия».

...Вечером Илька в сопровождении Лешки и Серафима пошел в Хайрюзовку.

ГЛАВА 13

Павел Ветров знал, что ему сегодня не миновать новой головной боли на совещании. Все-таки медленно, ох, как медленно шло строительство домов. И людей и материалов нехватка.

— Хучь плачь,— говорил один из поммастеров Гаврилов.— Хвост вытащишь, нос завязнет. Ну, хучь плачь.

Павел сходил на пруд, искупался. Надел новый костюм и, причесываясь перед зеркальцем, висящим в простенке между окон, весело подмигнул себе: — Что ж ты не плачешь, главный прораб? — Заседание немного страшило: никак не мог привыкнуть к ругани в свой адрес.

Ответственное совещание... Сколько их уже было за период его работы в совхозе! И редко обходилось без того, чтобы на нем не отыгрались руководящие работники совхоза. С какого бы конца ни заходили, о чем бы ни вели разговор,— кончали одним и тем же: «С этим мириться нельзя. Надо принимать какие-то меры, чтобы обеспечить людей жильем». Плохо с севом, нельзя положиться на ведущих механизаторов, потому что работают они не в полную меру. У них, оказывается, нет перспектив на скорую оседлость в совхозе — нет квартир. А из обещаний — дом не построишь.

Опоздали на работу механики, трактористы, шоферы, магазин с перебоями работает — есть веская причина: люди живут по соседним селам.

Весной, с первыми холодными дождями и слякотью, молодежь атакывала неуютные бараки и жалась к раскаленным «буржуйкам», отказываясь от всяких «увеселительных и культурных мероприятий» — пропала романтика. Негде собраться.

«Действительно,— думал Павел,— «хучь плачь». Квартыры, квартыры, квартыры...»

Стронтели работали «сверх всяких мощностей». Каменщики, когда был кирпич, засыпали от усталости на объектах. Но, к сожалению, кирпич доставлялся кружными путями, через тысячи рогаток. То половодье встанет поперек дороги, то железная дорога загонит эшелон в тупик.

В окрестностях совхоза обнаружили первосортную глину. Павел предложил готовить кирпич на месте, используя пустующее пока зернохранилище. В соседнем колхозе одолжили на время агрегат, песок подвезли с Чарыша. Пошло дело. Но надолго ли?.. Гус как-то заявил: «Нужен совхоз государству — дадут все, что надо. Страна богата, и кустарничать, идти по линии крохоборства и приbedиячества — не дело. Кто осудит нас за сираведливые, законные требования?»

«Народ осудит. Страна,— подумал Павел,— за потребительские настроения».

Когда Ветров подошел к конторе, его удивило скопление людей. Он пригляделся. Народ был не здешний. Все — крепкие, ладные. Они стояли на лужайке под окнами конторы, о чем-то беседовали друг с другом, выжидательно, с любопытством поглядывая вокруг.

— Пополнение прибыло? — не скрывая своей радости, воскликнул он, подходя к одной из групп прибывших. — Очень кстати! Очень! Ну, а плотники, каменщики, штукатуры есть?

К нему подошел высокий, черный, горбоносый старик:

— А ты что ж, мил человек, подрядчик или как?

Павел улыбнулся:

— Могу и подрядчиком!

— Ну, тогда знай, мил человек, здесь все или мастера или топор умеют держать в руках. Отходники мы. С Курской области прибыли.

— Как это отходники? — удивился Павел.

— По договору будем работать,— спокойно пояснил черный.— На сезон то есть. Будем подряды брать.

Это заявление несколько охладило пыл прораба и озадачило его, но, как бы там ни было, пополнение пойдет на его фронт.

— Ну что ж, подряды так подряды,— сказал он.— Вот сейчас, очевидно, и порешим, как быть с вами.

Павел переступил порог конторы, полный радужных надежд. В дверях столкнулся с Лизой.

— Извините, Павел Николаевич. Совещание в столовке. Пойдемте,— она подхватила его под руку и повернула назад. Пока в столовой обедала последняя партия рабочих, секретарь парткома Мухитдинов, маленький, юркий, с живыми черными глазами, скуластый, крутолобый казах, организовал команду волейболистов.

— Дмитриев, Иван Иванович, давай, давай! — кричал он, суется на площадке. — Кто с начальством сражаться не трус? — обратился он к молодым рабочим. Таких нашлось много. Парни и девушки со смехом бросились к сетке.

— Это можно!

— А прижимать не будет начальство, если того... на сухую?

— Уверяю вас — нет, товарищи, — скрестив руки на груди, говорил Мухитдинов. — Ну, если мало-мало и прижмет, так то беда не шибко большая, а?

— Маринна Васильевна! К нам! — кричали на молодежной стороне.

— Я же вроде тоже начальство?

— Ничего. Вы еще не закоренелое! К нам!

Маринна Васильевна поправила волосы и пошла к молодежи.

— Ишь, что делают! — возмутился Градов, — обескровить хотят с первых шагов. А ну давай! — разгорячился он и, сняв пиджак, засучил рукава. — Товарищ Гус... Сергей Платоныч К сетке, к сетке, будешь топить с лету мяч.

Игра началась. С первой минуты инициативу взяла в свои руки молодежь. На половине начальства в сутолоке и толкучке мяч попал в руки Градова. Градов подскочил, точно ужаленный, нервно отбросил его назад. Падая на черту, Мухитдинов отбил его кулаком к сетке. Дрогнув, Гус бросился с вытянутыми руками вперед, но мяч, отлетев от сетки, стукнул его по лбу и упал на землю.

— Один — ноль...

Болельщики, хватаясь от смеха за животы, свистят, подают деловитые советы:

— Товарищ Гус, не надо нервничать!

— Иван Иванович! Между прочим, если захотите топить мяч, бейте его кнizu!

Подает Марина Васильевна. Она подбрасывает мяч и

со всего размаха бьет его кулаком. Низкий, стремительный, он летит через сетку, но Дмитриев во-время выбирает руку и мяч, закрутившись в воздухе, взлетает вверх. Дмитриев отскакивает в сторону.

— Топи! — кричит он Гусу. Гус ринулся к сетке. Но уже со стороны противника чье-то тело легко взмывает в воздух. Резкий удар. Словно пушечное ядро, мяч пролетает возле самого уха Градова. Тот под общий смех испуганно шарается в сторону.

— Три ноль!

— Ну, братцы, полное поражение! — говорит Градов и смотрит на часы. — Кажется, пора кончать.

Он вытирает лицо платком. Тяжело, с присвистом дышит. К нему подходит Синицын. Он снимает кепку и проводит по голове рукой. Колючий, реденький ершик топорщится. Синицын смеется:

— Однако, Иван Иванович, не по тебе уж такая зарядка, а?

— Все... отыгрался в свое время, товарищ Синицын. — И, кажется, совсем ведь недавно легко и в удовольствие это было.

— И-да. Каждому овощу свое время, — говорит Синицын и тоже смотрит на ручные часы, — пожалуй, начнем. Столовую прибрали, скамейки, столы — все, как надо.

Подошла Марина Васильевна.

— Что? Капитуляция? — весело говорит она. Градов поднял руки.

— Сдаемся!

— То-то же!

К Марине Васильевне сквозь толпу прорывается Павел Ветров. Он весело кивает головой председателю райисполкома и, не скрывая своей радости, кричит, подражая спортивному комментатору:

— Вот мяч подает Марина Иноземцева. Она подбрасывает его перед собой... Секунда! Удар — кинжальный, сокрушительный... Три ноль!

Марина, смеясь, пытается закрыть его рот ладошкой. И в это время встречается глазами с Лизой. Лиза отворачивается.

— Ты некрасиво поступаешь, Павел, — говорит Марина Васильевна.

— Как? Где?

— Очень просто. Бросаешь девушку.

— А-а... Так я тут ни при чем.

— Ну, ну, не будем,— Марина Васильевна грозит ему пальцем.— Пошли.

Она оглянулась, ища глазами Дмитриева. Но того нигде не было. С Синицыным и Трещинским стояла какая-то незнакомая пожилая женщина.

— Ты не знаешь, кто это? — спросила Марина Павла.

— Кулагина. Редактор районной газеты. Смотри, не откровенничай с ней. Сразу на карандаш возьмет.

Подождал Гус и, вытащив из папки тетрадь с записями Селезнева, на ходу передал ее Марине Васильевне.

— Ну, как? — спросила Марина. Гус передернул плечами.

— Столь же любопытно, сколь и безграмотно... с точки зрения агрономической науки.— Гус многозначительно глянул поверх очков на Марину Васильевну и поспешил в столовую. Марина Васильевна вздохнула.

— Конечно, он не кандидат, всего только опытник.

— О чем вы? — спросил Павел.

— Так. Пока секрет. И не интересный для тебя. А ты с Кулагиной не знаком?

— Да что ты! Я избегаю ее, как черт ладана. Въедливая и дотошная, скажу тебе.

— Значит, знаком?

— Как-то интервью у меня брала. Замучила. Что и как? Почему? Отчего? Зачем? Беда. Могу познакомить!

Нет. Я сама.

— Как хочешь. А вообще -- не советую.

— Чудной ты, — улыбнулась Марина.— Ну, а если для пользы дела?

— Ну, если для пользы. Пошли! Начальство уже торопит! С порога столовой, махая рукой, зазывал людей Мухитдинов.

— Марина Васильевна! — услышала она.— Персонально! Прощу заходить!

**
*

За столом президиума разместились Градов, председатель райисполкома Синицын, Трещинский, Мухитдинов. В правой стороне, в углу — небольшой столик. На нем раскладывала свои блокноты и какие-то книжки Кулагина. Маленькая, круглая, розовощекая редакторша наде-

ла роговые очки и приготовилась слушать. За небольшой переносной трибуной — Гус. Трибуна была ему по пояс и явно смущала его, вызывая шутки и смех.

— А вы ее в карман, товарищ Гус, — сказал кто-то, и все засмеялись. Градов постучал карандашом о пустой стакан, призывая к порядку. Он был собран и строг.

Гус докладывал об итогах полевых работ. Докладывал скучно и долго. У него получалось, будто огромная площадь целинных земель, занимавшая в общей сложности не одну сотню квадратных километров, была лишь опытным полем экспериментальной базы. Когда он говорил о корневищах пырея, которые выворачивали предплужники и уходили от борон, перед Градовым вставало мамасво побонше: хруст, скрежет ломавшихся лемехов и предплужников, замученные лица выбившихся из сил прицепщиков и трактористов, свирепая брань и черная въедливая копоть на лицах, и он с яростью выдыхал:

— Хорошо... Ей богу, хорошо!

— Что хорошо? — удивился Гус. — Много корневищ осталось. Это не по правилам агротехники.

— Продолжай, продолжай, — кивал головой Градов. — Я о своем.

Гус подсчитал нагрузку на каждый трактор и находил, что, «исходя из установленных норм», — она была невысокой, а темпы и качество работ оставляли желать много лучшего.

— Дорого, очень дорого наш гектар обходится государству, товарищи! — заключил он. — Работаем мы поварварски, игнорируя всякие нормы и экономические расчеты.

Градов за его словами видел другое. Вот на ДТ сидят два подростка. Чумазые, как черти. Они уже двое суток не сходят с машины, глотая на ходу холодные рыбные консервы да сухой тяжелый хлеб. И так на всех трех отделениях, по всем бригадам. А на Кушке девочки-прицепщицы привязывались к плугам.

Они смотрели разными глазами на то, что происходило вокруг. Гус знал, что не верит ему Градов, этот удивительно упорный человек, нередко игнорировавший даже его, Гуса, прямые, категорические указания механизаторам. Так вот поэтому Гус будет говорить правду в глаза, совесть ученого будет ему в этом порукой. Он вот, например, приказывал на взлобках, там, где, наде полагать,

было меньше влаги, вести шахматный — не иначе — сев, — указание это директор отменил, и он сейчас убедился, что те места дадут меньше урожая, хотя всходы там и неплохие.

— Да, я заявляю об этом авторитетно, Иван Иванович, нравится это вам или нет, я несу ответственность перед агрономической наукой, — сказал Гус, поворачиваясь к Градову.

— Почему перед наукой? — изумленно вскинул брови Градов. — Вы что же здесь высокородный посол ее? — Иван Иванович сердитым взглядом обменялся с парторгом Мухитдиновым. Гус замялся.

— Продолжайте, продолжайте, товарищ Гус. Мы вас очень внимательно слушаем. Только, пожалуйста, не затягивайте время, — Градов вытащил из кармана френча часы и посмотрел на них.

Гус перебрал бумажки.

— Или вот взять хотя бы вопрос с кукурузой, — продолжал он. — Дело не в сотне гектаров, которые останутся, видно, паровать... Ну, а если хотите, то и в них дело. Мы не можем разбрасываться такими кусками земли. С нас спросят за каждый гектар. Не подумав, не взвесив все «за» и «против», дирекция пошла на рискованный эксперимент с кукурузой на Кушкинском отделении. Это теплолюбивый злак, и его биологию лозунгами не изменишь, нужна большая, многолетняя экспериментальная работа с нею в здешних условиях и только на закрытых участках с глазу на глаз с учеными... Нельзя допускать такого расточительства.

— Я думаю, кукуруза сама за себя скажет, — усмехнулся Градов. — Она в адвокатах перед историей вряд ли нуждается.

— Она уже сказала, Иван Иванович! — воскликнул Гус. — Обратите внимание на расходы, которые затрачены на каждый гектар се посева и обработки. Это невозместимые потери, потому что кукурузы на Кушке не будет.

— Если и подведет она нас нынче, — так же спокойно заметил ему Градов, — то виноваты будем мы с вами в первую голову. Поезжайте в соседний совхоз «Урожайный», и вы убедитесь в этом. Надо было продумать сроки, а вы с первого дня сева махнули рукой на нее.

— Так требовали ж!

— Кто?

— Да вы же сами знаете, кто! Уполномоченный райкома!

— Надо быть хозяевами на своей земле. На то вы и агроном, да еще ученый агроном.— с суровой прямоотой бросил Градов.— А вы заняли позу оскорбленной невинности и не только не помогли молодому управляющему Кушки в хороших начинаниях, но, я бы сказал, прямо противодействовали всячески.

Гус небрежно пожал плечами.

— Я все предвидел,— сказал он.— Дело не в сроках. Надо было опорному пункту заняться экспериментами. Только правильная агротехника, только культура земледелия поможет нам поднять сельскохозяйственное производство.

— Некогда, товарищ Гус, нам экспериментировать. Осенью получим первую партию нетелей. Кормить надо будет зиму. А вы — опыты.

— Вот и нетели эти! — Гус хлопнул себя по коленке и горячо, будто призывал всех в свидетели, добавил: — Зачем эта обуза в первые годы организации совхоза? Все неустроено, кадров животноводов нет. Надо писать об этом в Москву. Это ошибка!

— Ну, ладно. Говорить об этом будем не здесь,— отмахнулся Градов.

— И скажу, скажу... Это по меньшей мере мальчишество!

После выступления Гуса попросила слово Марина Васильевна.

— Будешь оправдываться? — спросил Градов.

— Мне не в чем оправдываться,— сказала Марина, пробираясь к трибуне.— Это товарищу Гусу надо держать ответ перед наукой и прочее.— Все с интересом следили за ней, ждали, что скажет этот беспокойный агроном.

— Вот что меня взволновало, товарищи,— отдыхавшись за трибуной, произнесла Марина.— Здесь товарищ Гус говорил о культуре земледелия. А понимает ли он сам, что такое культура земледелия? — она передохнула, оглядела собравшихся, повернулась к столу. Гус снял очки, скептически улыбнулся и посмотрел на Трещинского. Тот был непроницаем.— Я понимаю так культуру земледелия: ни одного гектара-тунеядца. Наращивание

урожаев. Скажите: можно назвать культурным хозяйством, где почти пятьдесят процентов пашни годами выключается из севооборота? Главный агроном заметил сто гектаров, на которых плохо взошла кукуруза, а пять тысяч, засеянных травой,— он считает в порядке вещей. Это по науке! Пять тысяч гектаров-тунейдцев! Нет, это варварство! Это дикость! Это не наука, которая не в состоянии дать хлеборобам ничего больше, как отнять у них половину пашни в севообороте под травами.

— Позвольте,— поднялся Трещинский,— вы же сами, кажется, институт кончили? Чему вас учили, позволительно спросить?

— К сожалению, тому же.

— Ну вот, видите.

— Я вот вас спрошу, товарищ Трещинский, вы ученый агроном и главный в сельхозуправлении. Данными вы располагаете. Почему Журавлихинский район, где под вашим руководством особенно глубоко внедрена травопольная система, больше 12—15 центнеров не снимает зерна с гектара? И это в высокоурожайные годы.— Марина Васильевна подняла тетрадь с твердыми корками.— А вот этот товарищ, его фамилия Селезнев, колхозник-опытник. Он около двенадцати лет занимался на своем участке. Заметьте: весь личный приусадебный участок занял им. Так вот этот Селезнев доказывает цифрами и фактами, что у него после пропашных пшеница давала на протяжении последних пяти лет устойчивые урожаи — 25—35 центнеров. Ответьте на мой вопрос, товарищ Трещинский, и я буду благодарна вам, и не только я,— Марина Васильевна посмотрела в зал.— И вот они будут благодарны! Я думаю, пора говорить о коренных вопросах земледелия, а не о мелочах.

— С этой трибуны,— продолжала Марина Васильевна,— я предупреждаю руководителей совхоза: нынче же осенью буду готовить все низовье у Колового мыса под кукурузу!

— Все низовье? — удивился Градов.— А не многовато будет?

— Нет, Иван Иванович... не многовато — всего пять сот гектаров.

— Вы что, смеетесь? — сердито бросил Синицын.

— Надо думать о завтрашнем дне,— спокойно сказала Марина Васильевна.— А будущее — за пропашными.

И даже, не в том дело, что у товарища Гуса нынче тоже не предвидится урожая трав. Не в этом соль... Травы никогда нас не спасали и не выручали, когда мы думали о повышении продуктивности животных и, наконец, о высоком урожае зерновых.

Зал реагировал бурно: одобрительные хлопки, возгласы:

— Верно!

— Молодец!

— Мы хлеб приехали растить, а не траву!

Шум, топот ног... Градов, улыбаясь, смотрел в зал и настойчиво бил карандашом о стакан. Когда шум стих, Трещинский попросил тетрадь. Марина Васильевна подала ему и, возбужденная, красная от волнения, пошла на свое место. Подозрительно проводив взглядом тетрадку, которую передала Марина Васильевна Трещинскому, Синицын вышел из-за стола и прошел к трибуне.

— Товарищи,— начал он.— Заскок товарища Иноземцевой понятен для нас. Провалившись со своим опытом на Коловом, она хочет теперь свалить все с больной головы на здоровую.

— Откуда это вам известно? — спокойно спросила Марина Васильевна.

— И я думаю,— повысил голос предрика, обращаясь к Градову,— я думаю, надо нам проверить вообще состояние дел на Кушке.

Недовольный гул, возмущенные голоса, откровенный смех раздались в зале. Синицын помолчал, ожидая тишины, и продолжал в угрожающе-сдержанном тоне.

— Да, надо присмотреться к прожектерским делам на Кушке. Нам не нужны прожектеры. Ведь вместо того, чтобы говорить о деле, смотрите, что она делает: она обливает грязью наши агрономические авторитеты, она обливает грязью старания людей, сотен, тысяч тружеников нашего района, с трудом добившихся культурного землепользования. Грязью! — выкрикнул Синицын.— И, конечно, такому управляющему не место среди нас. Я думаю, товарищ Градов, вы решите этот вопрос в рабочем порядке.

— Мне можно идти? — поднялась Марина Васильевна, бледная, но внешне спокойная.

— Нет, посидите. Это вам будет наука впредь,— сказал Синицын грозно.— Вы еще ответите перед коммуни-

стами. Тут большинство коммунисты. Кого это вы варварами назвали?

— Кажется, никого лично.

— Вы косвенно назвали варварами тех, кто эту систему предложил народу, вы, если хотите, наше руководство партии и правительства обвинили в варварстве! Вот до чего довело вас легкомыслие! А ведь вы, если говорить образно, пороху еще не нюхали в жизни!

— Ну, это вы, товарищ Синицын, загнули,— раздался голос Дмитриева.

— Что?

— Загнули, говорю.

— В каком смысле, товарищ Дмитриев? — насторожился Синицын.

— В смысле пороха.

— Может, она воевала, по-вашему? — усмехнулся предрика.

— Представьте себе.

Градов хмуро подтвердил:

— Подпольщица... пятнадцатилетней девчонкой была.

— Н-да,— замылся Синицын.— Но это не умаляет... Да. Мы и сейчас на передовой. На переднем крае борьбы за выполнение государственных заданий. Я считаю выступление ее здесь ошибочным и в корне не верным, даже вредным и опасным. Подпольщица — это хорошо. Но это не значит, что она может опорочивать то, чего люди — поймите: люди! — добивались годами. Подпольщица — прекрасно, но это не значит, что она может быть руководителем. Я приношу извинения перед вами, товарищ Трещинский. Вы отдали почти десять лет нашему району, чтобы сделать его образцом в смысле внедрения правильной перспективной системы землепользования. Наш район стал самым денежным районом в крае. Трудодень колхозника — 10—12 рублей. Отдельные хозяйства колхозников получают по 25—30 тысяч рублей на свои трудодни. Это богатство дали нам семена трав. От имени хлебоборобов района и руководства я приношу вам нашу признательность и благодарность. Наше трудовое спасибо! — Синицын прошел к столу и демонстративно пожал руку Трещинскому.

Зал настороженно молчал. Тишина стояла тяжелой, гнетущей.

...Трещинский был немногословен, но то, что он ска-

зал, запомнилось Марине Васильевне и как-то даже возвысило его в ее глазах. Раскрыв записки Селезнева и не отрываясь от них, он говорил о том, что опыты колхозника дают пищу для глубоких и серьезных раздумий.

— Положительный опыт, интересный, — сказал он. — И может быть, действительно для данного района плодосмен явится наиболее эффективной системой. Вот вам и мой ответ на ваш вопрос, товарищ Иноземцева. — Он поднял глаза от тетрадки и долго всматривался в зал, ища Марину Васильевну. — Но, во-первых, учтите: пропащие культуры мало того, что они очень трудоемки, — я подчеркиваю — очень трудоемкие культуры, — они еще требуют немалых затрат и на различные удобрения. Вот то, что у Селезнева на грядке урожай пшеницы прямо пропорционален урожаю кукурузы, — это значит, что предшественник потребовал много затрат на удобрения и обработку. Но, товарищи, одно дело грядка, другое — колхозная или совхозная пашня. Не скажете ли вы, товарищ Иноземцева, почему колхозы района в большинстве своем отказывались нынче от кукурузы, хотя в других районах края ею начинают засеивать большие площади?

— Хорошо, я отвечу вам, — поднялась Марина Васильевна. — Я была у Паршукова весной. Они бы и не прочь посеять кукурузу, но, когда посмотрели, у них не оказалось ни знающих сеяльщиков, ни кукурузы. Не так ли и у других?

— Да, — нахмурился Трещинский. — Тут, видно, не четко сработало и наше управление... запоздали с нарядом на семена кукурузы. И кто знает, — он сухо улыбнулся, — может, этот случай с заминкой и будет счастливым для колхозов. Ведь неизвестно, что было бы еще с той кукурузой. Может быть, так же, как получилось это у вас. Для совхоза 100 гектаров — сущий пустяк, а для колхоза — это уже роскошь.

— Совершенно правильно! — заметил с места Синицын. — Непозволительная роскошь!

— Ну, а для вас, товарищ Иноземцева, — продолжал Трещинский. — Вам действительно заняться лучше агрономией... Зачем вам эта обуза — отделение? Человек вы творческий, ищущий, и это хорошо. У вас будут развязаны руки. Передайте, пожалуйста, товарищу Иноземцевой тетрадь, — Трещинский подал ее впереди сидящим. Она пошла по рукам.

— То, что район остался без семян кукурузы,— сказала будто про себя Марина Васильевна, но так, что все слышали,— тут нет случайности. Руководителям района меньше забот с травами.

— Марина Васильевна! — покачал укоризненно головой Градов.— Не всегда же можно говорить, что думаешь.

— А вот я не могу иначе,— откликнулась, вставая, Марина.— И в отношении отделения: я Кушку не брошу. Не потому, что мне нужна должность управляющего. Нет. А потому, что не всегда надо поощрять легкомысленные решения.

Марина Васильевна порадовалась рапорту Дуси: значит, с огородом почти управились.

— А огурцы, дыни замочили? Семена я имею в виду?

— Все сделали.

— Хорошо. А где ж ребята?

— Ушли на Чарыш, наверное. В ту сторону подались. А вы не заболели? — тревожно глядяваясь в лицо Марины Васильевны, спросила Дуся.

— Да, кажется, немного. Я отдохну. Пройдет.

Быстро темнело. Не зажигая огня, Марина села к окну и стала смотреть в степь. Мысли путались. То видела она перед глазами Синицына, пожимавшего руку Трещинскому, то ей слышался резкий требовательный голос Кости, выскочившего вслед за ней из столовки. «Что ты делаешь? Куда ты собралась? Не думал, что ты паникером можешь быть». Милый ты мой. А зачем же мне сидеть с теми, кто машет над головой дубинкой? Ты бы и сам решил так же. Еще о чем-то говорил Костя. Кажется, о новых «Беларусях». Он в ночь едет на станцию за ними. «Теперь уж, поди, выехал,— думает Марина,— интересно, что решили они с дамбой?» Не раздеваясь, Марина легла поверх одеяла и вскоре уснула.

ГЛАВА 14

Удивительно, как везет Кушке на события! Еще не прекратились разговоры о ЧП с Илькой,— все были уверены, что старик жмет на район, чтоб опорочить парня. а заодно — кто знает — и всех совхозных ребят, а уже назревала новая сенсация.

Почему Илька за все эти дни ни разу не подошел, не поговорил с глазу на глаз? — думала Соня. — В какое положение он поставил меня теперь! Брякнул — и в кусты. Люди приглядываются, присматриваются к нам, а он ни слова, да еще избегает, сторонится. Значит, нахамил. Что можно еще подумать? Уж если говорить откровенно, лучше б все-таки подошел и поговорил от всего сердца. Может, все бы и обошлось по-хорошему.

Смотрит в степь Соня, а на сердце тревожно. Неужели, все-таки нахамил? Неужели, он действительно не разглядел ее по-настоящему и решил так глупо «сбить с нее спесь»? Разве она не слышит, как за глаза ее считают гордой, неподступной и спесивой. Не раз это видела и понимала она с полупамятка, с полуслова, даже из разговоров девчат. Если это так, то как же глуп Илька, как недалек и близорук. И, конечно, она не потерпит этого. Никому еще не прощала Соня обид, а оскорблений и подавно.

Стоит Соня в степи одна со своими горькими думами, а вокруг звезды да темная необъятная ширь. Кто-то над горами высекает искры. Это падают звезды. И так почему-то жалко стало ей себя, такая обида захлестнула сердце, что захотелось бежать куда глаза глядят, только бы подальше от срама, от стыда.

Почему-то вспомнился Колька, костер над балкой, «печенки», которыми он угощал ее. Неласковая судьба его. Какая-то теплая волна коснулась сердца. Может, оттого, что с Колькой связано и дело Ильки... А что, если действительно Илька избил старика и придумал всю эту страшную историю? Не выдержал — и ударил его за Кольку? Может, этот самый Илька жить не может без приключений?

И у Соня созревает решение: уйти. Вот прийти сейчас в общежитие, дожидаться, пока девчонки уснут и потихоньку уйти. Дезертир? Ей теперь все безразлично. Пусть — дезертир. Мать не осудит. Мать очень обрадуется. Она ей будет помогать проверять ребячьи тетрадки, а потом сама станет учительницей... Перед Соней всплывает картина: сидят они с матерью в комнате. На столе светит десятилиннейная лампа со стеклянным абажуром, а у них под руками стопки тетрадей. У матери очки съехали совсем на кончик носа, и Соня ей со смехом говорит: «Ты обязательно когда-нибудь потеряешь, мама, свои очки. Смотри, уже куда съехали...»

— Да, мне надо уйти, — шепчет Соня. — Вот Марину Васильевну жалко. Но она поймет меня. И особенно, когда окончательно убедится в Илькиных хулиганских намерениях. Она поймет, что не могла я поступить иначе. Можно ей с дороги письмо написать... Это еще и лучше, что ночью. Меньше будет встречных и поперечных. Уговоров да нотаций не будет. Переплыть Чарыш, а там тракт до самого Алейска, до станции.

...Вернулась со степи Соня поздно. Прощла на ток, простилась с ним. На Кудренюк сбегала, шепнула ему ласковое слово и тихо пробралась в девичий вагончик. Никто не заметил, как она быстро уложила свой чемоданчик, постояла у порога, мысленно прощаясь с подружками и вышла...

Утром она была уже в Алейске. Поезд ожидался к обеду, и Соня решила побродить вокруг станции. Она взошла на виадук и огляделась. Далеко за городом в синеватом мареве проступали горы, а вокруг городка лежала голая степь. Соня посмотрела в сторону гор, и у нее защемило сердце. Что-то сейчас там?

Она отвернулась и болезненно поморщилась, чтобы не расплакаться, потом стала следить за тем, что происходит внизу под виадуком. Один за другим двигались товарные

поезда. Отчаянно гудя, бегал по путям маневровый паровозик. К элеватору, который возвышался над низкими домиками городка, подходили грузовики. За вокзалом стоял под разгрузкой эшелон с машинами. Там бегали, суетились люди.

Соня сошла вниз и направилась к перрону. У небольшого ларька, где торговали сайками и пирожками, ее кто-то окликнул.

— Здравствуйте! А ведь я вас узнал! — к Соне шел высокий мужчина в пыльном плаще и улыбался. Соня обомлела: перед ней стоял инженер Дмитриев.

— Здравствуйте, — пролепетала она.

— Вы ведь с «Причарышского»? Я вас видел.

Соня поспешно кивнула головой, но тут же спохватилась и еле слышно сказала: — Вы ошибаетесь.

Он не расслышал ее слов и продолжал:

— Видите, какой у меня зоркий глаз! Всего, кажется, раз и видел вас... На Кушке ведь, да?

— На Кушке, — упавшим голосом подтвердила Соня.

— Ну вот. Точно! — гремел Дмитриев. — Вы, наверное, встречаете кого-нибудь?

Соня утвердительно кивнула головой и опустила глаза.

— Отлично! Вы ведь управляете трактором? Я видел вас на ДТ. Это когда вы кукурузу подсевали. А у меня, понимаете, какая история получилась: двух трактористов не хватает! В телеграмме указали 15 тракторов, а по накладным пришло 17. Понимаете? Ну, один я сам поведу, а уж один придется вам. Вот приземлим их, заправимся и в путь — дорогу. Согласны?

— Но... мне надо поезд встретить.

— А мы и встретим! Не беспокойтесь! Пока все заправим, это будет где-то часам к двум-трем — не раньше! Кушать хотите? Не отказывайтесь, пойдемте в буфет.

Соне надо было бы воспротивиться, отказаться и вообще разочаровать этого дотошного инженера, но язык не поворачивался, и она, не сопротивляясь и не протестуя, пошла за ним.

Хайрюзовка встретила ребят собачьим лаем, мычанием коров, звоном подоюников. Они перешли по жердочкам ручей. Жердочки прогнулись под ними и хлопали. Выйдя на берег, ребята оказались в центре села. Встре-

тив какую-то женщину, Илья спросил, где разыскать председателя колхоза или секретаря партийной организации. Женщина внимательно оглядела их с ног до головы и спросила:

— А вы откуда?

— Разве это... важно? — улыбнулся в ответ Илья.

— Да вот вижу, не здешние вы, ну и спросила. Не совхозные?

— Совхозные.

— А-а... — она помолчала, все еще разглядывая их, и снова спросила: — Может, что, поди, купить надо, а?

— Да нет... Ищем вот начальство ваше, — с заметным раздражением сказал Илья. Женщина вздохнула.

— Нет, милоч, я тоже не с этих мест... Вон с гор приехала.

Ребята молча пошли дальше. Илья заметил:

— Видали вы такую любознательную особу!

Серафим и Лешка рассмеялись. Они шли к площади. Но секретарь жил совсем в другой стороне. На домик секретаря указал прутом мальчик — он гнал корову.

— Это лучше, что сразу секретаря нашли, — сказал Илья, и ребята согласились с ним. Серафим украдкой посмотрел на площадь и тихо вздохнул. Там, за магазином сельпо, к Чарышу, стоит знакомый домик... «Интересно, дома она или там, на Верховинке? Скорее всего там. Как раз дойка сейчас».

Во дворе небольшого домика мужчина с подоткнутым за пояс рукавом одной рукой колот дрова. Увидев оставившихся у прясла ребят, он откинул падавшие на глаза волосы и весело крикнул:

— Вы ко мне?

— Если вы и есть секретарь, то к вам.

Хозяин приветливо улыбнулся и, подойдя к калитке, отодвинул деревянную щеколду.

— Входите. По адресу попали. Из совхоза?

— Оттуда.

— Ну вот. Давайте знакомиться. Рукавичников

Ребята назвали себя.

— А я сегодня один хозяйничаю. Жена решила пополнение в дом принести. В роддом отвез, — он был прост, этот колхозный секретарь, и, видно, в хорошем настроении. Это понравилось ребятам. Лешка взял топор и принялся колоть дрова.

— Давай, давай... как тебя? — засмеялся Рукавичников.

— Лешка.

— Вот так. А я пойду нарежу сала. Поужинаете, как в ресторане. Парное молоко давно пили?

Илька переглянулся с Серафимом.

— Кажется, еще на заре человечества! — сказал Илька. Рукавичников засмеялся.

— Этого времени вполне достаточно, чтобы забыть.

— Вот именно, — подтвердил Илька.

На гимнастерке секретаря Серафим заметил темные кружочки. На них — разлохмаченные проколы. Их больше было на правой стороне груди. Они были хорошо заметны, эти темноватые отметины на вылинявшей от стирки и времени гимнастерке «Ордена... боевые ордена», — подумал Серафим.

Выслушав за ужином Ильку, Рукавичников тихо произнес:

— Да. Вот такое дело.

Он помолчал. Что-то соображая, стал свертывать одной рукой папироску и, отвечая, видно, на какие-то свои мысли, с сожалением добавил:

— Вот ведь как оно бывает. Ходишь рядом с чужой судьбой и не видишь ее. Заслоняет тебя от человека вот эта наша текучка.

— Вы о чем? — спросил Илька.

Рукавичников посмотрел на него и, с трудом отрываясь от своих дум, оживился:

— Да ведь я этого мальчика сам не раз встречал с отарой. А что бы спросить вместо: «Как идут дела, чабан?» — «Сколько ты, парень, классов кончил?», «Что тебя больше увлекает?», «Кто твои родители?» А Потапов... Потапов неплохо живет, — лицо секретаря посуровело. — Вот и прошлое лето. Жила у него там девчонка. Вроде бы гостья. Из родни. И тоже, кажется, из тех Озерок. Ну разве подумаешь, что надо бы приглядеться к этому обстоятельству. Обязательно займусь вашим делом. Да оно уже теперь не столько ваше, сколько наше, общественное дело. В эти дни не обещаю, а вот с той недельки — займусь непременно. Сами видите мое положение, — Рукавичников развел рукой, огляделся: — Надо бы и к встрече жены подготовиться.

Расстались с секретарем ребята друзьями. Вернулись

они в совхоз поздно ночью, а утром узнали новость: исчезла Соня.

Девчонки набросились на Ильку:

— Это ты... Ты виноват!

— Ты со своими чувствами!

Илька растерянно хлопал глазами. Весть об уходе Сони потрясла его. Больше всех наседала на него Дуся. Было удивительно видеть ее в роли защитницы Сони, потому что всем было известно — Дуся не очень-то ценила именно те качества в Соне, которые сейчас защищала.

— Вылез со своим сердцем: люблю, люблю, — передразнивала его Дуся, — а потом посмеивался над ней вот с этими лоботрясами. Красиво, нечего сказать. А еще комсорг. Давай открывай собрание! Надо гнать из комсомола таких комсоргов!

— Считаю собрание открытым, — механически произнес Илька. — На повестке дня Дуся... То есть, побег, нет, дезертирство Сони.

— Добавь, — ткнула ему в грудь пальцем Дуся, — добавь... и бездушное отношение к людям комсорга Петрова.

— Добавлю, — улыбнулся вдруг Илька: — Собрания не будет. Можете расходиться.

Дуся хотела возразить, но Илька схватил ее за руку и, прижав к своей груди, с восхищением произнес:

— Ты умница, Дуся. Молодец! Спасибо!

— Вот черт, — расплылась в улыбке Дуся. — И чему же ты радуешься?

— А тому, что не верю в эту историю! Пошли к Марине Васильевне!

Но от домика навстречу им торопливо шла Люба. Она помахивала какой-то бумажкой.

— Вот... Уехала! — выпалила она. — На двери была приколота.

«Ребята, — прочитал Илька. — Я скоро вернусь. М. В.»

— Значит, она еще не знает про Соню? — воскликнула Дуся.

— А может, она ее догоняет, — высказала догадку Люба-Коротель и широко открытыми, темными глазами посмотрела на ребят.

— Что вы, не знаете Соню? — спросил Лешка. — Решила и сделала. Скорей всего, подалась на Первомай-

ское отделение. Здесь как до Хайрюзовки. Больше не будет.

Эту версию не отверг даже Илька, который в душе надеялся, что Соня где-то рядом, что это какое-то недоразумение.

— А не получила ли она какой-нибудь телеграммы? — спросил он. И сам же ответил: — Нет, никто не видел. Телеграммы обычно по телефону передают.

— А что если Марина Васильевна привезла ей какую-нибудь неприятную весточку? Сказала ей одной вечером, а утром вместе и поехали, а? — сказала Дуся. — Ведь может так... мать заболела. Такое, конечно, могло быть. И, пожалуй, очень похоже, что так оно и произошло. Поехали рано. Будить никого не стали. Оставили записку...

— Я же говорил, что у тебя гениальная голова, Дуся! — закричал Илька.

— И ничего-то тебе не делается, — вздохнула Дуся. — Как с гуся вода.

— А может, я закаляюсь? Пишут же, что человек закаляется в борьбе и в разных таких... историях! А денек сегодня будет! — зажмурился он, поглядев на небо.

— Ладно, — решительно сказала Дуся. — Хватит прохлаждаться. Пошли садить мелочь, пока еще не так жарко.

Возражать ей не стали и, вооружившись граблями, ребята пошли на огород.

Серафим, не спеша, разравнивал грядки, а Люба-Коротель ловко делала поперечные бороздки и сыпала в них семена столовой свеклы. Дуся с Лешкой сажали горох, а Илька к вечеру (когда будет прохладнее) готовил лунки под огурцы и дыни.

«Хорошо сейчас на Чарыше, — подумал Серафим. — Весь берег покрыт цветами. По кустам уже трудно пройти, так они стали густы. Кругом жужжат пчелы. В каждом одуванчике копаются...» В прошлый раз пришли они с Леной к излучине. Хорошее это место на Чарыше. Будто стальная лента, обвивает река здесь высокий правый берег и, делая почти петлю у Колового мыса, снова вырывается вперед. На низкое правобережье сбежались травы, цветы, кустарники со всего предгорья. Кипит в алом татарнике, в «марынных кореньях», ромашке и огоньках берег, наливается кровью красная смородина, ползет, извивается меж кустов ежевика, на взлобках белеют глазки клубники...

— Не уходила бы отсюда, — говорит, задумчиво глядя в быстрые выюнки на заводях, Лена. И сама она стоит, прислонясь к черемухе, в цветастом платице и кажется Серафиму большим полевым цветком. Как тогда на ферме, непонятное чувство снова охватывает Серафима. Ему даже становится трудно дышать. Ему хочется сделать что-то, на что-то решиться. На такое, чему б она удивилась. И он решается.

— Подожди здесь, — говорит он и лезет в кусты к самому берегу. Там быстро раздевается и бросается в воду. Он слышит испуганный крик, но, не оглядываясь, широкими саженками плывет на середину реки. Холодная вода перехватывает дыхание. Жжет тело. Покалывает в икрах ног. Но Серафим плывет, плывет, извиваясь в воде, будто рыба. Ему легко, радостно, весело.

— Назад! Назад! — испуганно кричит Лена. Серафим настороженно оглядывается и тут видит, как из-за поворота прямо на него по стремнине быстро идет вниз катер. За ним баржа. Вот звякнул тревожно колокол, раздался предостерегающий вой сирены. Серафим оглянулся назад. Мелькнуло в глазах порхающее платье Лены.

— Скорей! Скорей! — кричала она. Резко повернувшись, Серафим уходит под воду и выныривает у самого берега. Схватившись за корневнице какого-то дерева, он подтягивается и, тяжело дыша, садится на песок. Мимо проходит баржа. Легкая зыбь бьется об ее лоснящиеся борта. Серафима начинает колотить озноб. Только сейчас сообразил он, какой опасности подвергал себя. Лена смотрит на него с укором и молчит, а он, с трудом раздвигая трясущиеся губы в улыбку, лезет в кусты, к одежде... Сейчас Серафиму стыдно за свою бесшабашную удачу. А тогда... тогда, в тот вечер, Лена долго сердито выговаривала ему — и странно: было приятно слушать ее недовольный и, казалось, чуть-чуть обиженный голос. И еще очень странно и непонятно, почему это даже молчать с ней как-то приятно и хорошо. «Интересно, что скажет она о Соне? — думал Серафим. — И знает ли она про стычку Ильи с Потаповым? Что она думает про все это?»

Мысли Серафима прервал какой-то крик. Ребята выпрямились, как по команде, и посмотрели на дорогу. На увале, перед самой Кушкой, стоял человек и махал им рукой.

— Кто бы это? — вслух сказала Дуся.

— Полешук, — первым разглядел человека Лешка. — Пошли, что там с ним...

— Известно что, — сказал Илька. — Мотоцикл заса-
дил в Кудренке.

Предположение Ильки оправдалось. На самой се-
рдине брода переднее колесо мотоцикла попало меж двух
каменей и застряло.

— Давно? — спросил Илька, здороваясь с инструктором.

— Не меньше часа потерял. Вы осторожнее, ребята,
спицы не сорвите.

Серафим зашел в воду и приподнял тяжелый камень,
в это время остальные потянули дружно за мотоцикл.
И вот он на берегу. Полешук осмотрел колеса и, остав-
шись довольным, сказал весело:

— Спасибо. Выручили. Курите? — раскрыл он пачку
«Беломора». Ребята отрицательно покачали головами.

— Ну хоть в этом вы молодцы.

— Да мы и не только в этом, — начал Илька.

— Не сказывай. Вот ведь из-за тебя еду.

— Следствие вести?

— А что ж думал? Такими вещами не шутят. Пота-
пов был даже у Кожина. Да, — спохватился он. — Я вам
везу обещанное, — и указал на багажник. Там, заверну-
тые в плащ-палатку и туго привязанные шпагатом, лежа-
ли саженцы клена.

— Уж что-что, а работку для нас не забывают, —
подмигнул ребятам Илька.

— Автолавка придет на днях, договорился. Просили?
Вот. Будет.

— И ведь хорошим же парнем мог бы ты стать, то-
варищ Полешук. Честное комсомольское! — сказал Иль-
ка. — А то натянет на себя какую-то маску.

— Самому надо быть прежде хорошим, товарищ
Петров, — сухо бросил Полешук.

— Ну вот, опять! — вздохнул Илька. — Пошли,
хлопцы.

Полешук подкачивал горючее в карбюратор.

— Товарищ Иноземцева у себя? — спросил он.

— Нет. А что? — отозвался живо Илька.

— Где ж она?

— Не знаем. Куда-то рано утром выехала.

— Может, готовится сдавать,— про себя сказал Полещук.

— Что сдавать? — подался к нему Илька.

— Отделение. От Синицына слышал, освобождают ее.

Ребята переглянулись, потом молча уставились на инструктора, спокойно кочавшегося в моторчике.

— Нет, ты это всерьез? — шагнул к нему Илька.

— За что купил... — недовольно буркнул Полещук. — Сам не меньше вас удивился. Что-то она там на всех обрушилась на совещании.

Ребята пошли домой.

— Я сейчас, Петров — крикнул в догонку им Полещук. — Не отлучайся. Поговорим.

Илька ничего не ответил ему. Подходя к Кушке, Лешка, кусая губы, спросил:

— Будем говорить девчонкам?

— Нет, — отрезал Серафим.

— Не будем, — твердо сказал Лешка.

— Хорошо. Но неужели... — начал Илька и, посмотрев на ребят, замолчал. Так они и шли до самого огорода, молчаливые, подавленные.

— Вы что как с похорон? — сразу же заметила удрученное состояние ребят Дуся.

— Нечему радоваться — Полещук приехал, — усмехнулся Илька. — Вон, едет. Я пойду. — И он свернул к «салону».

— ...Так, говоришь, никто никого не бил? — испытующе глядя на Ильку, попытывался Полещук, делая короткие записи в блокноте. Илька рассказал ему все, как было. Полещук поднялся из-за столика, сунул блокнот во внутренний карман кожаной куртки и решительно сказал:

— Ну что ж, будем надеяться, что так оно и было. Что еще скажет Потанов... — Они вышли вместе. — А саженьцы возьми.

— Их в воду, что ли, пока? — спросил Илька.

— Да, конечно. А лучше в сырую землю. Присыпать корни и смочить водой. А еще лучше — быстрее садить их.

— Надо еще спланировать, где садить. Ведь тут, наверное, стронть что-нибудь будут.

— Согласуйте с руководством, — бросил Полещук и поехал в сторону Верховинской фермы.

Вскоре оттуда послышался стук копыт и ходка. Приехала Марина Васильевна.

Она была рада чему-то, весела.

— Ну, Илья, видела я Рукавичникова, говорил о вашем посещении. Вот ведь история. Что ж ты не рассказал мне?

— Не хотел расстраивать. А вы что, специально к нему ездили?

— Нет, зачем же. Я была у Селезневых. На их участке.

— Да, там вот дела! — Лешка прищелкнул языком.

— Правильно, Леша. Взяла шефство, будем вместе... Это ведь завтрашний наш день. Я уверена! И знаете, с кем я там познакомилась? С Кулагинной Татьяной Ивановной, редактором районной газеты. Пытливый человек.

— А вы... одни ездили? — осторожно спросил Илья. Ребята впились в нее глазами.

— Как видите. А что? — она с недоумением посмотрела на ребят.

«Ничего не знает, — подумал Серафим. — Ни про Соню, ни про то, что у нее отбирают отделение».

— Что случилось? Почему молчите? Где Соня?

Потупясь, ребята молчали. И Марина Васильевна все поняла.

— Леша, — тихо попросила она. — Распряги Стрелку. Никуда больше не поеду.

Ребята стали помогать Лешке, а Марина Васильевна, захватив с собой Дусю и Любу, пошла с ними в свой домик.

Отвязав от ходка волосяное, свистящее в руках пугало, Лешка повел Стрелку вниз по Кудренку. Там он спутал ее и, сняв уздечку, отпугнул от себя. Стрелка, недовольно пригнув уши, отпрянула в сторону и жадно припала к молодой траве.

— Люблю коней, — сказал Лешка, — трактор или автомашина — это, в конце концов, неодушевленные вещи. А вот со Стрелкой даже поговорить можно.

— Есть предложение, ребята, — сходить на Чарыш, а? — сказал Илья. — Поговорим. Может, искупаемся. Сбегай, Леша, к Марине Васильевне, скажи ей.

— Ладно, — Лешка молча тряхнул головой. Серафим тоже поддерживал Илью.

Поход к Чарышу обрадовал его. Кто знает, может,

хоть издали он увидит Лену. Бегло осмотрев себя, он нашел, что его старенькая клетчатая рубашка едва ли со-служит ему сегодня хорошую службу. Не лучше ли сменить ее?

— Я сейчас,— Серафим сорвался с места и побежал в вагончик. Через несколько минут он вышел в белой рубашке, хоть и помятой изрядно, зато чистой. Приглаживая ее на ходу, он побежал обратно. Лешка с Илькой уже тихонько шагали по тропе к Коловому мысу.

— Ты смотри на него! — удивился Илька. — Как на свидание собрался.

Серафим покраснел.

— Может, искупаемся, так в чистой буду,— пробормотал он.

— Ишь ты... — ребята переглянулись.

— Ну и что тут особенного? Весь подол замазал ручкой граблей у той, клетчатой...

Косогор, по которому они шли, был усеян желтыми одуванчиками. Справа от них в черемуховых зарослях стремительно мчал свои воды Кудренок. Черемуха уже раскручивала белоснежные бутоны. Медвяный запах кружил головы.

— А знаете что, ребята? — обняв Лешку и Серафима за плечи, — сказал Илька. «Сейчас что-нибудь о Соне скажет. О любви своей к ней», — подумал Серафим.

— Знаете что? — повторил Илька. — Ведь мы вот как же дружно не сможем жить здесь без Марины Васильевны. Все как-то будет по-другому.

— Нам бы всем к директору завалиться — решительно сказал Лешка. — И отстоять. Ведь даже не известно, за что и почему ее.

— Она смелая, она могла наговорить там, вот и не понравилась, поди, кое-кому, — угрюмо заметил Серафим.

— Да, — согласился Илька. — Могла. Но мы что ж, будем сидеть сложа руки? Я предлагаю написать секретарю райкома.

— Но о чем писать-то? Пока ничего еще не известно, — пожал плечами Лешка. На его усыпанном веснушками лице отразилось недоумение.

— Да, ты прав, подождем, — согласился с ним Илька и вдруг, вздрогнув, остановился.

— Соня! Откуда? Почему? — воскликнул он. От ре-

ки по кромке Колового мыса шла высокая девушка. Две косы были переброшены на плечи.

— Это Вера,— узнал девушку Серафим.— Помнишь, Лешка? Там... в Хайрюзовке-то.

— Да, да, Вера.

— Фу, черт,— Илья опустил голову. Лицо его стало багровым.

И ребята поняли, как все-таки внутренние переживал Илья неожиданный уход Сони.

— А вы знаете, я ее найду, честное слово! — сказал Илья.— Найду и заявлюсь в отпуск! Честное слово!

— Сбегаю на ферму,— сказал как можно безразличнее Серафим и, оторвавшись от ребят, пошел по кукурузному полю.

— Что ты там забыл? — крикнул Илья.

— Надо мне... с человеком поговорить.

— Ой, смотри, Серафим. Уж не косы ли это?

Серафим отмахнулся. Он одним духом взбежал на увал и с тяжело бьющимся сердцем пошел к красному уголку. «Тут или нет?..» — выстукивало сердце.

С Леной столкнулся в дверях.

— Извините,— пробормотал Серафим и отступил назад! — Здравствуй, Лена!

В глазах Лены мелькнул испуг. Дрогнули ее губы.

— Здравствуйте! — тихо произнесла она.— Вам кого?

«Вам!» — вот что сразу же кольнуло и удивило Серафима. Он посмотрел на нее и замялся, не зная, как вести себя дальше после такого холодного, а главное, непонятного приема.

— Хотел узнать... как живете тут...

Лена вздохнула.

— Живем, как всегда. Да вот вы наделали нам хлопот. Не думала, что можно ждать от вас такого.

— Ты про Илью? Про того старика?

— Как будто не знаете,— насмешливо бросила Лена.

— Я ж не ясновидец, чтоб все знать.

Лена вопросительно посмотрела на него, помолчала, задумавшись о чем-то, и с обидой продолжала:

— Ваш Илья махом оскорбляет хороших людей. Евстигнея Потапова весь район знает. Он не раз в край ездил на совещания передовиков. И нынче вот лучше всех вышел с зимовки. Почти на сто процентов сохранил овец.

— Вот эти проценты вам и заслонили все,— угрюмо и

раздраженно сказал Серафим. Лена растерянно посмотрела на Серафима. Тот горячо продолжал: — Сто, двести процентов. Выходит, не за людьми вы смотрите, не с ними работаете, а с цифрами. Ну, а если, допустим, 70 процентов? Вот человек бьется, а дальше не может выско-чить? То одно мешает, то другое не пускает. Тогда как? Никудышний он или как? А Потапова вы плохо знаете.

— Ну конечно. Я еще в первом классе училась, а он уже на Доске почета был. Да все это знают.

— А Кольку? — неожиданно спросил Серафим.

— И Кольку, что ж, Кольку мы ежедневно видим, — нерешительно проговорила Лена.

— Видите, да мало знаете о нем. А стоило бы. Тут есть о чем подумать. Нынче Колька, в прошлом году дев-чонка. Не так ли?

— Была. Шура была.

— А в позапрошлом году?

— В позапрошлом не знаю. А что?

— А то, вот послушай меня, — и Серафим стал расска-зывать, что сам знал. Широко раскрытыми глазами смот-рела на него Лена. В этих глазах, чистых и доверчивых, видел Серафим, как сменяя друг друга, вспыхивали то удивление, то беспокойство, то тревога. И порой, теряя нить рассказа, Серафим умолкал и смотрел на нее, встре-воженный необъяснимым чувством. Лена, будто очнув-шись, испуганно опускала глаза и недовольно говорила:

— Ну, что ты? А потом?

И Серафим, испытывая неловкость, торопливо продол-жал. Он закончил рассказ, Лена долго еще сидела мол-ча. Потом встрепелась, посмотрела в сторону гор, горя-чо прошептала:

— Там они сейчас. В горах. На новой стоянке. Туда и Полешук проехал на мотоцикле.

— Будет следствие вести, — сказал насмешливо Се-рафим.

— Я обязательно, обязательно схожу туда. Неужели он не... такой? — почти с ужасом проговорила Лена, по-низив голос.

— Кто?

— Потапов... И он, Колька!

Серафим пошел к ребятам. Лена осталась на гребне Верховинки. Серафим бросил ей на ходу:

— Надо узнать бы, как Полешук там разбирается с этим делом.

Лена живо отозвалась:

— Он серьезный, деловой.

— Да уж .. конечно,— бросил Серафим, криво усмехнувшись.— Ты очень доверчивая.

Лена обидчиво поджала губы, но тут же, тряхнув головой, решительно сказала: — Уж кого, кого, а Полешука мы хорошо знаем. Всегда ставит деловые вопросы. И напрасно ты. Напрасно. Да.— Лена посмотрела ему вслед и спросила:

— У вас кто-нибудь поедет на районное собрание молодежи?

— А что?

— Да так. Я поеду.

— И я,— сказал Серафим.

— Правда? Вот и хорошо.— И, сконфузившись почему-то, махнула ему рукой и убежала. А Серафим долго еще стоял, будто оглушенный, и смотрел на увал, на котором уже никого не было. «Вот и хорошо... Вот и хорошо»,— стучало его сердце. Нет, это голос Лены стучал в висках.

— Вот и хорошо! — проговорил Серафим и, бездумно улыбаясь, побежал сквозь кусты к Чарышу.

Еще не зашло солнце, еще не всех перекатов Кудренка коснулась тень от прибрежных кустов, а над полями, убегавшими к причарышской пойме, уже кочевали зыбкие сизые вечерние облачка тумана. В этот предвечерний час на Кушку подошла грузовая машина с людьми.

— Принимай гостей, Марина Васильевна! — хлопнув дверцей кабины, закричал Павел Ветров.— Смотри, каких орлов привез тебе!

— Строители? — догадалась Марина Васильевна, вспомнив, что видела новых людей у конторы.

— Да! Домик отбахают и поровник!

— А из чего?

— Из лесу, вестимо! — воскликнул Павел и засмеялся.— Уже завтра получишь почти сто кубов. Идут десять машин. Давай отведем мужикам место для палатки. Выдели им хорошую, большую.

К ним подошел высокий старик, горбоносый, черный, как цыган.

— Ну, хозяйошка, отводи место,— прогудел он, здороваясь.— Я мыслю поближе к кухне... А? — черные глаза его сверкнули.

Марина Васильевна прошла с ними за «салон». Понравилось им у самого Кудренка. Четверо других мужчин и молодой парень начали ставить палатку. Парень очень походил на черного старика. Такое же смуглое лицо, красивые, продолговатые глаза, как у девушки, и чуб, будто смоляной. «Должно быть, сын»,— подумала Марина Васильевна.

— Отходники,— объяснил Павел, когда он сидел с ней в ее комнате.— Из-под Курска. Да, тебе привет от Градова. Звонил, говорят, звонил, да так и не дозвонился.

— Спасибо. Ну, а что там решили с дамбой?

— Дамбой интересуешься, а своей судьбой — ничуть.

— Своей судьбой? — удивленно вскинула брови Марина Васильевна.— Своей судьбой я сама командую.

— Но ведь ты слышала.

— Ничего я не слышала. Оставим этот разговор. Скажи, что там с дамбой?

Павел вздохнул.

— Провалили. Нет у нас таких сил и возможностей. А о тебе... нет, нет! — увидев ее протестующий жест, воскликнул он.— Я все равно скажу. Я ведь, наверное, единственный человек, который был бы рад, чтобы тебя вообще сняли...

— А за что, любопытствую?

— А хоть ни за что!

— Едва ли так бывает в наше время. И почему же, интересно знать, такое непонятное желание?

— Я б тогда... украл тебя отсюда, привез домой и закрыл на замок от любопытных глаз.

Марина Васильевна весело рассмеялась.

— Ну и что тут смешного? — нахмурился Павел.

— Не оригинально. Вот что, друг мой, не оригинально.

— А ведь я вполне серьезно,— он поднял на нее глаза.

— Дурачок ты мой. Да кто меня и за что снимет?

— Слышал я у Градова, говорили Синицын и Трешнинский.

— Ну, а он что?

— Он молчал. А потом сказал, что не видит причин, чтобы снять человека с должности.

— Вот так и обойдется.

— Но Синицын пригрозил райкомом. А ты знаешь, там не особенно будут считаться с мнением директора.

— Когда нужно, Павел, всегда считаются.

Павел помрачнел.

— Значит... вот так... а если я... не могу больше? Если я попрошу тебя, а?

— Ты поужинаешь?

— А ты пообещаешь?

Марина стала серьезной. Она пристально посмотрела ему в лицо. «Милый, хороший человек, разве я смогу изменить тому, кого люблю всю жизнь?».

— Не обещаю, — отрицательно покачала она головой, — ни сегодня, ни завтра...

Павел помрачнел. Некоторое время он сосредоточенно разглядывал какие-то пятнышки на голубой клеенке, потом поднялся и, натянув на уши кепку, пошел к двери.

Марина Васильевна поднялась за ним.

ГЛАВА 15

На новом месте, куда дед перегнал отару, Кольке не нравилось. Торчи с овечками на заросших склонах. И света не видно, как следует. Только и забава, что шавель да молодые пучки. Правда, на солнышке попадает земляника. Да много ли их, солнечных-то мест. Раз, два и обчелся. А то все тень и тень. Трава прямо на глазах прет. Скоро с головой скроет. Узкое ущелье, и внизу клокочет, ревет молодым ненасытным зверем Кудренюк. Отсюда он выскакивает в степь, петляет немножко по кустам и круто сворачивает вправо, к новому совхозу.

Колька вспоминает совхозных друзей — Ильку, Сою — и вздыхает. Он смотрит в раструб ущелья и хмурится: не видно отсюда ни дороги туда, к ним, ни самого отделения.

«И не найдет теперь,— думает тоскливо Колька.— А может, и совсем искать не будет. Нужен-то я ему теперь, когда дед с жердью на него налетел. И что ему надо от Ильки? Будто поперек горла встал».

Колька спускается к Кудренюку и долго сидит на валу, не, заглядевшись на пляску стремительных выюнков. Пестрит, рябит в глазах Кольки, но он, погруженный в свои думы, ничего не замечает. «Послать бы ему на Кушку привет свой,— неожиданно подумалось Кольке.— Да что пошлешь-то?» Он пытливо оглядывает берег. Взгляд его останавливается на толстой сосновой коре, отвалившейся кожухом от пня. Колька берет кусок коры, вытаскивает из кармана штанов складень на длинной цепочке и осторожно начинает строгать. Стесав края и немного заострив один из концов, он осторожно кончиком ножа выбирает

середину. Получилось подобие лодочки. Колька поднимает ее и долгим, критическим взглядом осматривает со всех сторон. Потом выстругивает палочку и ставит мачту.

— Вот флаг бы,— шепчет Колька и вздыхает.— Где его взять-то.

Он поднимает с земли высохший листок краснотала и, осторожно расщепив верхушку мачты, вставляет его в трещинку. Потом тихонько опускает свой корабль на воду. Быстрая струя подхватывает его и, покружив, стремительно увлекает вниз. Некоторое время Колька бежит по берегу. Вот и небольшой порожек. Перевернет, нет? Кораблик идет по стремнину. Он быстро приближается к опасному месту. Какое-то мгновение замирает у камня, потом словно управляемый опытной рукой моряка, задирает нос и летит на быстрину в проход между камнями.

— Уф! — радостно улыбнулся Колька.— Теперь пойдет! Далеко пойдет. Вот разве прибьет к кустам на степи?

Кораблик скрылся из виду, и Колька, тоскливо посмотрев на степь, возвращается к отаре. До него долетел стук мотоцикла.

«Кто бы это?» Колька стал быстро карабкаться на склон ущелья. Вот он добрался до огромного камня, нависшего над дорогой, и забрался на него. Мотоциклист свернул в ущелье. Колька проследил за ним. «Небось, к деду на медовуху кто-нибудь прется,— подумал он.— Так и есть». Мотоциклист остановился на развилке дорог, подумал и свернул на тропу — к черемуховой рощице — владению деда. И на лошадах, и на легковых машинах бываю у деда люди. «Сильный он, дед-то», — подумал Колька, вспомнив, как тот не раз хвастливо заявлял: «Уважает меня начальство, Колька. Заворачивают без стеснения. Руку дают первыми». «Нужно-то ты им, — думает Колька.— Им медку да пива давай. Можно и пожать за это руку. Не отвалится. А жалости нет у тебя ни капельки. Как хочешь. Пушку за что убил? У собаки и то сердце было. Не бросилась на тебя, когда ты замахнулся на нее. Опустила голову. Да разве знала она, что ты ее до смерти убивать будешь?» Колька посмотрел в степь, и сердце его сжалось. Там, где-то в ложке, лежит зарытая им Пушка. Лежит и никогда больше не встанет. А сколько емуранок повикуривала она из нора. Сама, только по-

кажи. И такую собаку да жердью... Небось, перед Илькой остыл, застонал даже. Струсил, как есть. Он бы, конечно, не дал себя в обиду.

Колька стоял на высоком камне и до рези в глазах смотрел в степь, пока не затуманилось что-то в них, и выступ горы, и лес стали почему-то сдвигаться с места и расплываться. Колька шмыгнул носом. В это самое время откуда-то издали донеслось до него:

— Ко-ольк-а-а!

— Кричит,— проговорил Колька и резко обернулся.

— Иди сюды-ы!

— Сча-ас! — отмахнулся он и испуганно посмотрел на отару. Овцы, скучась, лежали у Плакун-камня, что был на широкой луговине.— Рази отбилась какая? — он внимательно оглядел местность и, не заметив ничего подозрительного, крикнул в ответ еще раз!

— Иду-у!

Мотоциклист оказался молодым парнем с прыщеватым лицом и несколько припухшими небольшими глазами. Увидев Кольку, он отодвинул от себя чашку с сотами и сказал: — Ты, дед, не подавай мне его. Не за тем приехал, чтобы угощаться.

— Этот? — повернулся он к мальчику.

— Он... Он. То есть, мой внучок и есть. Колькой величают,— ответил, угодливо улыбаясь, дед и, наклонившись к Кольке, спросил ласково:

— Ты, внучонок, расскажи вот товарищу из района, как тот целинщик набросился на меня и чуть не изувечил на старости лет.— Дед тут же заворотил рубаху и показал на царапины.

— Насилу отбился,— пожаловался он.— Ну, варначина. Чистая варначина. Арестантище. Страху натерпелся, аж сейчас, как только вспомню, мурашки по спине ползают. Говори, говори, внучонок. Расскажи да вон бери на лавке соты, поешь, а я пойду попасу. Ах ты ж, боже мой! И за что такая напасть? Кулацкой мордой обозвал. И это меня, который уже сколько лет на Доске почета висит. Вся деревня знает.

— Да вас, Евстигней Мироныч, и весь район знает,— сказал парень и, вытащив из сумки тетрадку, щелкнул самопишущим пером и стал что-то писать.

— Ну, так что ж ты молчишь? — обратился он к Кольке.

— Несмелый он, товарищ уполномоченный, простите, не знаю ваше имя — отчество, — заулыбался дед.

— Ну, что ж ты? — снова поднял глаза на Кольку уполномоченный и, взглянув в сторону деда, бросил: — А меня, между прочим, Полещуком зовут.

Колька, потупясь, стоял перед ним.

— А что говорить-то? — не поднимая головы, выдавил он.

— Вот и расскажи, как было дело-то, — настаивал Полещук.

Колька подумал, постоял, потом шмыгнул носом, смело посмотрел в глаза уполномоченному.

— А ничего я не видел.

— Испужаишись был мальчишка, — со вздохом сказал дед. — Испужаишись, товарищ Полещук. Как былинка дрожал.

— Ничего не испугавишись, — решительно заявил Колька. — А такого не видел, что он кидался.

— Ну, так и есть, — всплеснул руками дед. — В расстройстве был мальчонка. Что к чему, перепуталось в его голове. Велик ли разум еще у него. Ох-хо-хо, — вздохнул дед.

— А как его звать-то, хоть знаешь?

— Как, поди-ка, не знает! — подхватил дед.

— Знаю, — сказал Колька. — А вам зачем это, дядь?

— Спрашиваю, значит, надо. Хочу установить факты. Не Ильей его зовут?

— Ну Ильей. Больше все Илькой. И я так звал, — тихо проговорил Колька. — А драться он, не видел я, чтоб дрался.

— Да где там и заметить-то? — опять вмешался старик и сурово посмотрел на Кольку. — Темь была. И я ведь проглядел. Не успел увернуться от палки.

Колька посмотрел на деда.

— Я пойду. А то разбредутся овцы-то, — угрюмо попросился он.

— Ну что с тобой сделаешь, — сказал уполномоченный.

— Мальчонка! — протянул, сокрушенно вздыхая, старик. — А так шустрый. И деда не забывает. Наведывается. Прибежит так дня на два, на три — поможет и опять уходит.

Колька с недоумением посмотрел на деда. Почему он

врет? Кому это надо? Неожиданная догадка пришла ему в голову: «На Ильку наговаривает». Колька опустил голову. Ему стало стыдно за деда. Не глядя на уполномоченного, пряча глаза от старика, Колька пошел из домика. Уже за окошком расслышал голос уполномоченного:

— Райком комсомола очень сожалеет о случившемся, Евстигней Мироныч. И примет жесткие меры.

«С кем это меры? — подумал Колька, и сердце его сжалось. — Ильку хотят съесть». От этой мысли у него подкосились ноги. Он вышел на улицу, и день, еще несколько минут назад тихий да ласковый, показался ему сейчас мрачным и неуютным.

...На другой день колонна новеньких тракторов, неожиданно поднявшаяся на взгорье по верхней дороге, нагнала Кольку у самой развилки в совхоз. Он сидел на камне, прежде чем свернуть на дорогу, которая вела в его родную деревню, долго смотрел на раскинувшиеся перед ним необъятные поля. За плечами пастушонка была приторочена холщовая сумка. Плечи охватывали самодельные веревочки. Лицо мальчика было печальным. Таким и увидела его со своего трактора Соня. Она свернула с дороги и, остановив машину, соскочила на землю.

— Здравствуй, Коля! — сказала она ласково.

— Здравствуй, — обрадованно вскочил Колька.

— Далеке направился?

— Домой пошел, — потупился Колька.

— Что так?

— Дед сказал, иди, говорит, Колька, в свою деревню к матери. Обойдуся, говорит, без помощников. Какое-то будто обследование будет. Вечером Рукавичников был. А вчера какой-то мотоциклист приезжал. Все допрашивался насчет Ильки.

Колька поковырял носком сапога землю и взволнованно добавил:

— Ты скажи Ильке: наговаривает на него дед. Будто кинулся он на него и порешить хотел. А все это враки чистые. Совсем Илька и не думал нападать. Сам себе старый треснул. — Подумав, со вздохом добавил:

— И Пушку убил. Разъярился на Ильку и полыснул собаку жердью. Ни за что и ни про что. А Илька совсем и не ввязывался. Только стоял и говорил ему.

Соня взяла Кольку за вихрастую голову и приподняла её. На нее глянули доверчивые синие глаза.

— Поедем, Коля.

— Куда? — встрепенулся мальчик.

— К нам поедем, на Кушку.

— А не прогонит управляющая?

— Не прогонит. Не беспокойся. Поехали. Там решим.

Колька колебался немного и решительно пошел к трактору.

«А Ильке действительно угрожает большая опасность», — подумала Соня, взбираясь на сиденье. Колька примостился рядом. Он снял мешочек и положил его на колени. Сияющими глазами он смотрел на приборы, на то, как ловко Соня стала управлять машиной, хватаясь, то за один рычаг, то за другой.

Послушный ее руке и воле, трактор сделал небольшой полукруг и прытко побежал по дороге, догоняя вырвавшуюся вперед колонну. Сердце Кольки радостно билось, то замирая, то широко и вольно раскрываясь бесжавшим навстречу зеленым.

— Хочешь быть трактористом? — спросила Соня.

Колька недоверчиво глянул на нее. Нет, не смеется. Он хмыкнул. Подумал и серьезно сказал:

— Таких, наверное, нет людей, которые бы не хотели этого. А про меня что и говорить, — он не сводил глаз с Сони. — Только не возьмут ведь.

— Почему же? Возьмут. У нас, Коля, всего можно добиться, если хочешь.

— Всего, всего?

— Конечно. Все от человека зависит. От его желания.

— Я бы на курсы пошел. Я ведь шибко памятливым. Всю машину на зубок бы вызубрил... Лет маловато... Не возьмут, поди, думаю.

— Подрастешь. Поучишься и возьмут.

— Расти-то я быстро расту. Вот года тихо идут. Мне все дают четырнадцать, а ведь всего двенадцать только.

...Вечерело, когда, взбудораженное гулом тракторов, все население Кушки высыпало на дорогу. На открытом месте горел большой костер. Вокруг него толпились какие-то незнакомые люди. Ставя на линейку трактор в ряд с другими, Соня с недоумением посмотрела на костер, на огромную палатку, стоявшую поодаль от общежития. «Пополнение прибыло, что ли?» — подумала она.

Но вот сбоку раздался радостно удивленный голос Дуси:

— Соня? Ты?

Соня выключила мотор и соскочила на землю, откуда-то донесся голос Дмитриева: «Выручила ваша дивчина. Она кого-то встречала на станции, да и не встретила. Всю дорогу нажимала нам на пятки. Ну дивчина, скажу я тебе, Марина Васильевна!»

Соня огляделась и заметила торопливо шагавшую к ней Марину Васильевну. Она виновато опустила голову. Марина Васильевна подала ей руку и крепко сжала в своей. Ничего не сказала Марина Васильевна, только в глазах заметила Соня радостную светлинку и поблагодарила ее в душе за молчание.

— А вот, знакомьтесь,— сказала Соня.— Коля Захаров. Доброволец. Целинник.

Колька конфузливо шмыгал носом и жался к Соне. Белые вихры его едва прикрывала старенькая кепчонка.

— Ах, это тот самый? — спросила Марина, с интересом взглянув на мальчика.

— Мне бы Ильку,— проговорил он несмело и, с надеждой посмотрев на Марину Васильевну, вдруг спросил: — А вы ведь Марина Васильевна? Я вас знаю.

— Смотри ты,— засмеялась Марина.— Вот и хорошо. А Илька... Илька,— она огляделась вокруг.— Он где-то здесь. Вон там у плотников. Есть хочешь?

— Да что-то и не хочется,— смелее проговорил Колька.— Хорошо у вас как! Весело.

— Пойдем, пойдем в «салон»,— потянула его за рукав Соня.— А потом я тебя сдам Ильке.

— Ладно,— согласился Колька и, подхватив свою сумку, последовал за Соней.

Девчата окружили Соню с Колькой и стайкой направились вместе с ними.

Вскоре Соню позвали к Марине Васильевне, вернулась она оттуда вместе с Илькой. Их встретил Колька. Илька обнял его, и они втроем прошли к берегу Кудренка. У самой речушки маячили какие-то две фигуры. Один, подлиннее, говорил второму:

— Если есть рыба — раз плюнуть изловить ее.

— Но как же? — допытывался второй, и они узнали голос Серафима.

— А так. Без всякой снасти.

— Ну, брат, это ты загибаешь. Не в ладошках же ловить ее?

— Конечно,— соглашался неизвестный парень.— А прутья тут растут?

— А что они, прутья? Вон их вверх по Кудренку уйма.

— Хорошо бы лоза.

— Краснотал здесь.

— Надо посмотреть. Если подходящие, то я тебе в день корчажку сплету.

— Кто это? — тихо спросила Соня.

— Из тех вон, отходников,— сказал Илька.— Среди них есть парень.

— А корчажки и я умею,— сказал Колька.— Морды тоже. Их еще вершами зовут.

Серафим заметил их и закричал:

— Идите-ка сюда. Идите! Вот Кирилл говорит, что можно рыбное блюдо иметь на каждый день. Здорово, а? Только я сомневаюсь, говоря откровенно.

Колька сбежал к Кудренку и, обернувшись к подхлывшим Ильке и Соне, важно сказал:

— Рыба здесь непуганная. Я сам из камней налимов выбрасывал.

— Вот видишь, скептик,— улыбнулся Илька.— А ты...— Серафим не слушал его. Он во все глаза смотрел на Соню.

— Здравствуй, Серафим,— просто сказала она.— Я тоже думаю, что не хитрое это дело.

— Да,— торопливо произнес Серафим.— Ты прав, Илька,— он многозначительно посмотрел на комсорга, потом на Соню и молча пошел от берега.

— Что ж ты нас с товарищем не познакомил? — усмехнулась Соня.

— Да, его зовут Кириллом. С отцом он здесь, плотник,— он кивнул в сторону костра. Парень, явно стесняясь, протянул руку Ильке и кивнул Соне.

— Кирилл.

Илька разглядел его ладную фигуру, красивое лицо с орлиным носом.

— Илька. А это Соня. А тот вон Колька,— сказал он.

— Значит, рыбак?

— Любитель,— застеснялся Кирилл и пошел за Серафимом. Колька стоял у берега и швырял в воду камешки.

Илька и Соня были рядом и чувствовали себя связанными по рукам и ногам.

Ильке казалось, что он пережил целый год, прежде

чем снова встретился с Соней. И все эти ЧП были теперь далекими, малозначащими и словно вымышленными, но, как и прежде, он не мог почему-то откровенно сказать Соне о том, что испугался, когда она внезапно исчезла.

— А я ведь тебе письмо хотел писать,— сказал он глухим голосом. Соня улыбнулась. Дрогнула ее правая бровь, изогнулась.

— Куда ж ты стал бы писать и о чем?

— Я еще не знал, но письмо уже складывалось в голове.

— Ругать хотел?

— Я бы не сказал этого.

Соня усмехнулась.

— А я ведь и вправду решилась,— тихо проговорила она.

— Я знал.

Соня взволнованно добавила:

— Могла бы. Да вот Дмитриев... С тракторами.

— Понимаю,— кивнул Илька.— Только это не Дмитриев, а судьба.

Соня фыркнула.

— Нет, правда,— серьезно проговорил Илька.— Ты не должна была. Потому что я верил...

— Я могла думать по-разному.

Илька взял ее руку в свою.

— А теперь не думай по-разному.

Соня промолчала, но руки не отняла.

— Илька,— донеслось от Кудренка.— А ты корабль не ловил вчера?

— Какой корабль?

— Ну, значит, не ловил,— вздохнул Коляка.— Я тебе привет пускал из ущелья. Зря старался.

Илька засмеялся.

— Не тужи. Сегодня сам прибыл.

— Да все же... Самого-то и вытурить еще могут. Да и мать...— Коляка тяжело вздохнул.

— Ничего, мы сходим к твоей матери. Отпустит. Будешь с нами. Летом тут, а зимой — в семилетке. Школу на центральной отстраивают. Так ведь, Соня?

— Я думаю так. А ты, Коля?

— Да я-то что. Я бы со всей душой.

— Ну и молодец,— сказала Соня.— А сейчас идите спать. Завтра обо всем договоримся.

Соня зашла в «салон». Прямо у порога сидело на корточках несколько мужчин. Все они усиленно дымили. За пологом сизого дыма едва просвечивалась десятилинейная лампа, которая стояла на столе. Соня отыскивала глазами Марину Васильевну и, осторожно пробравшись к ней, села на красшек скамейки. У стола, поглаживая черную бороду, сидел незнакомый старик. Он засовывал в рот то один ус, то другой и пылливо, с хитринкой поглядывал на управляющего, на прораба Ветрова, лохматившего в задумчивости свою шевелюру. Все молча смотрели на них.

Облокотясь на подоконник, сидел Дмитриев и устало поглядывал на собравшихся. Его взгляд нет-нет да и останавливался на Марине Васильевне.

На Сою никто не обратил внимания. Только Марина Васильевна едва заметно кивнула ей. Разговор продолжался.

— Значит, так,— сказал старик.— Выводим до стропил. Ставим их, а крыть, стало быть, если к тому времени добудете кровлю,— вид предводителя бригады плотников был независимый и решительный.

— Ну, как же это. Афанасий Филиппыч? — Ветров подался вперед и с возмущением посмотрел на старика.— Вы можете только коробки ставить? Тогда так бы и сказали.

— Нет, мил человек,— вразумительно и спокойно произнес «предводитель». — Научены. Давай на кон кровлю — в один миг покроем. А насчет коробок — будут. Все внутренности сделаем и стропила поставим чистенько. А по части кровли, вон в «Искре» слышал, может? Совхоз такой есть. Месяц, целый месяц сидели и ждали...

— Натерпелись!

— Учены, слава богу! — загудели у порога.

Старик быстро посмотрел на своих компаньонов и горячо подхватил:

— Расчета не дают — и делать нечего! Еле-еле отмаялись!

— Ну, хорошо,— с досадой произнес Ветров.— Согласен. Только, думаю, сумеем добыть железо. Наряды есть.

— Наряды — это пустяк! — уверенно сказал старик.— Дорого яничко ко христову дню.

Марина Васильевна, глядя на прораба, решительно сказала:

— Ладно. На худой конец двор соломой покроем. Дальше? — Она оглядела плотников.

— Насчет приварку, — хрипло выкрикнул один из них.

— Да, в отсищении харчей, — подхватил «цыган». — Просим сухим пайком отпустить. Сами будем варить.

— Где ж вы будете варить? — спросила Марина Васильевна.

— А вы не беспокойтесь, барышня. У каждого котелок есть и ложка за голенищем.

— Этак вы спалите мне отделение, — нахмурилась Марина.

— Ну, что мы — дети? Все будет, как надо.

Дмитриев с нетерпением поглядывал на часы и делал красноречивые знаки Ветрову.

— Сейчас... Одну минутку, — бросал в его сторону прораб и снова начинал «утрясать» то один, то другой вопрос. Наконец, он поднялся.

— Поехали, Константин. Насчет крытого тока, видно, отпадает, — снова обернулся он к Иноземцевой.

— Могли бы и мы. Дело не мудреное, — вставил «предводитель».

— Коровник не затяните. А навес нам не до осени строить, — сказал Ветров. — Я думаю, мы бы и своими силами освоили этот объект. Ребята будут свободны сейчас. Дать им мастера, и к уборке урожая отгрохают.

— Смотрите, дело хозяйское, — спокойно заметил «предводитель» и взялся за шапку.

Все поднялись и стали покидать конторку.

Распрошавшись, Дмитриев и Ветров пошли к тракторам. — Ты что ж машину-то отправил? — спросил Дмитриев.

— А что ей стоять, — ответил Ветров.

— Да, — повернулся к Марине Дмитриев. — Один трактор оставляю. Бороть кукурузу.

— Хорошо.

...Соня проводила Марину Васильевну. Вошла вместе с нею в домик.

— Ну, милая, выкладывай, — попросила Марина, закрывая дверь и задергивая шторы на окнах.

— Что ж тут выкладывать — повела тугой бровью Соня. — Могло быть хуже. Спасибо Дмитриеву.

Марина рассмеялась. Подошла к девушке и обняла ее.

— Упрямая ты.

— А вы?

— Я? — отстранилась от нее Марина.

— Ну да. Кой о чем ведь я догадываюсь.

— Интересно. О чем же?

— Да так, самую малость, — опустила глаза Соня.

— Нет, уж договаривай, договаривай... — потребовала Марина, чувствуя, как неровно застучало ее сердце.

— Ну, вот с этим прорабом. Скажете — нет? Он вам определенно нравится. Да и неплохой он.

Марина лукаво блеснула глазами.

— Ты наблюдательная, Соня. Но здесь ты ошиблась.

— Ну, да. Сказывайте! — не поверила Соня и, придвинув табуретку к окну, заглянула в него. — Сегодня темно, — и неожиданно добавила: — а эти плотники странные какие-то.

— Вся бригада родственники. Братья, сваты, — сказала Марина. — Парня жалко. Сын, оказывается, того проводителя. Не место бы ему среди «шабашников».

— Сам, небось, виноват, — небрежно бросила Соня. — Кто ему велит с ними ездить? Не маленький.

— Ты у нас смелая и решительная. А вот тоже чуть не совершила глупость.

Соня отвернулась к окну и, помолчав, тихо, будто про себя, сказала:

— У меня сложнее...

— Хитрющая ты. Чем же сложнее?

В глазах Сонин заиграли солнечные лучики. Она посмотрела доверчиво на Марину Васильевну и откровенно рассмеялась.

— Я ведь сразу поверила ему. И все-таки мне было обидно. Любовь должна быть красивой, а здесь... получилось, что об этом стали говорить так, будто вопрос стоял о посадке картошки.

— Понимаю тебя.

— А уже после или потому, что он одумался и устыдился своего поступка, или по другой какой причине, но он стал избегать меня. Тогда пришло подозрение. Я решила, что он все это брякнул из озорства или хотел унижить меня... Ждала. Думала. И ждала, конечно, не того, что получилось.

«И все-таки ты счастливая, Соня,— думала, слушая ее, Марина.— Конечно, ты счастливее меня... Вот мы снова встретились, и снова он уходит. А Павел, что ж... Он хороший. Но почему-то хочется, чтоб он во всем походил на Костю».

Соня осталась у Марины. Вскоре гостя заснула, а Марина беспокойно ворочалась и все думала, думала, перебирала, ворошила в памяти то давно ушедшее, то события недавних дней.

«Дурочка ты, дурочка. Ну что ты бурю поднимаешь в стакане? Отказалась уйти из отделения. Смешно! Градов, конечно, воспротивится... и Мухитдинов. Но и они могут подчиниться решению райкома. Ведь Синицын и этот Трещинский наговорят Кожину. А ты тогда еще... Помнишь, на сессии райисполкома, обличать его вздумала. Кому это понравится? И все-таки он, кажется, не такой».

Лезут, гнездятся в сердце тяжелые, мрачные думы, то торопливо набегая друг на друга, то вдруг исчезая.

«Как это сегодня сказал Костя? Ах, да: насчет Сони он, а потом, будто между прочим:

«Я вот удивился дорогой. Знаю я тебя, кажется, всю жизнь. А как ты этот интервал в десять лет проскочила, не знаю. Думаю о тебе и вижу тебя совсем другой, какой-то новой. Отчего это?»

Марина понимала, что с каждым днем ее отношения с Костей усложняются. Как-то по-иному стал приглядываться он к ней. Это волновало, радовало и пугало. Сознание подсказывало: «Не смей. Ты не имеешь права на него. Жена, ребенок». Так говорили в ней разум, здравый смысл. А сердце рвалось, тянулось к нему. И чем дальше, тем сильнее... Что делать? Может быть, бросить все и уехать куда-нибудь в другой совхоз?

Потом пришло в голову посещение Селезневых. Знакомство с Кулагиной.

— О делах этой семьи,— сказала она,— должен знать народ. И вы, Марина Васильевна, поможете мне в этом. Мы опубликуем эти замечательные документы.

«Как же она? А райком?» — подумала Марина. Эта мысль напугала ее. Она приподнялась на локте и посмотрела в окно. На нем плясали блики костра. «Все еще не спят новоселы», — пробежала где-то сторонкой догадка... — Как же будет расценивать все это райком партии? Ведь это будут, очевидно, не только цифры и наблюде-

ния Селезнева. Должны быть и комментарии. А вдруг Кулагина сошлется на твои слова? Ведь ты говорила там... Обвинила Трещинского в том, что район не получил кукурузу, мол, не выгодно главному агроному спешить с нововведением... Журавлихинский район — его детище. И о райкоме ты сказала, что не случайно проявил он нерешительность в деле... Да, это будет сильным обвинением. Но не обернется ли оно против тебя?»

— Ну и пусть,— упрямо прошептала Марина Васильевна и опустила голову на подушку.

Утром пришло сразу несколько машин с лесом, и ребята помогли шоферам разгрузить их. Ильяка был весел и неутомим в работе. И все понимали его настроение. Потом долго спорили, где сажать клен. Марина Васильевна познакомила их с планом застройки отделения. И, слушая ее, ребята предались мечтам.

— А ведь здорово! — воскликнул Ильяка. — Там, у Кудренка, городок... ферма. Здесь, на этой ровной площадке, десять домиков. Механизаторы, зоотехник, ветеринарная служба, баня, красный уголок, столовая. Настоящая, с кухней и залом. Слышь, Дуся?

— Слышу.

— Тебе придется квалификацию свою повысить. Сейчас ты консервами орудуешь в основном. А тогда тут ведь интеллигенции будет полно. Слышишь?

— Да отстань ты! Подумаешь — квалификация! А, может, я зоотехником буду к тому времени.

— Ну и напрасно. Ты бы выдвинулась на шеф-повара. Одно слово — шеф. Разве не звучит?

— Не подначивай, мечтатель, — огрызнулась Дуся. — Где будем садить клен-то? Развел тут антимоноию!

— Антимоноию? — подхватил, дурачась, Ильяка. — это еще что за наука?

— Ну, Ильяка!

— Хорошо. Хорошо... Тухтарь-бухтарь... Карабас...

— Соня, — попросила Дуся. — Приструнь хоть ты его! Соня покраснела. Но, поборов смущение, приняла это, видно, как должное.

— А ну, товарищ звездочет, хватит ворожбы.

Ильяка посмеялся, но дурачиться больше не стал.

— Где же в самом деле садить? — задумчиво проговорил он. — И почему я должен решать? А вдруг тут через сто лет еще что-нибудь начнут планировать, тогда что мне потомки скажут? Нет уж, давайте вместе подумаем.

— Я предлагаю по левой кромке Кудренка, — сказал Лешка. — Он открытый.

Подумали ребята и, согласившись с ним, приступили к делу. Выкопали ямки.

— Кто же закладывает первым? — спросила Марина Васильевна.

— Вы, вы, Марина Васильевна! — закричали ребята.

— Нет. Я предлагаю, — она посмотрела на Ильку, потом перевела взгляд на Сою. — Я предлагаю Ильке и Со-не. Да, за большую дружбу!

Илька взволнованно провел рукой по своей кудлатой шевелюре.

— Я не возражаю. — Он посмотрел на Сою.

— Если вы... так думаете, — сказала Со-ня, не глядя на ребят. — Я согласна. — Она взяла тоненький прутик клена и опустила его на дно ямки. Илька быстро стал бросать землю. Крутившийся тут же Колька побежал на Кудренка за водой. Неожиданно подошел Кирилл. Он смущенно кашлянул около Марины Васильевны:

— Там телефон звонит и звонит, — проговорил он, указывая головой на «салон», и, сняв кепку, улыбаясь смущенно, пригладил свой чуб.

— Телефон? Сейчас. Я вот тоже посажу. Серафим! Иди сюда. Давай с тобой посадим!

Серафим подал пару саженцев и аккуратно засыпал их. Колька вылил под деревце воду и снова стремительно бросился к ручью.

— Ну, вот. Теперь пойдем, — кивнула Марина Васильевна Кириллу и торопливо пошла к «салону».

По голосу узнала Мухитдинова. Он говорил резко, отрывисто, с заметным казахским акцентом.

— Ну, читала? Довольна? Эх, душа.

— Что читала? Постойте, о чем это вы? — воскликнула Марина Васильевна, хотя тревога уже охватила ее. Она смутно догадывалась, о чем говорит Мухитдинов. — Разве уже есть?

— Вот глазами смотрю, под рукой. «Будущее земледелия». Вот как. Эх, понимаешь... Ты что делаешь? Зачем голову кладешь под топор, а?

ния Селезнева. Должны быть и комментарии. А вдруг Кулагина сошлется на твои слова? Ведь ты говорила там... Обвинила Трещинского в том, что район не получил кукурузу, мол, не выгодно главному агроному спешить с нововведением... Журавлихинский район — его детище. И о райкоме ты сказала, что не случайно проявил он перешителность в деле... Да, это будет сильным обвинением. Но не обернется ли оно против тебя?»

— Ну и пусть, — упрямо прошептала Марина Васильевна и опустила голову на подушку.

Утром пришло сразу несколько машин с лесом, и ребята помогли шоферам разгрузить их. Илья был весел и неутомим в работе. И все понимали его настроение. Потом долго спорили, где посадить клен. Марина Васильевна познакомила их с планом застройки отделения. И, слушая ее, ребята предались мечтам.

— А ведь здорово! — воскликнул Илья. — Там, у Кудренка, городок... ферма. Здесь, на этой ровной площадке, десять домиков. Механизаторы, зоотехник, ветеринарная служба, баня, красный уголок, столовая. Настоящая, с кухней и залом. Слышь, Дуся?

— Слышу.

— Тебе придется квалификацию свою повысить. Сейчас ты консервами орудуешь в основном. А тогда тут ведь интеллигенции будет полно. Слышишь?

— Да отстань ты! Подумаешь — квалификация! А, может, я зоотехником буду к тому времени.

— Ну и напрасно. Ты бы выдвинулась на шеф-повара. Одно слово — шеф. Разве не звучит?

— Не подначивай, мечтатель, — огрызнулась Дуся. — Где будем садить клен-то? Развел тут антимононию!

— Антимононию? — подхватил, дурачась, Илья. — это еще что за наука?

— Ну, Илья!

— Хорошо. Хорошо... Тухтарь-бухтарь... Карабас...

— Соня, — попросила Дуся. — Пристрелю хоть ты его!

Соня покраснела. Но, поборов смущение, приняла это, видно, как должное.

— А ну, товарищ звездочет, хватит ворожбы

Илья посмеялся, но дурачиться больше не стал.

— Где же в самом деле садить? — задумчиво проговорил он. — И почему я должен решать? А вдруг тут через сто лет еще что-нибудь начнут планировать, тогда что мне потомки скажут? Нет уж, давайте вместе подумаем.

— Я предлагаю по левой кромке Кудренка, — сказал Лешка. — Он открытый.

Подумали ребята и, согласившись с ним, приступили к делу. Выкопали ямки.

— Кто же закладывает первым? — спросила Марина Васильевна.

— Вы, вы, Марина Васильевна! — закричали ребята.

— Нет. Я предлагаю, — она посмотрела на Ильку, потом перевела взгляд на Сою. — Я предлагаю Ильке и Со-не. Да, за большую дружбу!

Илька взволнованно провел рукой по своей кудлатой шевелюре.

— Я не возражаю. — Он посмотрел на Сою.

— Если вы... так думаете, — сказала Соня, не глядя на ребят. — Я согласна. — Она взяла тоненький прутик клена и опустила его на дно ямки. Илька быстро стал бросать землю. Крутившийся тут же Колька побежал на Кудренок за водой. Неожиданно подошел Кирилл. Он смущенно кашлянул около Марины Васильевны:

— Там телефон звонит и звонит, — проговорил он, указывая головой на «салон», и, сняв кепку, улыбаясь смущенно, пригладил свой чуб.

— Телефон? Сейчас. Я вот тоже посажу. Серафим! Иди сюда. Давай с тобой посадим!

Серафим подал пару саженцев и аккуратно засыпал их. Колька вылил под деревце воду и снова стремительно бросился к ручью.

— Ну, вот. Теперь пойдем, — кивнула Марина Васильевна Кириллу и торопливо пошла к «салону».

По голосу узнала Мухитдинова. Он говорил резко, отрывисто, с заметным казахским акцентом.

— Ну, читала? Довольна? Эх, душа.

— Что читала? Постойте, о чем это вы? — воскликнула Марина Васильевна, хотя тревога уже охватила ее. Она смутно догадывалась, о чем говорит Мухитдинов. — Разве уже есть?

— Вот глазами смотрю, под рукой. «Будущее земледелия». Вот как. Эх, понимаешь... Ты что делаешь? Зачем голову кладешь под топор, а?

— Да вы не волнуйтесь, товариш Мухитдинов. Не волнуйтесь! — стала увещевать горячего секретаря Марина Васильевна.

— Как, понимаешь, это дело... «Не волнуйся!»

— Я еще не получила газету. Но, уверяю вас, все обойдется!

— Вот же какой душа! — кричал Мухитдинов. — Только, понимаешь, Кожин заверил: пусть работает, говорит, шибко беспокоиться не надо... А ты какой рожон полезла?..

— Да напрасно вы, честное слово...

— Какой напрасный?

— Да я же ничего не писала!

— Как не писала, понимаешь? Вся страница, а внизу, вот она, подпись: «Иноземцева, агроном Причарышского совхоза. Кулагина». Ну, Кулагина — это ясно. А вот ты зачем?

— Ну, хорошо, хорошо, почитаю.

— Читай, читай хорошенько, понимаешь? — Мухитдинов помолчал, подул в трубку и добавил:

— Завтра отправляя делегата на молодежное районное собрание, понимаешь. Ясно?

— Ясно.

— Там из Хайрюзовки заедут к вам. Подвезут до центральной.

— Понятно.

— Вот так. Ах, душа, душа, понимаешь? — вздохнул Мухитдинов и положил трубку.

Марина Васильевна откинулась к стене и закрыла глаза. Она почувствовала какую-то тяжесть во всем теле. Тревожно было и на сердце. Одной бы побыть сейчас в поле. Одной, одной... Лечь в траву и слушать, слушать, ни о чем не думая, неумолчный шум и стрекот кузнечиков. Хорошо сейчас в поле. Хорошо.

Марина Васильевна открывает глаза и, улыбаясь, качает головой.

— Устала, что ли? — тихо говорит она и, недовольная собой, выходит на улицу. Она жмурится от яркого солнца, весенний перезвон цикад и птиц оглушает ее.

— Знаете, как мы называли нашу первую аллею? — закричала ей навстречу Дуся.

— Как?

— Лунной сонатой. Это вон Люба-Коротель придумала! Красиво? Правда?

— Красиво,— соглашается Марина Васильевна.

— А Колька вон не соглашается,— сказал Илья.— Он говорит — непонятно.

— А вы объяснили ему?

— Кто как мог. И все равно говорит — ни к чему.

Уже заканчивали посадку, когда Дуся вдруг заметила почтальона-кольцевика.

— Приехал Егор Петрович,— сказала она, вытирая руки о фартук и тут же снимая его.— Пойду чайком поить.

— Коля,— попросила Марина Васильевна,— принеси мне «Сельскую правду». Хорошо? Дуся, отдай ему районную газету.— И, обращаясь к Серафиму: — Завтра, Серафим, за тобой заедут, из Хайрюзовки. На районное собрание молодежи поедешь. Сейчас звонил секретарь парткома.

Дуся, слыша последние слова Марины Васильевны, остановилась, всплеснула руками:

— А рубашка, Серафим? А костюм — поглажены? Да где там! Марина Васильевна, в чем же он поедет! Ведь на него страшно будет глядеть там — рубаху и костюм будто коровы жевали!

Серафим смущенно улыбался.

— Пусть несет все,— продолжала кричать Дуся.— Выглажу.

Марина Васильевна улыbnулась:

— Что ж, пусть несет.

Илья перемигнулся с Лешкой.

— А ты речь-то заготовил? — спросил Лешка.

— Как же! Вот такую! — Серафим развел руками и, воткнув лопату в землю, пошел за Дусей.

К обеду неожиданно приехал Градов, с ним — пухлый белобрысый мужчина лет сорока пяти. Он с трудом вылез из машины и стал обтирать полное лицо и почти совершенно лысую голову платком. На платке оставались мокрые полосы. Он качал головой.

— Ну, жара. Как в июле, а? — Увидев Марину Васильевну, подошел к ней и подал руку:

— Воронков... заворотделом райкома...— Оглядевшись вокруг, он воскликнул: — Неужели погорит нынче все?

— Почему же,— улыбнулась снисходительно Марина Васильевна.— В мае влаги достаточно было. Земля сырая. Хуже, если так же будет во время цветения хлебов, в июне.

— Не поверите — чуть не задохнулся в этом «газике». А ведь езжу, часто езжу.

Градов обошел Кушку. Побывал у плотников, походил по аллее. Зашел на полосу пшеницы.

— Хлеба у тебя, пожалуй, лучшине,— сказал он Иноземцевой.— А что на Коловом?

— Не была уже несколько дней,— призналась Марина Васильевна.— Неважно всходила кукуруза.

— Ну, а пересев? Селитра?

— Пока улучшения не наблюдала.

— И-да,— нахмурился Градов.— Может, прокатимся до Колового? — обратился он к Воронкову.

— А далеко это? — поморщился тот.

— Нет. Три километра — самое большее,— сказала Марина Васильевна.

— Ну, коль это необходимо,— пожал плечами Воронков.— Только уж и вы с нами. Идет? — взял он под руку Марину Васильевну.

...Колового Марина Васильевна не узнала. Ни одной полоски земли! Зелены, зелены... Она бросилась на плантацию. К одному рядку, к другому — всюду уверенно шли в рост дружные всходы. Марина Васильевна машинально сорвала несколько ростков и, прижав их к пылающему лицу, затуманенными глазами посмотрела вокруг.

— Пошла,— стучало сердце.— Милые мои! — шептала горячо Марина.— Пошла...

— И как красиво — рядок в рядок, а? — сказал Воронков.

— Так ты что? Обманывать меня вздумала? — закричал Градов, приятно пораженный открывшимся перед ним видом прекрасно взошедшей кукурузы.— Да посмотри ты, какие мощные стебельки? Ты что их в горшках выращивала?

Марина Васильевна, справившись с охватившим волнением, обернулась к Градову и счастливо улыбнулась.

— Пошла, Иван Иванович. Теперь ее не остановить никакими актами. Пошла...

— Вижу, обманщица. Ты смотри, какая прелесть! Что же — пересев или селитра?

— Наверное, и то и другое, — отозвалась Марина Васильевна, не в силах скрыть своего восхищения. Сердце ее учащенно билось. В него стучалась песня. Но внимательный взгляд ее не мог не заметить, как в низинках с кукурузой успешно соперничал сорняк. Заметил это и Градов.

— Ты, видишь, как лезет эта гадость? — закричал он, дойдя до края полосы, — и корка здесь есть.

— Да, да, — отозвалась озабоченно Марина Васильевна. — Приму все меры, но кукуруза будет. Будет, Иван Иванович! — закончила она с воодушевлением. Когда садились в машину, Градов, пожимая руку Марины Васильевны, шепнул: — Держи голову выше. Воронков-то по твою душу приехал.

Марина Васильевна удивленно подняла на него глаза

— Зачем она ему?

— А это уж он тебе сам скажет.

И снова тревога коснулась ее сердца.

«Ничего, ничего... Я теперь ничего не боюсь... Ничего!» — прошептала Марина Васильевна.

— Ну, хорошо. Вы не писали. Согласен. Но говорили так Кулагиной? — вел допрос Воронков. Они сидели вдвоем в комнате Марины Васильевны.

— Да. То есть, не совсем так. Я не обвиняла комитет заготовок. Ведь там, в комментариях, газета обрушивается на уполномоченного комитета, не так ли?

— Так. А что же вы говорили?

— Я говорила, что недоверие к пропастным исходит от руководителей района. Как могло случиться, что район случайно — заметьте, случайно — оказался без семян кукурузы?

— Ну, а как вы расцениваете вообще всю эту полосу в газете? Смотрите, — он развернул «Сельскую правду». — «Будущее земледелия». «Опыт Селезнева говорит». А вот здесь в конце первой колонки жирным шрифтом выделено! «Вот она, перспектива дальнейшего

развития зерновых культур. Ключ высоких урожаев пшеницы открыт!» — Воронков внимательно посмотрел на Марину Васильевну. — Не находите ли вы, что газета выступила против линии бюро райкома?

Марина Васильевна пожала плечами.

— Откуда же мне знать это? Я хорошо не знаю линии райкома. Я здесь вижу пропаганду передового опыта и не больше.

— И не больше? — усмехнулся недоверчиво заорг.

— И не больше.

— А читали вы последнюю статью Трещинского в краевой газете?

— К сожалению, нет.

— Ну вот... — укоризненно кивнул головой Воронков. — Она называется: «В районе освоенных севооборотов». Между прочим, там и вы упоминаетесь.

— Как же?

— Он, конечно, человек культурный. Вас называет ищущим агрономом, не спорит, не ругает. Но и у вас опустились руки, когда вы пришли к выводу, что пропащие у нас — фантазия.

Марина Васильевна побледнела и, не веря своим ушам, слушала заорг.

— Как же это так получается? Ему, видно, одно говорили, а делаете другое. Как-то это не вяжется с партийной этикой, товарищ Пноземцева. Ей-богу, не вяжется!

— Потому и не вяжется, — резко сказала она, — потому что я ничего подобного не говорила. Но теперь я знаю, что мне делать.

— Что же? — заинтересовался Воронков.

— Я напишу в краевую газету. И пошлю этот номер «Сельской правды». Вот что!

— Ну, это ваше дело. А пока вам с Кулагиной придется отвечать все-таки перед членами бюро, — сухо бросил заорг, собирая со стола бумаги. — Вот придет товарищ Кожин. Он в крайкоме сейчас. И вас вызовут. Похоже, что вам туго придется. А тут еще случай с Потаповым. Материалы уже есть в райкоме. Как коммунист, вы и за это несете ответственность.

— Значит, и тут моя злая рука?

— Насчет злой руки — не скажу, но вы должны заниматься воспитанием своих людей. Да.

— Ну, что ж... отвечу, — вздохнула Марина Васильевна, чувствуя, как обида и горечь захлестывают ее сердце. Когда Воронков вышел, его обступили ребята.

— Вы это не из-за меня приезжали? — выступил Илья.

— А вы кто такой? — любопытствовал Воронков.

— Петров.

— Вон ты какой герой!

— И ничего я не герой. А все это враки. Клевета Потапова. Вот и Колька вам скажет. Коля! — позвал Илья.

Покраснев так, что на лице не стало видно рыжих крупных веснушек, Колька шмыгнул носом и выпалил:

— Все это наговоры деда!

Воронков улыбнулся.

— Это мы все, ребята, выясним. А сейчас пропустите меня.

— Но причем здесь Марина Васильевна? — не отступал Илья. — Я буду отвечать за все — что ж она-то?

— Ты комсомолец? — спросил заворг. — Ну вот. Если комсомолец, то должен знать, что за каждый ваш поступок несет партийную ответственность коммунист, работающий с вами. Ясно?

Ребята растерянно переглянулись. Воронков, спокойно поглядывая по сторонам, прошел к машине. Увидев его, Градов, о чем-то беседовавший с плотниками, тесавшими бревна, махнул ему рукой и через минуту также вернулся на стан. Ребята издали проводили машину и не заметили, как на крыльце домика появилась Марина Васильевна.

— Ребята, — сказала она. — Послушайте, какие замечательные новости!

Все обернулись.

— Кукуруза поднялась! Да какая! Богатая кукуруза, ребята...

— Ур-ра! — закричал Лешка.

— Ур-ра! — подхватили все и кинулись к Марине Васильевне.

А вечером в «салоне», когда, перебрасываясь шутками, ребята заканчивали ужин, Колька неожиданно сказал:

— Марина Васильевна плакала... Мы видели.

Наступила тишина. Все уставились на Кольку. И тогда, сердито глянув в сторону, Дуся вполголоса стала рассказывать.

— Мы с Колей берем валежник в чаще... вон там, за аллеей, и вдруг вижу, подходит Марина Васильевна...

— Да когда это? — усомнился Илья.

— Уже темно было, час назад.

— Ну, ну! Подходит... потом?

— Я хотела уже идти навстречу, но вижу — не в себе она. Подошла к черемухе, навалилась на нее и... заплакала. Плачет тихо так... одни плечи трясутся. Я присела и Кольку с собой усадила. И так меня за сердце взяло. Сижу, а слезы у самой по лицу бегут, бегут. — Дуся замолчала. Ребята потупились.

— Потом, когда выплакалась, — продолжала Дуся — вздохнула и пошла.

— Это все правда, — пролепетал Колька. — У нее несчастье, да?

Илья запустил руку в его лохматую голову и задумчиво произнес:

— Нет, Колька. Это сила и гордость в ней. Да. А потом... потом любовь к жизни.

Шумит разноголосица в огромном зале районного Дома культуры. Уже на своих местах члены президиума, а в фойе все еще звучит баян, и слышны смех и легкое шарканье ног по деревянному полу.

Высокий, плечистый парень в военной гимнастерке с открытым воротом, за которым голубыми волнами переливается морская тельняшка, взял в руки звонок и стал усиленно трясти им в воздухе.

— Липатов! — кричит он охрипшим голосом. — Скажи, чтоб прекратили баян. Пусть заходят. Сколько можно! Перерыв давно кончился!

Серафим сидит за столом президиума и от смущения смотрит в раковину для оркестра. Хорошо, что Лена рядом. Она его часто отвлекает, характеризуя то одного оратора, то другого. Строгая Лена. Не шелохнется. Не поднимет бровь. Ей, наверное, привычны президиумы.

Успокоив зал, секретарь райкома комсомола Гридин назвал очередного оратора.

— Товарищ Комкова. Колхоз «Верный путь», доярка. Между прочим, товарищи, одна из лучших доярок,— добавил он.

По залу прошла легкая зыбь. На трибуне — худенькая, курносая девушка. Две жиденькие косички. Кудряшки около уха. Но глаза острые, смелые.

— Вот тут сказал товарищ Гридин — передовая, — начала она. — Это, товарищи, передовая из отстающих. Курам на смех! — Зал живо реагирует, смеется, хлопает в ладоши. — Я была нынче зимой в Северном районе. Вот это да! По две с половиной тысячи надаивают. Не вру! Честное комсомольское! А почему? Там, оказывается, силос-то не из дикорастущих, а из кукурузы! Вот оно где молоко. У них прямо возле фермы участок. Мы вот в колхозе тоже разохотились было. Уж и звено создали кукурузоводов, а получился — пшик. Семена не пришли! Вот это номер! Как думаем разводить дальше животноводство, товарищ Гридин, а? То, что мы надаиваем, доярке красу навести — не больше. Вот.

— Как это красу навести? — удивился Гридин.

— Да так, — уже сходя с трибуны, под смех всего зала сказала Комкова, — плесни пригоршню молока в лицо, чтобы, значит, оно не ветрило, — вот и весь удой.

Гридин, улыбаясь, покачал головой.

— Слово имеет...

Одни за другим, обветренные, загорелые, выходили на трибуну пастухи, трактористы, комбайнеры, агитаторы. И все требовали, возмущались, просили, настаивали, просто делились опытом. Это была внешняя вода, бурливая, сметающая, немножко заносчивая и ненасытная в своем неугасимом стремлении вперед.

ГЛАВА 16

Бывает так в горах. Где-нибудь в далекой расселине долгие годы скапливается вода. Вешние ручьи стекают в нее. Закусив удила, лихие, буйные в своем молодом задоре, бегут они, ярясь и пенясь от весеннего угара, не разбирая дорог. Бегут со всех сторон по крутым отрогам ущелья. Но вот горячее солнце и теплый ветер растопили снега, и в ущелье наступает тишь. По склонам отрогов кипит, загорается цветами зелень. Оденутся в зеленые платья березки. Колючим мохом распушатся лиственницы. И на дно расселины ляжет тень. Отстоится вода. Осядет муть на самый низ. Не шелохнется горное озеро. И березки, и лиственницы заглядятся в него, повиснув на его крутых склонах. И только изредка в ненастные дни затуманится оно, потемнеет. Хлынет дождь, буйный, богатый, и потоки мутной воды снова скатятся вниз. Растет озерко. Уже и дна давно не видно и ничего не тревожит его до поры до времени.

Вдруг подточенный временем, ветром и дождями рухнет камень с вершины горы. Рухнет и пойдет крушить все на своем пути. Полетят вывороченные с корнем молодые березки, охнет от могучего удара старая лиственница и, раздирая неглубокие корни, ударится о землю, ломая сучки и вершину. Встряхнется, дрогнет последний раз насмерть израненным телом и замрет навсегда. А камень-шатун, перелетев через нее, со всего размаху ударит своим каменным лбом о гольцы, защищавшие горное озеро, сокрушит их и обрушится в воду. Вскипит вода, поднимется в гнев, забьется у разрушенных гольцов и вдруг, не в силах удержаться, хлынет в образовавшуюся

щель. Загудит тогда ущелье,— плеск и грохот пойдут гулять по горам. А прорвавшийся на свободу поток, скача с одной скалы на другую, разбиваясь в мельчайшую пыль, будет падать все ниже и ниже, пока не протянет до самого дна ущелья льняную косу водопада. И вот уже гремит, хозяйничает буйный поток, устремившись в стень, на равнину. Пробивается к такому же вольному бродяге, как сам, побратается с ним, и понесут они свои воды вместе по вольной земле до больших рек.

...Вот так же вдруг круто и бурно изменилась жизнь на Кушке в эти дни. Тракторы и автомашины то вразнобой, то колонной стали все чаще и чаще греметь на стане моторами, подвозя лес. В стороне, ниже стана, у самого Кудренка росли штабеля сутунков. Там с зари до зари стучали топорами приезжие плотники, строя большой типовой коровник.

Иногда к ребятам на стан, когда уже вовсю шумела звездная метелица над головой, подходил усталой походкой Кирилл.

Он останавливался, не доходя костра, и несмело, застенчиво улыбался.

— К вам можно?

Робость его выводила Ильку из себя. Он кричал:

— Ну какого ты черта, Кирилл, как кисейная бабышня! Да проходи, пожалуйста, и садись!

Потом, когда Кириллу освобождали место у костра, Илька сокрушенно качал головой: — Замордовали, брат, тебя совсем эти единоличные ваши порядки.

Он дружески хлопал его по плечу и совсем уже по-свойски добавлял: — Ты не обижайся. Это я так.

Кирилл краснел, стеснялся, не поднимая глаз, смотрел на костер. А когда были тут же девчата, он решительно отказывался от места и стоял за спинами ребят, изредка поглядывая на Любу-Коротель. Та, чувствуя его настойчивый взгляд, заливалась ярким румянцем, а может, это было от пламени костра. Стоял он до тех пор, пока от палатки не долетал скрипучий голос отца:

— Кирюха! Иди спать. Завтра не добудишься тебя...

— Сейчас,— недовольно откликнулся Кирилл и с неохотой покидал ребят.

— У вас что — крепостное право? — спрашивал Серафим, поднимаясь вслед за ним.

— Да почти что,— угрюмо говорил Кирилл. Серафим

проводил его немного. Ему нравился этот застенчивый, спокойный парень. Жизнь его казалась Серафиму непонятной. Все называли плотников «хап-хап» или «шабашниками». Так говорил ребятам и прораб Ветров, и другие, да и сами ребята понимали это.

— Какой-то домострой, — возмущался Илья.

— Вот тот рябой и ноздреватый, Хрипуном зовут его, — говорил Кирилл, — тот брат сродный отцу. А квадратный, с длинными руками — Савоха, сватом доводится. А тот, рябой, рыжий, шурик Хрипуну. Раскосый — свояк шурика.

Сам Кирилл питал, похоже, отвращение ко всем этим хапугам, но что-то удерживало его. Иногда Кирилл откровенно говорил Серафиму (они теперь по воскресеньям бродили по Кудренку, — Кирилл-таки сплел целых две «мордушки»):

— Завидую вам. По душе мне с вами.

— Что ж ты прилип к этим «цап-царап»... Или как там: «хап-хап»? Бросал бы и шел к нам. Или деньги большие нужны?

Кирилл хмурился. С легким раздражением говорил:

— Не деньги. Все равно отец все заберет.

— Тогда что же? — настораживался Серафим.

— Не примете меня.

— Это почему же?

— Вы же все комсомольцы.

— Ну и что ж?

— А я исключенный. Понимаешь? Исключенный! — загораясь, восклицал Кирилл.

— За что же тебя исключили? За «шабашничество»?

— Ну... я тогда и не работал еще. Только семь классов успел кончить. И билет-то совсем новенький был, — Кирилл, будто испугавшись своей откровенности, умолкал. Как Серафим ни пытался дознаться, в чем дело, что произошло с ним, Кирилл ничего не говорил. Раздосадованный его упрямым молчанием, Серафим сводил брови и отчаянно махал рукой:

— А, да ну тебя! Лучше уж помалкивал бы.

Как-то на заре в одно из воскресений, когда они только вытряхнули «мордушку», и Серафим ловил еще в траве подпрыгивавших чебаков, Кирилл сел на берег речушки и загляделся на восход солнца.

— День-то какой опять разгорится! — сказал он с восхищением.

— А что, разве сегодня будете работать? — спросил Серафим.

— Нет, я не о том. В воскресенье не работаем. Грех, считают они. Верующие, — Кирилл криво усмехнулся, помолчал и, глядя на яркое, но еще не слепящее глаза солнце, продолжал:

— И солнце вот, и день, а я будто темной ночью иду по жизни.

Серафим встрепнулся. Какая-то струна болью отозвалась в его сердце. Он бросил чебаков в котелок и пошел к парню.

— Что-то уж очень мрачно говоришь ты, Кирилл, — проговорил он.

И вдруг, торопясь, глотая слова, Кирилл начал говорить, говорить, точно боялся остановиться, потерять это мгновение, когда захотелось освободиться от какого-то тяжелого груза.

Серафим слушал, не переспрашивая, не перебивая. И вот уже перед ним совсем другой Кирилл. Будто кинокадры, всплывали отдельные картины из жизни товарища.

...Тяжелое положение дома. Какие-то темные махинации отца в колхозе. Суд. «Легкий испуг» (дело это замяли за недостаточностью улик). Исключение отца из колхоза. Позор для всей семьи. Потом поездка в город. Встреча в пустом вагоне с уголовником по кличке «Колыма». Чемодан, который тот попросил вынести Кирилла на одном из полустанков. «Ты смотри, не толкни лягавым. Достану со дна морского, испишу всего...» — вытащил нож и молча кивнул на него. Полустанок... Кирилл робко выходит из вагона с чужим чемоданом. «Колымы» не видно, зато к нему подходит человек в форменной фуражке и вежливо, но настойчиво просит следовать за ним... Лагерь. Постыдная, страшная жизнь. Там «урки» почему-то разнесли, что Кирилл спас «Колыму» и считали за своего человека, благоволили ему, заступались...

— Сволочи, — сплевывает в реку Кирилл. — До чего же поганые люди... Да и люди ли они? Так, паразиты. Почему их не давят сразу, как мух?

— Ведь тогда и тебя бы раздавили, — говорит Серафим.

Кирилл пристально смотрит на него и молчит. Серафим разъясняет:

— Могли и среди них быть такие же, как ты.

— Таких не видел,— зло говорит Кирилл.

— Но ведь могли бы? — настаивал Серафим.

Подумав, Кирилл спокойно соглашается с ним.

— Ну, а отец как? Как он отнесся к твоему несчастью?

— А никак. «Пришел? — говорит. — Ну, берись теперь за топор». Он уже сколотил к тому времени вот эту бригаду. Стал зашибать большие деньги. Взял и меня к себе. Я со стыда пошел. Чтобы не видеть хороших людей...

**
*

Серафим понимал: надо вырвать парня из этой паутины. Кириллу нужно товарищеское плечо. И он задумался: как помочь? Это не Колька. Взрослый человек.

Когда Серафим рассказал о своих думах Марине Васильевне, она одобрительно посмотрела на него своими добрыми, немного утомленными глазами:

— Лучше пусть он сам придет к верному выводу. Это будет сильнее и тверже.

— Знаете, как трудно бывает принять решение.

— Знаю. Потому так и говорю.

**
*

В одно из воскресений все собрались в горы за земляничкой. Колька взялся руководить бригадой «ягодников». Привык мальчишка быстро к ребятам. Он словно родился вновь: веселый, озорной, находчивый, а когда надо — деловитый и сосредоточенный — таким увидели его все и полюбили. Колька был исполнительным и трудолюбивым. Хотела Дуся прибрать его к рукам — лучшего помощника не найти, — но, заметив ее поползновения на свободу Кольки, Илья как-то за обедом сказал:

— Ты, Николай, смотри, не поддавайся особенно на ласковый голосок нашего заведующего пищеблоком. Враз обратает!

Колька хмыкнул и посмотрел на Дусю.

— А мне ведь все равно, кому помогать. Лишь бы на пользу шло... в общий котел,— сказал он серьезно, убежденно, не поняв, видно, скрытого намека комсорга.

— Правильно, Коля,— подхватила Дуся.— Обеды спрашивают, а готовить все я же.

— Я, конечно, поваром не собираюсь быть,— сказал Дусе Колька, чтоб она не очень-то на него надеялась.— Я вот еще немного и попрошусь на трактор.

— Вот это дело! — сказал Илья.— Ты работай тут да оглядывайся...

Дуся наказала Кольке, когда ягодники покидали Кушку:

— Ты, Коля, следи, чтобы они поменьше в рот кидали землянику-то... Опоражнивай у них чашки. Опоражнивай — и в ведро.

— Ладно,— насупился Колька,— небось, не маленькое.

С ребятами решил идти и Кирилл. Но отец строго сказал:

— Чего ты будешь обувку-то рвать на этих горах? Лишняя она у тебя? — сказано это было громко. Все слышали. Переглянулись. Кирилл резко повернулся к отцу и решительно бросил:

— Как хочу, так и отдыхаю.

Старик опешил. Тотчас же из палатки показалась голова Хрипуна. Он укоризненно покачал головой:

— Ну и ну. Сынок, значит, еще прозывается, а такое отмачивает родному отцу!

Кирилл свел крылатые брови. Постоял в нерешительности и, опустив голову, процедил сквозь зубы:

— Ладно... Черт с вами... не пойду,— он тоскливо посмотрел в сторону ребят, вздохнул и, повернувшись, побрел к Кудренку.

Ребята всю дорогу горячо обсуждали этот случай. Серафим зло фыркал, плевался и восклицал:

— Рабство! Домострой! И это в наше время! — ему было очень обидно за малодушие Кирилла.

Соня старалась урезонить разгорячившегося парня:

— Нечего тут рассуждать со своей колокольни. Кирилл поступил правильно, что не послушался отца. Как бы он был ни прав, этот старик,— он отец.

С нею не согласился Илья.

— Жадность давит того старика — вот что,— сказал

он. — А Кирилл — теленок. Неужели нельзя договориться с родным отцом?

— Так уж сразу и теленок, — обидчиво заметила Люба и, чтобы скрыть всегда выдававшее ее смущение, нагнулась к траве, отыскивая ягоду.

— Нет, как хотите, а мы должны повлиять на Кирилла, — сказал Илья.

— Правильно, — откликнулась, не поднимая головы, Люба.

Марина улыбнулась.

— Не беспокойтесь, он поймет все сам!

— Жди его классового прозрения, — буркнул Серафим и обрадованно воскликнул: — А вот и ягода!

— Тут ее по всему склону уйма! — сказал Колька. — Завсегда была.

Илья сразу нашел несколько удачных мест, и кружка его быстро наполнилась. Заметив порожнюю еще посудину Сони, он подкрался к ней и быстро высыпал свою ягоду. Так же незаметно он ускользнул в кусты. Его разбирало веселое любопытство. «Заметит?»

Через несколько минут он услышал откуда-то сбоку сердитое:

— Илья, это ты?

— Что случилось? — подал невинный голос Илья.

— Отсыпь сейчас же... Слышишь?

— Чего отсыпать? Ты что?..

Ребята разбрелись. Марина Васильевна оторвалась от ягод, огляделась, сошла по склону в ущелье. Здесь меж двух огромных камней росла одинокая рябинка. Ветки ее уже оперились зелеными листьями. И шумит она, шумит одна, вдали от подруг.

— Ишь ты, — улыбнулась Марина, — гордячка! Как тебя занесло сюда? Простору хочешь? Это хорошо. Только смотри, выстоять надо против бурь. — Она подумала о ребятах. Они, каждый по-своему, тоже рвутся в жизнь, на простор. Для них сейчас мир это их первое «реальное», большое открытие. Марина задумчиво посмотрела в степь. Безбрежное море хлебов переливалось под легким ветром. Потемнели, зато стали гуще и пышнее заросли по ложкам и берегам речушек.

— Первое большое открытие, — повторила про себя Марина. Она перебрала в памяти ребят. Все они по-разному открывали для себя жизнь: и «заземленный» Леш-

ка, и «философ» Серафим, и горячий, пылкий жизнелюб Илья, и гордая, прямая Соня, и откровенная простая Дуся, и стеснительная Люба. Они прошли первый рубеж испытания. Теперь уже легче. Теперь пути их будут осмысленнее... А помнишь, это ведь про тебя Серафим написал... Как же это?

— О, как я завижую
Молодой рябине,
Что умеет, видно,
Держаться на стремнине...

Да, весной тут потоки с гор, а ты стоншь. Молодец! А Серафим, он и сам, кажется, верный заплыв сделал против стремнины.

— Нет, тебя не свалишь,— засмеялась она тихо.— Держись и зеленой. На радость жизни на земле... Понятно? То-то!

Марина Васильевна подхватила котелок, в котором было уже немного ягоды, и собиралась сойти с камня, чтобы присоединиться к ребятам, которые скрылись где-то на склоне горы, как вдруг легкий храп и топот привлекли ее внимание. Она оглянулась и, инстинктивно схватившись за рябину, присела. Прямо на нее летело, высоко запрокинув красивую ветвистую голову и трепетно раздувая ноздри, какое-то животное. Не останавливаясь у Кудренка, молнией взвилось над ним и, сделав несколько крупных прыжков по косогору, остановилось. Раздался тяжелый вздох. Бока животного то поднимались, то опускались.

— Марал,— прошептала восхищенно Марина и, соскользнув с камня, притаилась за ним. Она внимательно посмотрела вверх по ручью. На берегах его в беспорядке валялись огромные камни. Редкие кусты таволожника не таили опасности. От кого же он бежал? Кого испугнул его? Вдруг из-за большого валуна блеснула вороненая сталь двухстволки. Ружье легло на камень. Марина выпрямилась. Она быстро посмотрела на марала: тот, не замечая опасности, опустил голову, обнюхал траву. В это время из березняка раздался голоса ребят. Марал вздрогнул, выпрямился.

— Ну, ну! — вскрикнула Марина. — Беги! Беги! — она захлопала в ладоши.

По косогору кубарем летел заяц, а за ним, улюлюкая, бежали ребята.

Марал рванул вправо. В это время прогремели один за другим два выстрела. Описав в воздухе дугу, зверь огромными прыжками в одно мгновение достиг леса и скрылся в чаще.

— Браво! Молодец! — закричала Маринна и, насмешливо посмотрев в сторону охотника, побежала навстречу ребятам. Но что это? Ребята робкой стайкой сбегались к светлой березке и припадали к чему-то.

— Убили! — раздался вдруг страшный мальчишеский крик. — Ильку... Ильку убили! Маринна Васильевна! — кричал, бегая вокруг, Колька. — Марина Васильевна. Марина Васильевна! — голос звенел, переходя на плач.

На земле, раскинув руки, лежал Илька. Из-за кустов выскочила Соня. Она разорвала круг перепуганных ребят и, бросившись на колени, приподняла Ильку за плечи:

— Илька! Илька — шептала Соня, бледная, дико блуждая глазами вокруг. Ее трясла мелкая дрожь. — Илька... Пожалуйста, Илька...

— Да я же ничего... Я... вот... — он не договорил, упал навзничь. Маринна выронила котелок. На какой-то миг ее сковал испуг, но в следующее мгновение она бросилась на склон. Растолкав онемевших ребят, упала на колени и припала ухом к груди. Потом схватила за руку. Прощупала пульс.

— Есть... Он жив. А ну-ка, — она легонько отстранила Соню. — Куртку... Дайте телогрейку! — обратилась она к ребятам. Было жарко с самого утра, и никто не взял телогреек.

Серафим сорвал с себя гимнастерку. Дрожащими руками снимал рубаху Лешка.

— Вот так, — подложила под голову Ильке скомканные рубахи Маринна Васильевна. Голос ее стал резким, строгим.

— За водой, быстро! — командовала она.

Ребята устремились к Кудренку, на ходу высыпая ягоды из котелков. Внимательно оглядывая Ильку, Маринна Васильевна сразу заметила красное пятно на левом плече. Когда она надела на него, Илька застонал и открыл глаза.

Соня наклонилась над ним.

— Илька!

— Соня! — прикрикнула Марина. — Лучше помоги перевязать.

— Ух, черт! — прошептал сухими губами Илька. — А больно...

— Сейчас, дорогой... Сейчас. Потерпи, — твердо и спокойно говорила Марина. Она разорвала его нижнюю рубаху, обнажила плечо. Сзади под лопаткой зияла рана. Кровь лилась безудержно. «На зверя готовил заряд», — мелькнула лихорадочная мысль. Илька быстро слабел... Остановить, остановить кровь... Одну за другой Марина рвала тряпки и накладывала их, но кровь все просачивалась сквозь них... Кто-то тихо, приглушенно рыдал. Марина оглянулась и увидела Кольку, который сидел, уткнувшись головой в колени. Лопатки его тряслись.

— Коля! — позвала она. — Коля... Слушай меня, — строго произнесла Марина.

Колька, сморкаясь, поднял на нее заплаканное мокрое лицо.

— Беги на Кушку. Беги, как можно быстрее. Поймай Стрелку. Пусть Кирилл запряжет ее, и сюда. Понял?

Колька молча сбросил сапоги и босиком рванулся с горы в степь.

— Пи-ить, — простонал Илька.

— Сейчас, сейчас, — Соня в кровь искусала губы. — Сейчас... Уже бегут ребята... Бегут! — она выпрямилась и закричала:

— Скорее! Скорее!

Илька приподнялся на правую руку, попытался улыбнуться:

— Ничего. Я двужильный... Меня цыганка долговечным называ... ла, — он упал и потерял сознание.

— Соня! Люба! — властно сказала Марина Васильевна. — Помогите мне... Кровь идет!

Девушки бросились помогать ей.

В это время на той стороне Кудренка какой-то бородач, стоя в коробке, гнал по дороге коня. Он домчался до брода, на всем скаку завернул коня в сторону совхоза и вымахал прямо на увал. Круто осадив жеребца возле ребят, бородач спрыгнул на землю, и все узнали в нем Потапова. Они расступились перед ним. Марина Васильевна, увидев его, вздрогнула.

Старик взглянул на Ильку, скорбно покачал головой:

— Вот ведь какой грех приключился, барышня...

Стрелял в зверя, вот бог свидетель,— он быстро перекрестился.— Ей-богу, не вру...

— Что вам надо? — холодно спросила Марина Васильевна.

Потапов засуетился.

— Спасать прибеги. Как услышал крик. Давайте к нам... в Хайрюзовку. Тут ближе... Там доктор есть. Ребяга... а?

Серафим с ненавистью посмотрел на него. Будто обжегшись, старик метнул просящий взгляд на Лешку.

— Ну, куда вы его трести? Куда? А? До села-то рукой подать и доктор... а? — по-собачьи заглядывая в лица ребят, говорил Потапов. Марина Васильевна быстро оценила обстановку. Стрелка... это не так скоро будет.

— Хорошо — сказала она.— А ну, помогите, ребята. Со мной поедет Леша.

— Да я его, как воробышка... Я сам,— старик согнулся и на вытянутых руках, как ребенка, понес Ильку к ходку.

Взбили сено в коробке.

— Я так... я так и повезу его... Ах, ты грех какой! Садись, который из парней на беседку,— сказал Потапов.

Лешка схватился за вожжи.

— Я буду поддерживать голову.— сказала Марина Васильевна.— А вы с Лешкой — на беседке,— кивнула она Потапову.

— Садись... Ах ты, господи! — сказал старик Лешке.— Трогай! Да смотри на дорогу. Тут камней у нас уйма. Объезжай. А по гладкой — гони.

Лешка развернулся. Осторожно съехал с горы и, выехав на дорогу, погнал коня в село. Не сговариваясь, ребята торопливо зашагали за подводой.

Вскоре на место происшествия примчался Кирилл. В ходке лежали матрацы, несколько одеял и подушка.

— Вот здесь... Здесь! — выскочил из ходка Колька и удивленно развел руками: на небольшой елани было пустынно. Вокруг краснела рассыпанная земляника да лежали торопливо сброшенные кем-то сапоги.

— Твои? — указал кивком головы на сапоги Кирилл.

— Мои... Но куда ж все делись? — присмотревшись внимательнее к помятой траве, Колька обнаружил ко-

лею.— Сюда кто-то приезжал,— указал он на свежие
вмятины в земле.

Взглянув с горы в степь, Колька заметил ребят.

— Вон они! Вон! — закричал он, указывая в сторону
Хайрюзовки.— Тут кто-то был на телеге.

— Садись! — коротко бросил Кирилл. Схватив сапо-
ги, Колька прыгнул в ходок.

ГЛАВА II

Полещук обстоятельно и долго докладывал на бюро райкома комсомола о деле Петрова.

— Скандал на стоянке Потапова был. Это не отрицает и сам Петров, — говорил Полещук. — Но что ему надо в отаре известного чабана да еще ночью? Версия с мальчишкой — выдумка. Неумная к тому же. Как-то у Потапова исчез маленький ягненок.

Секретарь райкома Гридин скрипнул стулом и скептически ухмыльнулся:

— Ну, уж это ты оставь при себе, — оборвал он бесцеремонно Полещука. — Не пятнай парней.

— Как хотите, товарищ Гридин. Пусть это будет мое личное мнение, я не настаиваю на этом подозрении, но по интуиции чувствую.

— Без интуиций, — недобро блеснул глазами Гридин. — Дальше.

— Теперь взять эту самую версию с мальчишкой. Петров — человек невыдержанный, непостоянный, что он ходил к этому мальцу из благородных побуждений, не верю. А потом тут и основы-то нет: мальчишка этот живет в Озерках. У деда бывает набегом. Дня на два, на три. Никто его и не думал эксплуатировать.

— Где он сейчас? — спросил Гридин.

— Представьте себе — на Кушке. Я пытался говорить с ним — нагрубил. Чистый волчонок.

— Ну, а все же? — настаивал секретарь.

— Говорит, дед сам себя поранил. Не смешно ли, правда? А ты, говорит, мне не указ. Его, конечно, настро-

ил Петров, идейный воспитатель. Вывод: мальчишку следует...

В это время коротко, требовательно подал голос настольный телефон. Гридин снял трубку:

— Я. Слушаю. Что?.. Да вот по вашему указанию с совхозными делами разбираемся... Полещук. Да, он докладывает.

Лицо инструктора вытянулось. Интересуется Кожин. Полещук выжидательно посмотрел на Гридина.

— Как закрыть? — вдруг растерянно произнес в трубку Гридин. — Мне думается... — но его, видно прервали, и он замолк, напряженно слушая. — Хорошо. Ясно, — бросил коротко. — Идем, — осторожно положив трубку, Гридин сердито взглянул на Полещука.

Лицо Полещука покрылось красными пятнами:

— А что случилось?

Гридин оглядел членов бюро и четко, отдельно произнес.

— Потапов застрелил Петрова.

Быстро поднявшись, он добавил:

— Заседание бюро считаю закрытым. Полещук, пойдете к Кожину со мной.

Когда они, постучавшись, вошли в кабинет Кожина, тот быстро ходил вдоль большого стола и что-то говорил человеку с болезненным лицом. Оборвав разговор на полуслове, он в упор посмотрел на вошедших.

— Ну, как? — спросил он, обращаясь к Гридину. — Разобрались?

Гридин посмотрел на Кожина, перевел взгляд на районного прокурора и мрачно сказал:

— Как же теперь?.. Вот... А как он, Петров? В каком состоянии?

Кожин отмахнулся от него.

— Ну, а вы, Полещук, что скажете?

— Я уже докладывал свою точку зрения, — начал Полещук. — Правда, мне не известны новые события. Я ж не могу буквально сидеть на этой Кушке, у меня куст...

Кожин махнул безнадежно рукой.

— Хватит, Полещук. Обернитесь... Вот так. Вы знаете этого человека?

На диване, на самом краешке, сидел Потапов.

— Был у меня... был, Семен Семеныч,— встал Потапов.— Товарищ Полещук записывали. Да, каюсь... возможно, я и ошибку поймел тогда. Может, оно так и было: отскочила палка и в меня ударила. А он, то есть Петров-то, и не виновен. Обвиноватил я его сгоряча... А тут бог попутал... Обищурился и в его попал из двухстволки. Целил в марала, а оно вишь как получилось,— Потапов скорбно развел руками и торопливо добавил: — Видели все! И агрономша ихняя и другие...

— Ну, это мы разберемся,— вставил прокурор.

— Вы, Потапов, подождите в приемной,— сказал Кожин.

Старик, охая, вышел.

— Что вы на это скажете? — обратился к Полещуку секретарь райкома.

— Это так неожиданно, товарищ Кожин,— вытер вспотевший лоб Полещук.— Надо выяснить... уточнить обстоятельства.

Кожин жестко оборвал его:

— Хорошо. Выясним и уточним... Идите пока.

Когда Полещук вышел, Кожин вздохнул и с досадой бросил Гридину: — Да садись ты... чего торчишь, как столб. Ну, доработались!

— Доработались, Семен Семеныч,— откровенно выдохнул Гридин.— Все руки не доходили до этого Полещука. Да и самому бы надо было к тем ребятам заглянуть... Утопаю! Честное слово, тону в этой текучке, Семен Семеныч.

— Делай вывод, моряк,— усмехнулся Кожин. И уже мягче: — Мотай себе на ус.

— Намотаю. Вот увидите! Только, пожалуйста, избавьте меня от всяких представительств на всех этих слетах, совещаниях, активах, собраниях!

— Чудак! Если б ты был в отлучке, никто бы тебя и не выбирал в президиумы.

— Так помощник ваш всякий раз предупреждает: «Сегодня, Гридин, никуда — слет животноводов. Ты в президиуме...» Завтра военкомат тоже... Потом, глядишь, ДОСААФ. А там маслопром с мероприятием — молодых маслоделов созвал. Вот так и ходишь от стола к столу, как свадебный генерал.

— Ну, ну, хорошо,— засмеялся Кожин.— Ты прав. Текучка, она гробит нашего брата.

И к прокурору:

— Что скажешь о Потапове, Александр Иванович?

— Судя по письму ребят, тут не ошибка. А попробуй — докажи,— он почесал карандашом за ухом.— Ребята крестят его классовым врагом. И считают, что это классовая месть — и не меньше. Они пишут: «неразоблаченный всю жизнь вражина». Горячие головы. С другой стороны, психологически такой выстрел возможен. Человек тридцать пять лет скрывал свою ненависть ко всему нашему. Уединялся от людей, от общества. Живший, может быть, тем, что видел перед глазами ту же старую степь, что была в его время. И вдруг — новый совхоз. Новые смелые люди. А тут как-то вмешались в его личную жизнь. Кольку-то помните? Потапов учинил скандал, ранил себя и оклеветал в этом Петрова. Уход Кольки... Он, конечно, узнал, что Колька не ушел домой. И теперь этот случай с маралом. Когда помешали ребята, решение у него созрело мгновенно. Может, даже против его воли... Вы заметили, как он торопливо отказался от своего прежнего заявления на Петрова? Это для того, чтобы не подумали, что он мстит ему. Все это сложно. И ведь возможно, что Петров сумел разглядеть его истинное лицо и не побоялся сказать ему об этом прямо в глаза.

— Арестовать? — спросил Кожин.

Прокурор отрицательно покачал головой.

— Считаю, не следует. Пусть он думает, что мы поверили ему.

— Правильно,— согласился Кожин.— Возьми с него подписку о невыезде. И очень, очень осторожно с ним, чтобы не насторожить, не испугнуть. А потом — глубокий поиск.

— Да, да,— согласился прокурор.— Я сейчас же и займусь этим,— он взял со стола фуражку и вышел.

— Семен Семеныч, ну как с Петровым? Где он? Неужели никакой надежды? — вскочил Гридин.

— Положение тяжелое, но не безнадежное. Сегодня утром доставили в больницу. Будем надеяться. Из Кушки звонят ребята через два-три часа.

— Надо связаться с врачами.

— Часов в шесть обещали позвонить сами. Жду.

— Тогда уж я завтра утром поеду к ребятам,— сказал Гридин.— Привезу им последние известия.

— Поедем вместе... Хотя нет... снова мероприятие,— он полез в стол и достал какую-то бумагу. С минуту изучал ее, потом безнадежно покачал головой: — Завтра в Красноярской МТС собираем всех механизаторов. Хлеб растет. Дело близится к страде. Да, а с этим Полещуком... думаю отпустить его на комбайн. Ведь он отличный механизатор. Вот как мы знаем людей,— Кожин вздохнул.

— Да кто же думал. Парень был как парень — душа просвечивала, и вот — сучок!

— Это верно. Одним словом, решай с ним. Дошло?

— Дошло, Семен Семеныч.

Гридин вышел. Кожин посмотрел ему вслед и задумался. Вскоре мысли Кожина прервал стук в дверь. Он подошел к ней и открыл. — Пожалуйста! — сказал он и удивленно воскликнул: — Вы?

Перед ним стояли Кулагина и Иноземцева.

— Вот именно! — возбужденно проговорила Кулагина. — Мы, мы, И, как видите, вдвоем! — она подтолкнула в открытую дверь Марину Васильевну, вошла сама, не переставая взволнованно говорить.

— Что это? Ну, разве это по-партийному? Приезжает Воронков... Заводит дело...

— Ну, ну, ну,— засмеялся Кожин,— понесла, понесла! Да вы садитесь. Вот так. Давайте по порядку. Вы в больнице были? — обратился он к Марине Васильевне.

— Да.

— Как?

— Отправлять в край не будут. Нашли, что в Хайрюзовке фельдшер рану обработала хорошо. Есть опасность... — по лицу Марины Васильевны скользнула легкая тень.

— Какая же?

— Могут отнять руку... Что-то там нашли. Но это только, к счастью, пока опасность, не больше.

— Н-да,— помрачнел Кожин.— Неприятно,— и попросил рассказать подробнее, как все это произошло.

Марина Васильевна рассказала. В конце заметила:

— Потапов действительно мог допустить оплошность. Хотя Илька, то есть Петров, уверен, что тот стрелял в него насмерть и не случайно.

— Ну будем надеяться на лучшее, с медиками я еще поговорю,— Кожин расспрашивал о делах совхоза, отделения, о настроении ребят Кушки.

Кулагина не вытерпела:

— Она уже почти не управляющий. Вот какие дела творятся у нас, Семен Семенович. Стоило ей поспорить с Синицыным и Трещинским, как те поставили вопрос...

— Это правда? — обратился Кожин к Марине Васильевне.

— Почти.

— Почему же — почти? — не понял Кожин.

— Я отказалась покинуть Кушку. Тем более теперь,— Марина Васильевна подняла на секретаря глаза, но ей не дала закончить мысль Кулагина. Она выпалила:

— Кукуруза пошла!.. Пошла, и никакие заклинания Трещинских теперь уже не помешают ей показать свою богатырскую силу!

— Пошла,— улыбнулась Марина Васильевна.— Очень сильной обещает быть.

Лицо Кожина оживилось.

— Ну, вот это дело! — сказал он весело.— Поздравляю, Марина Васильевна!

— Уже сдала ее статью в набор,— присовокупила Кулагина.

— Ага. Уже?

— Уже.

— Ох, и быстрая ты у нас на поворотах, Татьяна Ивановна!

— А что ж? Так требует журналистская хватка. Да. Куй железо, пока горячо. И что же такое у нас получается, Семен Семенович? — Кулагина быстрым движением сорвала очки, потом снова надела их и в упор посмотрела на Кожина.

— Что-нибудь случилось?

— Как будто не в курсе! Правда, тебя не было, но ты, конечно, знаешь...

— О полосе в «Сельской правде»? Это ты имеешь в виду, Татьяна Ивановна?

— Ох, и хитер же ты, Семен Семенович! — покачала головой Кулагина.— Делаешь вид, что догадываешься, а, небось, в орготделе уже и выводы заготовлены.

— Полоса интересная. Я раньше твоего видел тетрадку Селезнева. Но стоило ли так подавать ее?

— Стоило,— убежденно сказала Кулагина,— иначе — никак.

— Ну, допустим, а вот давай так, как на духу. Здесь никого, кроме нас, нет. Скажи, положи руку на сердце, как коммунист: на райком ведь замахнулась газета, а? Только — честно!

Кулагина, придерживая левой рукой очки, пристально посмотрела на Кожина.

— Там о райкоме — ни слова,— сказала она не совсем твердо.

— Вот видишь — вильнула! — засмеялся Кожин. — Конечно. Там выводы о комитете заготовок сделаны. Формально так. Ну, а честно? По-партийному, как коммунист коммунисту?

— Гм,— опустила глаза Кулагина. — Если честно,— ты отгадал. Райком тут не меньше, а больше виноват.

— Вот видишь. Так это все и поняли,— сказал Кожин. — И колхозники, наверное, так же.

— И в этом моя вина? — спросила Кулагина.

— Да.

— Ну, хорошо. А теперь ты, Семен Семенович, как на духу, честно, по-партийному скажи: если бы ты сам взялся весной за семена кукурузы — неужели выпустил бы из рук?

— Ой, и хитрая же ты, Татьяна Ивановна! — воскликнул, смеясь, Кожин. — Ну, хорошо. Скажу: не выпустил бы!

— Ну вот! — подхватила обрадованно Кулагина. — А почему не взялся — знаю.

— Почему? — любопытствовал Кожин.

— Этого уж я не скажу.

— Ишь ты... Замахнулась так давай бей.

— Да зачем так, Семен Семенович. Зачем — бей? Просто это мое личное мнение.

— Не говори. Сам знаю, что имеешь в виду,— устало проговорил Кожин и задумчиво посмотрел в окно. — Кажется, то же самое сказали мне и в крайкоме. Да, да. Видишь, какой я откровенный.

— А как же с нашим делом? Тут без вас Воронков такую деятельность развил.

— Снимем. И обяжем тебя, товарищ редактор, по-

больше и поподробнее писать о Коловом мысе, о первых кукурузоводах района. А вы, Марина Васильевна, работайте на Кушке, как работали. Только вот что,— Кожин вышел из-за стола, прошелся.— Вот что: разговоров теперь в совхозе в связи с этим выстрелом, наверное, будет немало. Они уже, конечно, есть. И, безусловно, разные. Одни поймут правильно, другие могут паниковать. Вот, скажут, стреляют тут целинников. Надо, понимаете, сделать правильную информацию.

— Да, конечно,— согласилась с ним Марина Васильевна.— У нас даже были люди с других отделений.

— И как?

— Мы говорили им как о случае, несчастном случае... Ошибке охотника.

— Пока этого достаточно. А потом будет видно. И если выяснится иное — мы не побоимся людям сказать правду. Они поймут нас. Я у вас буду на днях,— пообещал Кожин.

Когда за беспокойными посетительницами закрылась дверь, Кожин подошел к окну, отдернул тяжелую штору и долго стоял так, о чем-то сосредоточенно думая. Какие мысли теснились в голове секретаря райкома — неизвестно, только когда зашел в кабинет помощник — молодой человек в военной форме — и попросил подписать какую-то бумагу, он решительно задернул штору и наказал:

— Ты вот что, Кузьмин. Оставь мне эту бумажку, а сам сходи в библиотеку и заведи там всю литературу, которая есть о возделывании пропашных.

— А зачем всю, Семен Семенович?

— Так надо,— хмуро бросил Кожин.

— Неужели опять аврал? — испуганно взметнул помощник густыми черными бровями.— А я еще «Основы земледелия» не сдал. Все где-то агроном в разъезде. Неужели не будет принимать?

— Вот уж, дорогой, не знаю. Может, и повезет,— усмехнулся Кожин.— А вообще-то не вредно тебе и «Основы» знать, если думаешь стать хорошим агрономом.

— Да, думаю,— вздохнул помощник, поворачиваясь к двери.— Думаю стать непременно хорошим, Семен Семенович. Вот как удастся...

«Удастся, Кузьмин, обязательно удастся,— подумал Кожин, провожая глазами помощника.— Я б в твой го-

ды черту рога свернул...» — Кожин присел к столу и, запустив пальцы в седеющую голову, стал читать принесенную Кузьминым бумагу.

С трудом переправлялась Марина Васильевна через Чарыш: затопило припаромки. Они оказались намного ниже палубы парома, и бензовоз, на котором она ехала, с большим риском съехал на берег.

— Ну, кажись, отъездились, — сказал паромщик, почесывая затылок. — Коренная пошла. Пора вытаскивать паузки на берег.

...Пойма цвела. Сквозь густой кустарник, петляя, шла невидимая дорога. «И всю эту прелесть затопит коренная, — думала Марина Васильевна. — А где же тут хотели вести дамбу?»

Она высовывалась из кабины и смотрела вокруг. Далеко, далеко видны были кусты да камыш. Кое-где на высотах вырастали тополевые рошницы. «Наверное, вода не достает их. Сколько же здесь гектаров? — прикинула она. — Тысяч... тысяч тридцать. Вот какое богатство погибает. Только и есть, что трава. Да и то, если коренная быстро сойдет. А если нет? Косят песок...»

— Вы слышали о дамбе? — спросила она шофера. Тот усмехнулся в черные «буденновские» усы, тронул их рукой.

— Баловство: хуже скажу — блуд Синицына.

Марина Васильевна вскинула на него брови.

— Ну, посудите: мысленное ли дело одним совхозом поднять сотни тысяч тонн песку и гравия, чтобы протянуть дамбу на семь километров? Тут районом поднимать надо. Всем народом! А из-за чего сыр-бор? Из-за хлеба? Так почему бы не сделать капитальную глубинку на Чарыше? Ведь тут кверху километров на сто баржи тянут теплоходы, катера.

— А где же ее тут сделать? Берег весь заливадается коренной водой.

— Ну-у, весь. Это тут, на пойме. А взять выше? Хотя бы ту же Тополевую заставу. Знаете?

— Нет.

— Да это, как вам сказать, есть тут колхозная ферма, выше по Чарышу. Верховинской зовется.

— Так я ж с Кушки! Это по соседству с нами! — обрадованно воскликнула Марина Васильевна.

— Ну, вот видишь! — засмеялся шофер. — Не доходя с километр до Колового мыса.

— Там у нас кукуруза.

— Вот. А ниже сюда, видели, роща тополевая на берегу?

— Как же!

— Это и есть Тополевая застава. Деды не помнят, чтоб ее когда-нибудь затапливало. Тут и строй себе. Целый городок уместится. Капитальную можно глубинку сделать.

— Простите, как ваша фамилия?

— Сидоркин. Александр Иванович Сидоркин. А вас, извиняюсь.

Марина Васильевна назвалась.

— Стало быть, управляющий? А я тут недавно. Никого еще не знаю, — и, помолчав: — Вот вам идея. А то — ламба! Курям сказать — облезут со смеху.

...Марина Васильевна рассказала Градову о предложении шофера Сидоркина. Градов тут же позвонил Кожину.

Подумав, секретарь райкома спросил:

— А ты имел, Иван Иванович, когда-нибудь дело с «малыми реками»? Нет? Ну вот. Есть такое управление при крайисполкоме. Оно возражать не будет, тут же пошлют специалистов. Ну, а спецы эти засядут годика на два за изучение нужного плеса. Вот как раз и построишь.

— Неужели это действительно так? — сразу же охладил свой пыл Градов.

— Представь себе. А вообще, идея верная. Кто предложил-то? Иноземцева? Молодец! В принципе не возражаю. Как крайисполком: разрешат открыть — откроем.

Кожин обещал немедленно сообщить в крайком, а Градову приказал тщательно обследовать подъездные пути к заставе.

— Что ж вы меня подводите, — обиделась Марина Васильевна. — Разве я? Случайный разговор с Сидоркиным.

Иван Иванович махнул рукой.

— Да в этом ли дело? Надо ехать на Тополевую заставу, — он вышел из кабинета и отдал какие-то прика-

зания. «Прораба и инженера», — расслышала последние слова директора Маринна Васильевна. Вошли Гус и Лиза.

— Поздравляю, — сказал Гус, морщась, как от зубной боли.

— С чем? — делая удивленное лицо, спросила Марина Васильевна.

— С новым происшествием на Кушке, — саркастически улыбнулся Гус и посмотрел на Лизу.

Маринна Васильевна сдержанно сказала:

— Ну, кукуруза — понимаю вас. Записки Селезнева — тоже. Но Петров? Это забавляет? — она поднялась с дивана.

Вмешалась Лиза. Она прошептала:

— Мне очень-очень нужно поговорить с тобой! Пойдем ко мне на минутку! Ну, пойдем!

Маленькая комнатка Лизы — в том же здании, в конце длинного коридора конторы. В комнате одно окно. Койка, небольшой диванчик и комод. На нем зеркало и мелкие безделушки: статуэтка физкультурника, морская раковинка, несколько мраморных зверушек.

— Раздевайся, садись, пожалуйста, — пригласила на диван гостью Лиза, а сама подошла к зеркалу и стала расчесывать волосы.

— Да, о чем это я хотела сказать?

— Ты стала рассеянной, Лиза, — улыбнулась Маринна Васильевна, сняв дорожный плащ и присаживаясь, — с чего бы? Все это так не похоже на тебя.

Лиза загадочно улыбнулась.

— Ты права. Ужасно стала рассеянной, — она вздохнула и стала рассказывать о работе опорного пункта.

— Нервотрепка. Представь себе: дождей нет. Травы идут плохо. Гус из себя выходит.

— Зато сколько было самоуверенности и оптимизма весной, — вставила Марина.

— О, тогда другое дело! Он был полон надежд. Наобещал в райкоме — завалит соседние колхозы первоклассным сеном, а теперь мечет гром и молнии. Со мной не разговаривает. Будто я виновата. Уйду на отделение... агрономом.

Лиза прищиплила длинными белыми приколками волосы и под села на диван.

— Красивая ты, Лиза, — сказала Марина.

Лиза пожала плечами.

— А что толку?

— Ты вот что скажи, Лиза,— Марина посмотрела внимательно в глаза девушке.— Ты мне скажи: ты любишь Павла? По-настоящему любишь?

Лиза широко открыла глаза, заметно покраснела.

— А... а что?

— Мне это надо знать, Лиза,— твердо проговорила Марина.— Я давно его знаю. И мне, конечно, хотелось, чтобы он... Ну, сама понимаешь... Чтобы он был счастлив.

— Ах, вон как! — Лиза неестественно рассмеялась.— Видишь ли, он мне нравится.— Она вскочила с дивана.— Да. Но он-то не очень обращает на меня внимание.— Лиза вздохнула.— Я ведь все вижу, Марина. Все.

— Что же?

— Ой, не отпирайся, что не понимаешь!

— Ты думаешь, он...

— Не думаю, а, к сожалению, уверена. И все это уже видят и знают.

Марина тихо засмеялась. Лиза заметила и, подойдя к ней, села против нее прямо на койку.

— Вот видишь, смеешься. Значит, правда.

— Нет. Уверяю тебя. Он хороший. Славный и чистый. Но у нас с ним не может ничего быть.

— Почему? Сама же говоришь...

Марина взяла ее за руку, посмотрела в глаза.

— Верь мне, Лиза.

— Ты любишь другого?

— Да.

— И... его здесь нет?

— Этого я не скажу тебе.

Лиза с любопытством взглянула на Марину.

— Ну, он хоть свободен? Не женат?

— К сожалению...

У Лизы дрогнули ресницы. В глазах метнулся испуг.

— И ты... ты...

Марина отвела взгляд в сторону. Помолчала. Потом решительно поднялась, в каком-то порыве схватила Лизу, поцеловала ее и, прихватив плащ, выскочила за дверь.

ГЛАВА 18

Несколько дней где-то в горах ухало и гремело. Там шли дожди. А здесь, в предгорье, июнь поджег новые цветы. По ложкам вспыхнули огоньки. На косогорах расстелил другие ковры — из белой и желтой ромашки. При малейшем дыхании ветра от одуванчиков в воздух взлетали тысячи маленьких парашютиков, унося в разные концы предгорья цепко державшиеся семена. Хлеба потемнели, пошли в стрелку.

В один из таких дней к Тополевой заставе подошел катер. С него сошел высокий, сухой, в форменной фуражке речника человек, за ним Кожин и еще несколько представителей района и управления «малых рек». Они долго лазили по зарослям, присматриваясь, изучая что-то.

На Кушку, отчаянно пыля, вырвались два легковых «газика». Первый, не останавливаясь, проскочил мимо, свернул к Верховинке и помчался дальше к реке. Второй остановился. Из него вышел Дмитриев.

— Поедешь? — спросил он, заскочив к Марине Васильевне.

— Куда?

— К Тополевой заставе. Там комиссия. Обследуем подъездные пути.

— С удовольствием, — Марина начала быстро складывать в стол какие-то бумаги, над которыми только что сидела. Посмотрев на Дмитриева, она укоризненно покачала головой: — И похудел же ты... Кожа да кости... Что с тобой?

Дмитриев махнул рукой.

— Не обращай внимания. Замотался...— Он протянул ей неожиданно руку.

— Ты что?

— Поздравляю... Молодец. А я был уверен. Ну, поехали, там со мной Ветров. Как бы не задохнулся в машине. «И всегда он такой... будто ветер. Ворвется, взвихрит и пошел дальше,— улыбнулась про себя Марина.— А Павел обиделся. Милый мой дурачок... Что же мне делать-то было! Сам посуди...» Она посмотрела на Дмитрия.

— Ты что?

— Да, так... Ничего. Пошли.

...Всю дорогу молчали. Только когда приехали на берег, Павел тихо проговорил:

— Кажется, хотят перебросить куда-то...

У Марины упало сердце. «Не сам ли попросился?»

— Почему?

— А спроси их...— и, вздохнув: — теперь к тебе не пробьешься скоро, а я ведь не теряю надежды,— он грустно улыбнулся и, нагнувшись, полез из машины.

Представители, о чем-то разговаривая, стояли на лужайке в центре заставы. Среди них Марина Васильевна сразу же признала Кожина и Паршукова.

Кожин шагнул ей навстречу и крепко тряхнул руку.

— Уже видел... видел твою красавицу на Коловом. Рад, ты посмотри, Паршуков от зависти чуть не лопается!

— Заколдовала, ей-богу,— заколдовала Коловый.— Здравствуй, Марина Васильевна.

— А вы что-нибудь приметили здесь для колхоза? — усмехнулась Марина.

— Смеешься! — воскликнул тот.— Да мы с этой глубинкой, если вот эти,— он понизил голос,— эти «малые реки» не поставят нам рогатки, мы с этой глубинкой, как у Христа за пазухой будем.

— Товарищ Паршуков,— позвал председателя худой человек в форменной фуражке.— А вы уверены, что эту заставу не затопляет коренная?

— Ни один старик в деревне не помнит такого случая,— горячо воскликнул Паршуков.

— А вот эта речушка? Обратите внимание, товарищи: справа речушка.

— Кудренко,— подсказал Паршуков.

— Кудренюк! Слева ложок. Вода из Чарыша заходит по нему. Поднимает ее и идет по этому ложку. Таким образом, отрезает заставу со всех сторон.

— Ну и пусть себе отрезает,— сказал Градов, решительно мотнув головой.— Построим хороший мост. Вот прямо здесь... через этот самый ложок, пока он сухой.

— Н-да,— пожевал губами представитель «малых рек»,— проведем замеры воды у берега. Причем сейчас уже бесполезна эта работа. Коренная началась. Вот эти дожди,— он повернулся в сторону гор,— понесут воду. Работу будем проводить, когда вода спадет, войдет в берега.

— Ну что ж,— сказал Кожин.— Нам, товарищ Иванов, нужно решить в принципе. Могут к заставе причаливать баржи?

— Берег тут неплохой, крепкий, хорошо схвачен деревом и корнями деревьев,— согласился Иванов.— Но, по-горяю, нужно вести наблюдение. Это дело не одного дня и не одной недели. А потом учтите, товарищ Кожин, нам придется отрывать баржи от вашего главного элеватора. У нас нет лишних посудин. Я не думаю, что это может вам понравиться в разгар хлебозаготовок.

Кожин многозначительно подмигнул Градову.

— Мне-то ведь все равно,— сказал он.— Повезет ли Градов кружным путем хлеб, или загрузит он им баржи на месте. Под его зерно и главный элеватор должен будет дать баржи. Не станет же он сплавливать совхозный хлеб на плотках!

— Конечно, конечно,— понял его Иванов.— Но посмотрите, сколько здесь работы!— он повел вокруг рукой.— Все надо вырубить и выкорчевать.

— Ну, это наша забота!— сказал Градов.— Вот и Паршуков людей подбросит. Коней даст!

— Выйдем всей Хайрюзовкой воскресником. Нам и глубинка нужна и лес.

Все весело рассмеялись.

— Ну, дружище, ты и хват! Уже и лес забрал!— смеясь, сказал Кожин.

— А что ж?— не смутился Паршуков,— лучше сразу договориться!

— Правильно,— сказал Градов.— Лес, мое предложение, тут же использовать на строительство моста и крытого тока. Ток здесь нужен будет?

— Безусловно, — подтвердил Кожин.

— А потом учтите, товарищи, — продолжал Иванов свою мысль. — Это не все. Ну, постройте мост, очистите площадку. А берег надо все-таки укрепить. Забить сваи. Заложить плахи или жердняк. Это все надо.

Кожин похлопал его по плечу:

— Одним словом, не пугай нас, товарищ Иванов. Мы видим: хлопотно это для «малых рек». Новая работа. Но вы, надеюсь, тоже люди государственные, а не частная лавочка. Вот так. Думайте, решайте, планируйте, а мы приступим к работе. Обо всем этом я доложу в крайком партни.

При последних словах Кожина, Иванов крикнул, подтянулся и уже весело сказал, обращаясь к Кожину:

— Что ж, поехали? А наблюдателя я оставляю здесь. Поживет. Понаблюдает за коренной. Проведет нужные замеры. Только где он будет жить?

— Пожалуйста! — подхватил Паршуков. — Вон у нас под боком Верховинская ферма. Места сколько угодно!

Небольшой катерок стоял под крутым берегом. С него был переброшен трап.

Уже с катера Кожин помахал рукой.

— Давайте, Иван Иванович, действуйте!

— Ждать не будем! — ответил Градов. — Вы там, Семен Семеныч, не упускайте инициативы!

Заработал мотор. Просвистев в воздухе, на палубу упала «чалка». Взбурлила вода под кормой, и катер, описав дугу, помчался вниз.

**
*

Интересная новость всколыхнула молодых обитателей Кушки. Ребята в тот же вечер пошли хоть издали посмотреть на Тополеву заставу. Не терпелось взяться за топор.

— Ильки нет с нами, — вздохнув, сказал Лешка. — Вот бы он загорелся. Это же ведь интересно: врубаться в чашу. Да и народу там будет много.

— Из Хайрюзовки приедут, из Центральной, — подхватила Люба. — А Чарыш-то, смотрите, на тот берег кинулся, на луг!

Еще было светло. На левом, низком берегу Чарыша

росли высокие травы. Недалеко от берега сбилось стадо коров.

— А это что там блестит за стадом? — воскликнула Дуся.

— Вода! — определил Серафим. — Вода. Она отсекает стадо. Смотрите, бежит...

— И никто не видит! — ахнула Люба. — Кто-то плывет туда на лодке.

— Молоковоз. Видишь, фляги в лодке блестят, — сказал Лешка. — Но почему они там все спокойны?

Серафим, тоже наблюдавший за лодкой, заметил в ней, кроме молоковоза и фляг, еще кого-то. Он, конечно, узнал ее, узнал даже по неприметному среди фляг белому платочку. Лена... Она сидит на самом носу лодки.

Ну, конечно, это она. Вот поднялась, соскочила на берег и потянула за собой лодку, обошла стадо, остановилась и закричала что-то. Доярки тотчас побросали коров. Посмотрев в ту сторону, куда указывала Лена, они всполошились, забегали, замахали руками. Коровы разбредались в разные стороны. В это время вода затопила оставшийся перешеек и ворвалась в Чарыш. Обошла!

Кушкинцы ахнули и, не сговариваясь, побежали к Чарышу. Впереди всех бежал Колька. За ним Серафим, Лешка...

— Не могли... не могли, — сквозь зубы выкрикивал Серафим. — Не могли вовремя заметить!

— Пока там не глубоко — в протоке — можно прогнать стадо, — на бегу отозвался Лешка.

С длинными хворостинами доярки бегали за коровами, но те, дойдя до протоки, решительно поворачивали назад и бежали обратно к берегу.

Кирилл, варивший ужин, заметил, как всполошились вдруг ребята, как они почти враз кинулись к Чарышу. Он поднялся от костра и выбежал на пригорок. Увидев ребят, бегущих к реке, метавшееся на лугу стадо коров, — все понял. Не раздумывая, он бросился вслед за кушкинцами.

— Кирька! — донеслось до него. — Кирюха! — Верни-ись... кин... сын!..

Не оглядываясь, Кирилл бежал, пока не догнал девчат.

— Выручать, да? — спросил он Любу, кивая головой на луг.

— Да вот побежали... и мы за ними. А как выручать-то?

— Найдем как! — отозвался Кирилл. Обогнав девочек, он скрылся в прибрежном кустарнике.

...Стадо, почуяв опасность, заметалось по острову. Задрав хвосты, бегали коровы, не слушаясь выбившихся из сил молодых доярок.

— Ло-од-ку-у! Лодку-у! — понеслось по реке. — Ло-одку-у! — кричал, сделав трубкой ладони, Лешка. В это время на берег, тяжело дыша, прорвался сквозь кустарник Кирилл.

— Ты? — удивился Серафим.

Кирилл молча кивнул.

Протянул ему руку и Лешка, а сам продолжал кричать: — Ло-одку-у!

Одна из доярок подбежала к Лене и что-то ей сказала, указывая на правый берег. Лена взгляделась, заметила ребят и бросилась к лодке.

— Куда она... одна? — забеспокоился Серафим.

— Не бойся, они тут привычны, — сказал Кирилл.

Лена, столкнув лодку, села за весла. Минуты две она поднималась у самого берега кверху, потом круто свернула влево и наискосок стала быстро пересекать реку.

— Видал? — подтолкнул Серафима локтем Кирилл. — Отчаянно действует!

— Да-а, — вздохнул Серафим, восхищенными глазами следя за каждым движением лодки.

Шурша о ветви тальника, лодка ткнулась в берег. Лешка быстро схватил бечевку. Заломив весла в лодку, Лена, раскрасневшаяся, поднялась с беседки:

— На выручку? Спасибо. Вот ведь беда, а?

Лешка подтолкнул ребят.

— Осторожнее шагайте. Ты бы, Лена, перешла на корму. Будешь править!

— Хорошо, — согласилась Лена. — А вон и девочки, — указала она на кусты.

Ребята переглянулись: стоит ли их брать?

— А как ты думаешь?

— Больше бы людей — лучше, — сказала Лена, — а не забоятся?

Но девушки не забоялись. Соня решительно потребовала, чтоб и их взяли с собой.

— Ну хорошо, — решил Лешка. — Садитесь и ни-ни. Чтобы ни рукой, ни ногой. А ты, Коля, подожди нас тут. Ладно?

Колька насупился. Отвернулся. Девушки уселись. Люба зажмурилась.

— Боязно? — услышала она рядом шепот. Это шептал Кирилл. Люба узнала его и покраснела.

На берегу их обступили доярки. Лица их были расстроены.

— Ничего не получается. Хоть убей ты их, проклятых, — не идут да и все через протоку. А через час-полтора протока будет глубокой. Может, как-то в колхоз сообщить!

— Ничего не надо, — сказал Лешка. — А ну, выбирай все по хворостине... Лена, ловите самых спокойных коров. Ребята, давай ремни! Может, веревки есть?

Обрывок веревки оказался только на лодке. Отвязали его. К берегу, забрызганный грязью, подошел, тяжело дыша, молодой парень.

— А, кудри! — усмехнулся Лешка. — Старый знакомый!

Парень стал испуганно озираться.

— Да не бойся. Не тронем. Не за тем приехали. Лена! — крикнул он, — значит, так: ловите трех-четырех самых смирных коров... — И к ребятам: — вооружайтесь, кто чем может... И ты давай тоже... — крикнул он кудрявому.

— Так, вяжите за рога! — скомандовал Лешка, когда нужных коров изловили. — А теперь ведите их... Цили! — закричал он и стал подстегивать коров. — Тяните, тяните!.. Давайте мы сами.

Ребята взялись за ремни, а девчонки сзади стали подгонять коров. Дошли до протоки.

— Теперь осторожно подгоните сюда все стадо. Да быстрее, быстрее! — кричал Лешка. — Темнеет!

Когда стадо подогнали к протоке, ребята, забредя в воду, потянули за собой привязанных за рога коров. Те сначала упирались, потом пошли. Видя, что несколько коров бредут по воде, остальные осмелели. Стали по одной подходить к протоке и, пригнувшись к воде, заходить в нее.

— Гоните их! — крикнул Лешка. — Гоните беспощадно!

Он шел впереди. Вода была уже по пояс, но он упорно шел вперед. Вот и мель. Зашуршала под ногами трава. Лешка оглянулся, смахнул со лба пот: все стадо стягивалось в протоку. Девушки, обрадованные успехом, уже веселей покрикивали на коров и хлестали их хворостинами. Молоковоз тут же разулся и вылил из сапог воду. Он настороженно поглядывал на Лешку. Заметив это, Лешка подмигнул ему и засмеялся. Засмеялся и молоковоз.

— Как звать-то? — спросил Лешка.

— Гришка.

— Ну вот, Гришка. Никогда не плюй в колодец. Знаешь, небось?

— Знаю, — буркнул Гришка. — Да это я тогда так... из озорства.

— Ну, вот... приходи в гости! Пошли, ребята?

— Пошли, — откликнулись Серафим и Кирилл. За протокой их встретили девушки.

— Выжмите хоть рубашки, — сказала Соня.

Подскочила Фрося.

— Ну, спасибо вам! Теперь наша очередь покупать вам конфеты! — воскликнула она, озорно поблескивая глазами.

Лешка смутился. Вот ведь... узнали и на ферме!

На Кушку ребята шли, когда было уже темно. Обрадованный Колька все забегал перед Лешкой и, путаясь под ногами, выкрикивал: — Я слышу, ты скомандовал: «Лена! Давай самых смирных... За рога их...» Я догадался сразу! Так по-моему и вышло...

— Да, молодец ты у нас, молодец! — старалась поймать Кольку Соня, но он все увертывался и не давался ей в руки.

Довольные, вернулись ребята на Кушку.

...Несколько дней подряд ездила Марина Васильевна на берег бушевавшей реки. Уже давно ушел под воду луг. Странно было видеть верхушки камыша да кустарника, беспомощно торчавшими на поверхности мутной, грязноватой воды. Над заливом день и ночь слышен был крик птиц.

Марина Васильевна пробиралась на Тополевую заставу и подолгу наблюдала за рекой. Вода зашла в Куд-

ренко, подняла его. Начала заливать ложкой, который охватывал заставу с левой стороны. Но преодолеть крутой берег, на котором выросли высокие тополя, не смогла. И, как бы убедившись в этом, уже на пятый день стала откатываться с плугов, садиться у берега все ниже и ниже.

«Коренная действительно не выходит за заставу... — думала Марина Васильевна и радовалась. — Не обманул Сидоркин. Можно строить глубинку».

Но ее встревожил и насторожил Паршуков, который также наезжал иногда на Тополевую, узнав о решении совхоза открыть здесь глубинку.

— Рано стала спадать, — кивнул он в сторону реки. — Вторая придет. Это уж точно.

— Как — вторая?

— Вторая будет коренная. Это как пить дать. Если первая держалась недолго — жди в середине июля второй. Так бывает.

— А та, вторая, большая может быть?

— Всяко. Зайдет в июле, уйдет в августе. Тогда прощай покос на пойме — один песок на траве будет. Да и чего там расти остается — полмесяца? — Паршуков мрачно сплюнул.

— А может, все-таки не придет?

— Посмотрим.

— А вторая затопит заставу? — допытывалась Марина Васильевна.

— И вторая не затопит. Но отрежет всякие подъезды. Так может.

Марина Васильевна доложила о своих наблюдениях и разговоре с Паршуковым Градову.

— Уже решено, — сказал он. — На днях будем штурмовать заставу. Готовь и ты ребят.

*
*
*

Десятки, а может, и сотни лет стояла на Тополевой заставе дремотная тишь. И нарушалась она разве только однообразным плеском струй беспокойного Чарыша да щебетаньем птиц. В непролазной чаще ежегодно осыпала свои ягоды черная и красная смородина. До самых морозов алела на кустах калина. Шли годы. Крепли тополи, защищая берег от размыва. Встали один к одному

богатырской заставой, и смело вступили в единоборство с коварной рекой. Крепла верба Коренастая, разлапистая, запуская глубоко в землю корни, она пускала такие же жилистые и крепкие отростки, выбираясь на солнечные места, вытесняя кустарник и жидкий тальник.

И вот совсем неожиданно пришли люди. Эти веселые парни разбили несколько палаток на солнечной елани. Разожгли костры и, разбившись на группы, повели наступление. Засверкали топоры в их руках, завизжали пилы... Дрогнула застава. Вот упали на землю, заламывая сучья, первые красавцы тополя.

«Неужели все — под корень?» — думал Серафим, запрокинув голову и глядя на кудрявые верхушки стройных деревьев. Он смотрел, как с горящими глазами бежал около своих людей Паршуков, заставляя поддержать на конях то один сутунок, то другой, и ему почему-то стало очень жалко заставы. Неужели подряд... и те вон, что у самой воды рубить?

— Ты что? — заметив сумрачное лицо товарища, спросил Лешка.

— Жалко... Можно бы и не трогать часть.

— Чудак. Зачем же все? — усмехнулся Лешка. — На берег прорубим только просеку. Да вот здесь в середине очистим от кустарника... под ток. Зачем же все? Нет.

Серафим повеселел. Уже с легким сердцем стал он обрубать сучья поваленного дерева.

— Конечно... Тому Паршукову хоть все подряд, ничего не жалко, а ведь тут такая красота! — шептал он.

Работами руководил Ветров. Он отобрал часть людей, знакомых с плотничьим делом, и тут же приступил к строительству моста.

Все светлее и просторнее становилось на заставе. Отступала чаща. Потянулись к солнцу травы и цветы. Серафим и Лешка угодили сначала в группу сучкорубов, потом на ошкуровку.

— А подтесывать сутунки сможете? — спросил их Ветров. — Сложного тут ничего нет. Мастер покажет.

— Сможем. — твердо сказал Лешка. — Топор не выпадет. — Оробевшего Серафима он ткнул локтем.

— Соглашайся.

Мастер закрепил колышками бревно и показал, как это делается.

— Я вам отобью шнуром, сколько снимать нужно.

Он провел головешкой по шнуру. Натянул его и — дзинь! — черная полоска отпечаталась у самой кромки бревна.

— Вот до этой линейки можно снимать, — сказал мастер. И Серафим с Лешкой приступили к работе.

— Береги ноги, не давай скользить топору, — предупредил Лешка.

К вечеру у Серафима горели ладони. Чуть-чуть подрагивали в коленях ноги. Но он не говорил об этом никому. «От напряжения, видно, это», — решил Серафим.

Дуся привезла на Стрелке обед и, увидев их работу, с уважением посмотрела на ребят. — Плотники ведь а? — посмотрев хозяйским глазом, добавила:

— Щепы-то я увезу отсюда целый коробок.

Как-то вечером на заставу приехал Гридин. С ним увязались девушки с Кушки. Он быстро перезнакомился со всеми, взял у Лешки топор и давай тесать бревно да так, что огромные щепы отлетали прочь легко и свободно.

— Развудись плечо! Размахнись рука! — с шумным выдохом приговаривал секретарь райкома. Натешившись вволю, он выпрямился, отер вспотевший лоб платком и рассмеялся, блеснув оскалом ровных крепких зубов. — Есть еще порох в пороховницах! — сказал он оживленно. — А я уже думал, что совсем испарился в резолюциях!

— Резолюций-то немало выходит из-под вашего пера, — вставила Соня. — А чтоб без них?

— Нельзя. Такой порядок, — сказал Гридин и pokrutil головой. — Да как же мы будем практически выполнять свои собственные решения, если не напишем звонкой резолюции, а? Ну-ка, сообрази, Соня?

— Да, уж тут ничего не скажешь, — согласилась Соня.

Все, кто был рядом, весело рассмеялись. Рассмеялся и Гридин.

— Нет, он, кажется, неплохой парень, — оценивающе присматривался Серафим к секретарю райкома.

— Обрадую вас, ребята: с Илькой дело идет на поправку, — сказал Гридин. — К уборке урожая сядет за трактор.

— Он комбайнер, — поправила Соня, зардевшись от приятных известий, — хотя и трактор ведет. Он все может.

— Ну вот. Возьмется за штурвал,— поправился Гридин.— И еще хочу вас порадовать: ваш опыт выращивания кукурузы перенесем во все молодежные бригады района.

— Надо бы это как-то оформить. Товарищ Полешук не разрешил бы приступить к такому мероприятию без соответствующего решения,— заметил не без иронии Лешка.

— У того резолюция прежде дела.— кивнул в знак согласия Гридин. И черт его знает, кому он подражал. Но мы, думаю, без этого обойдемся. Поеду по району и постараюсь поднять ребят.

Заметив Марину Васильевну, которая шла с поля с пучками кукурузы, он вскочил и пошел ей навстречу.

— А у меня к вам есть дело,— Гридин порывлся в кармане и достал свернутую уголкем бумажку.— Дмитриев велел передать, с Центральной.

Поблагодарив Гридина, Марина поспешила отойти в сторонку. Записка Кости жгла руку. Сердце ее усиленно билось: о чем он?

Костя писал: «Таня! (я по-своему зову тебя!). Если бы ты знала, кого я встретил в городе. (Я ведь снова ездил и сегодня под утро только приехал). Ну, отгадай, кого я встретил? Ни в жизнь не отгадаешь! Максима Терентьевича. Ну, как? Он приехал с какой-то комиссией, научно-медицинской. Приветище тебе передал во-от такой! Он седенький стал, наш добрый партизанский доктор. А вообще-то многого добился за послевоенные годы. Он теперь профессор. Специалист большой. Приглашал в гости в Москву и адрес дал. Вот так. Теперь приказываю тебе иметь график уборочных работ. Это еще рано, но мне надо заранее все знать, чтобы спланировать, как следует, механическую силу.

Твой Костя».

— Доктор... Милый Терентьич! — взволновалась Марина. Ну что ж, спасибо, Костя!

Неожиданно подошел Гридин.

— Извините меня. Разговор у меня сугубо конфиденциальный,— сказал он.— Там при ребятах не мог я вам сказать.

— Пожалуйста.

— Только вы ничего пока не сообщайте им,— он по-

казал рукой в сторону кушкинцев.— Они не должны ничего знать и особенно Соня.

Марина прижала к груди записку, широко открыла глаза.

— Илья? — прошептала она испуганно.

— Да.

— Что же с ним?

— Ему, кажется, отнимут руку. Что-то там не то вос-
паление, не то заражение... в общем... такое дело.

Марина с ужасом смотрела на Гридина.

— Вот так, Марина Васильевна. Прошу вас сохра-
нить все это в тайне как можно дольше.

— Но... уже решено или только еще возможно? Гово-
рили ведь об этом и раньше.

— Врачи видят в этом единственный исход. Он пока
не дает согласия. Но, конечно, его уговорят.

— Может быть, ему тогда лучше не возвращаться
сюда?

— Если это все произойдет — мы постараемся устро-
ить его на учебу в институт.

— А как же Соня? — невольно вырвалось у Марины.

— Да-а,— задумчиво протянул Гридин.— Тут уж за
нее никто не решит.

В это время раздались веселые голоса, смех, Соня
манила рукой Марину Васильевну.

— Торжественная минута, Марина Васильевна! — за-
кричала она.— Подойдите!

— Что случилось? — бросилась Марина к толпе мо-
лодежи, стоявшей на бровке оврага.

— Подъем столба! Первый столб моста.

Под крики и аплодисменты первый столб, покачи-
ваясь на веревках, оторвался от земли и двинулся мед-
ленно вверх.

— Пойду помогу! — сорвался Гридин и побежал к
ребятам.

— А ты знаешь, Гридин мне привез хорошую весточ-
ку,— обратилась Марина Васильевна к Соне.— Дмитри-
ев встретил в городе нашего партизанского доктора. Зна-
менитостью стал. Мне кланялся тоже. Как бы я хотела
его увидеть!

— Это хорошо,— сказала Соня, думая о чем-то своем.

ГЛАВА 19

Вот и кончилась эпопея с завоеванием Тополевой заставы. Построен мост. Возвели крытый ток. Расчистили дорогу. Ребята, возмужавшие, загоровшие, вернулись на Кушку. Тайна, о сохранении которой так заботился Гридин, долго не жила. Через несколько дней на имя Лешки пришло письмо от Ильки. Он предупредил комсомольскую организацию, что к началу уборки урожая обязательно будет на Кушке и никому не разрешит вести свой «С-6». «Я перенес тяжелую операцию,— писал он.— Правда, руку отстоял. Но она плохо слушается меня. Пожалуйста, не оплакивайте. Будьте прежними хлопцами. Вспомните Маресьева. Ему было гораздо хуже. Меня усиленно агитируют в сельскохозяйственный институт. Об этом мы с вами решим вместе. Мало вы мне пишете. Серафим, призови всю свою музу. Пусть она поможет тебе написать длинное-предлинное письмо!»

Второе письмо, написанное тем же почерком, получила Соня.

Лешка, прочитав Илькино сообщение, протянул его Серафиму. Узнали девчата. Люба не выдержала и разрыдалась.

— Ты что? — побледнела Соня.

— Распечатывай,— сказал Лешка.

Соня вскрыла свое письмо. Пробежала по строчкам раз, второй. Опустила руку.

— Соня! — ласково позвал Лешка.

Соня отрицательно покачала головой, подала ему письмо. Лешка прочел:

«Соня! Я не хочу, чтобы ты была на Кушке, ко-

гда я приеду туда. Наберись мужества и разруби этот узел: мне будет тяжело. У меня, кажется, не будет левой руки, то есть она будет, но не моей стала.

Илька».

Лешка поднял глаза на Сою. И тут же опустил их: Соня строго, в упор смотрела на него.

— Я думаю, нам посоветоваться надо бы,— проговорил он несмело.

— О чем? — тихо спросила Соня.

— Ну, обо всем этом... Может, Ильке не стоит сюда возвращаться? То есть, я хотел сказать, оставаться здесь... на Кушке.

— Почему?

— Почему, почему... Трудно будет ему. Лучше бы, конечно, учиться.

— А одному, среди новых людей, ему будет легче? — не отставала Соня.

— Ну, вот давайте и обсудим,— сказал Лешка, уже менее решительно.

— Давай письмо... Вот так,— Соня бережно свернула листок и зажала в руке.— Можете собираться и обсуждать. Для меня же все ясно. Я не приду.

Соня прошла к общежитию, постояла у двери и свернула к Кудренку. Навстречу ей с ведром воды поднималась Дуся. Соня остановила ее.

— Марина Васильевна не приезжала с Центральной?

— Нет еще,— остановилась Дуся.— Она с графиком уборки застряла там.

— Как ты думаешь: знает она?

— Откуда же мне известно,— Дуся настороженно посмотрела на нее.

— А Кольку не видела? — вдруг спросила Соня.

— Он все с плотниками был. Где-нибудь тут.

Соня пошла к Кудренку вниз. И там, где он круто поворачивает к кустам, пересекая кукурузное поле, она заметила темное пятнышко на зеленом берегу. Она подошла к нему. Около серого валуна, подперев ладонями лицо, лежал Колька. Взгляд его был устремлен в ручей. Он даже не слышал, как подошла к нему Соня. И только когда окликнула его, вздрогнул, приподнялся и быстро сел. Лицо мальчика было заплаканным. Соня опустилась с ним рядом, взяла его голову, прижала к себе.

— Ты не волнуйся, Коля... Все будет, как надо. Все, все! — она попыталась улыбнуться, но в горле вдруг что-то зашекотало, и глаза тотчас заволокло туманом. Она подавила в себе минутную слабость, помолчала:

— Не грусти, парень.

Колька пошмыгал носом, протер глаза, буркнул:

— Тебе-то что. Он, поди, из-за меня пострадал.

— Почему из-за тебя?

— Потому. Не ходил бы ко мне на тырло, ничего, может, и не было бы.

— Ну не ты же виноват, в самом деле!

— Понимаешь ты много. А как раз и я. Я теперь всю жизнь буду думать об этом. Приедет и ему скажу. Я ему всю жизнь буду помогать. Зарок такой себе дал. Скорей бы уж ехал.

Соня грустно улыбнулась.

— Приедет.

— Да тебе-то что,— небрежно протянул Колька.— Ты как была, так и осталась. А он, небось...— Колька глубоко вздохнул.— Скорей бы уж ехал...

«Да,— подумала Соня.— Скорей бы уж ехал».

Лешка собрал всех в столовке и поставил вопрос о возвращении Ильки.

— А Соня? Где Соня? — спросила Люба.

— Да что она,— отвел глаза Лешка.— Соня сама решила.

— А что? — в один голос спросили девушки.

— Я понял, будто она... будто ей безразлично «Решайте, говорят, как хотите, а я знаю, что делать».

— Не может быть! — возмущенно воскликнул Серафим.

— Я тоже заметила, какая-то она... как в тот вечер, когда уезжала. Не за тракторами же она на самом деле на станции очутилась! — встала Дуся.

— Ну и пусть,— решительно отрубил Серафим.— Скатертью дорога. А мы напишем письмо, что ждем его, вот и все.

Лешка вопросительно посмотрел на девчат. Те в один голос сказали:

— Правильно!

Не часто видел комсомольского вожака Кирилл, но успел разглядеть в нем откровенного и сильного парня.

«Вот такие ни перед чем не отступают,— подумал он.— Другой бы, попади так в переделку, бросил все и уехал, а он такое письмо пишет ребятам. Вернуться и за машину сесть снова хочет».

Кирилл уже в сумерках взял гармошку и вышел к ручью. Он сел на берегу и тихо растянул меха. Грустная мелодия поплыла над Кудренком, влетаясь в перелив его струй.

Поет, поет гармонь, растравляя сердце парня. Он смотрит вдаль. Туда, откуда бежит по тучным хлебам, будто тропинка в поле, серебряный поясик лунной дорожки. Бежит по выколосившимся хлебам прямо к нему. Вот она сорвалась с обрыва, пересекла речушку и протянулась распушенной светлой бахромой к его ногам. А там дальше темной громадой чернеют горы. В глубоких ущельях устроились на ночевку зыбкие облачка.

«Красота-то какая! — шепчет восхищенно Кирилл. — И отчего так приключается, что часто человеку уж не до нее становится. А может, это у таких, как ты, бывает? Ильку, небось, не заставишь унывать и хныкать. Он хозяин жизни. Да и другие ребята. Даже эти... девчонки».

Идут, бредут тяжелые мысли. А что от того? Только сумно как-то в душе и все. С Илькой сжилась какая-то надежда в душе Кирилла. Какая, он и сам еще не знал. Только она, эта надежда, нет-нет да и прозвенит светлым ручейком в его сердце.

«Теперь, поди, ему не до тебя будет», — вздыхает Кирилл.

Вдруг Кириллу показалось, будто кто-то стоит рядом с ним и смотрит на него. Он повернул голову и вздрогнул. Пискнув, умолкла гармонь: в тени небольшой черемухи стояла с полотенцем на шее Люба.

— Играй, играй. Что ж ты? — улыбнулась она застенчиво.

— Да я ведь не очень, — пролепетал Кирилл.

— Нет, почему же. Получается.

От сруба, где тлел небольшой костерок, раздался скрипучий, недовольный голос отца:

— Кирька! Хватит прохлаждаться...

— Иду! — с досадой морщась, откликнулся Кирилл.

— До свидания! — тихо засмеявшись, сказала Люба и побежала домой. Кирилл с минуту смотрел в ее сторону, затаив дыхание. Пришло что-то светлое, радостное, обдало его теплым, ласковым ветерком и исчезло. Он поднялся и пошел к костру.

— Запиши, — говорит отец. — Сегодня какое число-то?

— Ну, семнадцатое, — недовольно говорит Кирилл, заноса в палатку гармонь.

— Запиши, — тычет пальцем отец. — Сего, 17 числа, июля месяца, взято со склада: вермишели два кило, банку баклажаных консервов, соли двести грамм и полкила сахару. Небось, на их запись не шибко надеяться приходится. Насчитают за харчи — не расхлебашься.

— Ладно, — нехотя тянет Кирилл и, набросив на плечи шубу, приваливается к костру, около которого на стружках и щепках вповалку спали мужики. Отец присаживается на чурку и начинает раскуривать трубку.

— Ты бы письмишко домой отправил, — тихо говорит он. — Как и что тут... Через месяц-полтора, глядишь, и двор отбахаем. Может, наймут дома рубить. Работы в этих краях непочатый угол. Заработать можно. Одним словом, Алтай — денежки хватай!

Кирилл думает о чем-то своем и не слышит отца. Вот уже второе лето разъезжает он с плотниками из области в область. И все как-то особнячком от людей, будто прокаженные. А рядом, вокруг кипит настоящая жизнь... Думы, думы... Будто репей, прицепятся — не отдерешь.

«Как вот он, Илья-то теперь? — и отвечает себе: — Не оторвется от ребят, будет жить. Да еще как. Такие раны для сильных — не помеха. Вот когда душа ранена, тут труднее, но опять же не для таких, как Илья».

Кирилл вздыхает, ворочается с боку на бок.

«Пришел бы уж скорей. Он бы и тебе помог, Кирюха».

Он завозился, открыл шубенку и уставился в небо.

— Ты что? — откуда-то сбоку раздался голос отца. — Не блохи?

— Да ну... Не спится.

— А ты спи. В баньку бы теперь тоже в аккурат. Попросятся в Хайрюзовке, что ли. Тут в Сибири люте

бани-то. И моются, говорят, не по-нашенски — в рукавицах и шапках.

— Скажешь тоже.

— Посмотрим... А ты спи... спи... Не луня глаза-то. Завтра не растащишь тебя.

— Видишь ты квёлый какой... говорил ведь вчера! — заметив, как о чем-то все чаще задумывается на работе Кирилл, сказал отец.

— Тут, Афанасий, девки спуют... Небось, сердчишко и млеет у парня! — хихикнул один из плотников, плюгавый, вечно со стружками в волосах, Иван Савоха. Кирилл отмолчался. Но, заметив, как тот, быстро и жуликовато оглядываясь на ток, подсовывал клин с мохом в перерубленное гнездо, сердито бросил:

— Чего бревно топишь? Совести не имеешь. Ведь угол через год отвалится!

— Эка хватил — через год! Да он, милый, с осенними дождями повиснет! — хохотнул Савоха.

Кирилл свел тугие брови, и, вогнав топор в бревно, с презрением сплюнул:

— Жульство разводите!

— Кирюха! — прошипел отец, глуша голос. — Оботри молоко на губах, паршивец! На кого говоришь-то?

Кирилл выпрямился и смело посмотрел в глаза отцу:

— Вам говорю. Кому строите? Кого обманываете? А еще креститесь. Еще богу своему молитесь. О чем просите его? Вот сказать все управляющему, сказать... — бессвязно, зло говорил Кирилл.

Вдруг глухой удар сзади оглушил его. Он схватился за голову, обернулся. Перед ним, хищно осклабясь, стоял Хрипун. В следующее мгновение подскочил отец, сграбастал своими ручищами, согнул, сломал парня и швырнул во двор, подальше от глаз, навалился на него.

— Я тебе покажу, собачьему сыну, как честных людей подводить, арестант проклятый! — Схватив подвернувшуюся под руку палку, он неступленно стал бить сына. — Сатана! Сатана! Я давно приглядывался к тебе. Давно вижу, куда косят твои глаза. Продавать вздумал, продавать!

— Хватит, хватит, Афанасий! — оттащил старика

Хрипун.— Угробишь парня. Он не будет больше. Не будет. Ведь так, Кирюха? Так?

Размазывая на лице кровь, Кирилл тяжело поднялся и, пошатываясь, побрел к ручью.

А день, как натянутая струна, звенел над взгорьем. Весело играл струями ручей, напевая свою бесконечную песенку, будто ничего не случилось. Та же светлая радость бытия. Та же неторопливая, всепобеждающая песня жизни. Та же маящая даль. Тишина. Ликующая молодость и свежесть преображенной под летним солнцем земли. Обида и горечь захлестнули сердце Кирилла. Вскликивая, он опустился на одно колено, зачерпнул пригоршней воду и стал, захлебываясь, пить...

У вечернего костра, помешивая ложкой в бурлящем котелке, отец укоризненно-примирительным тоном говорил:

— Ты, Кирюха, не блажи. На отца не хмурься. Чего тебе неймется? Не гляди на этих голоштаных. Они сюда не на заработки приехали. От некуда деться.

— Ну, это ты брось,— блеснул глазами Кирилл.— Не тронь их. Они почище нас всех.

— Гляди-ка ты, аблокот нашелся какой,— насмешливо ухмыльнулся отец.— Одним словом, они не чета тебе. У тебя в доме достаток. Два костюма да рубашек сколько имеешь. А они что? Узелок — и все пожитки.

— Говори о другом о чем, а их не тронь! Слышь? Не тронь! — протянул Кирилл угрожающе.— Они богаче нас, и плевали они на твои сундуки, набитые барахлом.

Отец поперхнулся. Левая бровь нервно стала подергиваться — признак подступившего гнева. Но Кирилл даже не посмотрел на него. Он уставился на огонь, лицо его горело. Таким еще не видел сына Афанасий, и это сдержало его.

— Знаем мы их богатство. Кто был ничем, тот станет всем. Так, что ли?

— Да.

Это твердое, спокойное «да» было острее бритвы. Оно испугало старика больше открытых угроз.

Он усиленно завертел ложкой в котелке. Помолчал и уже мирно проговорил:

— А на Саваху не ярись. В нашем деле если бы не клин да мох, плотник давно бы издох. А от них не убудет. Обмншулился мужик. Не снимать же целый венец из-за одного угла?

Кирилл мрачно заметил:

— Люди из кожи лезут, а мы им свинью...

— Да кабы это ихнее! А то ведь сегодня они, завтра другие хозяева.

— Государственное. Что же будет с государством, если все обжуливать его будут? Что?

— Ну, хватит, политик нашелся.— зло прикрикнул отец.— А на Саваху не ярись, говорю. Он тебе не чужой. Здесь чужих нету. На том и стоим, друг за дружку, как один. Обидишь — родно обидишь. Себя же. Свою кровь. А с ними меньше якшайся. Ни к чему нам.

Кирилл поднялся и насмешливо посмотрел на отца.

— Ну, знаешь...

— Что, знаешь?

— А то. Бить больше не дамся. Запомни. И Хрипуну скажи: подымет руку — в отсидку пойдет.

Кирилл отряхнул с себя мелкую щепу и пошел на стан к ребятам, куда только что подошли два самоходных комбайна. Совхоз готовился начать битву за урожай.

ГЛАВА 20

Сегодня Лешка принес Марине Васильевне письмо от Ильки.

— Да, такой уж он есть,— сказала задумчиво Марина.— Но как же Соня?

— И ей написал. Просит, чтоб уехала. Не травмила душу.

— А она?

— Не поймешь,— сознался Лешка.— Девчонки говорят, видели, будто смеялась уже. С Колькой что-то там шепчется. Наверное, уедет.

Марина Васильевна задумалась. Не похоже все это на Соню. Да как знать? Она ведь не всегда откровенна. Приподнимет занавесочку над сердцем и тотчас же задернет ее.

— Надо ее вызвать на откровенный разговор,— сказала Марина.— Она ведь не побоится сказать прямо, что думает. Хитрить тоже не может.

— Это правда,— согласился с ней Лешка.— Вы бы и поговорили, Марина Васильевна.

— А если все комсомольцы?

— Мы ведь приглашали ее. Не пришла. Не поймешь ее, Марина Васильевна.

— Хорошо, я постараюсь.

Ушел Лешка, а через несколько минут Соня пришла к ней сама. Марина Васильевна пристально посмотрела на нее. Соня была настроена явно «не по сезону», как отметила про себя Марина Васильевна. На ее полных губах играла беззаботная улыбка. Щеки красил яркий румянец. В глазах — озорные блески.

— Ты чему-то рада?

Соня передернула плечами и, присев на кончик стула, заглянула в окно.

— Соня,— начала Марина Васильевна, не разделяя ее веселого настроения.— Есть вопросы в жизни людей, которые...

— Надо обязательно решать серьезно. Это вы хотели сказать? — перебила ее Соня.

Марина Васильевна кивнула головой.

— Со мной не надо решать. Я давно все решила,— сказано это было категорическим тоном.

— Ты все взвесила?

— Да.

— Ну что ж,— вздохнула Марина Васильевна.— Тебе, может быть, виднее.

Соня спросила:

— Можно будет мне отлучиться завтра?

— Куда?

— В Озерки.

— В Озерки? — удивилась Марина Васильевна.

Никогда там никто не был из кушкинцев, хоть и рядом эта деревня, за горой, в трех километрах. И что это понадобилось делать в ней Соне?

— Колька очень просит. Он ведь оттуда. К матери его сходить надо. Попроведать хочет. Значит, мы сходим в Озерки,— она поднялась и, приветливо попрощавшись, вышла.

Марина долго еще стояла, прислонясь к косяку, и бездумно смотрела в окно. Там рокотали тракторы. Очевидно, подвезли лес. Слышны были голоса людей. «Легко же ты решила, красавица,— подумала с неприязнью Марина.— А может, так и надо? Может, у всех такая любовь — приходит и уходит, а у тебя вот, видно, затихает, глохнет, лишь временно — чтобы разгореться после с новой силой».

С трепетным волнением вспомнилась вчерашняя встреча с Костей. Он был, как всегда, ровен и насмешлив. Спорил с агрономами отделений спокойно и уверенно.

— Не надо меня убеждать,— отвечал он на просьбы и категорические требования агрономов.— Искожу из реальных расчетов и наличия техники. Ну, посудите сами: можем мы брать в расчет только энтузиазм ваших

хлопцев при планировании уборки?— и сам себе отвечал: — Можем. Только не на все сто процентов. А этак, процентиков на полста, не больше. При таком расчете и получайте свою технику.

Молодой, еще не сбросивший военной фуражки с красным околышем, агроном отделения «Первомайское» Суриков вскакивал и, отчаянно жестикулируя, кричал:

— Это бухгалтерия чиновника, не знающего людей и возможностей. Мы дадим на комбайн 500 гектаров! Значит, мне хватит на отделение пяти комбайнов. От двух отказываюсь в пользу «Хлеборобного».

— Ишь ты, какое рыцарское благородство,— Костя весело смотрел на агронома с «Хлеборобного» Ниночку Беляеву.— Это он ради вас, Нина Павловна. В другое время еще пять попросил бы.

— Никогда!

— Вот вам и никогда. Вы храбритесь и совершенно безрассудно. Это на ваших-то холмах вы собираетесь убрать по пятьсот гектаров на комбайн?

— И уберем!— самоуверенно выкрикивал Суриков.

— Бахвальство. Не верю. Вон у Нины Павловны и хлеб прямой, не перепутан, и поля ровные, как одна полоса,— вот тут стоит подналечь на ребят. Поговорить с ними. Пусть возьмут хорошие обязательства. У вас, Нина Павловна, пятьсот— это реально. Даже маловато. Хотите, я поговорю с людьми?

— Я согласна с вами!— выкрикнула Нина.

— Ну, вот и отлично,— сказал Костя.— Вы слышали о Семене Пягнице— комбайнере из Кулунды. Две тысячи за сезон!

— Что ж вы зажимаете инициативу наших комбайнеров?— подхватил Суриков.

— Две тысячи,— повторил Костя.— Только не на холмах, а в Кулунде. Где, как сказал местный поэт:

Где человек на виду

За сто верст...

Полсотни туда —

И полсотни сюда...

— Опять же заработок,— не сдавался Суриков.— Ребята будут не довольны...

— Вот с этого бы вы и начали... А то — энтузиазм, высокое обязательство! — спокойно усмехнулся Костя.—

Бояться мало заработать. Вот это уже правда. Но вы, товарищ Суриков, забываете, что вы прежде всего агроном, а не подрядчик. Посмотрите на ваши полосы: они перевигы, перепутавы, хлеб лежит, будто по нему промчалась конница Батия, а вы... Одним словом, с вами решили.

Да, со знанием дела ведет в наступление технику Костя.

В это время его вызвали к телефону (в кабинет не успели еще поставить аппарат). Он вышел. Не возвращался долго, а когда, наконец, пришел, Марина не узнала его. Сердитая поперечная складка, прорезав переносицу, не сходила. Он старался верить к прерванному разговору, перечитывал колонки цифр, вносил какие-то поправки, сосредоточенно смотрел на выступавших, но было видно, что мысли его уже не здесь... Что случилось? Смотрела на него, требуя ответа. Костя взглянул. Глаза оттаяли на мгновение, перестали быть отчужденными, а потом снова подернулись какой-то непонятной дымкой озабоченности. Не вытерпела и вышла из кабинета. Прошла к Ивану Ивановичу. Тот взволнованно мерял из угла в угол свой кабинет. Не успела перешагнуть порог, как он воскликнул:

— Порядочки, нечего сказать!

— Что случилось?

— Как что? Разве Дмитриев ничего не сказал?

— Нет. — Тревога усилилась.

— Выдержка! — покачал головой Градов. Он плюхнулся в кресло и стал усиленно тереть лоб всей ладонью.

— Ну вот, слушай. Состоялось на днях решение крайисполкома. Псылают комиссию по проверке совхоза «Предгорный». Что-то выявилось там неладное, особенно по использованию техники. Эту комиссию должен возглавить Дмитриев.

— Ну и что же? — успокоилась Марина.

Иван Иванович сердито глянул и, вскочив, снова забегал по кабинету.

— Тебе, может, действительно, «ну и что же», а совхозу, который еще сам не оперился, как следует, каково без главного инженера? Да еще в самый разгар подготовки к уборке урожая! — Он угрожающе фыркнул. — Как будто у них нет своих людей! Странная практика!

Будто сами они не заинтересованы увидеть все своими глазами, разобраться, чтобы самим сделать надлежащие выводы! Гнилая практика. Вредная. И, как назло, до Кожина не могу дозвониться.— Градов с каким-то озлоблением схватил трубку телефона и стал вызывать райком партии. Чтобы не мешать ему, пошла уже к двери, но Градов остановил. Он бросил трубку на рычажки аппарата, так и не вызвав райком, и указал на диван.

— Посиди минутку.

Открыв ящичек стола, он поддел ложечкой горку соды, проглотил ее и, по привычке, запил водою прямо из графина. Отдышавшись, усталو улыбнулся и снова перекочевал в кресло.

— А как с глубиной? Утвердили?

— Какой там! — махнул рукой Градов. — Все измеряют да подсчитывают. Эти «малые реки»... Но за это уже сердце не болит. Решат. Крайком вмешался. Дмитриев представил проект механизации. Дельно получается. Собрал из ничего, из старья, и транспортеры, и зерноочистители. Надо бы человеку заняться установкой этих механизмов, — так нет — опять нашли дело: комиссию! — по лицу Градова снова пошли кругами багровые пятна... — Прости. Психом становлюсь. На корню подкашивают вот такие рогатки. Не одна, так другая... Иудивительная ведь штука, заметь себе. Сами хозяева. Сами директивы пишем. Командуем. А почему такая порой неразбериха творится, особенно в ведомственных организациях? Смотришь другой раз и диву даешься: кому ножку подставляем? Друг другу. А почему? Много дублеров. И ни к чему они. Нахлебники. Центнер хлеба удорожают. Вот жил этот Трещинский у нас. Почти месяц, как представитель сельхозуправления. А что он решал? Ничего. Путался в ногах. Сковывал инициативу, — Градов тяжело вздохнул. Замолчал.

— Устали вы, Иван Иванович...

— Да, о чем же я тебе хотел еще сказать? Ах, да! С Дмитриевым... Мужика — в комиссию, а у него семья приезжает не сегодня-завтра...

Упало сердце. Стало трудно дышать. Усилием воли подавила в себе волнение.

— Да?

— Представь себе. Телеграмма есть. И почему-то на мое имя. Читаю и понять не могу: «Уведомите Дмитрие-

ва — еду сыном. Прошу обеспечить транспортом со станции. Дмитриева...» Каков, а? Молчуи. Никогда не говорил, что ждет жену. У него ведь и каморка-то — раскладушка одна помещается...

— И вы тоже, — возмутилась Марина. — Главный инженер — и каморка.

— Думал, обойдется, один-то. А сейчас придется выкраивать квартиру в спешном порядке...

Встала. Пошла. Не задерживал. Встретила Павла. Очень обрадовался. И все уговаривал пройти на объекты.

— А как у тебя... с переводом? — спросила.

— Молчат пока... если б ты знала, как не хочется уезжать отсюда! — вздохнул сокрушенно: — Что ж поделаешь.

Из кабинета Кости стал выходить народ.

Захотелось поговорить. Он сам пошел навстречу. Сразу как-то радостно стало. Спросила:

— Ты меня хотел видеть, Костя?

Он молча кивнул.

— Пойдем к зернохранилищу. Там народ.

— Ты боишься оставаться со мной?

— Я хочу, чтоб в твою жизнь не примешали грязи. Только и всего, Костя.

— Ты уже... знаешь?

— Да.

— Градов?

— Он.

— Я тебя хочу об одном спросить, — он сжал руку выше локтя.

— Спокойно, Костя. Я все слышу.

— Помнишь... помнишь, ты чуть не объяснилась мне... в любви... тогда... в отряде?

— Помню.

— И я сказал тебе, что у меня есть другая.

— Да.

— Что ее зовут Катей... она ждет меня на Урале.

— И работает в школе, — подсказала.

— И работает в школе, — повторил Костя. И добавил с каким-то злым отчаянием: — Я очень часто думаю сейчас о той минуте, когда ты пошла тогда одна через лес, а я остался у речки. И мне было больно. И еще было жалко тебя. Но я тогда верил в свое счастье...

— Костя, зачем ты это говоришь мне сейчас?

— Я и сам не знаю,— задумчиво и спокойно уже произнес Костя.— Я не могу отделаться от этого воспоминания. Оно начало посещать меня с того дня, как я увидел тебя через десять лет. Я и сам не знаю, как отбиться от него теперь.

— А ты не особенно отбивайся. Пусть оно само по себе, а ты сам по себе.

Костя как-то быстро посмотрел в лицо. Помолчал. Предложила:

— Давай подумаем о другом.

— Например?

— Вот ты встретишь жену и уедешь с этой комиссией. Уедешь на целую неделю. Так?

— Могу послать всех к черту!

— Нет, ты этого не сделаешь. Я вот о чем: в твоей ведь каморке Кате откуда будет даже чемодан поставить.

— Ну?

— Я уже решила, пока суть да дело, пусть Катя с Витькой поживут у меня... а? Места у меня хватит, да и не хочу я, чтоб она разочаровалась, увидев, какой у вас тут на Центральной кавардак творится. Здесь она по-настоящему отдохнет на нашем приволье, у гор, у Чарыша.

— И ты это... всерьез? — поразился Костя.

— Да, конечно. Я уже все продумала. И, пожалуйста, не возражай.

Не заметили, как дошли до зернохранилища и повернули обратно. Вдруг кто-то окликнул. Обернулись. Из толпы вышел Павел. Он махал какими-то бумажками.

— Марина Васильевна,— кричал он.— А я билеты взял еще с обеда!

— И хорошо сделал, Павел. Инженеру нашему сейчас не до кино. Извини, Костя...

— Извини нас,— махнул кепкой Павел и, схватив Марину за руку, буквально потащил от Дмитриева.— Быстрее... Уже журнал начали крутить!

Когда заходили в «зал», оглянулась. Костя стоял один. Стоял и смотрел куда-то в степь. Что волновало его? Приезд жены... или другое что?

Павел почти не смотрел на экран. Она все время чув-

ва — еду сыном. Прошу обеспечить транспортом со станции. Дмитриева...» Каков, а? Молчит. Никогда не говорил, что ждет жену. У него ведь и каморка-то — раскладушка одна помещается...

— И вы тоже, — возмущилась Марина. — Главный инженер — и каморка.

— Думал, обойдется, один-то. А сейчас придется выкраивать квартиру в спешном порядке...

Встала. Пошла. Не задерживал. Встретила Павла. Очень обрадовался. И все уговаривал пройти на объекты.

— А как у тебя... с переводом? — спросила.

— Молчат пока... если б ты знала, как не хочется уезжать отсюда! — вздохнул сокрушенно: — Что ж поделаешь.

Из кабинета Кости стал выходить народ.

Захотелось поговорить. Он сам пошел навстречу. Сразу как-то радостно стало. Спросила:

— Ты меня хотел видеть, Костя?

Он молча кивнул.

— Пойдем к зернохранилищу. Там народ.

— Ты боишься оставаться со мной?

— Я хочу, чтоб в твою жизнь не вмешивали грязь. Только и всего, Костя.

— Ты уже... знаешь?

— Да.

— Градов?

— Он.

— Я тебя хочу об одном спросить, — он сжал руку выше локтя.

— Спокойно, Костя. Я все слышу.

— Помнишь... помнишь, ты чуть не объяснилась мне... в любви... тогда... в отряде?

— Помню.

— И я сказал тебе, что у меня есть другая.

— Да.

— Что ее зовут Катей... она ждет меня на Урале.

— И работает в школе, — подсказала.

— И работает в школе, — повторил Костя. И добавил с каким-то злым отчаянием: — Я очень часто думаю сейчас о той минуте, когда ты пошла тогда одна через лес, а я остался у речки. И мне было больно. И еще было жалко тебя. Но я тогда верил в свое счастье...

— Костя, зачем ты это говоришь мне сейчас?

— Я и сам не знаю,— задумчиво и спокойно уже произнес Костя.— Я не могу отделаться от этого воспоминания. Оно начало посещать меня с того дня, как я увидел тебя через десять лет. Я и сам не знаю, как отбиться от него теперь.

— А ты не особенно отбивайся. Пусть оно само по себе, а ты сам по себе.

Костя как-то быстро посмотрел в лицо. Помолчал. Предложила:

— Давай подумаем о другом.

— Например?

— Вот ты встретишь жену и уедешь с этой комиссией. Уедешь на целую неделю. Так?

— Могу послать всех к черту!

— Нет, ты этого не сделаешь. Я вот о чем: в твоей ведь камерке Кате откуда будет даже чемодан поставить.

— Ну?

— Я уже решила, пока суть да дело, пусть Катя с Витькой поживут у меня... а? Места у меня хватит, да и не хочу я, чтоб она разочаровалась, увидев, какой у вас тут на Центральной кавардак творится. Здесь она по-настоящему отдохнет на нашем приволье, у гор, у Чарыша.

— И ты это... всерьез? — поразился Костя.

— Да, конечно. Я уже все продумала. И, пожалуй-ста, не возражай.

Не заметили, как дошли до зернохранилища и повернули обратно. Вдруг кто-то окликнул. Обернулись. Из толпы вышел Павел. Он махал какими-то бумажками.

— Марина Васильевна,— кричал он.— А я билеты взял еще с обеда!

— И хорошо сделал, Павел. Инженеру нашему сейчас не до кино. Извини, Костя...

— Извини нас,— махнул кепкой Павел и, схватив Марину за руку, буквально потащил от Дмитриева.— Быстрее... Уже журнал начали крутить!

Когда заходили в «зал», оглянулась. Костя стоял один. Стоял и смотрел куда-то в степь. Что волновало его? Приезд жены... или другое что?

Павел почти не смотрел на экран. Она все время чув-

ствовала на себе его пристальный внимательный взгляд. Это вызывало досаду. Молчаливая покорность и преданность впервые стали раздражать. «А ты? Разве ты борешься за свою любовь?» — кольнула мысль. Она была обидной, эта неожиданно пришедшая мысль.

...В дверь постучали. Марина Васильевна вздрогнула, оторвалась от окна.

— Войдите! — сказала она и первое, что увидела, когда дверь рывком открылась, были глаза Дуси: круглые, удивленные, полные страха.

— Что с тобой?

— Да не со мной! — закричала Дуся. — Соня... Там такой подняла тарарам, паспорт искала зачем-то. Все перерыла. Нашла. В пиджачке. Во внутреннем кармане был. Что она придумала?

— Успокойся, Дуся, — обняла за плечи беспокойную повариху Марина Васильевна, — Соня человек взрослый, самостоятельный. Тем более, слышала, небось, о записке Ильи?

— Да, конечно. Неужели она...

— Посмотрим. А ты сама посуди — легко ли ей. Посмотрим...

— Так зачем Кольку-то взбудоражила?

— Они сходят в Озерки, к его матери.

Успокоившись немного, Дуся вышла.

Соня вернулась из Озерок на третий день. Она была заметно уставшей и озабоченной, но старалась скрыть это. Рассказывала, как хороша предгорная деревня Озерки. «Какие там в ущельях водопады! А ягода... Она прямо сыплется в котелок. Правда. Клубники — красно на склонах. Нас с Колькой мать его уже свежими огурцами кормила, честное слово!»

Никогда не была Соня такой словоохотливой. Это вызывало подозрение ребят, а Люба и Дуся просто не верили ей.

— Ты на собрании-то будешь? — недоверчиво поглядывая на Соню, спросил угрюмо Лешка.

— А что — комсомольское?

— Да Будем изучать Илькину директиву.

Это было сказано вполне серьезно. Соня улыбнулась.

— Разве я уже не член организации?..— спросила она.

Лешка опустил глаза.

— Никто и не говорит... Значит, вечером.

Колька принес полную ученическую сумку домашних калачей и пирогов с черемухой. Угостил материнскими подарками всех. По поводу пирогов Лешка, между прочим, сказал не известно по чьему адресу:

— Бывают же у некоторых женщин такие золотые руки. Ешь и, кажется, вся доброта их в пироге!

Но адресат быстро нашелся. Дуся стрельнула в его сторону глазами и, скривив губы, с презрением бросила:

— Понимал бы... тоже мне вынскался критик.

— Да ты что взъелась-то? — сделал невинное лицо Лешка. — Я ведь не о тебе, а о пирогах.

— Ишь ты, нашел дуру. Я тебя, как облупленного, вижу. А печка есть?

— Какая печка? — не понял Лешка.

— Русская, вот какая. Сложи — и пироги будут. Будто не понимаю. Еще и судить берется!.. Давай открывай собрание, критик несчастный.

Пришла Марина Васильевна.

Лешка доел пирог, запил водой и только тогда, не торопясь, вытащил из кармана гимнастерки какой-то пакет.

— Мне слово для информации, — подняла вдруг руку Соня.

— Информации? — удивился Лешка и посмотрел на собравшихся. — Дадим?

— А чего ж не дать? — послышались голоса.

— Если ты насчет снятия там с учета и характеристики, — сказал Лешка, — времени у нас в обрез.

Соня улынулась.

— Нет, я коротко. Можно ли обменять мне номерок на июль.

Все недоуменно переглянулись.

— Ну, не понимаете, что ли? У меня августовский номер. Помните, по нашей лотерее? А мне деньги нужны сейчас. Ясно?

— Это еще надо посмотреть, куда тебе деньги, — угрюмо сказал Лешка.

И тут Колька, нетерпеливыми влюбленными глазами пожиравший до этого Соню, не выдержал и крикнул:

— На обзаведение же... Надо или нет? И мамка говорит...

— Коля! — воскликнула Соня, — мы же договорились...

— А что он... смеется, — покраснел до ушей Колька, поняв, что выболтал тайну.

Все молчали, не зная, как понимать Колькины слова. Марина Васильевна вскочила с места, обняла Соню, пылливо заглянула в глаза:

— Да, Соня?

Девушка вспыхнула, но глаз не опустила.

— Поздравляю! Молодец, Соня. Да поздравьте же ее! — крикнула Марина Васильевна. — Ты поедешь к нему?

Соня кивнула. И тогда всем стали понятны и ее таинственные сборы, и загадочная прогулка в Озерки, и эти намеки на какое-то обзаведение. Девчонки кинулись к Соне и стали душить ее в своих объятиях, а Лешка и Серафим, сконфуженно улыбаясь, не знали, что делать. Как понимать их? Поедет... Ну и что же?

— Свадьба будет, во! — шепнул им Колька. — Мамка хочет брагу сварить. А она умеет.

Серафима охватило какое-то чувство одиночества. «Илька женится? Странно». Возможно, что-то вроде этого подумал и Лешка, потому что лицо его после такого сообщения приняло выражение обиды и недоумения. Он вскрыл пакет и вдруг сказал:

— Ничего он тут не сообщает об этом, — и потряс бумагой.

— А что тут? — спросил Серафим.

— Просьба. Нет, здесь директива для нас... директива комсорга, — сказал Лешка. — И мы ее обязаны изучать. А вот про это самое, — он пристально взглянул на Соню, — про это ничего тут не указано.

— Мне директивы его на это не надо, — сказала Соня. — Обойдусь без нее. Решу сама.

— Читай! — сказал Серафим.

Девчонки опустили на траву. Марина примостилась на бугорке.

«...А еще требую, чтоб каждый из вас встал на ответственное место в период этой кампании и взял личное

обязательство. Я думаю поступить так. Организуем один комсомольский агрегат. Я приму комбайн, ты, Леша,— мой трактор. Серафим и Люба — на копнитель. Я не знаю, что будет делать Соня. Может, ее уже и нет на Кушке? Если там, то она ведь, кроме трактора, и комбайн знает. Можно б ей штурвальной быть. Но это будет зависеть от нее. Хотя я именно за такой вариант. Пусть в ней будет сильнее чувство комсомольской ответственности, чем чувство досады и обиды на меня. Соня, если ты слышишь мои слова, прошу тебя, как комсомолку, забудь про мой, может быть, глупый поступок. Дмитриева я убедил. Комбайн доверит. Дал слово. Наступает самый ответственный период в жизни целинников — уборка. Именно уборка подытожит все наши дела. Наше умение. Определит нашу волю к победе.

Лешка прочитал эти слова торжественно, взволнованно. Посмотрел на притихших ребят и скороговоркой дочитал концовку: «Обо мне не беспокойтесь — приблду вовремя. Если не выпишут — сбегу. Ваш И. Петров».

Все почему-то посмотрели на Сою. Лицо ее изменилось. Она озабоченно повернулась к Марине Васильевне.

— Я выезжаю завтра же. Может наглумить. С ним станет.

— Поезжай, поезжай, Соня,— согласилась Марина Васильевна. И даже Лешка утвердительно тряхнул головой:

— Может все испортить,— и обратился к ребятам.— Ну, как? Какое решение будем принимать? Согласиться с Илькой?

Никто не возражал.

— А что, если б нам обращение написать ко всей молодежи района? — предложил Лешка. Мысль эта тоже понравилась всем. Главное, знали: Ильке их инициатива будет по душе.

— Ты там скажи ему,— повел бровью в сторону Со-ни Лешка.— Все согласны, мол. Одобряют. Пусть и он не дурит... — и добавил: — А в отношении того, чтоб тебе номерок сменить, я, думаю, возражений не будет. У кого ноль?

— У меня,— сказала Дуся.— Отдаю с удовольствием.

ГЛАВА 21

Для Дмитриева это была тяжелая ночь. Сначала духота не давала уснуть. Потом за стеной раскричался ребенок. Но главное, конечно, было в другом. Он никак не мог преодолеть обиды, тугой петлей захлестнувшей сердце. Было по всему видно, что Тани, той наивной, искренней и доверчивой Тани, уже нет. Перед ним другой человек, Сильный и не менее привлекательный. Он ненавидел в эту душную ночь себя, Ветрова, жизнь, сыгравшую с ним такую страшную шутку. Сходил на пруд, искупался. Лег в траву и, заложив руки за голову, долго лежал так с открытыми глазами, прислушиваясь к тревожному биению сердца, к шумному многоголосому пению цикад в траве. Он думал о разговоре с Мариной и не мог отогнать от себя ее образ. Потом он устыдился своих мыслей и стал думать о жене. Вот придет Катя, и все будет по-прежнему. Все встанет на свое место. Но успокоение не приходило. Все властнее, все сильнее входил в сердце образ Марины... Будто не Катю, а именно ее всю свою жизнь пронес он в сердце, в своих думах, делах и воспоминаниях. И вдруг потерять ее именно сейчас, когда она, хотела она этого или нет, вошла в его сердце. Вошла не спросясь, незаметно для него, самовольно, как бы он в сознании своем не противился этому. Чужой и далекой показалась ему в этот миг Катя.

Утром, идя в мастерскую, Дмитриев вдруг остановился от какого-то бурного толчка в сердце.

— Люблю ее... Люблю, наверное, уже не одно столетие, — он горько улыбнулся. — И как это я не заметил раньше? Как она заползла в сердце?

В мастерской первым увидел Егорыча. Механик ругал на чем свет стоит какое-то заводское начальство, сокрушался насчет запчастей и под конец сунул ему на подпись какую-то бумажку.

«Наряд»,— прочитал Костя и, не читая, подписал. Не глядя на людей, Костя прошел по мастерской. Ему казалось, что все видят, понимают его состояние и осуждают за это. Он вышел к «линейке готовности», на которой в ряд стояло несколько машин, и чуть не столкнулся с Лизой.

Девушка ойкнула, засмеялась и скороговоркой выпалила:

— Вам звонят со станции. Я искала, искала... Жена, Константин Николаевич. Правда! — последние слова она произнесла как большую тайну — шепотом.

— Правда! — возбужденно и радостно повторила она, но на лице инженера не было ответной радости или хотя бы удивления.— Не верите? Пойдемте! Она просила позвонить в багажную контору на вокзале... Она ждать будет, если не переключат телефонную линию!

Дмитриев поморщился.

— Ну что ты заладила: «жена, жена»!..— Лиза как-то сжалась, покраснела, робкая улыбка блеснула в ее глазах и погасла. Ему стало жаль девушку.

— Спасибо, Лиза. Спасибо за сообщение. Сейчас же выезжаю. Подержи там, пожалуйста, линию... Одну минутку. Хорошо?

Лиза оживилась, мотнула кудряшками и бегом припустилась к конторе.

— Так, значит, поздравляем, Константин Николаевич,— услышал Костя басок Егорыча.— Насовсем едет или как?

— Да нет, пока посматреть. Она и школу не сдавала еще... Директором школы работает. Сына везет, Витьку,— неожиданно для себя добавил Костя и виновато улыбнулся.

— С сыном-то хорошо. Не убежит, значит,— резюмировал Егорыч.— А то ведь кто и баламутит-то, как не бабы. Приедет другая, покрутит носом и пошла мутить: культуры нет, то да се.. глядишь, и собьет мужика. Сколько их таких, залетных-то уже перебывало тут... а с сыном это уж покрепче.

— Витька,— с каким-то душевным подъемом произ-

нес Дмитриев и, устыдишись своего порыва, добавил: — управляйся тут сегодня сам, Егорыч... Поеду.

— Конечно, такое дело, оно требует, — живо откликнулся Егорыч и, обтерев по привычке руку о замасленный фартук, сунул ее инженеру.

— Счастливо!

Марина Васильевна довезла на своей Стрелке Сою до Центральной, пересадила ее на попутную машину и зашла к Градову. Как всегда, стремительно и без всякого разрешения вошла в кабинет директора, но, встретив любопытный и несколько удивленный взгляд незнакомой женщины, смутилась, покраснела, отступила назад. «Она! И Витька... вылитая мать...» — все это быстро промелькнуло в голове растерявшейся Марины. Видя ее замешательство, Иван Иванович пришел на выручку.

— Знакомьтесь. Это Екатерина Григорьевна.

— А это Витька... да? — вырвалось у Марины. — Я сразу догадалась!

Теперь смутилась Екатерина Григорьевна. Она растерянно посмотрела на Ивана Ивановича.

— Не удивляйтесь! Мы все вас ждали. А про Витьку он тут уши прожужжал, — сказал Градов, сам не менее смущенный странным поведением Иноземцевой.

Марина, улыбаясь, кивнула головой.

— Вот именно. Прожужжал, — сказала она, присаживаясь перед Витькой:

— Ну, будем знакомы: меня звать тетя Марина. А тебя?

Мальчик прижался к матери, посмотрел на нее, как бы спрашивая согласия, и подал руку:

— Меня зовут Витя... пять лет и четыре месяца... Константинович! — выпалил он одним духом.

— Вот это я понимаю! — воскликнул Градов. — Отрапортовал! — Все засмеялись. — А вот фамилию не сказал! — подзадорил Градов.

— Сказал, — кивнул головой мальчик.

— Как же?

— Константинович Дмитриев...

— Вот теперь все ясно!

Когда Екатерина Григорьевна улыбалась, на щеках

ее появлялись маленькие ямочки, исчезала строгость линий, и лицо становилось добродушным и очень привлекательным. Марина смотрела на нее. Она отметила и красивое легкое платье ее, и руки, спокойно лежавшие на коленях, и сцепленные пальцы, длинные и нежные. Очевидно, заметив ее жадный взгляд, Екатерина Григорьевна потушила улыбку, в глазах ее отразилась усталость.

— Вот так,— сказал Градов.— Привез семью и исчез... А у нас сегодня в совхозе чисто вегетарианский день — ни молока, ни мяса... Константинович Дмитриев возмущен такими непорядками. И поделом. А тут еще с квартирой...

— Я думаю, мы договоримся,— и Марина стала рассказывать о преимуществах Кушки перед неустроенной пока центральной усадьбой. Иван Иванович, не ожидавший такого поворота дела, сидел и с молчаливым удивлением смотрел на Марину Васильевну.

— Предгорье, Чарыш рядом. Смородина, малина и главное — тишина и приволье,— увлеклась рассказом Марина, перечисляя достоинства Кушки.— С молоком помогут девчата с Верховинской фермы. У них свои коровы у всех. И Колька есть у нас...

— Кто? — не понял Градов.

— Колька. Он не даст скучать Константиновичу Дмитриеву. И за ягодой сводит, и рыбачить будут в Кудренке.

— Да-а! — поразился Градов.— Ты у нас прирожденный агитатор, Марина Васильевна. Не ожидал от тебя такой хватки.

— А что, разве не так, Иван Иванович? — спросила Марина.

— Да нет... Я ничего. Все как есть... Только вот понравится ли твой совсем уж медвежий угол Екатерине Григорьевне!

— Я бы с удовольствием отдохнула в таком уголке. Только не стесним мы вас с Витькой?

— Да что вы! У меня комната просторная. А когда приедет Константин Николаевич...

— Я думаю, к тому времени,— перебила ее Дмитриева,— квартира у нас будет?

— Конечно! — заверил их Градов.— Ну, вот! — повеселел он.— Значит, в дом отдыха?

— Не возражаю,— сказала Екатерина Григорьевна и с благодарностью посмотрела на Марину.

— Тогда сейчас же и в дорогу,— сказала Марина Васильевна.— Я вот только еще с директором хочу крупно поговорить.— Она решительно шагнула к столу Градова: — Готовим на Кушке ток, а лопат — одна. Палатку надо, ведь кухню расширять придется! Народ прибудет... Где кормить?

— Ну, это легче,— вздохнул Градов, принимая ее шутливый вызов, и быстро стал что-то черкать себе в блокнот.— Это, брат, легче. Этим ты меня не пробьешь. К вечеру все отпавлю.

— Не к вечеру, а к обеду,— настаивала Марина.

— Хорошо. Будет к обеду,— согласился Иван Иванович.— Еще что накипело?

— Комбайнер... Одна машина не укомплектована.

— Ждем людей. Сейчас ничем тебе не помогу. Со дня на день ждем эшелон из Центральной России. Подожди.

— Тогда все. Поехали.

...Так семья Дмитриева оказалась на Кушке. А через два дня Серафим сделал в своем дневнике самую длинную запись.

* *
*

«Хлебозоры»...— записал Серафим в свой дневник.— Загадочное слово. Председатель колхоза Паршуков в разговоре с Градовым сказал: «За хлеб не заботься. Видал, как по ночам стараются хлебозоры? Будет урожай... Будет. А на ваших полях — тьму-тьмущую уродит земля...— И съехидничал: — Если не упустите его. Слышал, небось, про свал? Во! Тут-то и гибель ему. И кто это придумал эту самую раздельную при таких-то массах? Будто специально, чтобы навредить».

— Почему же? — не понял его Градов.— Ведь испокон веков мужики сначала косили хлеб, а потом давали дозреть в рядках, снопах, кладях. И зерно натуристее было.

Слушаю этот спор и не понимаю, что к чему. Раздельная уборка. Это верно, уже привезли на Кушку такой плакат. И Марина Васильевна говорит, что дело это, хоть и новое, но перспективное. Почему же не верит в нее Паршуков? Человек всю жизнь в деревне. А может, и прав он? Ивану Ивановичу он тогда ответил примерно так:

«Ранешнее время не бери. Мужик, он сеял пяток-другой десятии. Торопиться ему было некуда. В сухое время он его свяжет и заскирдует. Пришли ветреные дни — обмолотит не спеша. Идут дожди — отложит до зимы. Зимой поставит «брызгалку» и полегоньку те снопы бросает в нее. А ну-ка ты скоси свои пятнадцать тысяч... Сгинет половина да прорастет прямо в рядках». — «Конечно, — не сдавался Градов, — смотря как убирать, а то все погнотить можно»...

«А хоть как! Тебе торопиться надо, хлебосдача подпирает. План, график, а тут — дождь. Вот и развернись».

Кажется, ведь правильно говорит председатель, а я точно в потемках: не могу рассудить их. Лешку спросить. Тот наверняка знает.

Хлебозоры... Так и не у кого спросить, что это значит. Лена говорит — зарницы... А причем тут зарницы?»

«26 июля. На ферму девчонки теперь приходят изредка. Доят коров прямо где-то на выпасах. Сегодня заметил необычайную картину. Около домиков фермы вдруг вспыхнули какие-то дикие цветы. Они разные: красные, бордовые, белые. словно чашечки огромных лилий. Лешка сказал:

— Маки цветут...

— Никогда не думал, что это так красиво. Цветут маки...

...Сегодня снова укрепляли берег на заставе. Кое-где размывает. Сначала вбили сваи, а потом закладывали плахи. Я ударил деревянной колотушкой по свае и, промахнувшись, упал в воду. Все заорали, а я сплавал за своим орудием производства и спокойно повернул к берегу. Тут я увидел снова маки и около них Лену. Я ее хоть с какого расстояния узнаю.

...Лена пришла вместе с Фросей. Они долго ходили по берегу. Потом посидели у костра, попили песни. Я ушел, бродил по кустам. Искал смородину, но ничего не находил — было темно. Я совсем не ждал ее. Но почему-то так бывает, всегда как-то мы с ней оказываемся вместе. И она не ищет меня, я уверен в этом. Со мной ей, наверное, интересней говорить про разное. Рассказала про Потапова, как сняли его фотокарточку с Доски почета. «Скажи, правильно сделали?» — спросила Лена. Я думаю, правильно. Почему он на свободе?»

ГЛАВА II

«29 июля. Сегодня на Кушке был шум. Все, кажется, началось с экскурсии Екатерины Григорьевны — жены Дмитриева — и Витьки на берег Чарыша. Сопровождал их Колька. Они набрали котелок черной смородины и зашли на Верховинскую ферму. Тут, говорят, Лена завладела мальчишкой. Она водила его по ферме, сорвала в огороде цветущий мак. Все спрашивала, как он живет. Нравится ли ему здесь, а под конец будто сказала:

— Ты должен много-много пить настоящего цельного молока. Особенно полезно парное. Хочешь пить такое молоко вволю, чтоб когда захотел и оно было? Оно помогает мальчишкам расти. Хочешь?

— Хочу, — сказал Витька.

— Я тебе устрою... Обязательно устрою, — пообещала Лена. И вот, когда уже стемнело и мы вернулись с глубинки на Кушку и запалили костры, вдруг на дороге со стороны Хайрюзовки показался странный пешеход. Он шел сзади комолой коровы и подгонял ее жидким прутиком. Когда зашел в полосу света, все узнали в ночном госте Лену.

— Стой, Дочка, пришли, — сказала она и, жмурясь, подошла к костру. Оглядела всех и спросила Марину Васильевну. Дуся сбегала за ней.

— Я привела вам свою корову, — сказала Лена. — Это моя корова. Мамка мне еще с телочек выделила. Я вырастила ее, а теперь вот привела к вам. Не беспокойтесь, с мамкой вопрос улажен.

Мы переглянулись и не знали, как понимать ее. Мне было не по себе. Почему-то казалось, что Лена как-то

начудила, и я не хотел, чтобы над ней смеялись. Привела. Зачем? Кто просил ее об этом? И вообще, как-то все это не укладывалось в голове. Взяла и ни с того, ни с сего привела свою корову «за так», именно это слово и сказала Лена в разговоре с Мариной Васильевной.

— Я привела ее за так...

— Как за так? — не поняла Марина Васильевна.

— Очень просто. Лишняя она у нас. Мы ведь двое с мамкой живем, а скотины у нас полный двор. Две коровы с телочкой, да еще свинья есть. Шесть овецек. Куда нам столько? А у вас нет своего молока. Возят вам с пятого на десятое. Взболтают его. Какое же это молоко?

Тут, конечно, она в точку попала. Не раз простоквашу привозили вместо молока. И все-таки был не понятен ее поступок.

— У Дочки очень жирное молоко...

Корова мирно шипала траву у Кудренка, а когда, видно, надоело ей это занятие, она выбрала место под окнами домика и легла, тяжело отдуваясь, и совсем не обращала на нас внимания, как будто век она жила на этом месте. Кирилл, который сидел рядом со мной, толкнул меня локтем и прошептал:

— Вот это девчонка. Я понимаю.

Я никому, никому не скажу, что я почувствовал в этот миг. Я даже боюсь сознаться себе... Неужели это и есть л . . . вь?

А Марина Васильевна сначала никак не могла понять, что же все-таки произошло. И попросила еще рассказать, почему, зачем она решилась на такой шаг. А что в колхозе подумают? И, наконец, развела руками и сказала, что не знает, как ей поступить в таком случае. Она попросила Лену подождать, а сама побежала на телефон. Через несколько минут она вернулась и сказала:

— Иван Иванович спрашивает, сколько будет стоить живым весом твоя корова?

Лена нахмурилась и твердо ответила:

— Я же, кажется, русским языком сказала: бесплатно. За так,— в голосе ее зазвучала обида. Мне стало жалко ее. И тоже обидно за то, что мы не смогли оценить ее благородный поступок. Она это сделала от чистого сердца, а мы что-то начинаем копать. Я, кажется, так и сказал тогда. Лена обрадованно кивнула мне и сказала:

— Вот именно.

— Но понимаете,— сказала Марина Васильевна,— это ведь уже имущество теперь. Я как-то должна принять его и, наверное, поставить на учет.

— Ну и ставьте,— улыбнулась Лена.— Завтра к вам придет мамка и принесет на корову справку из сельсовета.

Марина Васильевна снова ходила к телефону, а когда, пришла, передала слова Градова:

— Он сказал, Леночка: «Это удивительный случай, хотя и вероятен в наше время». Утром обещал приехать к нам. И все-таки просил оценить корову.

— Ничего я оценивать не стану,— решительно сказала Лена.— Если б нам нужны были деньги, мы ее могли сдать в «Заготскот» и все. Или на базар в Журавлиху отвести. Я хочу, чтоб вы меня поняли.

— Ну, хорошо,— успокоила ее Марина Васильевна.— А домой не ходи ночью. Останься до утра у нас.

Лена подумала и согласилась.

Когда мы, потушив костер, стали расходиться, все проходили мимо коровы и глядели на нее. А она, отдуваясь изредка, жевала себе спокойно жвачку и не глядела на нас. Я услышал, как около костерка плотников отец Кирилла негромко сказал: «Слыхали, мужики? Вот ду-реха-то... а? Бить ее некому». Я обернулся, в это время к ним подошел Кирилл. Он сердито с обидой сказал: «Разве вы поймете человека?» — «Ладно, ладно, политик. Где уж нам тут разобраться». — «А ну вас!» — махнул рукой Кирилл и зашел в палатку. «Действительно,— подумал я со злостью,— где уж хап-хапам понять этот поступок».

«30 июля. Градов приехал еще до завтрака. Мы только что собирались на Кудренок мыться, как подошел его «газик». Лена, оказывается, была с девочками возле коровы. Она подошла ее и, передав Дусе подойник, что-то объясняла Любе-Коротель.

— Инструктаж проводит,— сказал Лешка и добавил: — Человек новой формации. Не веришь? Так бы и Ильяка сказал... А мы ведь из-за портянок иногда горазды в морду сунуть друг другу...

Пока Иван Иванович о чем-то расспрашивал Лену, не сводя с нее внимательного отцовского взгляда, прискакал верхом Паршуков. Он соскочил с коня и подо-

шел к ним. Один по одному мы сошлись около них. Паршуков горячился:

— Понимаешь, Иван Иванович, тут за каждый хвост, за каждую голову быют то в райкоме, то в крае, а она, вишь ты, номер отчебучила — взяла и привела корову!

Я не мог оторвать глаз от лица Лены. Оно было прекрасным, хоть и сердитым...

— Вы бы, чем хвосты и головы считать,— сказала она Паршукову,— о породе бы скота заботились больше!

— Так запланировано же! Все учтено! А пока приходится считать и хвосты,— оправдывался Паршуков.

— А что вы рассердились? — спросила его Лена.

— Как что? Вот номер! Если тебе не нужна корова — отдай ее на ферму. Все хвост будет. А то на сторону...

— Может быть, это и плохо, что не на ферму,— смутилась Лена,— но, как вам сказать... Они же вот тоже все советские... наши. И делают они большое дело, а молока не видят. Это справедливо?

Она перевязала на голове платок и собралась уже идти, но взгляд ее случайно упал на крыльцо домика, и лицо ее просветлело.

— Витька! — тихо позвала она.— Витя! А я сдержала свое слово!

Он посмотрел на нее заспанным, удивленным взглядом и, медленно растягивая слова, сказал:

— Моя мама говорит, что надо всегда, всегда помнить, что обещаешь сделать... Когда обещаешь не измазать штаны, значит, не мажь... А бывает, что и руки и ноги испачкаешь.

— Правильно, Витя. Я так же считаю.— Лена многозначительно посмотрела на Паршукова. Тот пожал плечами и, садясь в седло, деланно-безразлично бросил:

— Дело твое. Ты, может, и сама уйдешь на отделение?

— Нет. Пока не пойду. Нам надо с девчонками еще сельскохозяйственный кончить.

Вскоре она ушла, и мы проводили ее.

Вечером пришла мать Лены. Она узнала нас с Лешкой. Я слышал, как она сказала о Лене Марине Васильевне и Екатерине Григорьевне, когда те стояли у Кудренка и наблюдали за другим берегом, где паслась корова.

— Она у меня вся в отца,— рассказывала мать Лены.— Ужасно настойчивая. И как отец, бывало, справед-

ливая. Все-то чтоб было честно и по справедливости. И все девочек строполит, учит, наказывает им, как и что... А тут как-то пришла с фермы. Сходила искупалась, на койку прилегла и задумчиво так говорит: «И что это, мама, живем мы с тобой будто в ранешнее время?» — «Как, спрашиваю, так? Не пойму тебя». Ага. А она вздохнула вроде и с укором мне: «Да разве ты не видишь? Говорим о колхозном деле, о коммунизме все, а сами клетушками обрастаем и все тащим, тащим в свои курятники!» Я аж испугалась. Ага. «Да что ты, говорю, доченька, такое говоришь? Все так, и мы тоже. Говорю, слава богу, колхоз в гору пошел, и люди вздохнули. Всего в достатке стало». Усмехнулась. «В достатке, — говорит, — а зачем еще сверх достатка?» — «Да ведь на всякий, говорю, случай. Мало ли что может быть? А тут все свое. Сколько лет граммы получали. Теперь пуды да центнеры» — «И зачем, говорит, Свиридовы амбар себе отбахали, и все сусеки пшеницей засыпали и берегут?» Свиридовы у нас механизаторы. Это правда. Сусеки полны пшеничкой и не продают. «Это что ж, — допекает она меня, — отцы боролись за коммунизм, а у нас в деревне что-то странное происходит: только в поле вместе, а как вернулись в село, так каждый за свое. Один дом отбавляет, другой амбар или теплый двор под одну крышу...»

— А ведь все же, наверное, жалко коровку. Степанида Макаровна? — спросила Екатерина Григорьевна.

— Да как, поди-ка, не жалко, — призналась та. — Привычные мы. Испокон веков, небось, около своего хозяйства. Сердце, может, и замирает, а думаешь: «Так надо. Так лучше». Ага. И легче становится.

Потом она похвалила кукурузу на Коловом.

— У нас тоже хороша. Уж такая вымахала! Пришел бы Вася да поглядел — не нарадовался бы. — А вот на свеклу мошка напала. Отбиваемся, отбиваемся, — озабоченно закончила Степанида Макаровна.

* * *

Марина Васильевна в этот день поздно вернулась с поля. Зайдя в домик, она не стала зажигать лампу. Подошла к коечке Витьки, постояла около него, поправила сползшее одеяло.

— Снова сбросил? — услышала она вдруг тихий го-

лос Екатерины Григорьевны,—беспокойный... Весь в отца.

— А вы не спите? — удивилась Марина Васильевна, раздеваясь.

— Не могу. Столько дум, мыслей...

— А вы не думайте.

— Да как же, Марина. И рада бы, да думается... Как дела ваши?

— Наметила первые полоски для выборочной косовицы.

Екатерина Григорьевна вздохнула.

— Счастливые вы тут... все. Смотрю вот на вас и думаю: особенные вы какие-то люди.

— Да что вы! Обыкновенные, как все.

— Нет, не говорите. Разве вы живете?

— Н-не знаю,—подумала Марина,—как понимать это самое слово жизнь. Мне кажется, например, живем.

— Вы кипите. Как Костя говорит: «Идут бои с переменным успехом». Все штурмуете. Я б не смогла.

— Почему?

— Не знаю. Очевидно, я устала. Обживать новое, кажется, не сумею. Мы в этом вопросе не понимаем с Костей друг друга. Я не знаю: есть ли такие люди, у которых энергии хватит не на одну, а на несколько человеческих жизней? Только, думаю, каждый должен быть удовлетворен, когда видит как бы венец своего долгого труда. Что-то должно венчать весь его жизненный путь.

— А дальше что же? Потолок?

— Мне кажется, должен быть этот самый потолок у каждого.

— А как же его определить?

— Как? Возможно, реальной оценкой своих сил. Я вот проработала учительницей на одном месте безвыездно тринадцать лет. Последние годы директорствовала в той же школе. У меня есть ученики, ставшие инженерами, врачами, учителями. Нынче мне предложил райком партии стать инспектором по народному образованию в районе.

— Вас это удовлетворило?

— Это естественное продвижение.

— И что же? Это будет вашим творческим потолком?

— Возможно. К большему я не стремлюсь. Но я была бы довольна. Как хотите, а это приятно: растить тех,

кого когда-то, может быть, ты учил азбуке. Это признание.

— Опять же это не потолок. На новом месте он поднимется. Вы же не станете только писать директивы в школы. Не так ли?

— Конечно.

— Вы будете помогать совершенствоваться другим, значит, будете расти и сами.

— Я, возможно, не с того начала свою мысль,— после короткого раздумья созналась Екатерина Григорьевна.— Я хотела сказать, что тот, кто всю жизнь ищет острых ощущений, новых мест, теряет постепенно свой идеал. Он не сможет создать за свою жизнь что-то цельное. И в конце концов теряет интерес к своей работе. Вот конкретно. Езди я за Костей, было бы у меня то, чего добились я сейчас?

— А чего?

— Ну, хотя бы морального удовлетворения, авторитета... Была бы перелетной птицей и все. Наверное, и не старалась бы работать от души. К чему? Сегодня здесь, а завтра за тысячи километров в другом месте.

— А вы... очень любите своего мужа? — как можно безразличнее спросила Марина.

— Мы с ним мало жили. То война, то институт, в который он вернулся... Потом его бесконечные командировки: то восстанавливал МТС, то совхозы в освобожденных районах. То вот теперь поехал сюда, на Алтай. И мне, как это ни странно, трудно сказать, люблю ли я его. Скорее всего, живем мы по инерции.

— А-а... так можно? — поразились Марина.

Екатерина Григорьевна усмехнулась.

— Выходит, можно.

— Это... наверное, трудно. Ведь тогда... тогда эту инерцию должно сменить безразличие друг к другу? — Марина затаила дыхание. Что ответит Екатерина Григорьевна, которую она в душе успела оценить за ее невозмутимый спокойный характер. А сейчас она вдруг подумала: «А что если за этим спокойствием и кроется самое настоящее безразличие?» Это показалось ей страшным.

— Безразличие,— задумчиво повторила Дмитриева.— Может, не совсем то слово... конечно, нет. Меня всегда волнует другое: почему-то Костя считает, что он

во всех решениях непогрешим. Задумал ехать — поехал. А каково мне? Я годами честно добивалась уважения людей. Легко ли мне все бросить и ехать, очертя голову, в неизвестное место?

— Вы говорите: авторитет, признание. Но это же не самоцель, надеюсь, всей вашей жизни?

— И вот все так, — вздохнула Екатерина Григорьевна. — И он так же говорит. Он даже оскорбительней называет это естественное желание человека. Он говорит, что это стремление попахивает карьеризмом!

— Да-а, — неопределенно протянула Марина и с горечью подумала: «Трудно Косте так жить. Наверное, плохо и тяжело, когда близкий тебе человек думает больше о себе, о своем положении».

— Я утомила вас, Марина. Отдыхайте, не обращайтесь на меня внимания. Я ведь лодырничая. А у вас такая беспокойная должность. Спокойной ночи!

— Спокойной ночи! — отозвалась Марина и завернулась в одеяло.

Но уснуть скоро не смогла. Мысль о том, что Костя мучается в семье, тревожила ее, отгоняла сон.

На стане Кушки долго не гас в эту ночь костер. Потрескивал валежник. Вился неторопливый дымок. Серафим и Кирилл сидели молча, уставясь в огонь, изредка отстраняя головы и заслоняясь от него ладонями. Серафим устал, но спать не хотелось. Его очень удивило, что в этот последний день на строительстве пристани — глубинки директор совхоза Иван Иванович Градов, поздравляя строителей с победой, вдруг ни с того ни с сего подошел к нему первому, будто он был руководителем бригады, и пожал ему руку.

— Спасибо вам, товариш Подгорный, за самоотверженную работу... Я это отмечу приказом. Выручили. Спасибо...

Серафим не посмел поднять глаза на товарищей после этого. Правда, Иван Иванович подходил после к каждому и говорил, кажется, те же самые слова, но почему-то вот все-таки к нему первому. Ничем, кажется, и не отличился. Как все... На Верховинке, у фермы стояли девчата. Они, конечно, все это видели. А Серафим поче-

му-то сначала не их заметил,— бросились в глаза огромные цветы мака разных расцветок. Они так и пылали на зеленом фоне гор и не верилось, что это живые, настоящие цветы. Вот и сейчас встают перед ним прямо из этого костра трепетные, огненные бутоны с живыми, сочными лепестками. Смотрит на них Серафим, а сердце тихо выстукивает: «Спасибо вам, товарищ Подгорный, спасибо...» Неожиданно встало перед ним обиженное лицо Лены. «Я же не за деньги... За так». Встрепенувшись, Серафим подумал: «Смотрела, небось». Почему-то страшно хотелось, чтоб она видела его в тот миг на берегу. Отчего-то подумалось: как все резко изменилось в его жизни.

Тихо горит костер. В сизой дымке дремлют горы. И туда, к ним, по каменному ложу Кудренка зыбким пологом стелется дымок. Молчанье нарушил Кирилл. Он, не вставая с места, подтянул к себе сухую хворостину и, ломая ее через колено, положил в костер.

— А что, Серафим, если б я...

— Что? — оторвался от своих дум Серафим.

— Если б я снова... Ну, значит, в комсомол...

— Ты?

— Да. Взял бы и подал... — неуверенно говорит Кирилл, испугавшись удивленного взгляда Серафима.

— Как же ты... Ну, в какую организацию?

Кирилл молчит. Ему даже страшно выговорить то, что он подумал.

— В какую ж... в вашу.

— А отработал тут с этими «цап-царап» и до свиданья? Так, что ли? — усмехнулся Серафим.

Хороший парень Кирилл, а таких простых вещей не знает. Да как же его принимать? Кирилл понимает, о чем хотел сказать Серафим.

— Так я же знаю, — улыбнулся он. — Порешить хочу все по-иному.

Подошел отец Кирилла. Сел на корточки перед огнем. Раскурил от раскаленного уголька.

— Так, — пыхнул он, — полуношничаем? Ну, чего не спите?

Голос его добродушно-скрипучий.

— Да так. Сидим вот, — ответил Серафим. Кирилл хмурится. Закусывает губу.

— Молодь... Вам что отдых, что нет. Все одно. Силы-

то не занимать,— вздохнул старик...— С прибылью, значит, вас. С животиной. Вот ловко, а? — обратился он к Серафиму.

— Что ловко-то? — недовольно покосился в его сторону Серафим.

— Да как же! Пришла девка и привела корову за дарма. От ведь... а?

— Ничего-то вы не понимаете,— глухо сказал Серафим.

— Да где уж нам,— хохотнул старик.— Я про другое... раз уж такое произошло, хочу просить пая.

— Какого пая? — насторожился Серафим, быстро переглянувшись с Кириллом.

— Давно парного молочка не пробовали... Да не за так, за уплату. Литра б два в день-то. Даст, как думаешь? Конечно, не по базарской цене, а навроде себестоимости. Потому как даровая она...

— Отец! — вскочил Кирилл и судорожно сжал кулаки.

— Ты помолчи, оглобед,— досадливо поморщился, не глядя на сына, старик.— Не хошь — не проси. Не мешай другим.

Серафим нахмурил брови.

— Обратитесь к Марине Васильевне.

— Оно известно, к ней,— согласился старик и смиренным голосом: — Не поверишь: отошали на этих концервах с непривычки,— он встал, заохал, покряхтел с минуту, с неприязнью сказал сыну: — И тут, значит, встрял супротив родителя? Сыночка послал бог... Неча сказать... Срам! Тьфу!..

— Ладно. Иди уж. Расплевался,— произнес Кирилл.

...Долго еще горит костерок, потрескивая и тихо искрясь в ночи.

* * *

Ночной разговор с Екатериной Григорьевной не выходил из головы Марины Васильевны.

«Не любит она Костю... Какое же тогда имеет она право на него? — неотвязно стучалась в сердце тревожная мысль.— А как разрубить этот узел? Пойти напролом?»

Сегодня с утра Дмитриев увез семью на Централь-

ную. Марина Васильевна до темна не возвращалась на Кушку. Была на Колесвом. Долго ходила в зарослях кукурузы. Успокоясь, проехала на Заставу. Она отпустила Стрелку в кусты, а сама прилегла на берегу. Не хотелось почему-то возвращаться на Кушку. «Уснуť бы вот тут»,— прошептала она, с удовольствием вытягивая уставшие ноги. Тихо струилась вода. Одна за другой загорались звезды. И показалось, не река это струится, а оттуда, с неба бегут серебряными лучиками звездные ручейки. «Как хорошо,— устало шевелилась мысль.— Как хорошо и трудно». Пришло на ум расставание с Витькой. Невеселый и виноватый вид Кости. Екатерина Григорьевна долго извинялась за причиненное беспокойство, а потом по-дружески обняла ее и чмокнула в щеку.

— Ты золотой человек, Марина,— сказала она.— Как ты можешь осчастливить человека!

Это было удивительно слышать от женщины, которая ничего-ничего не знала о ее сокровенной мечте. Марина ощутила стыд. Она печавидела в этот миг эту спокойную рассудительную женщину. «Сказать бы, выпалить сейчас все... закричать, чтоб все слышали и видели, как тяжело ей носить всю жизнь, носить безнадежно свою любовь... прятать ее, хоронить от посторонних и от него». Испугалась своего порыва Марина Васильевна. Была суха и даже не простилась с Дмитриевым.

...Темнело. Марина Васильевна загляделась на могучую реку. Будто вероненая, сверкая искрами на гребнях легкой волны, мимо катила она свои воды по предгорью. Ласковая на первый взгляд и тихая, она иногда вызывала безотчетный страх. В ласковом шелесте прибрежных струй чудилась ей хищная лапа тигрицы.

«Коварная река. Дикая... Первобытная».— Смотрит на нее Марина Васильевна и не может оторвать от нее глаз. Какая-то непонятная сила сковывает ее волю, притягивает к себе, манит. Легкий всплеск. Она вздрагивает. На ее глазах, как подрубленный, падает в воду ивовый куст. Марина вскакивает. Ей кажется, что вода подбирается к ее ногам. Где-то выше, из-за излучины вырывается лодка. Она наискосок скользит по воде. Слышен скрип уключин. Потом раздаются девичьи голоса. «На тот берег,— догадывается Марина Васильевна.— Наверное, колхозные доярки». Вот лодка, шурша

по траве и песку, останавливается. Гремя подойнниками, соскакивают на землю доярки.

— Ой, девочки, вода! — раздается испуганный крик. — Скорей! Скорей!

Слышатся плеск, хлюпанье. Так ходят по затопленной траве. И тут Марину Васильевну пронизывает страшная догадка: «Пошла вторая коренная!» И сразу стало все ясно и понятно. И обвалившийся берег, и почему-то низко опустившиеся к воде кусты.

— Коренная... Снова коренная вода! — она бросается в кусты, ловит Стрелку и вскакивает в седло. Подозрительно всматриваясь в легкий навес, расчищенный ток глубинки, тревожно думает: «Дойдет сюда или нет? Правда, берег выск и укреплен стойками и плахами... А вдруг размоет? Размоет и бросится на глубинку в тот самый момент, когда здесь будет, может, не один бурт зерна?» Сдерживая горячую кобылицу, Марина Васильевна осторожно проехала мостик через балку и ей показалось, что горная речушка, говорливая и звонкая в другое время, сейчас будто затаилась. Стала глуше и тише. Выехав за Коловый мыс, Марина ослабила поводья, Стрелка пошла легким наметом.

...А на Кушке гремело веселье. Горел большой костер. Слышались песня, смех, игривые переборы гармошки. Еще издали Марина Васильевна разглядела пляшущих. Две девушки друг перед другом ходили по кругу, помахивая платочками, и звонкими голосами, стараясь перекричать друг друга, четко отбивая дробь каблучками ботинок, пели частушки.

«С Верховинки, хайрюзовские, — догадалась Марина Васильевна. — Давно собирались... Надумали. Вот ведь испорчу им веселье». — Она натянула повод, раздумывая: не объехать ли вкружную, чтобы не заметили? Но было уже поздно. Вездесущая Дуся сумела как-то разглядеть ее в темноте и поднять тревогу. Умолкла гармошка. Все уставились на дорогу, и Марине Васильевне ничего не оставалось, как ехать прямо. Едва она показалась в полосе света, ее тотчас окружила веселая девичья стайка.

— В круг! В круг! — закричала Дуся. — Кирилл! Давай на полный ход «проходную»!

— Да что вы, девочки! — испугалась Марина Васильевна. — И с чего это вы сегодня веселитесь? — торопи-

во покидая седло, спросила она, и добавила: — Пошла вторая коренная.

— Ну и пусть! — махнула рукой Фрося.

— А ваши коровы не на лугу разве?

— Нет. Там второй гурт теперь. Там он выше. Угна-
ли от берега. Вот вы спрашиваете, с чего мы веселим-
ся. По гармошке истосковались! Ну, прямо житья не
стало! — продолжала беззаботно Фрося. — А вы пробо-
вали так: с утра и до темна, потом снова с темна и до
утра — фляги, фляги. Подойники, снова фляги... Вот я
и говорю: «Девчата! Да что ж это такое? Айда на Куш-
ку. Небось, не выгонят. У них гармошка есть. Сорвем
охотку. Ублажим свои ноженьки. Пусть потешатся». И
вот уже больше часа топчемся... Кирилл! — крикнула
она. — Ты не устал?

Кирилл растянул меха. Девушки засмеялись и, взяв-
шись за руки, бросились к костру.

За миленка моего
Не боимся все мы —
Он читает лекции
На моральны темы! —

пошла выюнком по кругу звонкоголосая Фрося. Голову,
обрамленную светлыми кудряшками, она держала чуть
склонив вправо, ноги выбивали дробную чечетку. Глаза,
лукаво поблескивая, смотрели на подругу выжидательно
и весело. А та, обходя ее боком-боком, крепко ударяла
каблучками раз — другой, и в ответ пела тоже озорную
частушку. А то вдруг заведут песенный разговор.

Я на лекции ходила,
Его речи слушала.
Ничего не поняла —
Любовь меня замучила.
Ой, подруженька моя,
Прими во внимание,
Он любовь твою поставит
На голосование.

Марина Васильевна видела, как несколько отчужден-
но стоял в стороне Серафим и лицо его то вспыхивало
любопытством, то удивлением. Стремительность, с кото-
рой умели отдаваться веселью хайрюзовские девчата,
видимо, нравилась ему, покоряла своей откровенной ду-
шевной простотой и молодым искрящимся задором. Одна
девушка была серьезной и не принимала участия в пляс-

ке. Это была Лена. Закончилась пляска, она вошла в круг и махнула рукой. Умолкла гармошка, и над полями взлетела песня. Поднялось пламя костра. И казалось: вылетела эта песня прямо из него огненной птицей и понеслась над широкими просторами вольно и широко.

Мне хорошо, колосья раздвигая,
Сюда ходить вечернею порой...
...Шумит, шумит пшеница золотая...

Серафим смотрит в степь. В пяти шагах от костра, за током, отсвечивают бронзовыми усиками тяжелые колосья. Их много... Они тихо покачиваются, будто ведут о чем-то свой, понятный только им одним, разговор. Серафим, не замечая, стал подпевать девчатам. Какое-то новое, большое чувство, захватило его.

«Отчего это бывает так хорошо? — думал он. — Вот снова эти зарницы. Кажется, я слышу их шелест в хлебах. Они так низко вспыхивают над полями, что, кажется, будто высекают их сами колосья...»

— Красиво? — услышал вдруг он тихий девичий голос. — Правда, эти зарницы синеватые?

Серафим узнал Лену. Он кивнул ей в знак согласия.

— В них есть еще что-то и другое, — сказал он. — Они, словно живые сказочные ночные птицы. А может, это и вправду ночные птицы?

— Чудной ты, — сказала Лена, и Серафим, не оборачиваясь, увидел ее улыбку. — Это же хлебозоры. Сам когда-то спрашивал.

— Спрашивал, а так и не узнал точно, что это такое.

— Говорят, помогает наливу. У меня дед есть. Он говорит, что урожайную росу нагоняют эти зарницы. А я не верю. Что-нибудь это с электрическими разрядами связано.

— Возможно, — согласился после короткого раздумья Серафим. — А может, что и другое.

— Может...

Лена отошла от него, и Серафим почувствовал какое-то легкое беспокойство. Хотелось, чтоб она была рядом. Говорила с ним. Или просто стояла и молчала. «О чем это она с Кириллом говорит? Похоже, что в са-модеятельность вербует. Какой же из него са-модеятель-ник?» — Серафим скептически поджал губы. Он прошел

незаметно в тень и направился к общежитию. Проходя мимо «салона», услышал резкий звонок. Один, другой, третий. «Кто это? Может, что-нибудь очень важное», — мелькнуло в голове. Он свернул в конторку и снял трубку телефона. Через минуту выскочил наружу и кинулся к Марине Васильевне. Тихо шепнул ей: — Градов... Просил срочно. Ждет у телефона.

Голос директора был взволнованным. Почему-то в эту минуту Марина Васильевна подумала о Дмитриеве, но вскоре выяснилось другое.

— Беды никакой не ждешь? — спросил отрывисто директор, тяжело дыша. — Нет? А похоже, что влипли мы с этой глубиной. Сколько было хлопот.

— Почему? — растерялась Марина Васильевна.

— Есть сообщение от Синицына. Ожидается наводнение. Вторая вода. В горах очень интенсивно начали таять «белки». Я понял так, что он открешивается от нас. Как там? Давно была?

— Только оттуда. Признаки нового половодья есть, заметила. Но до глубинки едва ли дойдет вода.

— А с тыла? Со стороны Кудренка не отрежет?

— Кудренко в устье пополнил, тоже заметила.

— И-да,— задумчиво произнес Градов и замолчал, тихо подувая в трубку. — Хорошо,— решительно произнес он. Марина Васильевна вздрогнула. — Хорошо,— повторил он,— спокойной ночи,— и положил трубку.

...Но этой ночи не суждено было стать спокойной. Проводив гостей, Марина Васильевна долго не могла уснуть, а когда, кажется, задремала, на Кушке раздался рев тяжелых моторов. Она быстро оделась и вышла на улицу. Светало. Две больших автомашины, груженные щебенкой, медленно и осторожно прошли в направлении Тополевой заставы. Вскоре на одной из них вернулся Дмитриев. Он устало поздоровался и попросил полотенце:

— Понимаешь, дремлю, как младенец.

— Сейчас, Костя. Сейчас,— с готовностью отозвалась Марина Васильевна и бросилась в дом.

Через минуту, умываясь в Кудренке, Дмитриев рассказывал:

— Поднял всех по тревоге Градов. Организовали вот впопыхах две машины щебенки для укрепления берега. Еще подойдут. Дело, кажется, порохом пахнет,

— Прибывает?

— Вовсю. Левый берег уже в воде. Давно, говорят местные жители, так не бывало, чтоб два раза коренная шла.— Теперь Синицын развоюется на весь край. Сейчас уже оправдывается, снимает с себя всякую ответственность.

— Он был против. Все знали.

— А что, Костя, положение... очень опасное?

— Справимся. Придется и тебе поднять ребят пораньше. Закрепим болтами и скобами мост. Насыплем гравия на въезде. Укрепим берег камнем. Шалишь! Нас не скоро одолеешь! — Дмитриев весело потрянул головой. — Ну вот, спасибо. Освежился. Можно и ехать.

— Расскажи, как вы там... устроились? Как Витка? — складывая полотенце и не поднимая глаз на Дмитриева, спросила Марина.

Тот ничего не ответил. Она взглянула на него. Он стоял, сведя тугие брови к переносице, и смотрел на оживавшую степь.

— Ты молчишь? Что-нибудь случилось? — в голосе Марины хрустнула льдинкой боязнь. Дмитриев внимательно посмотрел на нее, вздохнул и мрачно произнес:

— Давно уже, кажется, случилось, — небрежно бросил он, подумал и беспечно добавил: — Все перемелется, Таня. Я верю в лучшие времена. Я верю... — он заппулся, с каким-то беспокойством взглянул на нее и, понизив голос, продолжил: — Я верю, что оно еще придет ко мне... настоящее счастье!

— Да, это право каждого, Костя. Как же без веры жить?

— Ты скажи... Ты поняла... Катю?

Да, она поняла ее. Хорошо поняла. Но зачем тебе это?

— В чем? — спросила Марина.

— Не надо, Таня... ты отлично знаешь, в чем, — торпливо заговорил Дмитриев. — У нее своя линия жизни... Своя, и она ее оберегает.

— Не говори так, Костя.

— Хорошо. Не буду. — Он помолчал.

— Не буду, — тихо добавил он, будто отвечая своим мыслям. — И вообще-то, кому это надо? — зло, иронически усмехнулся он.

— Костя... Ты же знаешь...

— Да, да... знаю! — Ты хочешь, чтоб я жил мирно, заглядывал в глаза жене и беспокоился о семейном уюте? Ты, может быть, прочитаешь мне мораль о семейных устоях?

— Костя... тише! — как хотелось ей крикнуть совсем другое, но она сдержалась.

— Да, конечно, трещина в семье... надо постараться залатать ее, найти выход... так? Давай, давай мораль!

Марина вдруг подобралась. Лицо ее стало строгим.

— Мораль? — тихим каким-то чужим голосом проговорила она.

— Могу, Костя... Могу, — в голосе ее почувствовал Дмитриев враждебно металлическую нотку. Он вздрогнул и с изумлением посмотрел на нее.

— Поезжай, Костя... и постарайся... постарайся реже бывать на Кушке. Слышишь?

— Да? — чуть слышно сорвалось с его губ.

— Да, — твердо произнесла она. — До свидания... Костя.

Он некоторое время смотрел на нее, потом повернулся и, не оглядываясь, сутулясь, пошел к машине. Марина стояла на берегу Кудренка и смотрела ему вслед. Сложное чувство волновало ее. Она и сама не поняла, что случилось. А случилось непоправимое. Это она почувствовала в тот миг, когда он молча повернулся и пошел от нее. Ей тут же хотелось броситься за ним, но она сдержалась.

— Так надо... так надо, — беззвучно шептали ее губы. Потом она ушла в поле и вернулась на Кушку с восходом солнца.

Строгой, неузнаваемой пришла она к ребятам.

ГЛАВА 23

Три дня и три ночи, при свете костров, не прекращались на берегу Чарыша работы. Кудренок действительно быстро вспух, вышел из берегов и, бросившись по балке, обошел глубинку. Чарыш кидался на высокий берег. Пробовал подточить его. Но за сваями и плахами он натывался на щебень и плотный слой гравия. На лугу снова разгулялось море воды. Странно было видеть кусты черемухи и калины. Будто прося о помощи, стоя по горло в воде, они поднимали к небу кисти ягод, беззащитные от волн и ветров. Ребята таскали камни и бросали их за дощатый забор. Им помогали верховинские девчата. Они засыпали гравий. Серафим выбирал камни покрупнее и, не чувствуя их тяжести, торопкой рысью бежал к берегу. Нет, ничуть, кажется, не трудно делать это! Все время ощущал он на себе то внимательный, то удивленный взгляд Лены. И от этого ему было легко и весело.

Сегодня в районной газете «Сельская правда» был помещен портрет Лены. Неизвестный автор хвалил ее. Статья называлась «Дочь коммуниста». В ней подробно рассказывалось об опытном участке Селезневых, о патристическом поступке Лены — о случае с коровой «Лена Селезнева — человек новой формации» — такими словами заканчивал автор свою статью.

Прошла, поблескивая глазами, Фрося.

— Лена звала? — спросила она.

— Куда? — не понял Серафим.

— Как куда? К нам... она притащила на ферму свой радиоприемник и установила в красном уголке.

— Нет, ничего не говорила.

— Стесняется,— улыбнулась краешками губ Фрося.— Позазчера приехали в Хайрюзовку ваши... директор и парторг, что ли, казах он...

— Мухитдинов?

— Ну, может, он.

— Секретарь парткома.

— Вот. Приехали и привезли ей подарок. За корову, видно. Написали там интересно как-то на задней крышке: «Дорогой Лене Селезневой...», еще что-то. Ну, а она этот приемник сюда, на ферму принесла.— Лена! — крикнула Фрося.— Радио слушать почему не зовешь ребят?

— А ты уже успела...

— Интересно! А почему бы и нет?

— Вечером,— сказала Лена.— После работы.

...Вечер был душный, предгрозовоый. В красном уголке фермы, несмотря на хороший концерт, который давала в этот час Москва для хлеборобов целинного края, никого не было. В открытые настежь двери и окна гремели мелодии песен, звучали трели скрипок, а девушки и парни сидели на открытой лужайке и задумчиво смотрели в степь.

— Хороший приемник подарили тебе, Лена,— говорил Серафим.— Поди, все станции берет.

— А он разве мой?

— Чей же?

— Общий.

— Но ведь это подарок?

— Ну и что же? — улыбнулась Лена.— А я хочу, чтоб всем польза была. В селе у нас — колхозный радиоузел. А здесь нет ничего. Вот и пусть служит нам всем.

— Интересная ты, Лена...

— Какая уж есть... — она сорвала травинку и пощипывала ее, отрывая лепестки.— Меня не то обрадовало, Серафим... вот вчера вместе с вашими приезжал к нам знаешь кто? — она посмотрела на Серафима.

— Кто?

— Семен Семенович... Секретарь райкома Кожин.

— Поздравил?

— Не с тем, о чем ты думаешь.

— Тогда с чем же?

— С грядкой пшеницы «Скала».

— Ах, на вашем опытном! — догадался Серафим.

— Да. Эта пшеница у нас по кукурузе посеяна. Под-

считали колосья на квадратном метре. Определили количество зерен. Знаешь, сколько даст?

— Где ж мне,— пожал плечами Серафим.

— По тридцать одному центнеру, вот как! Папки нет.. жалко. Не увидел.— Она вздохнула, лицо ее стало озабоченным.— А ведь в районе опять средняя урожайность 12 центнеров. У вас на будущий год тоже будет здесь на Коловом урожай. Марине Васильевне радоваться бы, а я ее сегодня не узнала. Что с ней?

— Не знаю,— буркнул Серафим.— Ты бы знала ее биографию.

— А что? — загорелась Лена.

— У вас что-то ведь с ней схожее. Характер, может?

— Не знаю...

Они прошли к увалу. Внизу, тихо шелестя жесткими листьями, шумела кукуруза.

— Роща... Настоящая роща! — воскликнула Лена.— А вон видел? — указала она вдаль рукой.

— Зарницы. А может, гроза? Что-то душно.

...Они уселись на траву. Серафим коротко рассказал ей о Марине Васильевне. Лена долго сидела молча после его рассказа и думала о чем-то своем.

— Если она полюбила раз — значит, навсегда,— убежденно сказала Лена,— только обидно...

— Что же, у всех так... с любовью? — несмело проговорил Серафим. Лена резко повернулась к нему, и в глазах ее он прочел удивление:

— Ну, а как же? — сказала она. Нет, это, кажется, ее глаза сказали.— Пошли! — вскочила Лена.— Тебя вон Лешка ждет. И Колька.— Она обернулась в степь и вздохнула:

— Скоро уборка. Небось, не заглянешь?

— Ну как же... буду приходить.

— Приходи,— тихо сказала она.— Что делать будешь? На тракторе?

— Нет. Учетчиком назначают.

— Что ж... побегаешь с саженкой! — Лена приветливо кивнула головой и побежала к дому.

В горах глухо рокотал гром.

— Ой, бегите скорей... Намочит! — крикнула она ребятам с порога. Лешка с Колькой поравнялись с Серафимом на тропке.

— Ничего! — махнули они ей.— Не сахарные!

В один из августовских чистых, как росника, дней вздрогнула степь от мощного гула тракторов и комбайнов. Наступление началось по всему хлебному фронту. Кушка опустела. Только на коровнике как-то одиноко, вразнобой тюкали топоры. Кирилл, забивая деревянные шпильки в просверленные дыры на стропилах, тоскливо поглядывал в степь. Там в разных направлениях шли медлительные комбайны. Окутанные облачками пыли, захлеб рокотали они по всей необъятной степи. Тяжело переживал свое одиночество Кирилл.

«Вот она где настоящая жизнь! — думал Кирилл. — Вот она. Рукой до нее податься, стоит только перейти этот страшный круг около двора. Эти вот потухшие костерки с выжженной до земли травой... Котелки на деревянных сучках — у каждого свой... И ты среди них. Ты на воле!»

Вон пылит по дороге открытый «газик». Он останавливается у жнивья, кто-то сходит с него и торопливо идет по полю, наклоняется, шарит по земле руками, ворошит солому. «Директор, — догадывается Кирилл. — Забота... Теперь день и ночь не будет вылезать из машины. Потеряет счет времени. Да разве он один?»

Рвут сердце Кирилла тревожные думы. Не дают покоя.

Вечером, пошатываясь, на стан идет Люба. С нею — девчонки, недавно прибывшие на Кушку. Платки их черны. Лица — будто залепил кто из озорства мукой. А глаза блестят задором.

Отворачивается Кирилл, втянув голову в плечи, будто преступник, идет, крадучись, к ручью...

Нет, наверное, ничего на свете сильнее радости бо́льшего труда. Но разве он, Кирилл, не устает за день? Разве ему легко? Попробуй помахай с зари до зари топором, а вместо радости и удовлетворения — обида на сердце, горечь и раздражение.

Отец подошел к ручью. Набрал в котелок воды. Неожиданно бросил сыну:

— Взял бы да сыграл, чем так-то дичиться, — он выпрямляется и довольно крикает, глядя на двор. — Теперь уж и сыграть не грех. Скоро сбудем с рук.

Кирилл, не скрывая удивления, смотрит на него, потом отворачивается:

— Играйте сами, если вам так весело.

— А что... Конечно.— не понимая желчи сына, говорит старик и медленно поднимается на берег.

На степь ложатся сумерки. Потемнел ручей. С поля, колотя голыми пятками по бокам Стрелки, примчался верхом Колька. Он проскочил на ток, где уже шумели зерноочистки, звонко крикнул:

— Кто видел управляющего?

Ему что-то ответили и он, повернув кобылу, рысью подъехал к конторке.

— Срочно звонить надо: шестеренка полетела у молотилки комбайна,— кому-то закричал мальчишка.

«И ему есть дело... И он обеспокоен,— подумал с горечью Кирилл.— Небось, Лешка послал с полосы...»

Гудят, гудят моторы в степи. Идет страдная пора...

«Красотища-то здесь какая,— вздыхает Кирилл.— Так бы смотрел и не насмотрелся за всю жизнь». Кирилл повел глазом на горы и застыл от изумления. По склонам жар-птицей летела вечерняя заря. Горели стройные пики кедрача. С вершины гольцов, оттуда, где все еще лежал снег, сползали вниз огненные лопухи. Это плавились в зорьке водопады. Смотрел Кирилл, затаив дыхание, на все это и чувствовал, как какая-то неведомая сила поднимает его, заставляя сердце биться широко и радостно.

Марина Васильевна засыпала на заре. А в эту ночь не удалось и вздремнуть.

— А вам звонят! —заскочив в ее комнату, еще с порога провозгласил Колька. (Он теперь часто выполнял роль связного Марины Васильевны и несказанно гордился этим). Звонила Екатерина Григорьевна. Голос ее был озабоченным.

— Ну, как вы там? Небось, тоже ни часа покоя? Как вот и Константин... А у него что-то с ногой стало неладное...

— Что такое?

— Старая ранка... похоже, бог его знает. Приехал сегодня, а сам волочит ногу по земле. Еле добрался до

койки. Отдыхался — и снова в машину и в поле. Сумасшествие какое-то. А тут не знаю, что делать! Ведь ехать пора. Сентябрь на носу. Школу-то я ведь никому не сдавала. Не знаю, что и делать... Алло!

— Да, да... Я слушаю вас, слушаю,— нетерпеливо произнесла Марина.

— Вот такие дела, Марина Васильевна,— говорила ровным бесстрастным голосом Екатерина Григорьевна.— Что бы вы посоветовали?

— Я? Что же я могу... Извините, но... я, право.— И вдруг ее взяло зло. Она закричала в трубку: — Какой совет вам нужен?.. Простите, у нас гремят машины на току. Я кричу...

— Извините, конечно, глупо... извините! — в трубке послышался вздох уставшего человека.— Приезжайте. Заходите... Такая скука. Простите... Да, он что-то просил передать вам, а я забыла... Минутку, ах, да. Какая-то там шестеренка. Он послал ее вам.

— Спасибо,— обронила Марина Васильевна.— Благодарю вас.

Застегнув телогрейку, Марина Васильевна пошла навстречу огням, которые растекались по всей степи. «Что с Костей? Ранка? Разве одна?»

От недостроенного двора отделился человек. Он решил по камням Кудренюк, вышел на дорогу и зашагал по ней в сторону Центральной. «Кто бы это?» — подумала Марина.— Что-то знакомое показалось ей в статной фигуре. «Кирилл? Но зачем он и куда в ночь? Нет, это мне просто почудилось...»

Утром к ней пришел встревоженный старик, отец Кирилла.

— Сбежал... Сын сбежал,— растерянно пробормотал он.— Кабы домой, так ведь денег у него нет!

— Может, еще объявится? Здесь где-нибудь. На поле, возможно,— высказала догадку Марина Васильевна,— он, кажется, очень интересуется техникой... Слышала я от ребят.

— Дай бог, дай бог... Да что ж он, с гармошкой-то, там делать будет?

Марина Васильевна улыбнулась. С гармошкой. действительно, там делать нечего. А не оставил он ее у ребят, в общежитии?

— Не могу знать. Оставлял как-то, так я его пору-

гал за это. Вещь ведь. Деньги стоит. А парням что она, чужая-то... Жалко, что ли? Принес...

— Сейчас узнаем,— пообещала она и, выйдя за порог конторки, попросила Дусю сходить в общежитие ребят и посмотреть, нет ли там гармошки. Та через минуту сообщила, что никакой гармошки у ребят нет.

— Укатил... Укатил домой, не иначе,— решил старик.— Продаст свою музыку и доедет. Хватит, небось. Вот ведь голова! И работы осталось на неделю. Не вытерпел.

— Да подождем еще. Подождем до вечера,— посоветовала Марина Васильевна,— может, и объявится.

Кирилл не пришел и к вечеру. Не вернулся он и на другой день.

С каждым днем все дальше и дальше в степь отступал желтый плес пшеницы, оставляя на стерне волны тучных рядков. Серафим без устали шагал и шагал, обмеряя угловатой саженкой скошенные массивы. Ему не надо допытываться, кто из комбайнеров впереди, кто позади. Вот он размах — под этой саженкой. И ложатся кклонки цифр в блокнот учетчика. Цифры, от которых зависит многое: и настроение коллектива, и сон директора совхоза. Шагает, будто на ходулях, саженка. А рядом Серафим. Крутит ее правой рукой: раз и два, раз и два...

— Эй, учетчик! — кричит подъехавший на машине Градов. — Как поработали?

— Дорогой товарищ! — махнет с тракта главный агроном, снимая очки. — Какие новости?

— Эй, эй! — подскочит верхом Мухитдинов. — Что колдуют твои цифры? Провал? Победу?

Вот что такое настоящий учетчик. Он может вызвать и радостное настроение и прилив отчаяния. И яростную ругань и надежду.

— Э, черт! Завалили мне пятидневку! Норму давай-те мне, хоть норму, хвастуны несчастные!..

— Ну, молодец, обрадовал. Засыплем хлебом!

...Привалясь к копне соломы, сидит Серафим в сумерках и что-то подсчитывает. Ходуля-саженка рядом. Ждет своего хозяина. Вдруг хруст стерни сзади. Обернулся.

— Кирилл? Ты куда собрался? — удивился Серафим. И Кирилл рассказывает ему. Рассказывает откровенно. От души. Ничего не скрывая. А Серафим, возмужавший, загорелый, делает серьезное лицо и, не глядя на парня, тихо поддакивает.

Он непременно все так и сделает: Любе передаст, чтоб не теряла... Это интересно. А в основном он, Серафим, восхищен его поступком. Так и должно свершиться...

Кирилл уходит в ночь, а Серафим смотрит ему вслед. «Любе... вот не думал,— мелькает в голове.— И не заметно вроде было».

Вечером на Кушке ребята гадали, куда сбежал Кирилл.

Люба-Коротель не вмешивалась в разговор. Она была грустна. Серафим пристально посмотрел ей в глаза и подмигнул:

— Выйди!

И вот они вдвоем. Серафим рассказывает о своей встрече с ним.

— Значит, не унывай, будет рядом,— говорит Серафим.

И Люба возвращается в «салон». Лицо ее горит. А глаза веселые, чистые, радостные...

ГЛАВА 24

Пока шла уборка на взлобках, Марина Васильевна не беспокоилась, — тревожили низины и лога, там пшеница, перепутанная повиликой, легла. Взять ее было не легко. Комбайнеры предложили дополнить машину двойными жогами. Мысль была дельной, и Марина Васильевна собралась на Центральную, как ее вдруг окликнул Колька. Он бежал по жнивью и что-то кричал ей, указывая на дорогу. Там стоял, уткнувшись в кювет, «газик». Человек возле него махал ей левой рукой, правой опираясь на клюшку. «Костя!» — признала она и погнала Стрелку к нему. Он прошел ей навстречу несколько шагов, прихрамывая на правую ногу, и весело крикнул:

— Вот ведь оказия! — Он кивнул в сторону машины и, тут же забыв о ней, спросил: — Как дела? Как комбайны?

— Зачем едешь? Куда? — сердито сказала она, тревожно поглядывая на его клюшку. — Разбередишь, — она соскочила с седла.

— Пустое... Дело, оказывается, не в ране. Просто что-то захандрил вот. Сначала ногу морозило, а потом дня на четыре совсем отказала. Но я расшевелил ее. Я не дам ей покою! — он по-мальчишески пнул ногу концом батожка. Марина не верила его шутливому тону. Недоверчиво качая головой, она с беспокойством сказала: — Костя, ты не шути. Брось эти поездки!

— Ну, и ты тоже, — отмахнулся от нее Костя. — Рассказывай! — потребовал он. С опаской поглядывая на

его ногу, Марина стала говорить о трудностях уборки полеглого хлеба.

— Наматывает, хоть плачь! — закончила она. — Ребята предлагают установить двойные ножи. — Дмитриев внимательно слушал ее. — Двойные? — переспросил он. — Это идея! Давай немедленно испробуем. — В это время заработал мотор «газика».

— Тягу повело, — сказал шофер.

— Доедем. Я думал хуже, — обрадовался Дмитриев и пошел, прихрамывая и нажимая на ключику, к машине.

— Костя! — тихо позвала Марина. Он остановился. Не оборачиваясь, спросил: — Ты что?

— Почему ты не бережешься?

— А-а, — насмешливо протянул он. — Забота о человеке? Понятно. Я думал, ты-то хоть не такая, как другие. Сейчас привезу тебе ножи запасные. Обрадуешь ребят. Сам посмотрю. Давай, Вася! Нажимай! — сказал он шоферу. Машина попятилась, на ходу развернулась и помчалась на Центральную.

«Вот... такой всегда. Еще накричит, разругает». — Марина вспомнила разговор с Екатериной Григорьевной, ее спокойный тон, невозмутимость, и ей стало страшно.

— Ко-остя! — закричала она и что есть силы стала нахлестывать Стрелку. Та рванулась в галоп и понесла ее.

— Ко-остя!

Гревели комбайны на полосах. Вилась пыль над хлебами. Где-то далеко-далеко, на самом горизонте, окутанный серым клубком пыли, маячил «газик». «Куда он мчится? Куда? Разве его поймут там?» Она гнала, гнала Стрелку и вдруг опомнилась. Круто осадил ее и повернула на жнивьё. Тяжело дыша, вытирая слезы, Марина прошептала:

— Дура ты дура, — но тут же сердито спросила себя: — А вот так имеешь право бросать его? Ведь ей-то, ей до него дела нет!

Успокоившись, зло усмехнулась:

— А ведь ты и ее собралась любить... Нет такой любви. Ненависть и любовь стоят рядом...

Прошли небольшие дожди, и комбайны, спустившись в низины, встали на первых же загонках.

Захлебываясь в перепутанной массе, они утюжили по пять раз буквально каждый метр. Рвались полотна. Выходили из строя молотилки. Плохо помогали и двойные ножи.

Серафим, не успевавший до этого отмерять своей саженкой убранные гектары, сейчас с тревогой ходил ст безделья около комбайнов, слушал отчаянную ругань вконец измотавшихся, озлобленных неудачами механизаторов. Было обидно сознавать, что никто не мог помочь в этот трудный час людям. Что нет еще таких машин, которые бы не боялись вот этого полеглого, перепутанного хлеба. Было единственное средство — вести комбайн на треть хедера. В таком случае: тише едешь, как говорится, но дальше будешь. Это раздражало людей. Сердито и зло смотрели в такие дни комбайнеры и трактористы на весь мир. Серафим видел, как многие из них сутками не покидали штурвала, упорно и настойчиво пробиваясь вперед, отвоеывая метр за метром трудный хлеб. И сам Серафим, глядя на все это, нервничал и злился. Злился на погоду, на конструкторов, которые испытывают, очевидно, уборочные машины только на опытных участках, не предвидя капризов природы, на себя за то, что ничем, даже дельным советом, не может помочь людям.

— Вот придумать бы такую машину, — размечтался Серафим, — чтоб все сказали: «Этой ничего не страшно. Любой хлеб возьмет... Спасибо конструктору. Золотая у него, видно, голова...» Вот Ильки нет... Мы бы посоветовались.

Но Илька не приезжал, и Серафим в эти дни не принесил отрядных цифр для Марины Васильевны. Всего трое суток были такими тяжелыми для обитателей Кушки, а, казалось, этим «без существенных осадков» дням не было конца.

Иван Иванович, осунувшийся, почерневший, приезжал каждый день. Проскочив по полосам, он подворачивал свой «газик» на ток, щупал, мял в руках зерно, пробовал на зуб и мрачный заходил в «салон».

— Ну, докладывай, управляющий,— говорил он, тяжело, с присвистом дыша.— Как будем жить дальше?

— Сегодня опять два комбайна вышли из строя... У трактора гук полетел,— неуверенно начинала Имоземцева, как всегда с неполадков.

— Ты мне про гуки не рассказывай, Марина, без тебя видел... Ты мне скажи: когда мы по-человечески будем вести уборку? Пятидневное задание сорвали?

— Сорвали,— уныло соглашалась с ним Марина Васильевна.

— Сорвали,— в голосе Градова начинало звучать раздражение.— Ну, а зерно, что квасишь на току?

— Влажность... Сами ж видите, какая влажность, Иван Иванович!

— А кто же се нам сбивать будет, эту самую влажность, а? Не Пушкин же?

— Конечно,— улыбнулась Марина.— Скорей всего племя младое, незнакомое...

— Ты вот, «младое племя», почему второй зернопульт непустишь в ночь?

— Людей не хватает.

— Сократи дневную. В ночь поставь. Пусть беспокоят и беспокоят зерно.

— Понятно.

— Вот так.

Сердит бывал в эти вечера Иван Иванович, недоступен. И все же Марина Васильевна умела говорить с ним. Покоряла она неожиданными деловыми предложениями. Вот и сейчас. Градов хмурится на нее, а сам нет-нет, да выжидательно посмотрит.

— Ну, что ты улыбаешься? Тоже хороша. «Переменной облачностью и кратковременными дождями» приклялась...

Марина знала эту несколько грубоватую манеру директора разговаривать с людьми, поэтому, ничуть не обидясь на него, спокойно говорила:

— Небось, не хочешь да прикроешься. Все планы перепутали эти «кратковременные осадки». Главное, в логам не просыхает. Наоборот, вся влага туда скатывается.

— Ну, это всем известно. Ты скажи — что делать?

— У меня есть предложение. Правда, рискованное,— продолжала спокойно Марина Васильевна.

— Ну, ну,— заинтересовался директор.— Что там надумала?

— Оставить эти лога. Оставить временно. Говорят, в сентябре здесь большие и устойчивые ветры начинают-ся. Надо убрать все полосы там, где ветры будут угро-жать хлебу. На косогорах.

— А низы?

— Низы скосить в валки. Скосить теми же комбай-нами. Переоборудовать их недолго.

Глаза директора потеплели. Он задумался. Проста, кажется, мысль, но разумна.

— Что ж, давайте посоветуемся с людьми... Поедем. Прямо сейчас,— он заторопился.— Я думаю, можно и рискнуть. Поедем. Послушаем все же народ...

Наступил светлый и тихий сентябрь. Марина Василь-евна все чаще стала наведываться к скошенному хлебу. Кое-где из-под рядков пробивалась наружу трава. Это обеспокоило ее. «Срастется пластом вся эта масса — не взять тогда,— думала она.— Надо ворошить валки, во-рошить для просушки. Обдует и можно подбирать».

— Посмотрите, Иван Иванович,— говорила она Гра-дову,— какое зерно в валках! Я думаю, этот метод раз-дельной уборки имеет свое будущее.

— Испокоин веков мужики убирали так хлеб. Зер-но получается очень высокой натуры,— соглашался Градов, отдавая тут же распоряжение на подъем валков.

...Для Серафима, да и для всех обитателей Кушки этот день казался обычным, будничным. В другое б время Серафим, может, и полюбовался бы бездонно го-лубым небом, тенетами, что плыли и плыли тихо по воз-духу; прозрачными водами Кудренка, которому, видно, надоело торопливо бежать куда-то, и он заметно сбавил свой бег и стал как-то глуше, спокойнее выбивать на обнаженных перекатах свою песенку,— в другое б время, только не сейчас. Снова всю гудят моторы в поле, плещут золотистым зерном на току два зернопульта. Одна за другой бесперерывно подходят под погрузку автомашины. Нет времени для посторонних размышле-ний. И все-таки этот день стал знаменательным.

«Будущий историк отметит его из череды рядовых дней, — записывал в дневнике Серафим. — Правда, Дуся еще утром сообщила, что Кушку ждет какая-то прибыль. Какая — этого она не знает, но уверена. Потому что такой сон будто ни разу в жизни не обманывал ее».

Над Дусей посмеялись, а уже часов в двенадцать директорский «газик» мчался прямехонько на Кушку, и когда он остановился, на землю соскочил высокий, худощавый парень в серой кепке. Он шагнул раз, другой, снял кепку, остановился и вдруг весело закричал:

— Алла, бисмелла! Правоверные кукурузники!

Серафима, который пошел было от тока в поле, этот призыв будто кипятком ошпарил. Он резко обернулся и замер: на площадке, около легковушки, стоял Илька. Сразу бросилась в глаза его какая-то угловатость в движениях и тут же заметил: левая рука негиблемо топоршилась под рукавом.

Воткнув в землю саженку, Серафим бросился назад.

— Илька-а! Илья-а! — заорал он.

Илька, вытянув руки, пошел ему навстречу.

— Серафим... Здравствуй, Серафим! Ого, какой стал Настоящий хлебороб!

— Здравствуй, Илья... Ну, как?

— Все. Демобилизовался.

Друзья обнялись. Серафим почувствовал, как защекотало в носу, какой-то туман наплыл на глаза. Чтобы не разреветься, он стал усиленно кашлять и вдруг увидел Соно. Улыбаясь, она весело кивнула ему:

— Привет, Серафиму! Привет землякам!

— Познакомься, Серафим, — сказал Илька. — Моя жена. Ты ее не видел еще.

— Да как же...

— Подруга жизни... За проявленный героизм и самоотверженность по спасению моей особы я разрешил ей выйти за меня замуж.

— Илька! — укоризненно сказала Соня. — А вон и Дуся! — она кивнула в сторону кухни, откуда, в смутении оглядывая приехавших, бежала, вытирая руки о фартук, расторопная повариха.

— Сонька! А мы-то... а мы! — кричала она еще издали, хлопая себя по бедрам руками. — Ну, здравствуй! С приездом. И как только ты, а?

— Со мной-то что ж не здороваешься? — крикнул Илья.

— Да вижу... Ах, черт лупоглазый, что он наделал... Ну, с благополучным возвращением, то есть...

— То есть, ты хотела добавить, — подхватил Илья, — не совсем с благополучным?

— Ну, ты уж... И ничего я не подумала. Вон ряшкото какую отъел, что ли не вижу.

— Даровые харчи. Они, брат, кому идут, а кого изведут. Ну, а мне хоть бы что! — храбрился Илья. — Уехал один, а приехал вот с семьей! Он кивнул на Сою.

— Значит, правда? Ой, Соня... или сочиняет?

— Да нет, зачем? — тихо произнесла Соня. — Решили. — Она озорно посмотрела на Илью. — Сердце, оно ведь не каменное...

Тот нарочито строго погрозил ей:

— Но, но... Жалостливых не люблю!

— Смотрите еще не поссорьтесь! — всполошилась Дуся. — Ой, не верю. А ну, стойте, стойте. Проверю! — она бросилась со всех ног на кухню и вернулась оттуда с двумя стаканами киселя.

— На! — сунула она один из них растерявшемуся Серафиму. — Да держи, держи! — она пригубила из своего стакана и крикнула: — Горько! Ой, горько! Да кричи ты, истукан! — топнула она ногой в сторону Серафима. Тот не знал, что делать. Сердиться или принять все за шутку.

— Горько! — закричала Дуся, поднимая стакан.

Илья подошел к Соне. Та неловко обняла его за шею и поцеловала. Дуся рассмеялась: — Теперь верю.

Она стала серьезной.

— Сегодня же соберемся и решим на счет приданого... Поздравляю! — она крепко пожала их руки и, видя, что Серафим все еще стоит с полным стаканом киселя из смородины, презрительно вздернула губы: — Тоже мне... алкоголик. Пей, что ли!

Серафим залпом опорожнил стакан и, скосившись, сказал:

— Кажется и впрямь горько.

— Ну, конечно. Сказал бы уж кисло... Туда же еще! Ишь, понравилось. Давай стакан! — она вырвала из его рук стакан и пошла. Все засмеялись. Дуся, вспомнив о чем-то, остановилась:

— Да как же теперь? Где ж вы будете-то, а?

— Не беспокойся. Все обдумано. Соня была уже раньше в Озерках. У матери Кольки. Она согласна отдать нам горенку.

— Ох и хитра же ты, Соня! Да где ж это Любка? Ой, да ведь еще и обеда-то нет! Пойдем, Соня... пойдем со мной. Иди, я хоть тебя выпрошу обо всем.

— Ну, Серафим, показывай, что тут нового,— обратился Илька к товарищу.— Вижу ток. Сами делали?

— Помогали с Центральной.

— Двор...— он по-хозяйски прищелкнул языком.— Хлеб-то — вороха какне! Смотри, как подоили целину! — Илька гордо выпрямился.

— А по совхозу посмотри! — взволнованно сказал Серафим.— Горы! Градов говорит миллиончика два сдадим.

— Вот это да! Стоило ехать, Серафим. Правда? А куда сдаете?

— У, брат, ты и не знаешь.

— Стой! — остановил его Илька.— Тополевая заставка? Соня говорила, вспомнил... А где же все-таки Колька? Соскучился я о нем.

— Я разыщу его. Ладно? — с готовностью отозвался Серафим.— Он, наверное, на комбайне, который буксирует Лешка.

— Лешка! Черт возьми... Ну, как у него дела?

— Идут! Не отстают от других! Я пойду. Вон Маринна Васильевна едет! — указал он рукой. Ему хотелось первому сообщить ошеломляющую новость Марине Васильевне.

— А как рука? — вспомнил он.

— А вот как,— Илька вытянул ее и с усилием стал сжимать и разжимать пальцы.— Заставлю, Серафим... Не я буду.

«Да, Илька заставит,— подумал Серафим.— Он сможет».

Серафим быстро зашагал по жнивью навстречу Марине Васильевне.

— А на Кушке вас ждет сюрприз,— выпалил он, едва они поравнялись.

— Сюрприз?

— Вот именно. Поезжайте-ка!

— Ты меня пугаешь, Серафим.

— Нет, правда. Приехали молодожены.

Марина Васильевна вдруг охнула.

— Илька с Соней,— добавил Серафим.

— Что ж ты тянешь! — воскликнула Марина и стегнула концом повода Стрелку.

Вечером, когда все население Кушки провожало молодоженов в Озерки и Колька уже нетерпеливо перебирал вожжи и строго покрикивал на запряженную пару лошадей, Марина принесла телефонограммы из Центральной.

— Вот,— сказала она, торопливо развертывая бумажку.— От парткома. «Поздравляем коллектив Кушки с первой молодой семьей. Верим, что она будет крепкой и надежной. Секретарь парткома Мухитдинов».

Все шумно захлопали в ладоши.

— А это от рабочкома. «Профком приветствует в лице Ильи и Софьи Петровых всех будущих молодоженов Кушки. Профком постановил: выделить Петровым из подарков, присланных комсомольцами Краснодара и Москвы, радиопремник «Рига» и 1000 рублей на обустройство. Председатель рабочкома Зайцев».

Проводив молодых, Серафим и Лешка, не сговариваясь, прошли к Кудренку, сели на берег и долго молчали, бездумно глядя куда-то в степь. Наконец, Лешка с досадой тихо сказал:

— И за каким это чертом выдумали люди жениться?

Серафим промолчал. Только вздохнул.

ГЛАВА 25

На другой день на Кушку приехал Градов. Директор, как шепнул ребятам Илька, «нанес личный визит молодоженам». Поздравил их. Тут же написал приказ о назначении Ильки комбайнером.

— На тебя надеюсь, Петров,— сказал коротко Иван Иванович,— а вот молодой твоей супруге,— испытующе глядя на Соню, дополнил он,— я б посоветовал другую работу. И почетную и не пыльную,— он помолчал, выдерживая паузу, и добавил: — Приемщиком на глубинке.

Соня запротестовала. Она не хотела уходить далеко от Ильки. Нашла это неудобным и Марина.

— Тогда советуйте, кого послать,— согласился Градов.— У меня таких людей нет.

— Есть такой человек— сказала Марина.— Серьезный и грамотный.

Она посмотрела на Серафима и тихо, но твердо произнесла: — Подгорного... Серафима Подгорного можно.

Серафим, не ожидавший такого оборота дела, воспротивился:

— Да я и весов не знаю,— сказал он.— Какой из меня приемщик!

— Научим. Не велика премудрость,— пообещал Градов.— Решено. А учетчика подошло.

Вскоре Серафим, Градов и Марина Васильевна были на Заставе. Там ожидал их представитель «Заготзерно» Головин. Вздволнованно, даже с каким-то отчаянием он выговорил, показывая на ворох пшеницы, в котором, будто рапиры, утопленные по самые рукоятки, торчали со всех сторон палки.

— Принимайте срочные меры, Иван Иванович. Так дальше нельзя. Нужен грамотный и серьезный человек на приемке зерна. С хлебом шутки плохи.

— Знакомьтесь,— улыбаясь, сказал Градов и подтолкнул вперед Серафима.— Только университетского значка не носит... Серафим Подгорный. Прошу любить и жаловать.

«Заготзерновец» с надеждой посмотрел на Серафима и, сунув ему руку, начал с места в карьер объяснять что-то о пробах, сушке, степени влажности.

— Ты ему весы... весы,— усмехнулся директор. Представитель со страхом посмотрел на Серафима и прошептал:

— Не знаете?

Серафиму стало весело. Он пожал плечами и, улыбающийся, ответил:

— Не приходилось иметь дела.

Головин взялся за голову и простонал:

— Иван Иванович!

— Ну что ты? Что паникуешь?

— Да ведь...

— А ты не сдавайся,— спокойно говорил Градов,— ты потерял веру в людей, товарищ Головин. Это уже плохо. Скажу больше: это уже пропащее дело, Аполлон, как вас, Бельведерский?

— Да хлеб ведь... не песок. Не дым вешать-то,— простонал Головин.— И не Бельведерский... Скажете такое... Максимович я.

Серафим с любопытством смотрел на Головина и ухмылялся,— в нем вспыхнула сила сопротивления. Он хотел доказать этому человеку, на что способен, пока же ему пришлось приводить его в ужас и растерянность своими наивными и глупыми вопросами:

— Это пшеница? — ткнул он ногой в ворох и вызвал новые стенания Головина.— А палки зачем торчат в ней?

— Влажность определяем,— безнадежным голосом проговорил Головин.

— А они не загорятся? — наивным тоном спросил он.

— Кто? — округлил глаза Головин.

— Да палки-то.

Головин всплеснул руками.

— С чего же им гореть-то?

— Говорят же ведь: ворох горит.

Головин не ответил, но, вздохнув, одарил Серафима таким взглядом, что тот не выдержал и рассмеялся.

— Нарочно я... Смешно же видеть, как вы все это близко к сердцу...

Головин успокоился и покачал головой.

— Ну и ну... Значит, и с весами нарочно?

— Нет. Тут правда.

— Тогда пойдем. Объясню. Это полбеды — весы. Вот за это, — Головин указал в сторону бурта, — за это мы отвечать будем. А главное, — он обернулся на Градова и вполголоса прошипел: — главное — никаким уговорам не поддавайся. Они будут орать, ругаться, обзывать бюрократом, приказывать тебе принимать, а ты — ни-ни... Не поддавайся ни в какую.

— Не понимаю, — удивленно посмотрел на своего начальника Серафим. — Зерно не принимать, что ли?

— А то что же? Им бы спихнуть любой влажности, а мы головой. Понял? Оторвут нам голову, если сгноим здесь. Тут ухо держи востро.

Серафим смотрел на Головина и не верил своим ушам. О таком он еще не слышал.

— Э-э, брат. Тут механика известная. Им дай процент сдачи, а там хоть трава не расти, — Головин, с опаской поглядывая на Градова и Марину Васильевну, царапал голый, розовый череп огрызком карандаша и, скептически морщась, продолжал: — Уж я-то знаю, братец мой. Учен. Ох, как учен на этом деле... Года три тому назад было, год труднейший был: льет и льет дождь. На токах хлеба скопилось — миллион. И все сырой, привезут, бывало, ко мне, а я в то время на главном элеваторе был, пощупаю — сырой. «Вези обратно». Возчики шепчут (а возить стали сами председатели): «Поросюка выделяю... прими. Одного мало — два бери, только дай квиток. Заест ведь Берданкин». Был тогда у нас такой секретарь райкома. Ох, лют был мужик!

— Ну и как вы? — заинтересовался Серафим.

— Что как? — строго посмотрел на него Головин.

— Ну, это самое: поросюка там и прочее.

— Ты меня за кого принимаешь? — Головин блеснул зеленоватыми глазами. Лицо его стало злым.

— Сами же начали...

— Сами. Вот и сами. У меня, небось, одна голова на плечах. Поросюка съешь, а дальше что? Сухари сушить

и в тюрьму? Нет, братец. Непрístupной скалой стоял! Понял? И ты запомни — ты есть За-гот-зер-но! Государство! Вот кто ты теперь. — Головин отдышался от волнения, закурил и уже спокойней продолжал:

— Меня все знают... Сказал — отходи. Не проси. И то — чуть головы не лишился.

— Как же?

— А так вот. Проходит пятидневка, а район много зерна недосдал. Оно, конечно, шум, крик пошел. Тот Берданкин всех председателей перетаскал на бюро свое. Кому выговор, кому два, до бригадиров добрался. Их шерстить начал. Ну, все в один голос на «Заготзерно» валить начали. «Не принимают! Хорошее зерно заворачивают обратно». «Ладно, — говорит, — я и до них доберусь». Вызывает нашего Кулагина. Благословили мы своего директора: «Ни пуха, мол, ни пера тебе, Роман Алексеевич. Держись, как гора. Не поддавайся». Ушел партийным от нас, а пришел утром — все. Беспартийным большевиком. Поговорили мы, и за работу. Тут поперли хлеб Обоз за обозом. Проверяю. 25—30 процентов. Одним словом, вода. «Вертайте, — говорю. — Государству навоз не надо». А они, видно, настропалены уже были. Бегут к телефону. Слышу — райком вызывают. «Так и так, товарищ Берданкин, не принимает». Тот, похоже, спрашивает, кто не принимает. «А вот, кричат, Головин». Смотрю, катит. Ну, думаю себе, настал твой час... Выхожу. Встречаю.

— Ты? — кричит. — Да как ты смеешь? — А у него, поверишь, не только глаза, но, кажется, и щетина рыжая со щек нацелилась на меня в штыки. Прохожу к воротам и при нем замок вешаю. Становлюсь, как на распятие, у тех ворот. Руки раскинул и говорю:

— Видишь ключ. Иван Гаврилыч? — и подымаю правую руку. Он подходит ко мне и в упор:

— Ну?

— Сейчас же заброшу в Обь, — а метров двадцать от меня действительно яр и внизу река. Бывал у нас?

— Нет, — сознался Серафим. — Но видел. Выше пристани. На берегу. Там еще баки какие-то стоят.

— Во-во... Да-а. Сказал ему так и добавил: — и ключ заброшу, и сам поперек лягу.

— Геро-ой! — протянул он, а вижу: отходит понемногу в душе-то. — Ну, вот что, Головин, — говорит. — Десять

Головин не ответил, но, вздохнув, одарил Серафима таким взглядом, что тот не выдержал и рассмеялся.

— Нарочно я... Смешно же видеть, как вы все это близко к сердцу...

Головин успокоился и покачал головой.

— Ну и ну... Значит, и с весами нарочно?

— Нет. Тут правда.

— Тогда пойдем. Объясню. Это полбеды — весы. Вот за это, — Головин указал в сторону бурта, — за это мы отвечать будем. А главное, — он обернулся на Градова и вполголоса прошепел: — главное — никаким уговорам не поддавайся. Они будут орать, ругаться, обзывать бюрократом, приказывать тебе принимать, а ты — ни-ни... Не поддавайся ни в какую.

— Не понимаю, — удивленно посмотрел на своего начальника Серафим. — Зерно не принимать, что ли?

— А то что же? Им бы спихнуть любой влажности, а мы головой. Понял? Оторвут нам голову, если сгноим здесь. Тут ухо держи востро.

Серафим смотрел на Головина и не верил своим ушам. О таком он еще не слышал.

— Э-э, брат. Тут механика известная. Им дай процент сдачи, а там хоть трава не расти, — Головин, с опаской поглядывая на Градова и Марину Васильевну, царапал голый, розовый череп огрызком карандаша и, скептически морщась, продолжал: — Уж я-то знаю, братец мой. Учен. Ох, как учен на этом деле... Года три тому назад было, год труднейший был: льет и льет дождь. На токах хлеба скопилось — миллион. И все сыррой, привезут, бывало, ко мне, а я в то время на главном элеваторе был, пощупаю — сырой. «Вези обратно». Возчики шепчут (а возить стали сами председатели): «Поросюка выделяю... прими. Одного мало — два бери, только дай квиток. Заест ведь Берданкин». Был тогда у нас такой секретарь райкома. Ох, лют был мужик!

— Ну и как вы? — заинтересовался Серафим.

— Что как? — строго посмотрел на него Головин.

— Ну, это самое: поросюка там и прочее.

— Ты меня за кого принимаешь? — Головин блеснул зеленоватыми глазами. Лицо его стало злым.

— Сами же начали...

— Сами. Вот и сами. У меня, небось, одна голова на плечах. Поросюка съешь, а дальше что? Сухари сушить

Головин не ответил, но, вздохнув, одарил Серафима таким взглядом, что тот не выдержал и рассмеялся.

— Нарочно я... Смешно же видеть, как вы все это близко к сердцу...

Головин успокоился и покачал головой.

— Ну и ну... Значит, и с весами нарочно?

— Нет. Тут правда.

— Тогда пойдем. Объясню. Это полбеды — весы. Вот за это, — Головин указал в сторону бурта, — за это мы отвечать будем. А главное, — он обернулся на Градова и вполголоса прошипел: — главное — никаким уговорам не поддавайся. Они будут орать, ругаться, обзывать бюрократом, приказывать тебе принимать, а ты — ни-ни... Не поддавайся ни в какую.

— Не понимаю, — удивленно посмотрел на своего начальника Серафим. — Зерно не принимать, что ли?

— А то что же? Им бы спихнуть любой влажности, а мы головой. Понял? Оторвут нам голову, если сгноим здесь. Тут ухо держи востро.

Серафим смотрел на Головина и не верил своим ушам. О таком он еще не слышал.

— Э-э, брат. Тут механика известная. Им дай процент сдачи, а там хоть трава не расти, — Головин, с опаской поглядывая на Градова и Марину Васильевну, царапал голый, розовый череп огрызком карандаша и, скептически морщась, продолжал: — Уж я-то знаю, братец мой. Учен. Ох, как учен на этом деле... Года три тому назад было, год труднейший был: льет и льет дождь. На токах хлеба скопилось — миллион. И все сырой, привезут, бывало, ко мне, а я в то время на главном элеваторе был, пощупаю — сырой. «Вези обратно». Возчики шепчут (а возить стали сами председатели): «Поросюка выделяю... прими. Одного мало — два бери, только дай квиток. Заест ведь Берданкин». Был тогда у нас такой секретарь райкома. Ох, лют был мужик!

— Ну и как вы? — заинтересовался Серафим.

— Что как? — строго посмотрел на него Головин.

— Ну, это самое: поросюка там и прочее.

— Ты меня за кого принимаешь? — Головин блеснул зеленоватыми глазами. Лицо его стало злым.

— Сами же начали...

— Сами. Вот и сами. У меня, небось, одна голова на плечах. Поросюка съешь, а дальше что? Сухари сушить

и в тюрьму? Нет, братец. Непрístupной скалой стоял! Понял? И ты запомни — ты есть За-гот-зер-но! Государство! Вот кто ты теперь. — Головин отдышался от волнения, закурил и уже спокойней продолжал:

— Меня все знают... Сказал — отходи. Не проси. И то — чуть головы не лишился.

— Как же?

— А так вот. Проходит пятидневка, а район много зерна недосдал. Оно, конечно, шум, крик пошел. Тот Берданкин всех председателей перетаскал на бюро свое. Кому выговор, кому два, до бригадиров добрался. Их шерстить начал. Ну, все в один голос на «Заготзерно» валили начали. «Не принимают! Хорошее зерно заворачивают обратно». «Ладно, — говорит, — я и до них доберусь». Вызывает нашего Кулагина. Благословили мы своего директора: «Ни пуха, мол, ни пера тебе, Роман Алексеевич. Держись, как гора. Не поддавайся». Ушел партийным от нас, а пришел утром — все. Беспартийным большевиком. Поговорили мы, и за работу. Тут понерли хлеб Обоз за обозом. Проверяю. 25—30 процентов. Одним словом, вода. «Вертайте, — говорю. — Государству навоз не надо». А они, видно, настропалены уже были. Бегут к телефону. Слышу — райком вызывают. «Так и так, товарищ Берданкин, не принимает». Тот, похоже, спрашивает, кто не принимает. «А вот, кричат, Головин». Смотрю, катит. Ну, думаю себе, настал твой час... Выхожу. Встречаю.

— Ты? — кричит. — Да как ты смеешь? — А у него, поверишь, не только глаза, но, кажется, и щетина рыжая со щек нацелилась на меня в штыки. Прохожу к воротам и при нем замок вешаю. Становлюсь, как на распятие, у тех ворот. Руки раскинул и говорю:

— Видишь ключ, Иван Гаврилыч? — и подымаю правую руку. Он подходит ко мне и в упор:

— Ну?

— Сейчас же заброшу в Обь, — а метров двадцать от меня действительно яр и внизу река. Бывал у нас?

— Нет, — сознался Серафим. — Но видел. Выше пристани. На берегу. Там еще баки какие-то стоят.

— Во-во... Да-а. Сказал ему так и добавил: — и ключ заброшу, и сам поперек лягу.

— Герой-ой! — протянул он, а вижу: отходит понемногу в душе-то. — Ну, вот что, Головин, — говорит. — Десять

тысяч тонн вот так надо принять,— и чиркнул себе рукой по горлу.— Ты прими, а они сами разбросают под вашими навесами, и через пару дней зерно подойдет для загрузки на баржи.— Сейчас-то мне столько зерна принять там — раз плюнуть... целое сушильное хозяйство выросло, а тогда — кроме лопат, ничего не было. Ну вот. «Ни тыщу, ни полтыщи,— говорю ему,— не могу принять, Иван Гаврилович... войдите в мое положение... Шесть душ детей...»

— Трус,— говорит,— паршивая душонка! Для своего родного района боишься покой себе нарушить. Шкурник, говорит, ты... и пошел, пошел. Вижу — распаляется. Отодвинулся от него немного и — черт меня за язык дернул — говорю:

— А мы, Иван Гаврилович, давайте вместе напишем сохранныю расписочку. Так и так, мол, я, такой-то секретарь, обязуюсь тоже отвечать за то зерно...

— Ну, черт с тобой,— кричит сгоряча.— Давай, такой, рассякой, шкурник несчастный... напишу! — Ну, оформили, значит, честь по чести. Я ворота настежь — ва-ли! Да тыщу тонн почти под открытое небо и принял. Навес один всего был. Что там под него вошло — крохи. Ну, принял, а сам, как в лагере и живу с тех пор. День и ночь на сухоматке. Правда, весь райцентр сгонял Берданкин лопатить этот хлеб. Еле-еле сбили ту влагу до нормальной... Через полмесяца сбили!

— Ну и как, обошлось?

— Вот так и обошлось. Через полмесяца пошел хлеб сухой. Пошел навалом. Смекни, что стоила району та самая ответственная пятидневка по хлебосдаче: все председатели колхозов получили кто выговор, а кто попла-тился и билетом партийным. Наш Кулагин полетел с места. И все равно хлеб пролежал не отгруженным. Во как бывает...— заключил назидательным тоном Головин.— Так что учены... С тех пор вот икота хроническая завелась. Как разволнуюсь, так и пошло. А ты мотай на ус, потому что помни: ты теперь «За-гот-зер-но».

Головин быстро пошел навстречу Градову.

— Ну, развернись, товарищ Головин,— услышал бо-
дрый голос Градова Серафим.— Тыщу тонн размещай в
эту пятидневку.— Головин что-то стал объяснять ему.
Серафим, усмехнувшись про себя, подумал: «Этого не
обрадуешь, Иван Иванович, своей тыщей... а прав он

или не прав? — старался сообразить он. — С одной стороны, кажется, и прав, а с другой... Неужели на всех «Заготзерно» так? Что-то не пойму. Ясно одно: пятидневки пятидневками, сводки сводками, а зерно надо сдавать качественным. Государство процентами не накормишь».

* * *

Серафим входил в работу робко, осторожно, с оглядкой, как и во всякое новое дело не совсем понятное. Может, мешало ежеминутное вмешательство придирчивого Головина. Словом, чувствовал себя не в своей тарелке. То боялся ошибиться на весах, то вдруг ему казалось, что его обязательно провели за нос возчики, насыпав поверх кузовов сухое зерно, а снизу влажное. И тогда он хватал щуп и, подбежав к вороху, втыкал его со всего размаха в самую глубь тепловатого, шуршащего под рукой зерна. Потом торопливо бежал в палатку — святая святых Головина — походную лабораторию.

— Перепроверьте. Аполлон Максимович... сомневаюсь. — Тот брал на зуб зерно, раскусывал его и, презрительно фыркнув, приказывал:

— Высыпай... И не мешай мне со своими страхами. Сам я пуганый, так прислали еще такого, скажи ты на милость, помощника.

Серафим конфузился, но, наконец, успокоился. Появилась уверенность в своих действиях и даже решительность. Стояли ведренные дни, и поток машин нарастал с каждым часом. А тут прорубились сквозь прибрежную чащу прямо к глубинке колхозные хлебоборы из горных бригад Хайрюзовки. По кучугурам и кочкам пошли парные бестарки. В субботу приехала к Аполлону жеча, такая же маленькая и сухонькая женщина, как и сам он. Она привезла ему чистое белье и овощи с огорода. Приехала в лодке.

Завидя ее, Аполлон, косясь на Серафима, смущенно хмыкнул и полез в кусты: вскоре оттуда послышался несколько раздраженный голос: «Ну ты где, Агриппина? Давай сюда бельишко-то! Да прими грязное!» Агриппина, голоса которой так и не услышал Серафим, покорно пошла на окрик и бросила в кусты сверток с бельем. Получив такой же сверток обратно, она молча постояла

несколько минут на площадке и пошла к лодке. «Интересная семья»,— подумал Серафим. Он подошел к Чарышу и посмотрел вдоль берега. Вскоре он увидел подходивший обоз. Дуги и бестарки были разукрашены красными флажками. На передней подводе на двух распорках колыхался плакат «Хлеб Родине!» Парни и девушки, сидя на мешках и просто на зерне, пели песни.

— Красным обозом пошли,— сказал Головин, и в голосе его Серафим уловил торжественные нотки. Это было так неожиданно и непохоже на подозрительного и осторожного Головина, что Серафим с откровенным удивлением уставился на своего сурового «шефа». Тот недовольно поморщился и, сердито блеснув глазами, кашлянул в кулак: — Ну чего ты? Готовься лучше... встретить вон людей,— он в сердцах пнул ногой какую-то чурку и проворчал:

— Развели тут... всякий мусор? И где? На таком месте, куда везут и складывают зерно.

Слово «зерно» он произносил по-особому, с каким-то благоговением в голосе. Серафим улыбнулся. Он, кажется, до этого не совсем правильно понимал сурового на вид Аполлона.

— Не беспокойтесь,— воскликнул он весело.— Все будет в порядке! Лишь бы зерно было стоящее,— и он выжидающе посмотрел на Головина.

— Не было еще, чтобы в красных обозах везли всякое дерьмо,— резко отозвался тот и скрылся в своей палатке. Серафим пожал плечами и, взяв щуп, пошел навстречу разукрашенным подводам. С пригорка от Кушки неслось, подскакивая на выбитой колее, несколько автомашин. В обозе всполошились. Погнали лошадей, спеша первыми попасть на мостик. Вот к Серафиму бежит тоненькая девушка в красной косынке. Она размахивает вымпелом и кричит: «Серафим! Серафим!» У Серафима дрогнул в руках щуп. Что-то терпкое и жаркое хватает за сердце. Он чувствует, как вспыхивает его лицо, как дрожат и немеют пальцы рук.

— Лена? — шепчет он и, бессмысленно улыбаясь, идет ей навстречу. Он хочет согнать эту нелепую, как ему кажется, улыбку, а она не сходит и еще пуше расплывается на его лице.

— Здравствуй,— говорит, подбегая к нему, Лена и останавливается.

— Здравствуй,— бормочет Серафим и не может отвести от нее глаз. Замявшись, Лена вдруг хмурится, потом светлеет и подает ему руку.— Чему удивляешься? Хлеб... на току сейчас самый важный участок, вот и я с ребятами там.

— Я знал,— лепечет Серафим, с трудом ворочая языком.— Ферма рядом, а тебя нет. Я думал, думал... Где же ты?

— Так уж, небось, и думал,— качает головой Лена и смеется. Она осматривает «глубинку».

— Ты как регулировщик стоишь в устье хлебных дорог. Правда!

Лена... Это только она может сказать так: в торжественном «штиле» и обязательно красиво. И Серафим чувствует, как ему вдруг становится радостно и приятно от ее слов. И в самом деле, разве не ему, не через его руки отдаст Родине свои дары целина?

...Лена помогла Серафиму отбирать пробу. Спустя несколько минут зазвучал ее голос:

— Давай! Ссыпай, ребята! Когда баржа придет? — обратилась она к Серафиму.

Аполлон перехватил ее взгляд, крякнул многозначительно и, подумав, важно ответил:

— Сегодня к вечеру жду посудину.

— Правда? — обрадованно воскликнула Лена.— Мы обязательно придем.

Головин вышел из палатки и, морщась, сказал, ни к кому не обращаясь:

— Придет посудина. Придет... А где же ваши обещанные транспортеры, Иван Иванович? Ну что ж,— ехидно улыбнулся Головин.— Поплатишься раз-другой из своего кармана за простой — будешь умнее. Умнее будешь, уважаемый директор.

Но мрачные пророчества Аполлона не трогают Серафима. В эту минуту он очень хочет, чтобы баржа непременно пришла, и будут транспортеры или нет, это его совершенно не волнует. Надо будет — он сам станет таскать мешками зерно, лишь бы... пришла Лена.

— Надо бы еще попросить, Аполлон Максимович, баржу... вот наказать с шоферами, чтоб Марине Васильевне передали, — говорит неожиданно Серафим.

Головин строго оборвал его:

— Прими машины. Чего держишь? Без тебя знаю, что мне делать.

Серафим хотел было обидеться, но тут к нему подбежала Лена. Она, понизив голос, быстро проговорила:

— Я хотела тебя спросить, Серафим... Правда, Илька и Соня...

— Правда, поженились и живут в Озерках.

— А мы и не знали... И не были у вас. Не поздравили. Но мы обязательно поздравим! — Лена махнула ему рукой и побежала к своим бестаркам.

— Товарищ Подгорный! На место! — кричит Головин. И Серафим, с трудом преодолевая отчаянное желание броситься вслед за Леной, идет к машинам. У первой машины оказался знакомый шофер. Он не раз ночевал в общежитии Кушки. Плотный, квадратный паренек по имени Санька всегда удивлял Серафима каким-то восторженным любопытством. Он любил слушать рассказы. У него в кабине всегда лежала какая-нибудь затрепанная и замасленная книжка.

— Слышь, здорово! — узнал он Серафима. — У тебя что — хворь?

— А-а, ты, — усмехнулся Серафим. — Да так, устал.

— Ваш Илька даст жару вместе со своей женой. Третьи сутки не сходят с комбайна. Погружаюсь сегодня у них, смотрю, Илька прямо на мостике, а Соня у штурвала. А вчера, смотрю, он пудовую гирию левой рукой подкидывает. «Лечу, говорит, руку без отрыва от производства». Ну, парень!

У Серафима защемило что-то в груди. «Вот она где настоящая битва идет, а я тут вожусь с этим щупом и воображаю себе, что у большого дела нахожусь...»

**
*

Серафим сидел у небольшого костра и, пока дежурил за него Аполлон, варил в котелке картошку. Был тихий душный вечер. Без звезд. Без луны. Вода плескалась где-то под крутым берегом, но реки не было видно.

На противоположном берегу жаловался на кого-то кулик. На луговых болотах ухала выпь. Серафим поддел заостренным прутиком картофелину, повертел ее в руке, подул и стал пробовать. Кажется, сварилась.

Тогда он снял котелок с сучковатой палки и осторожно стал выливать воду. Но все же упало несколько картофеля. Серафим с досадой поморщился и поставил котелок на траву.

— Да не так... не так,— услышал он вдруг голос Лены.— Дай-ка сюда! — Серафим растерянно улыбнулся и не успел сказать слово, как Лена ловко отделила горячую воду. Быстро раздвинув горящие головешки и оставив один уголь, спросила:

— Потолочь или так?

— Да ладно, пусть так,— пролепетал Серафим.

— Толченая лучше,— деловито заметила Лена. Голос Лены был обычным, ровным, будничным. На лице — хозяйская озабоченность, и Серафим засуетился, не зная, на что решиться.

— Давай ложку,— решительно предложила она.— И масло или жир... Есть?

Серафим развел руками.

— Тогда так: ты толки пока картошку, а я сбегаяю на Верховинку. Хорошо?

Вскоре она вернулась с кринкой молока и куском масла.

— Давай поджарим,— взяв котелок из рук Серафима, Лена поставила его на уголь.

Такой вкусной картошки Серафим еще никогда не ел. Правда, она чуть-чуть отдавала дымком, но это было как-то даже приятнее. Лена от еды отказалась, только немного пила молока. Серафим ел, обжигаясь, глотал порой, не пережевывая, потому что и в самом деле — попробуй тут поешь с прохладцей, когда Лена не отходила от костра ни на шаг и как бы поощряла его своими быстрыми, полными какого-то затаенного смысла взглядами. Когда Серафим, морщась от боли, раскрыв рот, набитый картошкой, и, как налим, выброшенный на берег, хватал воздух, Лена, тихонько посмеиваясь, подавала ему кринку с холодным молоком.

— И куда ты спешешь, Серафим? — говорила она.— Кажется, никто за твоей спиной не стоит с дубинкой.

Серафим опускал глаза к котелку, невнятно оправдываясь:

— Так... привык...

— Вкусно?

— Ага.

Лена недоверчиво смеялась.

— При таком темпе разве поймешь? И врачи так не рекомендуют...

— Ну и пусть. Им вольно сочинять разные там советы.

— Чудной ты какой-то,— вздыхала Лена. Серафим, царапнув железной ложкой о дно котелка, отставил его.

— Вскребай, там поджарка. Самая вкусная,— посоветовала Лена.— Лихо ты управился с котелком!

— А что с ним церемониться,— в тон ей сказал Серафим и бодро вскочил.— Вот так!

— Давай котелок-то. Вымыть всдь надо,— поднялась за ним Лена.

— Ну, что ты. Я сам.

— Давай, давай! — схватила за дужку Лена.

— Тогда вместе,— сказал Серафим, чувствуя, как в руку его от одного прикосновения к пальцам Лены ударил горячий ток.

Они спустились под берег, к воде.

— Давай песочку,— сказала Лена, присев у воды на корточки.

— Сейчас,— глухо произнес Серафим, шаря рукой по берегу. Он нагнулся в ее сторону, осыпая песок с крутого яра.— Вот возьми.

Лена наклонилась к нему, пряди волос ее задела ему щеку. Серафим зажмурился.

— Ты слышишь? — она приставила палец к губам и замерла. Серафим тряхнул головой, прислушался, но, кроме громкого стука собственного сердца и шума в голове, ничего не слышал. Раз или два ему показалось, что кто-то бил по воде крыльями.

— Как далеко слышны звуки,— сказала Лена, вздохнув.— Это пароход идет...— и, помолчав, добавила:— Вот придет такой пароход и увезет тебя. Был и нет Серафима,— она легонько, доверчиво толкнула его плечом. Он схватил ее руку и прижал к щеке. Ему хотелось сказать ей что-то ласковое, но не суметь ему передать то, чем переполнена его душа. Поэтому он молчал. И она молчала. Внизу тихо журчала река. В разрывах туч, будто цветы на лесной полянке, искрились звезды. Никогда не была так таинственна для Серафима ночь. Может, в другое время она показалась бы ему самой сбычной, ис

сегодня она поделилась с ним какой-то большой тайной, которую до сих пор старательно скрывала от него.

Тихий ветерок прошелся по листьям кустарника и они, прошелестев, открыли тоже свою тайну. Нет, не увезет его никуда отсюда пароход. Как можно уехать от всего этого?..

Вдруг зарозовела река у противоположного берега Чарыша. Стало как будто светлее. Со степи донесся какой-то гул и шум. Розовый сполох дрожал, прыгал, то становился ярче, то бледнее.

— Что это? — вздрогнула Лена и, отдернув руки, вскочила.

— Это, наверное, пароход. Ты сама же говорила, — сказал Серафим и тоже стал глядеть сквозь кустарник на воду.

— Нет, это не пароход... Это свет со степи.

Она выскочила на берег.

— Пожар! Там горит хлеб! — испуганно закричала Лена.

Серафим одним прыжком преодолел крутояр и остановился: где-то за увалом поднималось к небу ярко-белое пламя. Его то пересекали какие-то тени, то вновь оно поднималось, трепетное и яростное.

— Бежим! Это у вас! Бежим! — крикнула Лена и, схватив его за руку, потащила с глубинки. Они уже выскочили на пригорок, когда сзади их раздался тревожный, гневный и испуганный возглас:

— Товарищ Подгорный, Подгорный! Куда вы? Я требую! Вернитесь на свой пост! Вернитесь!

Серафим в нерешительности остановился. В лицо дохнуло гарью. Красная нитка пламени сверкала, извивалась змеей на земле совсем где-то рядом. До нее, казалось, рукой подать. Но это было, по мнению Серафима, за Кушкой, на одном из увалов.

— Бежим, бежим, Серафим! На пожар все должны идти... Хлеб! Хлеб ведь горит! — звала настойчиво Лена, и Серафим, отмахнувшись от Головина, побежал за ней.

ГЛАВА 26

Весь день нещадно палило солнце и, казалось, в степи больше ничего нет, кроме раскаленного светила. Тяжелая пыль, не оседая и не поднимаясь кверху, висела над дорогами, над полосами убранной пшеницы. До самого заката палило солнце, не остывая. И когда, наконец, завалилось оно за Сторожевую сопку, на земле стало так душно, что даже полевые птицы летали с разинутыми клювами, спеша к Чарышу. Пот, перемешанный с пылью, с мельчайшей остью, липнувшей к телу, вызывал зуд. Быстро грелись ходовые части машин. Искрились, накаляясь, выхлопные трубы тяжело идущих с зерном по мягкому жнивью грузовиков.

А комбайны шли, шли во всех направлениях. Гудели моторы. То и дело раздавались сигналы для автомашин — подходи, разгружай бункер! Марина Васильевна в одном сереньком платье и пестрой косынке, под которую тщательно упрятала волосы, без усталости шагала из конца в конец, проверяя обмолоченные валки. Под вечер, задыхаясь от пыли, с трудом передвигая ноги, она дошла до Кудренка и прилегла под черемухой. Горела голова. В висках стучало, отдаваясь болью где-то в затылке. В этот миг ей хотелось ни о чем ни думать. Вот так лежать, лежать, блаженно вытянувшись в траве, замерев, не шевелясь, ничего не видя, ничего не зная... «А ведь парит к дождю», — ужалила неожиданная догадка. Марину гочю кто подбросил — она вскочила и с тревогой и беспокойством стала смотреть на самую островерхую гору, которую старожилы называли Острухой. Над ней уже сейчас началось подозрительное

передвижение легкой туманной пелены. Вскоре из-за голец за клубились белокурые облачка.

— Будет дождь! — проговорила уверенно Марина и обернулась на степь. Быстро темнело. Перед ней, будто тонкое лезвие молнии, мелькнула полоска огня. Она ширилась, извивалась и, словно ручей, бежала вниз по косогору, обнимая его серпом. Марина стояла окаменев, не шевелясь, и не могла сообразить, что это такое. Вдруг, словно током, пронзила мысль:

— Пожар! Горит полоса... у Ильки. Это его участок! — Марина рванулась вперед, потом остановилась, оглянулась в отчаянии кругом, будто обронила что-то, наконец, бросилась к ближайшему комбайну и закричала:

— Пож-а-а-ар! Пожа-ар! Глушите машину! Глушите!

Степь заволокло едким дымом. Дышать было нечем, но Марина бежала до тех пор, пока резкая боль в боку не остановила ее. Она покачнулась, но не упала. По дороге промелькнула машина. Она круто свернула к косогору... Бежали какие-то люди с лопатами и граблями...

— Илька... Илька... — шептала обессиленная в конце Марина, с трудом переставляя ноги по рыхлой, кочковатой, изрытой колесами машины, стерне. — Илька... Надо бы трактор да плугом... плугом... А где он, плуг-то, сейчас? Плуги на стоянке... Разве успеешь туда да обратно?..

А красная подкова все больше и больше охватывает увал. Трещит сухой стебель пшеницы. Марина запнулась о какую-то кочку и, падая, услышала совсем рядом грохот. Поднявшись, увидела на кромке увала ДТ-54. Он метался из стороны в сторону. Кидался то на огонь, то крутился вокруг своей оси, взрывая землю. Искры, пыль и дым — все смешалось вокруг него, а он, швыряя во все стороны землю, продолжал крушить горевшую кромку.

«Молодец... Молодец Илька, — шептала Марина, тяжело дыша и кашляя от дыма. — Отстранил Лешку, сам сел за трактор. Не вытерпел. А если вспыхнет горючее? Значит... значит, разорвет мотор и тогда...»

— Илька, Илька! — закричала Марина и бросилась наперерез трактору. — Илья! Стой! Глуши мотор! Стой, говорю! — чьи-то осторожные руки повернули ее за пле-

чо и легонько, но настойчиво и упрямо, стали подтапливать в спину.

— Уходи... Уходи от огня, Таня! — донеслось до нее спокойное и властное. — Не допустит Петров, не бесюкойся.

Марина узнала голос Кости. Горло ее сковали спазмы.

— Отходи, не лезь. Без тебя справимся, — говорил Костя, уводя ее в сторону. Марина чувствовала по его руке, как он приседал на одну ногу, будто все попадало в ямки.

— Тоже мне — герой! — сердито сказала Марина и, отстранив его руку, резко обернулась. — Почему не идешь к врачам? — она говорила строго, а в глазах ее прочитал он страх и боль.

— Нашла о чем говорить, — пренебрежительно фыркнул Дмитриев. — А впрочем, потом потолкуем. Вон, кажется, начальство катит, — он махнул в сторону тракта.

Марина взглянула. Легковая машина, мчавшаяся по тракту, резко сбавила бег и, покачавшись с боку на бок на неглубоком кювете, свернула на жнивье. Свет ее фар выхватил группу людей, стоящих на увале, взбуровленную землю, трактор.

— Костя! Тебе бы лучше съездить на ток... Людей позвать!

Дмитриев, вытащив лопату из своего «газика», пошел к огню. Еще один трактор с соседней полосы, отцепив комбайн, полным ходом спешил сюда же. Тракторист направил машину по следу Ильки, где жиденькие змейки огня, оживая, еще хватались за соломинки и пожирали их. Под гусеницами мощной машины снова взметнулась земля.

Догнав огненный ручей, Илька смял его, круто развернулся, вздыбил целые пласты земли и повернул назад.

Подбежавшие люди, смело устремившись на небольшое выжженное поле, стали лопатами отсекал горячую золу от пшеницы. Марина в одном из парней узнала Серафима, но кто эта решительная и отважная девчонка с ним? Она топтала глевшие соломинки прямо ногами и что-то кричала и указывала Серафиму...

Лена? Но как она сюда? Почему?

...Градов выскочил из машины и торопливо подошел к полюсу, там все уже было кончено. Ильяка круто остановил трактор, кто-то подбежал к нему с котелком воды. Он попил немного и, нагнув голову прямо с машины, крикнул:

— Лей на затылок! Лей!

Девушка наклонила котелок. «Да это Соня», — узнала Марица, подходя к трактору. Градов молча пожал ей руку, потом неожиданно взял у Сони котелок и окатил Ильяку водой.

— Бешеная! — захлебываясь, ухая, вскричал Ильяка. Все засмеялись, а Ильяка, вытираясь какой-то тряпкой, все еще что-то выкрикивал и ничего не понимал. И только когда подошедший трактор выхватил своими фарами из тьмы фигуру Градова, Ильяка смутился.

— Ну, давай руку... Обе давай! — сказал Градов. — Вот так. Спасибо за находчивость.

Ильяка пробурчал что-то в ответ и, соскочив с трактора, подошел к Серафиму.

Градов отвел в сторону Дмитриева и поманил к себе Марину Васильевну.

— Ты понял, инженер, что случилось?

— Понял, Иван Иванович... выхлопные, такая сушь. Не успел у всех проверить.

— Вот-вот. Учти. Немедленно принимай меры. Сегодня кончилось сравнительно благополучно, а могло быть такое, что все пожарные команды района не спасли бы дело. Что это? — указал вдруг Градов куда-то через степь. — Теплоход? — и, подтверждая его догадку, от Чарыша донесся протяжный тонкий вой сирены. Сначала Марина Васильевна ничего не могла разглядеть и вдруг из-за какой-то темной громады (как догадалась она после, это был остров на Чарыше) выплыло разноцветное ожерелье из многочисленных звезд. Оно плыло прямо по воздуху. Ни мачт, ни борта парохода не было видно. Ярко брызнул прожектор. Он осветил ближайший берег, воду и снова потух.

— Ведет баржу, — сказал Градов. — Ну, кто тут с заставы? Подброшу.

Серафим с Леной несмело полезли в машину.

...Марина Васильевна прошла к узкой кромке сожженной пшеницы. Будто рана, жгла она ей ноги.

Дмитриев терпеливо ждал ее. Он уже сказал находившимся тут механизаторам о пилках для выхлопных труб.— Сегодня же дам задание в мастерскую,— пообещал он.

«Какая досада,— недовольно думал он.— Из тысячи дел должен был сделать в первую голову... Проклятая нога. Саднит, будто ее раздирают по жилам»,— морщился, с трудом разгибая больную ногу.

Когда Марина, тщательно обследовав выжженное место, вернулась, он коротко бросил:

— Садись в машину. Есть разговор.

— Да напрасно ты, Костя,— заупрямилась она.— Я дойду одна, тут близко.

— Садись,— тихо, но твердо произнес он, и Марина догадалась: «Зол на себя, как черт». Пока выезжали на дорогу, Дмитриев, сосредоточенно о чем-то думая, механически вертел в руках «баранку» и молчал. Но вот «газик» нырнул в отлогую канаву, перекосясь весь, замер на какое-то мгновение, потом, будто кем-то подстегнутый, свирепо рыкнул и выскочил на накатанную дорогу. Дмитриев переключил скорость, и машина быстро покатила по бледноватой колее.

— Ты вот что мне скажи: почему с больной ногой и без шофера? Разве я не вижу, как тебе трудно.

— На току людей не хватает. Не могу же я сложа руки сидеть!

— Ты если себя не щадишь, то подумал бы о других...

Дмитриев быстро взглянул на нее.

— Да...— помолчав, неожиданно спросил: — Тебе Вегров нравится?

— Вон что,— улыбнулась Марина.— Надеюсь, ты защитил его и теперь не нужно ему бросать свою стройку в нашем совхозе?

— К сожалению, я уже ничем бы не помог ему,— вздохнул Дмитриев.— Даже Градова не послушались. Уезжает на этих днях... Жалеешь?

— Жалею.

— А ты не жалеешь. От тебя будет зависеть его счастье,— на лице Дмитриева что-то дрогнуло. Он нахмурился.

— Каким же это образом?

— А вот таким,— Дмитриев метнул на нее сердитый

взгляд.— Ехал я к тебе ни больше ни меньше, как сватом... Ясно?

— Плохо шутишь, Костя,— обиделась Марина.— Лучшего ничего не мог придумать?

— Какие тут шутки? Пришел к нам и уговорил. Сначала ей сказал, Кате. Та ко мне. Что же мне оставалось делать? Приглашаю его — не идет. Ты, говорит, сам. Я уж, говорит, пытался. Не поверила. Ну, что молчишь?

Марина горько усмехнулась.

— Плохо сватасшь. Кричишь на невесту.

Переехали Кудренюк. За увалами искрилась кострами Кушка.

— Останови, Костя,— попросила Марина.— Спасибо, я уже дома.

Дмитрисев обернулся к ней.

— Ну, что мне жениху везти? — он криво улыбнулся.

— А ничего не вези, Костя,— вылезая из машины, сказала Марина.— Ничего!

— Таня! — сказал Костя и вышел за ней. Марина остановилась.— Таня... Витька тебе низко кланяется.

— Как? Уезжают?

— Видишь ли. Она говорит — школу не сдала... едут.

— Сдаст и вернется.

— Возможно... сдаст.

— А как же! Витьке очень тут нравится. Да и вообще, как могут быть не по душе такие места?

— Да, места... Вот так!

— До свидания! Не горюй, Костя! А Павлу скажи все-таки: напрасно он не верит в свои силы,— Марина махнула рукой и пошла на увал. Она одним духом взошла на горку и оглянулась. Костя все еще стоял у машины и глядел ей вслед. У Марины дрогнуло сердце.

— К чему я так сказала? — прошептала она, схватившись за грудь. А он все стоял и чего-то ждал от нее.— Костя, Костя, если б ты знал...— она вздохнула и, подняв руку, помахала ею в воздухе.

— Обними Витьку. Слышишь, Костя! — крикнула она приглушенным голосом, поднимаясь на цыпочках и вытягивая шею.— Слышишь?

— Слышу,— откликнулось снизу, и в ту же минуту взревел мотор машины.

Как только стало известно, что Ветрова назначили в совхоз «Комсомольский» на должность главного инженера по строительству, Лиза пришла ранним утром на квартиру Ивана Ивановича.

— Ты что? — удивился Градов, — собралась уж в поле?

— Да какие же теперь поля, Иван Иванович? — Лиза лукаво засмеялась. — Еду совсем.

— Ты? — опешил Градов. — Да ты что, белены объелась?

— Ох, уж и не знаю, Иван Иванович, — откровенно созналась девушка, — может, и впрямь белены... привязал вот и шабаш!

— Да кто тебя привязывал? — недоверчиво посмотрел на нее Градов и вдруг сразу стал темнеть. Его ссенило: Ветров. Решили, видно, расписываться.

— Ветров? — вскричал он.

Лиза вытянула губки и качнула головой.

— Да он что, сукин сын, делает? — с искренним возмущением вскричал директор. — Где я наберусь специалистов, а?

— Ваня, Ваня! — раздался спокойный голос жены. — Да разве в такой момент считаются с чем, а? Ну, чего ты раскричался на девушку? Радоваться надо. С законным браком поздравить, а он ногами стучит!

Иван Иванович сконфузился. Замолчал, но все еще сердито фыркал в усы и сопел.

— Я вот ему выговорю, непременно выговорю агронома в горячую пору. Тыфу! — он снова задохнулся от возмущения, но, взглянув на жену, отвернулся с досадой.

— Ты не обижайся, — сказал он через минуту примиряюще. — Сама видишь! — он развел руками. — Но ваше дело такое. Любовь там и прочее. Что ж, счастливо! Но я ему все равно на прощанье перчику всыплю. Пусть, холера, скрытная, почиает. Ишь устроил. Ни одна душа не знала.

Через некоторое время Лиза постаралась встретиться с Ветровым.

— Павел Николаевич, у меня к вам большая просьба, — Лиза опустила глаза, густо покраснела. — Просьба не совсем обычная.

— Говорите, говорите. Я для вас все сделаю. Вы были всегда со мной очень добры, Лиза.

Девушка подняла на него взгляд, и Павел, к удивлению своему, только сейчас вдруг заметил, как она красива. «Все заслонила Марина», — промелькнула мысль.

— Мы... я решила уехать отсюда. Помогите мне.

— Каким же это образом? — удивился Павел.

— Я... ну, будто едем вместе. Иначе меня не отпускает Градов, — пролепетала Лиза. — Одним словом, — к ней пришла обычная ее смелость, — вы меня выкрадываете из совхоза, как Иван-царевич Марью-царевну... Дошло до вас, Павел Николаевич?

— Н-не совсем, признаться.

— Но этот вопрос решен окончательно и бесповоротно: мы поженимся, — категорически отрезала Лиза. — То есть, я хотела сказать, мы сделаем вид, что женимся...

Слова Лизы поразили Павла.

— Боюсь, Лиза, что... — начал было Павел, несколько обескураженный ее предложением, но его перебила Лиза.

— Поздно отказываться. Я уже сообщила Градову. Приготовьтесь принимать поздравления. Да, да.

— Ну уж, это, извините, глупость. Не собираюсь я на вас жениться и вообще. Куда вы собрались... это самое... дезертировать?

— Не беспокойтесь обо мне, — решительно тряхнула локонами Лиза, — идемте в контору. Сейчас Градов прибежит. А что я не дезертир, — вы скоро убедитесь сами.

Павел пожал плечами. Огляделся беспомощно и увидел подъезжающего на своем «газике» Дмитриева.

— Одну минутку, — попросил он Лизу и бросился к инженеру. Они о чем-то переговорили. Дмитриев зашел в контору. Лиза подошла к Павлу и удивилась его виду: он был бледен, глаза излучали какую-то пустоту.

— Идет Градов, — сказала Лиза. — Что с вами?

— Ничего... так, — он попытался улыбнуться, махнул рукой и выдохнул: — Все!

— Значит, вы согласны?

— Что?

— Ну, это самое... Сказать о причине моего отъезда.

— А-а... Согласен. Давайте действуйте!

ГЛАВА 21

Дмитриев проводил жену до Чарыша, а сам решил вернуться в совхоз на попутной машине. Сильный боковой ветер мешал парому. Блок, бежавший по тросу, никак не мог преодолеть подъем и возвращался на прежнее место. Паром болтался на середине реки и не хотел приставать к левому берегу. А на берегу впереди колонны грузовых машин выстроилась бригада шоферов, они нетерпеливо переругивались с паромщиком. Дмитриев, раздосадованный задержкой, крикнул шоферам, чтобы они спустили лодку. — Захватите веревку! Подтяните паром! — сказал он.

Паром подтянули. Закрепили его за подмостками, и «газик» Дмитриева выскочил на крутой берег.

— Ну, Витька, будем прощаться, возвращаюсь, брат... А ты береги дорогой мать, — сказал Дмитриев и обнял сына.

— Ладно, — сказал Витька. — А ты скорей приезжай.

— А может, все-таки ты приедешь, а?

Екатерина Григорьевна смущенно отвернулась.

— Не знаю, как вот мамочка. Она очень не хочет...

— Витька! Ну что ты мелешь? — слабо улыбнулась мать.

— Застегни пальто. Продует.

— Ну, смотри, сын, — сказал Дмитриев. — Я буду ждать, — он говорил сыну, а слова, Екатерина Григорьевна понимала это, были обращены к ней.

— Он, конечно, постарается, — сказала она, — хотя, откровенно говоря, мало радует все это.

— Что ж сделаешь. Не всегда приходится жить толь-

ко радостями,—сказал Дмитриев и к сыну: — Ты, конечно, на отцовское место сядешь, рядом с дядей,— он посмотрел на шофера.

— Уж, конечно,— твердо заявил Витька.

— Давай, давай! Ну, счастливой дороги!

— А может, все-таки проводил бы до Алейска? — попросила Екатерина Григорьевна.

— Билеты я заказал вам, Катя. Мне, понимаешь, сейчас же надо ехать на «глубинку». зернопогрузчики приказали установить. Мешками ведь таскают зерно на баржу. Пролетим в трубу на простоях.

— Ну, как хочешь,— вздохнула Екатерина Григорьевна.— Я особенно не настаиваю. У вас сейчас угарные дни. Марину встретишь?

— Не знаю.

— Постарайся. Передай ей привет. Она очень сердечная девушка,— Екатерина Григорьевна пристально посмотрела на мужа.

— Так ведь, Константин? — продолжала Екатерина Григорьевна. Он ничего не ответил, поднял на руки сына и поцеловал его.— Давай руку, сынок!

Екатерина Григорьевна слабо улыбнулась, но тут же зябко передернула плечами.— Какой, однако, ветер! Как ты обратно переедешь? Торопись. Может не пустить буря... береги себя. Обратись к врачам с ногой. Не запускай. Слышишь?

— Слышу, Катя.

— Ну, прощай! — Екатерина Григорьевна схватила его лицо, пристально посмотрела в глаза, и какое-то мгновение Костя почувствовал ее прежней, той, далекой Катей. Но это было одно мгновение, не больше. Куда-то спряталась теплика в ее глазах, и голос стал снова ровным, учительским:

— У меня нехорошее предчувствие, Константин... Но это пройдет. Просто все еще я не совсем привыкла к этим расставаниям.

— Ты скажи, Катя, откровенно,— тихо попросил Дмитриев.— Откровенно, что ты думаешь?

— Я лучше решу там... Хорошо?

— Ну, будь здорова!

...Он стоял на дороге и смотрел в степь, по которой, окутываясь пылью, бежал все дальше и дальше, то исчезая в ложках, то вновь появляясь, проворный «газик».

Желтые волны хлебов гуляли из края в край. Белые шарик-осота взвивались в небо, будто оторвавшиеся пчелиные семьи. Дмитриев смотрел в степную даль, на свой «газик» с дорогим для него грузом, на струящееся марево, на подернутый дымкой горизонт и казалось ему: читает он последний раз одну из самых волнующих страниц большой интересной книги — жизни. Вот сейчас выскочит еще на один увальчик его машина и потом исчезнет. И кончится страница. И нужно будет ее перелистнуть... А с чего начнется новая глава?

Он вздохнул и оглянулся. Из-за гор, там, где, очевидно, были владения Кушки, будто после гигантского взрыва, клубясь и извиваясь, надвигалась на степь грозная туча. Могучий порыв ветра пронесся над Чарышом.

Натянув поглубже кепку, Дмитриев сбежал под берег. Звякнули цепи, державшие паром, и он быстро заскользил к правому берегу.

...На старопакотных массивах, там, где Гус развернул свой участок опорного пункта по травосеянию, было безлюдно. Реденькие стожки зажатого сена стояли далеко друг от друга и казались одиночными и случайными на этом огромном массиве. Дмитриев вылез из попутной машины и решил пройти полями. Шел, тяжело дырявя землю клюшкой, поднялся на позеленевший уже увальчик и, сняв кепку, огляделся. Рядом, через межу, желтое море неубранных хлебов переливалось, шумело перед глазами и не было ему ни конца, ни края... Туча выволакивалась из-под Сторожевой сопки спокойно и грозно. Ее сводили судороги молний. Глухо, будто не разойдясь, лениво погромыхивал гром.

Ветер крепчал. Все ниже, все торопливей склонялись колосья к земле. Тревожно и смутно было на душе Дмитриева. Он смотрел на волнующиеся хлеба, на приближающуюся грозу и, подставив лицо холодному ветру, дышал им, будто хотел напиться его хмельной, буйной браги. Но тревога не уходила. Он оглянулся. Широкой свинцовой лентой блестел вдали Чарыш. А там, за его увалами, кружилось над дорогой одинокое облачко пыли.

«Это ветер, — подумал он, — пыльные столбы крутит... вихри». Машины уже не было на дороге. Дмитриев натянул покрепче кепку и, не оглядываясь больше, пошел

к Центральной. Из-за балки вынырнул всадник. Хороший конь, распушив на ветру хвост и гриву, ходкой рысью шел по тропе, неся в седле ладно сидевшего всадника. «Мухитдинов,— подумал Дмитриев.— Куда он?» На склоне широкой полосы быстро шел комбайновый агрегат. Ветер вырывал из-под него солому, кружил ее в воздухе. А комбайн шел, шел. Будто корабль в бурю. Мухитдинов провалился куда-то в ложок, потом выскочил и помчался вскачь, наперерез комбайну. Помахал рукой. Пройдя еще несколько метров, агрегат остановился, и вот красный флаг взметнулся на мостике корабля. Его приняли двое. А ветер будто ждал этого. Он сорвался с гор и с такой силой навалился на степь, что, казалось, должен снести все со своего пути. Дмитриев закрыл глаза, покачнулся. Сорвал с головы кепку, сунул ее в карман плаща и, согнувшись, пошел дальше. Пыль поднялась до самого неба. А когда она рассеялась, Дмитриев увидел агрегат уже далеко на краю полосы. Красный флаг гордо развевался на носу комбайна. «Молодцы,— подумал он.— Этих, видать, не сваляешь... Кто же они?»

Илька торопил. К вечеру надо было скосить пшеницу в Волчьей пади.

— Утром мы должны быть наверху,— сказал он Соне и Лешке, кивая в сторону увала.— Там на склоне около тридцати гектаров валков. Хорошо высохли. Прямо ломаются под ногой.

— И ты думаешь взять их за день? — загорелся Лешка.

— Возьмем, Леша. Ты будешь идти на третьей. Понял? Соломокопнитель — долой.

— Это опасная скорость, Илька,— возразила Соня.— Потери будут. От них не уйти, а за копнитель всыпать могут, приказ Гуса есть.

— Покосы как по линейке отмеряны. Возьмем,— упрямо сдвинул брови Илька.— Сейчас не до соломы, а если надо будет, сгребем в любое время. Кстати, на копнитель и людей нет. Любу и ту учетчиком забрали.

— Боюсь, что на такой скорости плохо будет обмолачиваться зерно,— усомнился Лешка.

— Посмотрим, Леша. Но медлить нельзя. Видишь,

росы нет. Как бы не натянуло оттуда дождика,— он с опаской посмотрел на горы.— Пойдут под дождь валки — за три дня не высушишь после... Ужинаем!

Соня набросила на живые скатерть, нарезала холодного мяса, хлеб...

— Завтра ждите Кольку,— сказал Илья,— прибежит студент. Ведь завтра суббота? — Он посмотрел на ребят. Лешка неопределенно пожал плечами.

— Суббота,— подтвердила Соня.

Думали управиться быстро, а провозились до полуночи. В хлебе было немало травы. Она забивала плотно и барабаны молотилок.

Прилегли на соломе перед рассветом. С восходом солнца все уже были на ногах. Пока Соня ходила на Кушку за продуктами, ребята тщательно осмотрели агрегат. На хедер прицепили подборщик. Залили горячее. Наскоро перекусили — и на полосу. Вот он, простор! Вбежав на мостик комбайна, Илья махнул рукой.

— Давай, Леша! Разводи пары! — и тотчас в небо рванулся, скручиваясь в воздухе, сизый венок из выхлопной трубы трактора. Затем второй, третий... Одновременно Илья включил мотор комбайна. Степной корабль дрогнул. Бешено заколотилось его сердце. Зашумели пустые пока решета. Замелькало белое полотно транспортера.

— Поехали! — крикнул Илья. Агрегат двинулся с места и, набирая скорость, устремился по бровке полосы. «Первая, вторая, третья», — шептал Илья, прислушиваясь к тому, как стремительнее и быстрее вращались части комбайна, как, сверкая спицами, сливался в сплошной круг подборщик. Дрогнул валок, вздыбился на спинах и ринулся сплошным потоком на полотно.

— Соня! — крикнул Илья, и, когда та подняла голову, отрываясь от посуды, он показал рукой на охапки измельченной соломы, светлой дорожкой ложившейся за комбайном. — Осмотри!

Соня торопливо вытерла руки и пошла по ряду. Она ворошила, перебирала в руках солому, наклонялась к земле, ища необмолоченные колосья. Выпрямилась. Махнула рукой и что-то крикнула. Илья хоть и не разобрал ее слов, но понял: потерь нет. Значит, так держать! Он весело стал насвистывать какую-то песенку. Сверкая на солнце позолотой, бился о стенку бункера плотный ру-

чек зерна. Бункер звенел все глуше и глуше. Илья с беспокойством оглядел горизонт. Всюду, атакуя полосы хлебов, гудели комбайны. Шныряли автомашины. Одни на центральную усадьбу, другие мчались к Чарышу, на «глубинку». «Как бы не подвели с разгрузкой,— подумал Илья, приглядываясь к снующим в разные стороны автомашинам.— Соня предупредила Марину Васильевну, а что если нет свободных? Вот будет дело!»

У края полосы остановились. Из кабины трактора вылез чумазый Лешка. Он, улыбаясь, посмотрел вверх, на Илью.

— Ну как?

Илья торопливо сошел с мостика.

— Ты засекал время? — в свою очередь, спросил Илья.

— Засекал.

— Сколько шли?

— 12 минут.

— Ого, это, знаешь, тридцать гектаров до захода солнца обмолотим. Вот увидишь!

Хорошо бы так,— сказал Лешка. — Надо порыться все-таки в мякине. — Илья согласился, и друзья принялись к земле.

— Да хорошо, хорошо, — крикнула подошедшая Соня.

— Чисто! — хлопнул о колено кенкой Илья. — Жми, Леша, таким ходом!

Соня взялась за штурвал комбайна. Илья стоял рядом. Он по-прежнему тревожно оглядывал проходившие по соседним полосам машины.

— Ты не забыла сказать Марине Васильевне? — обернулся он к Соне.

— Да что ты, — улыбнулась Соня и махнула рукой Лешке. — Давай, Леша!

Агрегат дрогнул и подался вперед. Лешка осторожно обогнул полукруг и, примерившись к концу валка, сразу же стал увеличивать скорость. И задымилась корма комбайна. Взмихрилась в воздухе соломка. Илья посмотрел на Соню.

— Чумазенькая ты у меня, — сказал он ласково, наклонясь к ее уху.

Она засмеялась:

— Рабочий класс.

— Вот именно,— кивнул Илья. — А хорошо...

— Хорошо,— легко и радостно вздохнула Соня.

Илья глянул в поле. Прямо на их полосу, подпрыгивая на кочках, летел самосвал. «Наконец-то,— прошептал Илья и, сделав рупором ладони, крикнул: — Пристраивайся, Саша. Останавливаться не будем!» — Шофер покачал головой и стал подгонять машину под бункер. Илья открыл заслонку, и золотой поток зерна хлынул в машину.

— Побыстрее оборачивайся! — наказал шоферу Илья, — сильный намолот!

Легит, летит побелевший от солнца валок навстречу комбайну. Опять звенит бункер. Растет новая пирамида зерна в его ковше. Растет, рассыпается, снова растет...

Кончается рядок. Илья видит высунутую руку Лешки. На руке часы. Смотрит на свои, шепчет:

— Точно, Леша. Двадцать четыре. Хорошо идем!

С гор потянуло легким востерком. Над Сторожевой сопкой заходили табунами облачка.

— Хорошо! Хорошо идем, Леша!

*
*
*

Градова в поездке сопровождали Гус, Мухитинов и Кожин. От отделения к отделению мчала их машина. Кожин был недоволен отгрузкой зерна. Градова беспокоило другое — много скошено пшеницы на свал. А подборка идет медленно. Он пристально посмотрел на горы. С утра начал падать барометр. Того и гляди ворвется пенасть. «Не лучше ли было бы все-таки пустить комбайны напрямую? Как это Паршуков делает? — думал он. — Пойдут дожди — сгниют валки. Ничего не возьмешь и людей замордуешь в слякоть».

— Да,— произнес задумчиво Кожин, словно отгадывая мысли директора. — Медленно подбираем.

— Да,— согласился с ним, болезненно морщась, Гус. — Путаемся. Рвем полотна. Зелени много в рядках, травы.

— Обижаться не на кого,— заметил угрюмо Градов. — Сорняк — наша вина. А вот с подборкой надо бы вам, товарищ Гус, разобраться получше.

— Хорошо сказать — разобраться,— буркнул Гус. — Норму еще тянут, больше стоят...

Кожин повернулся к Мухитдинову.

— На лучшем примере, товарищ Мухитдинов, надо поднять людей, воодушевить, пробудить сметку и решительность в труде.

— Конечно, надо,— согласился Мухитдинов. Их перебил Гус:

— Что это? — воскликнул он испуганно. — Пожар? Комбайн горит?

Все пристально стали смотреть на агрегат, быстро идущий по склону большого ровного массива.

— И ничего там не горит,— сказал Градов. — Это солома с мякиной летит. Работают люди,— и вдруг крикнул: — Ты смотри, что делается, товарищ Кожин! Как метеор летит по полосе!

— Без соломокопнителя! Опять нарушают приказ! — возмущился Гус. — Куда смотрит Иноземцева?

— А ты не строжься, товарищ Гус,— охладил его Кожин. — Не всегда такие приказы полезны. Солому можно сгрести граблями, а вот время упустить — не завернешь обратно. Молодцы ребята! Кто это? Заверника, Иван Иванович. Посмотрим. Жмет, кажется, на третьей, а?

— Так точно,— сказал шофер.

Илька давно заметил легковую машину. Следил за ней. Он видел и Лешку, который, высунувшись из кабины трактора, бросал на него настороженные взгляды.

— Вали, вали! — махал он ему рукой.

— Ну, берегись! — крикнула Ильке Соня. Тот обернулся к ней:

— Я сойду, а вы продолжайте! — крикнул он и соскочил с комбайна. Начальство уже ходило по рядам соломы. К нему подошел улыбающийся Мухитдинов и пожал руку.

— Вот душа? Куда летишь?

— К победе! — усмехнулся Илька.

— У тебя и так самая высокая выработка. Зная можно отдавать.

— Мало выработки, смотрите, сколько еще убирать! — Илька повел вокруг рукой.

— Конечно, ах, душа! Ну, смотри! Потери найдут — секир будет удалая башка твоя!

— Не найдут! — уверенно сказал Илька.

Гус припадал на колени то в одном месте, то в

другом. Он раздвигал стерню, осматривал землю. И когда удавалось найти зерно, торопливо клал его на ладонь.

Градов с Кожинным внимательно осмотрели измолоченную солому, поворошили мякину, сдувая ее с ладоней... И, наконец, довольные подошли к комбайну.

— Ну, Петров,— сказал Градов,— берегись Гуса. Он тебе за солому не простит.

— Ее легко собрать,— сказал Илька.

— Правильно,— подтвердил Кожин.— Вот вам и пример, товарищ Мухитдинов. На таких прекрасных массажах, как этот, грешно тащиться черепащими темпами. Петров решил задачу совершенно правильно. Сколько здесь?

— Тридцать.

— Когда обмолотишь?

— К вечеру. Я заметил: 12 минут рядок.

— Вот как надо работать, товарищи! — заключил Кожин.— По часам! Ну, как у тебя с рукой? — обернулся он к Ильке. Тот сжал мускулы. Кожин пощупал их.

— О, это я понимаю! А за штурвалом что за дивчина? Илька отвернулся. Кожина подтолкнул Градов.

— Молодожены.

— Жена,— сказал Илька и покраснел.

— Рад за тебя, товарищ Петров. Боевую нашел себе женку! — Когда Илька взошел на мостик, начальство наблюдало с межи за работой агрегата. Не сбавляя хода, комбайн завернул на новый валок.

— А ты знаешь,— прокричал в самое ухо Соне смеющийся Илька.— Тебя женой назвал. Первый раз. Смешно?

Соня улыбнулась и легонько ударила ладонью по его щеке.

— Муж,— рассмеялась она.— Му-уж! — Илька не слышал ее, но видел по губам, какое слово она дважды выговорила, и тоже рассмеялся.

...Обед привез Колька. Вытянулся за лето, окреп Колька. Стал, как говорил Илька, солидный, степенный. Бросив подводу на попечение Сони, он упросил Лешку проехать с ним полрядка. Заметив грозовую тучу, Илька приказал есть на ходу. Поднялся ветер. Взвихрилась пыль. Соломка и мякина забивали глаза, когда комбайн шел под ветер. Примчался Мухитдинов. Он остановил ком-

байн. Попросил подняться всех на мостик и тогда торжественно сказал:

— Партийный комитет и рабочком надеются, понимаешь, что это переходящее знамя ваш агрегат не отдаст никому!

Знамя закрепили у штурвала, и оно рванулось на ветру, затрепетало огненной птицей, наполняя сердца ребят гордостью и радостью.

ГЛАВА 28

На рассвете 15 сентября Серафим записал в своем дневнике:

«За ночь с Кушки принял 3 тысячи центнеров хорошего зерна. Был сильный ветер. Перед рассветом начал накрапывать дождь. Всю ночь пробыл на глубинке инженер Дмитриев. Оказывается, транспортеры были не заводские. Сконструировал их и изготовил в своей мастерской он же, Дмитриев. Мне он начинает нравиться. Пришли девчонки с фермы. Потом прискакал Паршуков. Он еще захватил на глубинке Марину Васильевну.»

Серафим закрыл страницу, положил тетрадь в чемодан и задумался, вспоминая встречу Паршукова с Мариной Васильевной... — Дождем? — засмеялся Паршуков.

— Дождем, — сказала Марина Васильевна.

— А что я тогда говорил, помнишь? Забыла? Да о раздельной уборке?

— Помню. У вас много в рядках?

Паршуков рассмеялся.

— Как же, держи карман шире. Я воробей стреляный.

— Напрямую жнете? — удивилась Марина Васильевна.

— Конечно. А ты сознайся: сколько свалила?

— Почти на 70 процентов.

Паршуков откровенно расхохотался.

— Ну и что теперь будет дальше? Рядки-то, небось, хоть выжимай да и на свясла, а? — он смеялся до слез. — Ну, что скажешь?

— А ничего, уберем, все до колоса уберем, — твердо

сказала Марина Васильевна, — из скошенного подобрали половину. Вот так.

— Да не ври! — испуганно метнул тяжелыми светлыми бровями Паршуков.

— Идите проверьте.

— Да когда ж ты успела? Ну да сравнила. У тебя у одной столько техники, что в нашей всей МТС не наскребешь.

— И сегодня в дождь пошлем несколько лафетов. А вы смотрите: в такой ветерок не останьтесь без хлеба. Вот тогда подумаешь, как лучше убирать: на свал или ждать полного созревания и жать напрямую.

Лицо Паршукова вытянулось, он пробормотал что-то в ответ и пошел на баржу. Серафим вспомнил: это было продолжением старого разговора. Теперь для него многое стало понятным. Интересно, кто будет прав?

Серафим вышел на улицу, но вскоре вернулся снова в палатку, достал тетрадь и дописал:

«Буря свирепеет. Неистовствует. Откуда она сорвалась? Чарыш лезет на берег. Баржа скрипит. Рвется с привязи. Сидим в палатке. Лена с девочками убежала на свою Верховнику. У них там, наверное, не так беспокойно. Марина Васильевна уезжала на Кушку. Прибыло восемнадцать студентов из машиностроительного института. Парни разбираются в технике. Они помогли Дмитриеву установить самопогрузчики. Машиностроительный — это, пожалуй, интересно. Сейчас все залезли в палатку. Кое-кто забрался на баржу. Аполлон Максимович сидит на ящике и пересчитывает квитанции, он, кажется, ничего не видит и не слышит. Парни с любопытством поглядывают на Чарыш. Кто-то из них тихо запел:

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии блистали...

Хорошо запел. От души. Все замолчали. Аполлон приподнял очки и с удивлением посмотрел на парня. Он, по-моему, только сейчас заметил новоселов.

На берегу кто-то испуганно закричал. Что такое? Раздался треск — и снова крик. Теперь уже кричало несколько голосов. Бежим на берег...»

Вырвавшись из ушей, ветер промчался диким аргамом по степи, вскружил по всем дорогам пыль и, упав ястребом на Чарышскую пойму, пошел гулять по многочисленным заводям, озерам, рукавам и протокам. В один миг сдвинул в кучу круглые лопухи лилий, скрутил прибрежные деревья, ошипал их, будто обваренную кипятком дичь, и бросился на потемневший, затаившийся Чарыш. Он навалился на него с такой силой, словно хотел выплеснуть его из каменного корыта и пустить водяной пылью по широкой пойме. Качнулся Чарыш. Ударился грудью о берег, окатывая брызгами кусты тальника, вспенил волну и загудел, заплескался, заходил кипящими барашками по всему могучему и вольному плесу. Вот, изгорбатясь, будто хищник, подстерегающий добычу, огромная волна подкралась к барже, нырнула под нее и потрясла с кормы до носа. Скрипнули ванты, звякнула цепь в клюзах. Баржа задрала нос, как вздыбленный конь, рванула за привязь и осела назад — якорь не дал ей хода. Одна за другой волны стали таранить ее со всех сторон. Дрожа и сотрясаясь от их ударов, баржа рывками раскачивала прикол и, когда Дмитриев подошел к эстакаде, которую только что соорудили вместе с парнями, он вдруг заметил, что расстояние между эстакадой и баржей увеличилось. Оно росло на его глазах.

«Якорь... сносит якорь!» — мелькнула догадка, и он закричал:

— Эй, там — на барже!

Выскочил в дождевике шкипер. Дмитриев сложил ладони в рупор:

— Вас сносит!

— Что? — не понял тот и схватил мегафон.

— Сно-о-си-ит!

Шкипер метнулся на нос судна. Схватив по пути бечевку с грузом на конце, стал размахивать ею, чтобы кинуть на берег. Вот она взвилась в воздух.

— Чалку возьмите! — донесся его голос. Дмитриев хотел проскочить под эстакадой, но берег предательски отвалился под ногой, и он упал в воду.

Когда Серафим, выбежавший вслед за студентами, подбежал к берегу, Дмитриеву с баржи бросили уже спасательный круг. Шкипер оказался расторопным

и распорядительным человеком. Командуя с баржи ребятами, он не сводил глаз с барахтавшегося в воде Дмитриева.

— Держи к берегу! — кричал он. — Не давай занести себя под корму! А вы травите. Быстрее травите чалку! — поторапливал он студентов. — За дерево крути... За дерево!

Серафим сбежал под берег и подал Дмитриеву длинную хворостину. Тот, держась за круг, одной рукой подгребал к крутояру. Мокрые волосы прядями падали на глаза. Досадливо морщась, отфыркиваясь, Дмитриев сдвигал их в сторону. Он то проваливался в черную пучину, то появлялся вновь на гребне волны, медленно приподвигаясь к берегу.

— Убери рогатку! — услышал Серафим сердитый голос из воды.

— Ты что, хочешь, чтоб я запоролся на ней. Фонарь... Есть у вас фонарь? Ничего не видно. Ну, чего стоишь?

Серафим кинулся в палатку.

Пока Серафим бегал за фонарем, Дмитриев вылез на берег. С трудом забравшись наверх, он озабоченно посмотрел на баржу, с которой, перекрывая бурю, по-прежнему доносились команды шкипера. Ребята, скользя и падая на мокрой земле, тужились подтянуть баржу к берегу. Но баржа не только не поддавалась их усилиям, а наоборот, тянула их к реке.

— А ну, сюда! — раздался требовательный голос Дмитриева, и Серафим с Головинным бросились к нему. С трудом захлестнули конец троса за березку.

— Снимай якорь! Эй, на барже! — закричал он шкиперу.

— А удержите?

— Давай! Давай! — закричали ребята.

На барже заработала лебедка.

— Ну вот, голова! — пробурчал Дмитриев вполголо-са. — Такое орудие в руках и не знает, как его использовать! — Ребята непонимающе посмотрели на инженера. Он придавил коленом трос, всматриваясь в сторону баржи. Около него натекла лужа воды. — А ну, смекните, бу-душние инженеры, — продолжал Дмитриев. — О каком ору-дии я говорил?

Ребята подавленно молчали.

— Эх, вы... Лебедка! Понятно? — он вскочил и еще

раз обкрутил трос вокруг дерева.— Не давайте раскручиваться,— сухо бросил Дмитриев и пошел, хлюпая ботинками и чуть прихрамывая, к берегу.

Ветер заметно стихал. Потянуло холодом.

— Шкипер! — крикнул Дмитриев.— Как якорь?

— Тяну.

— Когда вытянешь, убери с якоря цепь и закрепи этот трос на лебедку, понял?

— Зачем?

— Увидишь.

На барже некоторое время слышался скрип лебедки. Потом скрип прекратился, и Дмитриев увидел какую-то светлую коряжину, показавшуюся из воды. Что-то разлапистое застыло на носу баржи.

— Вытянул,— тихо проговорил Дмитриев. Баржа качнулась и подалась к берегу.— Крепи цепь! — сказал он уже спокойно, но требовательно. Шкипер продел в серьгу цепи ломик.— А теперь снимай ее с лебедки.

— Ну, а дальше?

— А дальше потянешь себя и баржу собственными руками. Понял? На лебедке.

— Моряк, а? — обрадованно воскликнул шкипер, догадавшись об идее Дмитриева.— На каких посудинах плавал, а? Где?

— Моряк,— усмехнулся Дмитриев.— Видишь, все в ракушках,— он похлопал по мокрому брюку и неожиданно клацнул челюстями: его начал пробирать холод.

...До самого рассвета провозились с баржей. Дмитриев проверил эстакаду. Запустил на пробу зернопогрузчики и, убедившись, что они работают исправно, посиневший, еле сдерживая дрожь, тяжело прошел к своему «газику». Серафим, покоренный мужеством и силой этого человека, долго еще стоял на току и смотрел вслед удалявшейся машине.

Всходило солнце. Первые лучи его скользнули по широкой глади Чарыша. И, минуто назад неласковый и холодный на вид, он вдруг засверкал, заискрился, потянулся к солнцу светлой струей. Где-то в туманной дымке в верховьях раздался протяжный гудок сирены — это возвращался к оставленной барже ушедший вверх, к пристани, теплоход.

Заработали погрузчики.

Прошло несколько дней. Умело маневрируя то косовицей, то подборкой валков, Марина Васильевна уверенно вела уборку к концу. Беспокоил участок Ильи. Все эти дни у него не ладилось с комбайном. Пока были мелкие неполадки, ребята справлялись сами. Но вот снова авария — полетел гук. Нужно было Илише срочно ехать в мастерскую, однако решили вызвать летучку. С этой целью Марина Васильевна приехала с поля на Кушку, чтобы позвонить Дмитриеву. Ни мастерская, ни контора не отвечали. Тогда она вызвала к телефону Градова.

Простуженной хрипотцой Иван Иванович рассказал о случившемся.

— Ты понимаешь, как обвал на мою голову. Сначала Ветров, за ним Лиза, а тут Дмитриев.

— Как? Что? — испугалась Марина Васильевна.

— Я, кажется, забыл тебе сказать. Лежит ведь он!

— Лежит? Почему? Где?

— Лежит пластом. И никуда не разрешает себя увозить. Ноги отказали. Это его купание в бурю последняя, похоже, была капля. Сейчас свело. Мучается страшно, а механиков не отпускает. Командует через них. — Иван Иванович что-то еще говорил, но Марина, слушая его, ничего уже не понимала.

— Алло! Ты что там? Алло!

— Да, да, Иван Иванович! Я слушаю, — механически проговорила она.

— Ничего ты не слушаешь! — раздраженно прохрипела трубка. — Давай приезжай сюда. Примем решение. Слышишь?

— Слышу, приеду. Я сейчас, Иван Иванович, приеду.

— Куда ты в ночь-то?

— Ох, ночь, — воскликнула Марина. — Как же он там один, я приеду.

— Почему один? У него дежурят. Молодая врачиха из Журавлихи. Достается ей, правда...

— Почему?

— Гоняет. Не подпускает и не слушает.

— Приеду... Я сейчас, скоро. — Марина Васильевна повесила трубку на рычажки и выскочила из конторки.

Дмитриев лежал на койке в маленькой комнате совхозной больницы и мрачно смотрел в окно. Сегодня уже

раз обкрутил трос вокруг дерева.— Не давайте раскручиваться,— сухо бросил Дмитриев и пошел, хлюпая ботинками и чуть прихрамывая, к берегу.

Ветер заметно стихал. Потянуло холодом.

— Шкипер! — крикнул Дмитриев.— Как якорь?

— Тяну.

— Когда вытянешь, убери с якоря цепь и закрепи этот трос на лебедку, понял?

— Зачем?

— Увидишь.

На барже некоторое время слышался скрип лебедки. Потом скрип прекратился, и Дмитриев увидел какую-то светлую коряжину, показавшуюся из воды. Что-то разлапистое застыло на носу баржи.

— Вытянул,— тихо проговорил Дмитриев. Баржа качнулась и подалась к берегу.— Крепи цепь! — сказал он уже спокойно, но требовательно. Шкипер продел в серьгу цепи ломик.— А теперь снимай ее с лебедки.

— Ну, а дальше?

— А дальше потянешь себя и баржу собственными руками. Понял? На лебедке.

— Моряк, а? — обрадованно воскликнул шкипер, догадавшись об идее Дмитриева.— На каких судах плавал, а? Где?

— Моряк,— усмехнулся Дмитриев.— Видишь, все в ракушках,— он похлопал по мокрым брюкам и неожиданно клацнул челюстями: его начал пробирать холод.

...До самого рассвета провозились с баржей. Дмитриев проверил эстакаду. Запустил на пробу зернопогрузчики и, убедившись, что они работают исправно, посиневший, еле сдерживая дрожь, тяжело прошел к своему «газику». Серафим, покоренный мужеством и силой этого человека, долго еще стоял на току и смотрел вслед удалявшейся машине.

Всходило солнце. Первые лучи его скользнули по широкой глади Чарыша. И, минуту назад неласковый и холодный на вид, он вдруг засверкал, заискрился, потянулся к солнцу светлой струей. Где-то в туманной дымке в верховьях раздался протяжный гудок сирены — это возвращался к оставленной барже ушедший вверх, к пристани, теплоход.

Заработали погрузчики.

Прошло несколько дней. Умело маневрируя то косовицей, то подборкой валков, Марина Васильевна уверенно вела уборку к концу. Беспокоил участок Ильи. Все эти дни у него не ладилось с комбайном. Пока были мелкие неполадки, ребята справлялись сами. Но вот снова авария — полетел гук. Нужно было Илюше срочно ехать в мастерскую, однако решили вызвать летучку. С этой целью Марина Васильевна приехала с поля на Кушку, чтобы позвонить Дмитриеву. Ни мастерская, ни контора не отвечали. Тогда она вызвала к телефону Градова.

Простуженной хрипотцой Иван Иванович рассказал о случившемся.

— Ты понимаешь, как обвал на мою голову. Сначала Ветров, за ним Лиза, а тут Дмитриев.

— Как? Что? — испугалась Марина Васильевна.

— Я, кажется, забыл тебе сказать. Лежит ведь он!

— Лежит? Почему? Где?

— Лежит пластом. И никуда не разрешает себя увозить. Ноги отказали. Это его купание в бурю последняя, похоже, была капля. Сейчас свело. Мучается страшно, а механиков не отпускает. Командует через них. — Иван Иванович что-то еще говорил, но Марина, слушая его, ничего уже не понимала.

— Алло! Ты что там? Алло!

— Да, да, Иван Иванович! Я слушаю, — механически проговорила она.

— Ничего ты не слушаешь! — раздраженно прохрипела трубка. — Давай приезжай сюда. Примем решение. Слышишь?

— Слышу, приеду. Я сейчас, Иван Иванович, приеду.

— Куда ты в ночь-то?

— Ох, ночь, — воскликнула Марина. — Как же он там.. один, я приеду.

— Почему один? У него дежурят. Молодая врачиха из Журавлихи. Достаётся ей, правда...

— Почему?

— Гоняет. Не подпускает и не слушает.

— Приеду... Я сейчас, скоро. — Марина Васильевна повесила трубку на рычажки и выскочила из конторки.

Дмитриев лежал на койке в маленькой комнате совхозной больницы и мрачно смотрел в окно. Сегодня уже

который раз оно зарозовело на окнах? Пятый. Значит, пять суток. Мир сузился, втиснувшись в этот фокус, где бьется, жужжит противно и нудно зеленоватая муха. Сегодня всю ночь рвало калеными щипцами ноги. Черта с два — не дамся! Не на того напали... Если вот враз сдернуть ноги книзу и встать... только враз. Вот так! — он откидывает легкое одеяло и с силой сбрасывает непослушные ноги вниз. Острая боль пронзила сердце. Холодный пот выступил на лице. Преодолевая боль, он пытается встать. Приподнимается на мускулах рук и вдруг с грохотом падает на пол. Сознание возвращается медленно. Сначала показалось какое-то мутное пятно. Потом долетело жужжание мухи. Ноги будто кто полосует ножами. Grimаса искажает его лицо. Внезапно боль утихает, и он ясно и отчетливо видит столпившихся около койки людей в халатах.

— Константин Николаич,— доносится до него слабый укоризненный голос, и он узнает его: это говорит молодая докторша из районной больницы.

— А-а, добрый день... или что там? Вечер?

— Константин Николаевич! Поедемте? — просит, чуть не плача, девушка.

— Куда? В Журавлиху? Там у вас, небось, и мест нет. А здесь я один... Простор. Вольготно.

— Да ведь у меня и медикаментов-то нужных нет, а там все есть. И вы быстренько поправитесь! А?

— Не трудитесь. Вы бы лучше механика вызвали. Он мне до зарезу нужен.

— Константин Николаевич,— раздался от двери басок, и перед Дмитриевым вырастает новая фигура в белом.

— А-а, товарищ секретарь парткома.

— Что ты бунтуешь? Замордовал ведь ты ее,— сердито говорит Мухитдинов.— Ты, душа, подумай. Такое дело... как решать? Надо решать по-партийному

Лицо Дмитриева теплеет.

— Вот тебе и душа,— недоверчиво качает головой.— Нельзя мне уезжать. Поймите: нельзя. Разве больница — курорт?

— Да посуди ты, горячая голова,— начинает увещивать его Мухитдинов.— Чего ты от нее хочешь в наших, так сказать, полевых условиях?

— Я хочу, чтоб меня оставили в покое.

— Да кто же позволит это? Сам посуди! Зачем запускать болезнь?

— А кто вам сказал, что я запущу ее,— Дмитриев кивнул в сторону молоденького врача.— Еще ведь и не известно, что за болезнь. Отпустит немного и пойду.

Врач, нервно теребя рукав, по-прежнему смотрела на него. Губы ее, по-детски пухлые, тряслись. Вот-вот, казалось, расплывется.

— Ты вот что, Константин Николаевич,— нахмурился Мухитдинов.— Ты, душа, не дури. Не поедешь добром — обяжем, понимаешь, на бюро. Соберу членов бюро и решим...

Дмитриев устало закрыл глаза.

— Вот так. подумай,— сухо сказал Мухитдинов, собираясь уходить.— Не подчинишься нам — вызову Кожина. Кстати, у него выездное бюро в Хайрюзовке. Завернут сюда.

— Ты не пугай,— мирно сказал Костя.— Что они там? Плохо с уборкой?

— Проротозейничали. Ни одного гектара не скосили раздельно. Ждали созревания всех массивов. Вот в бурю эту за них ветер и поработал. Говорят, гектаров триста обмолотило на корню...

— Не сдобровать Паршукову,— сказал Дмитриев и добавил с трудом — Вы бы проследили за профилактикой тракторов, товарищ Мухитдинов,— он бросил просящий взгляд на секретаря. Тот растроганно поморгал ресницами, кивнул, пошел к двери.

— На Кушке 15-го... не забудьте. На «Урожайном»...— 16-го... поагребатно.

Мухитдинов посмотрел на врача.

— Хорошо... хорошо...

— Не давайте спуску, кто нарушает график,— крикнул Дмитриев, приподнимаясь на локтях.

— Ладно, ладно,— уже за дверью сказал Мухитдинов.

— А вам весточка есть,— сказала врач, вытаскивая из кармана конверт. Лицо Дмитриева искажилось. Он сжал зубы. На челюстях вспухли, заходили твердые рубцы желваков. Откинув голову на подушку, он закрыл глаза и тихо простонал.

— Вам больно? Я сейчас грелку, сейчас...

Она принесла резиновую плоскую подушечку и подсунула ее под одеяло на ноги.

Вскоре на лбу больного показались крупные капли пота. Молодой врач со страхом смотрела на своего упрямого пациента. Она боялась и уважала в душе этого сильного человека. Вот он вздохнул. Полегчало. Вдруг услышала:

— Ну что ж... не радуете? Давайте письмо.

— Сейчас, одну минутку,— она стала распечатывать конверт.— Вот...

Дмитриев взял. Неожиданно спросил:

— Как вас зовут? Нехорошо же так. Живу тут на хлебах и не знаю, как звать хозяйку.

Девушка покраснела.

— Соколова... Валентина,— она хотела добавить отчество, но постеснялась.

— Валя, значит.

— Да.

— Ну, вот теперь, когда мы познакомились, вы, надеюсь, не будете ко мне так безжалостны.

— Наоборот.— решительно трянула золотым локоном Валя.— Еще упрямее буду настаивать на выезде.— Дмитриев болезненно поморщился и, вздохнув, стал читать. Екатерина Григорьевна описала дорогу и встречи в родном селе — все шло хорошо. Но вот больной нахмурился. Молодой врач испуганно глянула на него.

— Может быть... потом почитаете?

Дмитриев ничего не ответил.

«Решила сказать тебе откровенно: не могу я бросить родные места,— читал он.— В райкоме Николай Петрович пришел в ужас, когда я ему намекнула на свой возможный отъезд. Школу сдала. Утвердили старшим инспектором района. Не думаю, что ты очень будешь убиваться. Витька...»

— Витька,— простонал Дмитриев и закрыл глаза.

Валя тревожно схватила за лицо: «Зачем я ему дала письмо?»

— Извините,— прошептала она. Дмитриев вздрогнул.

— Я что-то сказал?

— Не-ет... Это я, Константин Николаевич. Давайте потом будем читать... а?

— Не бойтесь, в обморок не упаду,— сказал Дмитриев.— «...Он тебе скоро будет писать письма. А как сложится наша дальнейшая с тобой судьба — это больше от тебя будет зависеть».

— Ну вот, а вы пугались,— болезненно улынулся Дмитриев.— Видите, какую весточку принесли мне! Жена — счастлива. Повышение получила в должности.

— Простите... я не ожидала...

— Зато я ожидал,— после короткого раздумья сказал тихо Дмитриев. Он отвернулся к стене.

— Лежите, не волнуйтесь,— прошептала Валя и на цыпочках вышла из комнаты.

В приемной она бросилась на деревянный жесткий топчан и разрыдалась. Перепуганные сестры бросились к ней.

— Да что же это такое? — возмущенным тоном сказала одна из них.— Какое он имеет право издеваться?

— Нет! Нет! — решительно замотала головой девушка, не поднимая лица.— Не смейте!.. Он очень несчастный!..

Сестры недоуменно переглянулись.

Вечером приехала Марина Васильевна. Дмитриев встретил ее спокойно. А она села на табурет рядом с его койкой и, взяв его руку, молча стала смотреть на него.

— Ну ты... что... Танюша? — спросил он, и голос его дрогнул.

У Марины Васильевны неожиданно побежали слезы. Она не вытирала их. Они бежали, бежали по щекам. В искрящихся глазах ее видел он немой упрек и горе. Невысказанное большое горе. Он насупился. Холодно спросил:

— И ты оплакиваешь? Все хоронят, хоронят...

Она покачала головой.

— Тогда не реви. От этого мне не легче,— сурово проговорил он.— Расскажи-ка лучше о делах, что у вас там нового.

Марина Васильевна сквозь слезы улыбнулась.

— Чудак ты, Костя.

— Сами вы чудаки,— огрызнулся он.— Может, мне престестиями загробного мира интересоваться пора? Тоже мне психологи.

— Что ты, Костя... Мне просто тяжело. Я ведь всю жизнь, всю жизнь,— она не договорила, спазма сдавила ей горло. Отвернулась.

— Прости... дурак я... прости, Таня.— схватил ее руку и прижал к своей щеке.— Я люблю тебя, Таня... люблю и, наверное, любил всю жизнь. Но что теперь? Что?

— Успокойся, Костя. Ведь еще ничего-ничего не известно,— сказала Марина.— Я верю в лучшее. Не может быть иначе! Слышишь, Костя? Не может... ты слышишь?

— Слышу.

— Завтра прилетит самолет, так сказал Кожин. В краевом центре есть хорошие специалисты. Я напишу Кате. Не беспокойся, я осторожненько, осторожненько.

— Нет, ты не будешь ей писать,— Дмитриев, с трудом приподнявшись на локте, сует подушку под голову. Он тяжело дышит и срывающимся голосом повторяет: — Не будешь, не будешь... Я не хочу. Ты понимаешь? Не хочу, не могу...

— Хорошо, Костя, хорошо...

Он снова хватает ее руку.

— Таня... милая, славная. Ведь это все было только вчера. Правда?

Она кивает ему:

— Правда. А как долго я ждала! Удивительно, как обманчиво время!

— Ты хорошая... Столько ждать... Столько пройти одной... И вдруг... эта страшная... штука... Кстати, зачем ты пришла?

— Ты что, Костя? Что с тобой?

— Я чувствую себя совершенно здоровым. Честное слово,— говорит он.— Вот только ноги. Они заживут, правда?

— Конечно,— уверенно говорит Марина.— Как же иначе?

— Я ужасно мнительный. А теперь, наверное, буду вдвойне.

— Нет, ты, пожалуйста, верь, и все будет хорошо. Ты же можешь, Костя. Ты такой сильный...

— Мне нужно верить — это правда. Тогда я смогу,— соглашается он и, помолчав немного, просит: — Ты уж лучше без жалости, говори все как есть... ладно? Я тебя ведь послушался. Ты думаешь, напугался Мухитдинова? Он на бюро грозил разобрать.

Марина, как у ребенка, ласково перебирает его волосы и качает головой.

— Да мы же ведь большие стали. Можем и не слу-

шаться советов старших! — она смеется каким-то грудным внутренним смехом. Дмитриев видит перед собой только ее глаза, большие и лучистые. Они заслонили весь мир, пригнали на миг боли, отогнали страхи за неизвестное будущее, вдохнули силу и уверенность. Маринины глаза...

— Я обязательно поднимусь, Марина... Обязательно! Теперь я сильнее. А ты не прогонишь меня?

— Нет, Костя. Нет, дорогой. Я буду ждать. Я помогу тебе...

Расставшись с Колькой и сделав свои дела на Центральной, Соня торопилась на Кушку. В новой школьной форме стоял Колька у околицы и с грустью смотрел на удалявшуюся Соню. Не дождавшись попутной машины, Соня быстро зашагала по проселочной дороге. На увале оглянулась. Сразу же бросилась в глаза Колькина школа. Белое двухэтажное здание было самым большим в поселке. Соня заметила мальчика, стоявшего по-прежнему на выезде, и помахала ему рукой. Колька махнул ответно. В это время откуда-то со степи, со стороны Журавлихи, послышался отдаленный шум. Он все приближался, и Соня увидела совсем низко летящий в совхоз самолет. Он дал круг над поселком и пошел на посадку. Из поселка вышла легковая машина. Кто-то гнал коня, запряженного в ходок.

— За Дмитриевым, — прошептала Соня. — Что там с ним?

Самолет, приняв пассажира, поднялся в воздух и взял курс на Журавлиху. Соню догнала на своей Стрелке Марина Васильевна. Она была возбуждена.

— Ничего, ничего. Это так, — говорила Марина Васильевна, заметив вопросительный взгляд Сони. — Если бы ты знала, Соня, как все это трудно, — говорила она, улыбаясь сквозь слезы. — Нет, правда! Ты знаешь, как долго может идти счастье? Через какое расстояние шло оно и вдруг... вдруг новое испытание! Но я верю... мы верим, Соня, все будет так, как надо!

— Я очень рада за вас, очень! — от души сказала Соня, ничего не понимая, но чуточку догадываясь.

ГЛАВА 29

Шумит Коловый мыс, волнуется кукурузная роша. Выметав огромные початки, такие же богатырские, как сама, стоит она стеной, налитая зеленым соком и важно шелестя мечевидными листьями. Не берут ее ни дожди, ни холод, ни ветры.

— За тебя и Коловый поработал,— говорит Марине Васильевне Паршуков, с хозяйской завистью оглядывая плантацию.— Центнеров пятьсот — не меньше даст гектар. Обхитрила ты меня. И на свале хлебов и вот тут на этом болоте... Золотое получилось болото.

— Завистливый вы человек,— говорила Марина Васильевна.— Кто же виноват? Вот и свал этот взять...

— Да уж как не виноват! Строгача записали,— угрюмо согласился с ней Паршуков.

— Можно было бы и не зарабатывать. Хозяин вы прижимистый. Это неплохо. А вот смелости нет у вас. А без этого, мне кажется, нельзя руководить таким хозяйством нынче. Не обижайтесь. Я от души.

— Да,— морщил от обиды лоб Паршуков.— Смотрю я, как вы орудуете на земле, даже страх берет.

— Почему? — удивилась Марина Васильевна.

— Глубоко запахиваете. С размахом идете. И все вам, кажется, удастся. Может, и действительно оттого, что хитрить и изворачиваться не умеете?

— Я не знаю, что вы имеете в виду, Сидор Петрович, только ведь и хитрость имеет два конца.

— Вот именно,— вздохнул Паршуков.— Один конец я чувствую уже. Сыграл по мне же.

— Тогда ясно все, товарищ Паршуков,— она улыбнулась.— И в хитрости нельзя кривить душой.

Подожли два кукурузных комбайна. На мостике одного из них Марина Васильевна узнала Пильку. Он махал ей рукой и, нагнувшись, прямо сверху сорвал распущенную кисть кукурузы.

— Все! Отшумела! — сказал он и крикнул Лешке на трактор:

— Давай заходи оттуда, от глубинки!

Марина Васильевна с большим трудом вырвала с корнем несколько стеблей и отнесла их в сторону.

Паришуков не вытерпел (видно, до боли изгрызла председателево сердце обида), стегнул коня и умчался к ферме.

С комбайна соскочила Соня. Она подбежала к Марине Васильевне и, взяв у нее кукурузный сноп, перевязала его.

— Мы сохраним его, Марина Васильевна. Это ведь интересно, правда?

— Правда, Соня.

Марина Васильевна заметила в последние дни какую-то особую настороженность ребят Кушки. Их забота о ней дошла до того, как это выяснилось недавно, что они даже вели тайное дежурство ночью у телефона. Это обидело и даже возмутило Марину Васильевну, но ребята, выслушав, упрямо продолжали опекать ее. Вчера они долго о чем-то тайно совещались и писали коллективно какое-то письмо. Что они задумали? И чем объяснить эту их опеку? Неужели все это связано с Костей? Очень похоже на то, что им все известно. И вдруг ей вспомнились некоторые детали. Позавчера, радостно возбужденная, в конторку ворвалась Дуся и, торжественно оглядев ребят, протянула Марине Васильевне бумажный треугольник:

— Привез понутчик из города.

Марина Васильевна, волнуясь, стала разворачивать письмо. Будто сговорившись, ребята один по одному по разным причинам покинули конторку. И та же Дуся за ужином пи с того ни с сего вдруг сказала:

— В Хайрюзовке, говорят, тетку Лены парализовало почти насмерть... Увезли в город, и пожалуйста: уже ходит! Хорошие, видать, там медики.

«Милая моя Дусенька, — растроганно подумала Марина Васильевна. — А вот Костя пишет, кажется, безнадежное дело...» Если уж он сам приходит к такому вы-

ГЛАВА 29

Шумит Коловый мыс, волнуется кукурузная роша. Выметав огромные початки, такие же богатырские, как сама, стоит она стеной, налитая зеленым соком и важно шелестя мечевидными листьями. Не берет ее ни дожди, ни холод, ни ветры.

— За тебя и Коловый поработал, — говорит Марине Васильевне Паршуков, с хозяйской завистью оглядывая плантацию. — Центнеров пятьсот — не меньше даст гектар. Обхитрила ты меня. И на свадьбе хлебов и вот тут на этом болоте... Золотое получилось болото.

— Завистливый вы человек, — говорила Марина Васильевна. — Кто же виноват? Вот и свал этот взять...

— Да уж как не виноват! Строгача записали, — угрюмо согласился с ней Паршуков.

— Можно было бы и не зарабатывать. Хозяин вы прижимистый. Это неплохо. А вот смелости нет у вас. А без этого, мне кажется, нельзя руководить таким хозяйством нынче. Не обижайтесь. Я от души.

— Да, — морщил от обиды лоб Паршуков. — Смотрю я, как вы орудуете на земле, даже страх берет.

— Почему? — удивилась Марина Васильевна.

— Глубоко запахиваете. С размахом идете. И все вам, кажется, удается. Может, и действительно оттого, что хитрить и изворачиваться не умеете?

— Я не знаю, что вы имеете в виду, Сидор Петрович, только ведь и хитрость имеет два конца.

— Вот именно, — вздохнул Паршуков. — Один конец я чувствую уже. Сыграл по мне же.

— Тогда ясно все, товарищ Паршуков, — она улыбнулась. — И в хитрости нельзя кривить душой.

Подожли два кукурузных комбайна. На мостике одного из них Марина Васильевна узнала Илью. Он махал ей рукой и, нагнувшись, прямо сверху сорвал распущенную кисть кукурузы.

— Все! Отшумела! — сказал он и крикнул Лешке на трактор:

— Давай заходи оттуда, от глубинки!

Марина Васильевна с большим трудом вырвала с корнем несколько стеблей и отнесла их в сторону.

Паршуков не вытерпел (видио, до боли изгрызла председателево сердце обида), стегнул коня и умчался к ферме.

С комбайна соскочила Соня. Она подбежала к Марине Васильевне и, взяв у нее кукурузный сноп, перевязала его.

— Мы сохраним его, Марина Васильевна. Это ведь интересно, правда?

— Правда, Соня.

Марина Васильевна заметила в последние дни какую-то особую настороженность ребят Кушкн. Их забота о ней дошла до того, как это выяснилось недавно, что они даже вели тайное дежурство ночью у телефона. Это обидело и даже возмутило Марину Васильевну, но ребята, выслушав, упрямо продолжали опекать ее. Вчера они долго о чем-то тайно совещались и писали коллективно какое-то письмо. Что они задумали? И чем объяснить эту их опеку? Неужели все это связано с Костей? Очень похоже на то, что им все известно. И вдруг ей вспомнились некоторые детали. Позавчера, радостно-возбужденная, в конторку ворвалась Дуся и, торжественно оглядев ребят, протянула Марине Васильевне бумажный треугольник:

— Привез попутчик из города.

Марина Васильевна, волнуясь, стала разворачивать письмо. Будто сговорившись, ребята один по одному по разным причинам покинули конторку. И та же Дуся за ужином ни с того ни с сего вдруг сказала:

— В Хайрюзовке, говорят, тетку Лены парализовало почти насмерть... Увезли в город, и пожалуйста: уже ходит! Хорошие, видать, там медики.

«Милая моя Дусенька, — растроганно подумала Марина Васильевна. — А вот Костя пишет, кажется, безнадежное дело...» Если уж он сам приходит к такому вы-

воду, значит, дело не простое, как казалось это ему в первый период болезни. Костя ругает болезнь и с тоской вспоминает о совхозе, о своих несбывшихся планах. «Ничего, Костя, ничего,— шепчет Марина Васильевна.— Ты еще сумеешь болезнь покорить и провести в жизнь свои планы... Вот с кукурузой покончим и жди меня. Костя. Поеду воевать за тебя. Уж вдвоем мы отвоюем, увидишь, Костя!»

Планы... Костины планы. В них — весь он, вся его неумная смелая натура. Комплексные механизаторские отряды. Это трудно? Да, нелегко. Совхоз еще, как корабль. Приходят и уходят люди. Хорошие были думки у Кости: такие отряды создать из своих «доморощенных» кадров. Учить на месте. Учить зимой, учить в период междупарья. Это был бы костяк. Интересна и верна сама по себе мысль: машина должна работать круглый год. Это даже удивило Градова, а Гус, помнит Марина Васильевна, испуганно смотрел на Костю и поминутно снимал с носа очки и протирал их. Наконец, заговорил:

— Либерал, удивительный либерал... — сказал Гус, — обычно инженеры скопидомы — гайку у них не выпросишь, а вот товарищ Дмитриев... Это просто непостижимо. Смотрите, какой он добрый: «Берите и круглый год работайте на тракторах» Хм. А подойдет время сева — машины встанут. Начнут рассыпаться в борозде. Я согласен, теоретически там... да, машина не должна стоять, но практика показала...

Костя был тогда груб и не совсем тактичен с Гусом — он попросту отмахнулся от него, а Градову сказал коротко, но ясно:

— Вы-то понимаете, Иван Иванович, что машина должна трудиться в хозяйстве. Вот и все. А чтоб машины не стояли из-за поломок, — это моя забота. Начну с самого главного: с профилактики. Наш день — и хоть пожар — график ломать не разрешу. Никому: ни вам, Иван Иванович, ни управляющим, ну и, конечно, прочему начальству, — он скользнул взглядом по главному агроному, и тот понял его.

Все убедились в том, что Костя умел держать слово. Однажды ссадил Градова с машины и отвел ее в мастерскую. Пришлось Ивану Ивановичу запрягать коня. Требовательный и решительный сам, он любил эти качества и в других. Потом выговорил шоферу:

— Ты уж знай, пожалуйста, этот ваш день «икс» и предупреждай меня накануне. Порядок должен быть во всем. А то вот поймает Дмитриев на дороге и ссадит с машины. На тебе верхом поеду. Учти.

...Иван Иванович сам приехал на Коловый, чтобы посмотреть, как будут убирать кукурузу. Он вылез из машины в тот момент, когда Паршуков, нахлестывая коня, умчался в противоположную сторону. Градов усмехнулся, показал в его сторону:

— Не вынесла душа преда...

Вечером, побывав на силосных траншеях, Градов, довольный, сказал Марине Васильевне:

— Ты не слышала, как раньше казахи уразу справляли?

— А что это такое?

— Какая-то старая отрывка. Весь день ничего не едят и только со звездой режут баранов... и тогда уж садятся вокруг котлов на всю ночь и едят. Ты у них не воспитывалась, товарищ управляющий?

Марина Васильевна весело рассмеялась, догадавшись, к чему клонит директор.

— Извините, Иван Иванович. Совсем зарапортовалась с этой кукурузой. Пойдемте, пойдемте пообедаем.

— Догадлива. Это хорошо, мой гастрит изнежен режимом. Уже требует поддержки.

Они пришли в ее домик, и Марина Васильевна тотчас выскочила с посудой в «салон». Потом побежала еще за чем-то.

— Да садись, садись ты,— приказал Градов,— мне, кроме чаю, ничего не надо. Посмотри, на кого ты сама стала похожа. Скоро старухой будешь. Садись! Не обижайся. Тебе ничего не делается. Кажется, еще моложе стала. Похудела что ли? — пристально заглянул ей в лицо Градов.— Похудела.

— Ну, это не так уж и плохо!

— Знаю я вашего брата. Как черт ладана полноты бонтесть. Моя вон, лет до сорока стряпни никакой не ела, а потом махнула рукой и расплылась.

— Видите, как это опасно для женщины,— сказала в тон ему Марина Васильевна.

Градов съел манную кашу, закурил. Сделав затяжки две, налил в блюдце чай, стал пить. Уже серьезно спросил:

— Слышала о Дмитриеде?

— А что? — испугалась его таинственного тона Марина Васильевна.

— Да так, — уткнулся в блюдо Градов. — Думал, слышала...

— Что же... еще?

Он помолчал. Отставил чашку. Взял недокуренную папиросу, отчаянно запыхал ею.

— Говорят, безнадежно... читала Островского?

Марина Васильевна выронила ложку, побледнела.

— Иван Иванович! Ради бога! Что же с ним?

Он пожал плечами. Нахмурился.

— Все мы, кому пришлось хлебнуть мурцовки в эту войну, не гарантированы от всех этих «вдруг». — Он помолчал и добавил: — С ним что-то непонятно. Говорят, недвижим стал. Сковало всего... как Павку Корчагина. Из Новосибирска были уже специалисты.

— Ну, ну?

— Да ты не волнуйся. Может, и спасут еще.

«Может, и спасут... Ох, Иван Иванович!» — горько подумала Марина Васильевна и неожиданно, зажав лицо руками, разрыдалась.

Градов растерянно вскочил.

— Ничего... ничего, это пройдет. Это сейчас пройдет, — прошептала Марина Васильевна. — Если б вы знали, как... как это несправедливо.

— Ты же сильная женщина. Держись! Да и бояться особенно нечего. Конечно, будут приняты все меры.

— Да, да. Я верю в это... они должны, они обязаны будут спасти его! — Марина Васильевна поднялась и, не глядя на Градова, прошла к окну, сняла с гвоздика чистое полотенце, вытерла им лицо.

— Иван Иванович! Я должна ехать... Я немедленно выеду к нему. Там нужна моя помощь.

— Ты? Н-но. — Градов развел руками.

Марина Васильевна шагнула к нему и посмотрела прямо в глаза.

— Я могу вам сказать, Иван Иванович, вы мне были, как отец родной, которого, кстати, никогда не видела. Не помнила. — Марина Васильевна, будто собираясь с духом, тихо, но твердо добавила: — Иван Иванович, я люблю его всю жизнь. И он... он любит меня. Могу ли я... вот так... в стороне в такое для него время? Могу ли?

Градов не верил своим ушам. Глаза его расширились от удивления. Он дрожащими руками выхватил из кармана платок и торопливо вытер вспотевший лоб.

— Как же это вы? — искренне поразился он.

Марина Васильевна грустно улыбнулась.

— Странно, правда?

— Ведь у него... он имеет семью.

— Да, у него жена и Витька... Это не имеет значения. Это навсегда, Иван Иванович. Уж вот такая я... глупая.

Иван Иванович смотрел на Марину Васильевну и будто впервые видел ее.

— Вот ты какая, — задумчиво произнес он. — Может — это доброта? А?

— Нет, — вздохнула Марина Васильевна. — Я ведь могу быть и недоброй. Даже... даже... — она вспомнила в этот миг о Павле, — даже жестокой.

— Даже жестокой, — повторил Градов. — Может быть. Хотя трудно в это поверить. Я не расспрашиваю тебя ни о чем. Поезжай... Только кто за тебя тут останется? Сама знаешь, ни одного дня не можем задерживаться с зябью.

— Ильку... Илью Петрова оставляю, Иван Иванович! — обрадованно воскликнула Марина Васильевна.

— Петрова — можно, согласен. Ну что ж, — он отечески потрепал ее по плечу. — Желаю счастья. Передавай ему привет. Да встряхни его! Встряхни! Скажи, что с техникой все в порядке, ждем его в совхоз.

— Спасибо, Иван Иванович. Я скажу ему... Я постараюсь...

— Ну и ну, — почесал переносицу Градов, — задала ж ты мне загадку, — он прошелся по комнате и, сев к столу, попросил:

— Плесни-ка еще стаканчик. Да покрепче.

ГЛАВА 30

В «бабье» лето отгулял свою свадьбу золотой сентябрь. Она была пышной. Еще до сих пор носят следы разноцветных нарядов березки и черемуха в глубоких ущельях. Еще до сих пор, как после веселого бала, всюду: на горах, по балкам разбросаны его наряды — желтые, ярко-оранжевые, красные листья. Они набились в низинки. Затопили сухие лога. Виснет еще по сучьям кустарника оборванная местами серебряная нить тенет. Какие-то бледно-синие цветы, схожие с полевой ромашкой, еще украшают южные склоны гор. Погулял хмельно первый месяц осени — сентябрь. И оттого, что был он в году последним мостиком, по которому уходило лето, как яркий карнавал, люди подолгу заглядывались на склоны гор, разукрашенные то желтыми, то красными, то какими-то бурыми мазками, будто не хватило у художника краски. Будто на ветру очень быстро высыхала его кисть и приходилось часто-часто отрывать ее от полотна. Так и застыла краска, где гуще, где бледнее.

А берега речушек? А ложки и балки? Каких только разноцветных фонариков не развесил по ним сентябрь.

Целый месяц горели они, украшая степь. А потом задули ветры. Пошли частые холодные дожди и один за другим потушили фонарики. И вмиг поредели кусты. Сникли деревья. Увидев себя в воде, согнулись пониже, прикрывая голыми сучьями свою наготу. И посуровела степь. Стало строже, холодней. Утрами звенела земля, будто набросила на себя броню. Стало как-то просторней. Подолгу стала задерживаться седая изморозь.

В один из таких дней выехала Марина Васильевна в город.

Всю ночь небольшой пароходик «Товариш» бодро бежал на двух деревянных колесах вниз по реке. Гремела цепь на коротких остановках, раздавались приглушенные команды. От реки дул холодный ветерок. Кутаясь в теплую шаль, Марина Васильевна жалась в угол дивана и смотрела в небольшое круглое оконце. Почти вровень с ним плескалась вода. Ползли клочья тумана. Внутри пароходика тяжело и шумно работала машина. Удары ее сердца гулко отдавались в стены, и они дрожали и встряхивались. Бесконечно тянулся обрывистый, высокий берег. Иногда пароходик отваливал от него и выходил на стремнину, но, обогнув какой-нибудь островок, снова возвращался.

...Город открылся не сразу. В серой предрассветной мгле сверкнул сначала огнями высокий элеватор. Потом показались краны, трубы какого-то завода и вдруг, как ласточкины гнезда,— золото огней в многоэтажных домах. Огни ложились созвездиями... Вот здесь, недалеко от берега,—отдельные крупные звезды, а туда, вглубь, они то вычерчивали круг, то строились в пирамиды, то бросались россыпью или огненным пунктиром ложились в прямую линию.

Пароходик долго огибал длинную песчаную косу, прежде чем пришвартоваться к городской пристани.

До самого утра ходила Марина Васильевна по набережной одна со своими нерадостными думами. Когда зашумели первые автобусы, прошла в центр города. У памятника павшим борцам за революцию присела на лавочку, достала блокнотик, еще раз прочитала адрес. Надо подняться вверх по проспекту. На третьей остановке слезть, потом вправо, к бывшим Красным казармам. Посидела. Подумала. Решила идти пешком, чтобы согреться. Утро было прохладным. С Оби дул на город колючий ветер. Вздрагивая от его порывов, Марина Васильевна пустилась в путь. Не заметила, как свернула на мощенную улицу. Песок под ногами шевелился, вздымался дымчатыми вулканчиками, будто живой. Идти стало труднее. Она быстро согрелась. Вот и длинная белая кирпич-

ная стена. Ворота. Несколько домов внутри. Вокруг — редкие сосны. Не дойдя до подъезда, она присела на лавочке, тревожно всматриваясь в кирпичные корпуса. «В одном из них — Костя... Как-то он? Небось, и не ждет... Конечно. Я же ему ничего не сообщила».

Из дома на детскую площадку выбежали ребятишки с игрушками. Это отметились где-то краешком глаза как случайное и тотчас же исчезло. Стучала в висках кровь. Тяжело колотилось сердце «Нет, так нельзя идти. Надо отдохнуть, успокоиться», — билась в голове мысль.

Из ворот больницы вышла желтая с красным крестом на борту машина. Марина Васильевна проследила за ней. Вот она дошла до проспекта и помчалась вверх, в сторону вокзала. «Может, и на аэродром, — почему-то подумала Марина Васильевна. — Увезут, а там на самолет и куда-нибудь в медицинский центр. В Москву. В Ленинград. На глазах увезут и ты ничего не будешь знать».

Она вскочила и, торопливо перебежав улицу, пошла к проходной.

В вестибюле пришлось ждать врача, который даст или не даст разрешение. Так сказала пожилая няня в белом халате, с таким же белым со складками лицом и внимательным взглядом усталых глаз.

— Приезжая? — спросила она, чтобы что-нибудь сказать.

— Приезжая, — сказала Марина Васильевна, оглядывая комнату. Все здесь было, как в любой больнице. Плакаты, учившие первой помощи пострадавшим, белый бачок с отварной водой и кружкой на цепочке и тот же особенный больничный запах.

— У вас тут кто? — снова спросила дежурная няня, вытирая мокрой тряпкой фикус.

— Дмитриев... Константин... Константин Николаевич.

Няня оторвалась от работы и внимательно посмотрела на Марину Васильевну. Глаза ее, прикрытые сверху оплывшими ресницами и похожие на маленькие треугольнички, расширились. В них мелькнуло любопытство. Но потом она отвернулась и с прежней неторопливостью принялась за прерванное дело. Марину Васильевну обеспокоил ее взгляд.

— А вы... не знаете его? — настороженно спросила она.

— Кто его не знает-то,— грубовато откликнулась няня.— Тяжелый, из 35 палаты.

— Как тяжелый?

— Обыкновенно как... бывают легкие и тяжелые,— она с недоумением посмотрела на встревоженную девушку. Ее испуг разжалобил суровую женщину. Уже с сочувствием она продолжала: — А ты не очень-то убивайся. Он сильный. А в медицине нашей — это гвоздь всему. Да... Кто он тебе-то будет? Сродственник?

Марина Васильевна, пряча глаза, посмотрела на плакат.

— Товарищ... хороший товарищ по работе.

Няня тепло улыбнулась.

— Понятно,— быстро взглянула на Марину Васильевну, убежденно добавила:

— Выпрямится твой Дмитриев. Он не из тех, которые, бывает, живыми уже не живут,— и сурово, с видом знающего человека, добавила: — нет хуже для медицины таких хлюпиков. А твой борется. Его сковывает, а он барахтается, не дается. Его давит к земле, а он выпрямляется. Это очень способствует медицине. Точно говорю.

В гулком коридоре слышались шаги. Няня прислушалась и подняла палец вверх.

— Идет... сам идет... главный врач Аркадий Нестерович,— она быстро, по-хозяйски оглядела приемную, поправила на себе халат.

...Главный врач усадил Марину Васильевну против себя в кресло и, по привычке погладив длинные седые брови, проницательным, строгим взглядом уставился на нее.

— Ну-с,— произнес он, блеснув золотым рядом зубов.— Будем охать и стонать?

Марина Васильевна испуганно встрепенулась.

— Он очень тяжелый?

— Очень — даже не то слово,— беспощадно сказал Аркадий Нестерович.

Марина Васильевна неожиданно для себя выпрямилась в кресле:

— Не пугайте, пожалуйста. Что вы его хоронить собирались.

Главный улыбнулся:

— Молодец. Вот так и с ним говори.— он поднялся и вызвал няню.— Проводи, Алексеевна, товарища к Дмитриеву. Да не мешайте им. Она сама все понимает.

Дверь открылась бесшумно, они вошли в небольшую комнату.

— Кто там? — спросил слабый голос из угла.

Няня отдернула штору. В комнате стояло две койки. Но та, что ближе к двери, была пуста. Он лежал на второй. На бледном, осунувшемся лице с заостренными скулами выделялись темные провалы глаз. Марина Васильевна, затанв дыхание, остановилась. Больно сжалось сердце.

— К вам гости, товарищ Дмитриев, — сказала няня. — Принимайте. Узнаете?

Приподняв брови, Дмитриев скосил глаза и слабо потряс головой.

— Н-н-ет... Кто это?

— Я... Я... — произнесла Марина Васильевна шепотом. Язык не повиновался ей. Во рту было сухо.

— Таня? — дрогнуло что-то на лице Дмитриева.

— Я... Я, — Марина Васильевна быстро подошла к нему и подала руку. Он попытался поднять свою и не мог. Болезненно поморщившись, он как-то тяжело задышал и молча уставился огромными блестящими глазами на Марину. Она взяла его руку, сжала в своих. В горле комом стояли слезы.

— Как же... ты... вдруг, — спросила Марина, не в состоянии справиться с охватившим ее волнением.

— Да вот... кто думал...

— Что же врачи-то, Костя?

— А ничего. Шепчутся. Пишут что-то. Изучают.

— Может, может ты недостаточно настойчиво требуешь? Ведь ты, я знаю...

— Приезжали... не только здешние были. Нет, видно... все, стреножен, Таня... Марина... Светлая ты моя звездочка... Стреножен... Не бойся. Это вырвалось. — А я воюю. Да... Я еще барахтаюсь.

— Писать... Писать во все концы! — воскликнула Марина.

— Так ведь они же видят... врачи... понимают... и в их же интересах поднять человека...

— Пойду в крайком, — упорствовала Марина Васильевна.

— Ты наивный человек, Таня,— с неожиданной теплотой произнес Дмитриев.— Чем они-то помогут?..

— А разве тебя уже списали со счета? Кто имеет право забывать о живом человеке? — вспыхнула она и спохватилась: — Извини меня. Тебе нельзя волноваться. Ты слушай, но ничего не отвечай мне. Обещаешь?

У него дрогнули губы, упали согласно длинные ресницы.

— Так вот, дорогой друг,— решительно продолжала Марина.— Я буду воевать за твоё здоровье. Ничего не выйдет здесь — поеду в Москву, к министру, в ЦК, куда угодно... Вот Ты прошел столько трудных дорог к счастью. Ты не имеешь права уходить от него.

Он пристально посмотрел на Марину, слушал ее и чувствовал облегчение. Будто кто-то приподнял его с этой койки могучей рукой и вынес на воздух. Ему стало легче дышать. Он ощутил на своих щеках свежесть степных дорог, утраченный запах цветущих трав, смоляной вкус весенних ветров. Едва слышно он произнес:

— Что там... хорошо?

— Что? Где, Костя?

— Там,— он шевельнул ресницами.— У вас, у гор... на Чарыше... Люблю...

Марина наклонилась над ним.

— А хочешь... хочешь к нам? — заговорила она.

— Чудная...

— А что? Ведь, наверно, там лучше, здоровее, чем в этом склепе. А?

— Возможно... Но у меня боли... чертовски мозжат все суставы,— прошелестел губами Дмитриев.

— Молчи, молчи,— спохватилась Марина.— К нам — это глупо. Это просто так... разговор. Наоборот, надо в Москву.

Сжав руки, оцепенев, сидела она около постели больного в мучительном раздумье. Нет, она должна предпринять все, что будет в ее силах. Марина прошла по комнате, остановилась у окна, открыла форточку. С улицы донесся приглушенный шум, свежая струя обожгла, расправила грудь.

— Должна,— прошептала Марина и, обернувшись к больному, добавила:

— Будем пить чай. У меня, кстати, облепиховое ва-

рение. Острое, а запах! Это то, что надо! В нем все наше предгорье!

Дмитриев просветленными глазами наблюдал за ней.

— Ничего, Костя, мы еще повоюем! — пообещала она. Он слабо улыбнулся.

— Что ж, давай воевать, Таня. Ты думаешь, я жду смерти? Черта с два! Она еще походит за мной.

— Верно, — кивнула Марина. — Я попрошу горячего чая. У меня такое варенье!

Дмитриев с жадностью пил душистый кисловатый чай и не сводил глаз с Марины.

— Рассказывай про совхоз. И как это ты решила приехать?

— Костя! — укоризненно произнесла Марина. — Как тебе не стыдно! Могла ли я не приехать? Дурачок! Разве ты не ждал меня? Откровенно!

— Откровенно — ждал...

— Ну, вот... а теперь, пожалуйста, пей чай и слушай. Расскажу тебе про наши новости.

В конце ее повествования Дмитриев спросил:

— Почему не скажешь, как готовишься к ответственной работе?

— Какой? — удивилась Марина.

— Как какой? Не хитри... знаешь?

— Да нет, честное слово!

— Тогда возьми у меня под подушкой письмо Градова. Директор совхоза сетовал на нехватку механизаторских кадров. Хвалил деловитость Егорыча, но тут же сокрушался по поводу его малограмотности. Он спрашивал у Дмитриева некоторых советов.

— Да, он ждет тебя. Костя, — сказала Марина Васильевна. Дмитриев горько усмехнулся:

— Ждет... спасибо ему. А ты дальше читай, там про тебя есть.

«Вчера был у Кожина. Решали вопрос о кадрах. Есть твердое мнение главным агрономом назначить Иноземцеву. С ней-то мы развернемся! Сам Кожин сделал намек».

— А мне ни намека! — вздохнула Марина. Она задумалась.

— Ты о чем? — осторожно спросил Дмитриев.

— Вот об этом, что вычитала, — она помолчала.

— Разве не прав он?

— Не знаю. Может, я прав. Только мне теперь не до большой работы.

— Да почему же? — удивился Дмитриев.

— Потому что... потому что ничего в голову не пойдет, пока ты здесь.

— Ну, знаешь. Это ты напрасно, — сердито произнес Дмитриев. — Если... если ты так будешь, я попрошу тебя больше не приезжать ко мне, — он разволновался.

— Не буду, не буду, дорогой, — испугалась Марина. — Я, конечно... я постараюсь сделать все возможное, чтобы ты лечился.

— И будут лечить... Что ж ты думаешь, у них руки опустились? Вот Аркадий Нестерович... я вижу — у него со мной седины прибавилось. Ходит, как во сне. Что-то ищет, думает, специально с каким-то институтом связь держит.

— Он мне сразу понравился. Строгий и простой. На нашего Терентьича походит, — обрадованно подхватила Марина Васильевна.

— Терентьич, — вздохнул Дмитриев. — Бескорыстная, светлая душа. Помню, как ругал меня страшно.

— Да как было не ругать тебя! — воскликнула Марина Васильевна. — Помнишь, как сбежал из партизанского госпиталя, когда пошла первая группа взрывников на железную дорогу? С костылем, как мальчишка... Ведь только подумать!

— Терентьич тогда обещал, если случится гангрена ноги, — отпилить ногу поперечной пилой или отрубить ее на чурке. Неделю со мной не разговаривал.

— Стыдно теперь?

— Стыдно, — сознался Дмитриев. — Сообщить бы ему обо всем.

— Я думала о нем. У тебя же есть адрес?

— Есть. Только не дам тебе.

— Но почему же?

— Не хочу огорчать старика, волновать его. Проследил за эту нашу встречу. Помнишь, писал тебе? Расстроился. А ведь он уже старенький. Вообще, прошу тебя: не предпринимай никаких шагов. А то начнешь тут бегать по всем... Я верю в Аркадия Нестеровича. Он не отступит.

— Что хоть говорит?

— Терпенье и труд — все перетрут.
— Классически. Но ведь и терпению приходит конец.
— Будут подлечивать. Боли уже снимает понемногу.
В санаторий переведут...

В палату зашла няня.

— Побеседовали? — спросила она. — А вас, барышня, Аркадий Нестерович просил зайти к нему.

Марина встала. Посмотрела на Дмитриева. Он кивнул ей.

— Зайдешь еще?

— Конечно же! Я варенье оставлю. Можно? — она посмотрела на няню.

— Разрешено. Варенье — это витамины. Пойте тут его чайком, не бойтесь!

Аркадий Нестерович, усадив Марину на диван, посмотрел на нее.

— Кто вы? — спросил он, но тут же махнул рукой. — Впрочем, это не имеет никакого значения. Но вид мне ваш не нравится.

— Он очень изменился, — упавшим голосом проговорила Марина. — Что с ним?

— Болен. — бросил врач и, нахмурясь, взял со стола какую-то бумагу — Дмитриев серьезно болен... — он помолчал и, резко вдруг повернувшись к ней, спросил: — Вы что-нибудь слышали о кедре, милая девушка? — колющие глаза его вонзились в лицо Марины. — Хотя, простите, если вы оттуда же, из совхоза, вы почти житель гор... так вот. Недавно обнаружено лесниками: гибнут лучшие кедровые заросли. В чем дело? Пришли ученые лесоводы. Поставили несколько тысяч опытов, а до первопричины так и не добрались. Какая сила валит этого богатыря? Растет, растет и вдруг начинает хиреть на корню. Короед? Почва? Грызуны? Соседние леса? Нет. В чем дело? — Аркадий Нестерович отбросил со лба седую прядку волос, встал и нервно прошелся перед Мариной.

— Сможете вы сказать, чем болен кедр, если ни одна из известных болезней не подходит по своим симптомам?

— Значит... значит, — прошептала Марина, бледнея.

— И ничего еще не значит, — сердито перебил ее врач. — Одно только значит, что надо искать! Надо изучать ход болезни и найти правильное решение, чтобы уверенно пресечь ее.

— Но...

— Вот так,— перебил ее Аркадий Нестерович.

— Благодарю вас,— Марина Васильевна поднялась. Аркадий Нестерович строго глянул на нее, но вот в глазах его мелькнула теплинка, и лицо сразу преобразилось. Стало отечески добрым, уставшим.

— Не сердитесь на меня. И притчу о кедре рассказал вам и горячился.— Он похлопал ее по плечу, вздохнул: — Вы должны все это знать. Такова обстановка. Но держитесь! Как же вас величать?

— Иноземцева... Марина Васильевна.

— Фамилия у вас медицинская... А вы?

— Агроном.

— Заходите. Только, пожалуйста, не падайте духом. Он вам очень...

— Очень,— улыбнулась Марина.

— Понимаю,— кивнул врач.— По секрету скажу вам: жду одну знаменитость из Москвы. Крупного специалиста... Своего бывшего учителя,— Аркадий Нестерович подмигнул ей, и они распрошались.

На город уже ложились бледные сумерки, когда, бесцельно побродив по улицам, Марина Васильевна вспомнила о ночлеге и забеспокоилась. В гостиницу нечего и ходить — всегда забита. По-прежнему дул холодный ветер. Зябко кутаясь в пуховую шаль, Марина Васильевна медленно пошла к речному вокзалу.

В большом зале было неуютно, холодно и грязно. Дверь ежеминутно скрипела и оглушительно хлопала, впуская и выпуская пассажиров. У открытого окошечка кассы толпился народ. Марина Васильевна присела на свободный конец дивана. Сосед, краснощекий мужчина лет тридцати, с аппетитом уплетавший ветчину с хлебом, взглянул на нее, обсосал пальцы и снял с дивана чемодан.

— Садитесь посвободнее,— сказал он.— А эту штуку я и на руках подержу,— он постучал пальцами по чемодану.

Марина Васильевна поблагодарила его. Села поудобнее и устало откинулась назад.

— Говорят, последний пароход идет вверх? — спросил сосед.— Правда?

— И-не знаю.

— А вам куда: вверх или вниз?

— Мне никуда.

— А-а, понятно, приехали,— он обтер круглое лицо

— Терпенье и труд — все перетрут.

— Классически. Но ведь и терпению приходит конец.

— Будут подлечивать. Боли уже снимает понемногу. В санаторий переведут...

В палату зашла няня.

— Побеседовали? — спросила она. — А вас, барышня, Аркадий Нестерович просил зайти к нему.

Марина встала. Посмотрела на Дмитриева. Он кивнул ей.

— Зайдешь еще?

— Конечно же! Я варенье оставлю. Можно? — она посмотрела на няню.

— Разрешено. Варенье — это витамины. Пойте тут его чайком, не бойтесь!

Аркадий Нестерович, усадив Марину на диван, посмотрел на нее.

— Кто вы? — спросил он, но тут же махнул рукой. — Впрочем, это не имеет никакого значения. Но вид мне ваш не нравится.

— Он очень изменился, — упавшим голосом проговорила Марина. — Что с ним?

— Болен, — бросил врач и, нахмурясь, взял со стола какую-то бумагу — Дмитриев серьезно болен... — он помолчал и, резко вдруг повернувшись к ней, спросил: — Вы что-нибудь слышали о кедре, милая девушка? — колющие глаза его вонзились в лицо Марины. — Хотя, простите, если вы оттуда же, из совхоза, вы почти житель гор... так вот. Недавно обнаружено лесниками: гибнут лучшие кедровые заросли. В чем дело? Пришли ученые лесоводы. Поставили несколько тысяч опытов, а до первопричины так и не добрались. Какая сила валит этого богатыря? Растет, растет и вдруг начинает хиреть на корню. Короед? Почва? Грызуны? Соседние леса? Нет. В чем дело? — Аркадий Нестерович отбросил со лба седую прядку волос, встал и нервно прошелся перед Мариной.

— Сможете вы сказать, чем болен кедр, если ни одна из известных болезней не подходит по своим симптомам?

— Значит... значит, — прошептала Марина, бледнея.

— И ничего еще не значит, — сердито перебил ее врач. — Одно только значит, что надо искать! Надо изучать ход болезни и найти правильное решение, чтобы уверенно пресечь ее.

— Но...

— Вот так,— перебил ее Аркадий Нестерович.

— Благодарю вас,— Марина Васильевна поднялась. Аркадий Нестерович строго глянул на нее, но вот в глазах его мелькнула теплинка, и лицо сразу преобразилось. Стало отечески добрым, уставшим.

— Не сердитесь на меня. И притчу о кедре рассказал вам и горячился.— Он похлопал ее по плечу, вздохнул: — Вы должны все это знать. Такова обстановка. Но держитесь! Как же вас величать?

— Иноземцева... Марина Васильевна.

— Фамилия у вас медицинская... А вы?

— Агроном.

— Заходите. Только, пожалуйста, не падайте духом. Он вам очень...

— Очень,— улыбнулась Марина.

— Понимаю,— кивнул врач.— По секрету скажу вам: жду одну знаменитость из Москвы. Крупного специалиста... Своего бывшего учителя,— Аркадий Нестерович подмигнул ей, и они распрощались.

На город уже ложились бледные сумерки, когда, бесцельно побродив по улицам, Марина Васильевна вспомнила о ночлеге и забеспокоилась. В гостиницу нечего и ходить — всегда забита. По-прежнему дул холодный ветер. Зябко кутаясь в пуховую шаль, Марина Васильевна медленно пошла к речному вокзалу.

В большом зале было неуютно, холодно и грязно. Дверь ежеминутно скрипела и оглушительно хлопала, впуская и выпуская пассажиров. У открытого окошечка кассы толпился народ. Марина Васильевна присела на свободный конец дивана. Сосед, краснощекий мужчина лет тридцати, с аппетитом уплетавший ветчину с хлебом, взглянул на нее, обсосал пальцы и снял с дивана чемодан.

— Садитесь посвободнее,— сказал он.— А эту штуку я и на руках подержу,— он постучал пальцами по чемодану.

Марина Васильевна поблагодарила его. Села поудобнее и устало откинулась назад.

— Говорят, последний пароход идет вверх? — спросил сосед.— Правда?

— И-не знаю.

— А вам куда: вверх или вниз?

— Мне никуда.

— А-а, понятно, приехали,— он обтер круглое лицо

платком, улыбнулся.— Командировочные, значит... Понятно,— он помолчал немного, потом, оживившись, снова обратился к ней.

— Ужас сколько стало ездить людей в командировки. Правда?

— А вы?

— Я? Хм... Я по своей воле. И что за климат тут, а? У нас под Воронежем сейчас благодать стоит, а тут...— он покрутил головой.— Холод. Слякоть. Все-таки, должен вам заметить, благодатственный край. Он меня, видите,— сосед выпятил грудь и самодовольно улыбнулся,— на ноги за одно лето поставил.

Марина Васильевна заинтересовалась, как он и зачем попал сюда.

— Лечился... Да, да. Своим способом лечился. Нанялся на пасеку в один колхоз и вот прожил на вольном воздухе лето. Одно лето прожил, а будто лет десять сбросил. Зарядочку, можно сказать, получил,— он хихикнул и полез снова в чемодан. Достал колбасу, сыр, пышный деревенский калач.— Не угодно вместе... а?

Марина Васильевна, с трудом сдерживая охватившее ее почему-то чувство брезгливости и негодования, отрицательно покачала головой и насмешливо бросила:

— Ешьте уж... вам надо поправлять расшатавшиеся здоровье.

Сосед довольно осклабился.

— Теперь слава богу. Ни на что не жалуюсь. А скажу вам, действительно головы кружение было. Слабость ужасная во всем теле.

— Что же вы делали? Какую работу вели там, у себя?

— Работа не так чтобы, но умственная... В страхкассе был я. Страховой агент. И заметьте — один на весь район. А справлялся. Помощи не просил,— он действительно понизил голос: — Меня, бывало, даже инструктор райкома товарищ Панченко вызывал. Как это ты, товарищ Ращупкин, управляешься один? И почему, говорит, ты, товарищ Ращупкин, не состоишь в партии? Нам, говорит, очень был бы большой плюс.

— Ну, а вы? — усмеянулась про себя Марина Васильевна.

— Хм,— прожевывая очередную порцию колбасы, вскинул голову Ращупкин.— К чему мне излишнее беспокойство? Я вот сел, к примеру, и поехал поправлять

расшатанное здоровье. И ни я никому и мне никто. Сам себе хозяин. Я, конечно, солидарен... не подумайте, что-нибудь такое...— он покрутил пальцами.— Я согласный и с уставом и с программой, но люблю быть независимым.

— Что ж вы снова на прежнюю работу?

— Посмотрим. Торопиться не к спеху. Тут кое-что отложено,— он похлопал по карману.— Зиму можно не думать о куске насущном. Осмотримся, что и как, а тогда уже... решать.

Марина Васильевна наклонилась к нему, он подставил ухо, криво ухмыляясь.

— А немцам... немцам вы не служили? — услышал он гневный шепот. Страхагент отшатнулся от нее. Щеки его побелели. В глазах заметался смертельный испуг. Он подавился куском, закашлялся. Марина Васильевна встала и презрительно бросила:

— Не бойтесь... У меня же, кроме собственного убеждения, нет никаких доказательств.

Дрожащими руками она поправила шаль, взяла со скамьи саквояж и вышла на набережную. Внизу, под берстом, нарядно сверкал разноцветными огнями пароход. Бежали по широкой лестнице к трапу беспокойные пассажиры.

«Ходит... бродит еще по земле вот такая... разная слякоть,— не могла успокоиться Марина Васильевна от разговора со страхагентом.— Отъедает морды, ищет слабые места... И разве у такого повысится кровяное давление от твоей беды или горя?»

Часа через два, уставшая, продрогшая, вернулась она в вокзал. В полупустом зале было немного теплее, чем на ветру. Марина Васильевна прошла в угол и опустилась на жесткий диван.

ГЛАВА 31

По сырой асфальтированной улице бежал мутный поток. Холодный ветер, скашивая струи мелкого дождя, срывал последние тополиные листья. Кружа и беспомощно перевертываясь в воздухе, они слепо повиновались ему — летели наугад без дорог и пути, натыкались на прохожих, прижимаясь плашмя к мокрым стенам домов, падая в лужи и ручьи. В городе буйствовала осень. И оттого ли, что глаз не радовала унылая эта пора, или от сознания своей беспомощности перед лицом надвинувшейся беды, Марина Васильевна почувствовала впервые за все эти дни какое-то равнодушие ко всему, безразличие, душевную пустоту. Она прошла по газону центральной аллеи, опустилась на мокрую скамью и устало закрыла глаза.

Город шумел. Город спешил полный сил и энергии. Здоровый и сильный. Шуршали по асфальту, шумно разбрызгивая воду, десятки, сотни, а может быть, тысячи автомашин. Шаркая подошвами ног, горопливо шагали люди. «Только тебе некуда спешить», — проползла тяжелая мысль. Марина поежилась от холода и встала. «Когда человеку некуда спешить, значит, он отходит свое». А ты? Разве ты можешь так сказать о себе? Нет, Марина, ты еще не успела вот так, как те, например, двое, пройтись беззаботно и весело под одним зонтом. А как ты мечтала о таком дне в то время, помнишь? Там, в опаленном войной лесу, в трудное для твоей Родины время. Конечно, ты не представляла своего счастья без него, без Кости. Но оно могло бы, очевидно, быть и без него.

— Без него? — проговорила вслух Марина. — Возмож-

но. Только не теперь. Может быть, до него... До нашей встречи.

Перед ней видением мелькнули лица ребят далекой сейчас Кушки... Веселый и душевный Павел. «Он меня любит... Знаю, с тобой было бы, кажется, хорошо, Павел... Но было б оно полным, наше счастье, если бы я знала, что в это же самое время в тесной комнатухе, на третьем этаже борется со смертью самый хороший из встреченных мною людей. Нет, такого счастья мне не надо».

Дмитриев при ее появлении поднял голову и обрадованно сказал:

— А знаешь, я твои шаги узнал в коридоре! Мне сегодня лучше! Я чувствую себя лучше!

«Милый, родной мой, — защемило ее сердце, — ведь что нового? Ничего». Но, заставив себя улыбнуться, Марина подходит к нему и целует его в лоб.

— Вот и прекрасно, меня сегодня не покидает какое-то хорошее светлое чувство! Я снова говорила с твоим врачом. Не надо отчаиваться. Выписали какой-то новый препарат, говорят, очень сильное средство. Яблоки вот принесла тебе... Заходила на базар. Ешь!

— А у меня письмо есть....

— От кого?

— От Кати. Почитай... Мне сестра читала.

— Ты лучше расскажи, — смутилась Марина.

— Понимаешь, — он тяжело вздохнул. — Очень, пишет, переживает. Ободряет меня. И Витька нарисовал что-то, не то корову, не то собаку, — Дмитриев рассмеялся.

Марина взяла письмо и долго рассматривала Витькино послание.

— Это — корова «Дочка», — сказала она. — Видишь, на боку пятно заштриховал? Это она, — Марина рассеянно посмотрела в окно. Проследив за выражением ее лица, Дмитриев, сказал неуверенно:

— Ты не особенно переживай, Марина. Я понимаю ее. Уж лучше б сразу поставила крест. Нельзя — коммунистка... да еще это интеллигентное, мол, нехорошо совсем забывать о человеке в беде. Надо обнадежить его. Подбодрить... — голос его задрожал.

— Не надо, Костя... не говори так.— голос Марины прерывался.— Я буду всегда с тобой... Веришь?

Он посмотрел на нее долгим пристальным взглядом.

— Со мной... с таким?

Марина наклонилась к нему. По щекам ее поползли слезы:

— И ты... сомневаешься?

Он беспомощно и растерянно улыбнулся.

— Я верю,— прошептал он.— Разве можно не верить тебе? — Марина счастливо смежила глаза. Потом открыла их и грустно улыбнулась.

— Видишь... Я рада!.. Что тебе еще нужно?

— Теперь ничего,— сказал он тихо. — С тобой мне будет не страшно, Танюша... Я знаю теперь, уверен: встану! И все-таки, знаешь... трудно поверить в такое счастье! Ты могла бы... Тогда. Ну вот этот Ветров, он нравится тебе?

— Нравится, Костя... а что?

— Ну, могла бы ты...

— Нет. Дурачок ты мой... Разве этого достаточно?

— Но нравится же?

— Да.

— Так что же еще?

— Полюбить надо, друг мой. А это не приходит так просто, когда захочешь.

Он устало откинул голову.

— Хочешь, я брошу все и устроюсь тут полумойкой... Хочешь?

— Не дури, Мариша. Поезжай на Кушку. У тебя сейчас будет работы и заботы полон рот.

— Хорошо. Только отпуск вот тут с тобой просижу, хочешь ты этого или нет.

— Скоро?

— Наверное, не раньше ноября. Вот закончим зябь.

— Согласен...

Марина поправила на нем одеяло.

— Теперь отдыхай. Ни о чем не думай. Все устроится. Алексеевне я отдала яблоки — помост их. Ты, пожалуйста, ешь... Фрукты — хорошо.

— Иди, иди...— ласково сказал Дмитриев.

— Хорошо уснешь?

— Сегодня — да,— прошептал он.— Мне очень хорошо...

✻ ✻ ✻

Возвращаться в холодный и неуютный речной вокзал не хотелось, и Марина Васильевна, зайдя на почту, стала звонить по гостиницам Железнодорожная.. гостиница «Обь»... Дом колхозника. Нигде не было мест. Повесив трубку, Марина вышла и направилась по проспекту «Не позвонила в центральную, — вспомнила она. — Но куда — бесполезное дело». Все-таки, проходя мимо, не вытерпела, зашла. И вдруг неожиданная встреча: Гус! Он растерянно перебросил кожаную папку с одной руки в другую и схватился за очки.

— Здравствуйте, — смущенно пролепетал он. — Вы здесь? То есть, я хотел сказать... устроился в этой гостинице? — и, водрузив очки на нос, продолжал: — Сегодня видел приказ. Поздравляю.

— Какой приказ? — удивилась Марина.

— Ну, как же — о вашем назначении. Поздравляю... товарищ главный агроном.

Марина прикусила губу.

— Ну, а вы... вас куда?

— Пока вот сюда, — он кивнул на дверь гостиницы. — И поверьте, это стоило большого труда. Трешинскому. Забито, хоть под забором ночуй. Ну, а там видно будет. Скорей всего уеду в Москву... домой.

Говорить было не о чем, и они распрощались. Марина зашла в вестибюль.

На диванах и креслах сидели и полулежали с окаменевшими лицами люди. Некоторые из них, зажав свои пожитки коленями, дремали, настороженно, однако, поглядывая на окошечко дежурной. «То же самое, — горько подумала Марина, без всякой надежды на успех подходя к заветному окну. Она даже не стала спрашивать о месте. Посмотрела на строгое лицо миловидной женщины, считавшей что-то на счетах, и печально улынулась. «Но Гус все-таки сумел, хоть и не он теперь главный, а ты...»

— Вижу — бесполезно, — тихо сказала она дежурной. И кивнула на сидящих в вестибюле.

Дежурная подняла голову, мельком взглянула на Марину и, пожав плечами, снова уткнулась было в бумаги, но, повинувшись какой-то мысли, посмотрела на нее снова, и Марина прочитала в ее глазах интерес.

— Вы откуда? — спросила дежурная:

— Из совхоза. Есть такой совхоз «Причарышский».

Дежурная пробежала глазами какую-то бумажку, висящую перед ней на гвоздике, и быстро спросила:

— Фамилия?

— Иноземцева, — произнесла Марина и, в свою очередь, с любопытством поглядела на нее. «Какое это имеет значение?» — говорил ее взгляд.

— Иноземцева, — повторила дежурная и недовольно добавила: — вторые сутки пустует номер. А вы не заявляетесь. — Она подала ей листок бумаги. — Заполняйте быстро. О вас уже справлялись дважды.

— Кто?

— Из крайкома партии... Зарубин.

Растерявшаяся Марина уткнулась в регистрационный листок, не веря своему счастью. Несколько человек сорвалось с диванов и кресел и бросились к дежурной. Раздались недовольные голоса.

— Не возмущайтесь, граждане, — металлическим голосом произнесла дежурная: — у нее броня.

...Долго не могла уснуть в эту ночь Марина. Загадочная броня, звонок из крайкома — вызывали какую-то смутную тревогу. «Зачем я понадобилась секретарю по пропаганде? — спрашивала она, но, так и не додумавшись ни до чего, махнула рукой. — Все равно. Поговорю о Косте... Это даже еще лучше».

С этой мыслью она и уснула.

В приемной секретаря крайкома, в небольшой комнате с одним столиком, Марина встретила двух человек: милостливую средних лет женщину, говорившую о чем-то по телефону, и невысокого полного мужчину, чуть сутуловатого, с черными квадратами густых бровей и веселыми, открытыми глазами. Он указал Марине место на диване, пристально посмотрел на нее и озабоченно повернулся к столу. Телефонный разговор интересовал и его, и он, с нетерпением постукивая карандашом по столу, ждал конца разговора. Марина волновалась и совсем не слушала, о чем он стал говорить, приняв телефонную трубку от женщины. Но вот он обратился к Марине:

— Вы к кому?

— К товарищу Зарубину. Меня выжидали.
— Как ваша фамилия? — задумался он.
— Иноземцева... Я из совхоза «Придольский».
— А-а... Хорошо. Я приведу вас. Идите за мной. Зарубин два дня уже размышляет. — Он весело посмотрел на Марину.

— Не спешите, мне случится?

— А вот сейчас мы все узнаем. Прощу вас! — он открыл дверь в кабинет и пропустил Марину вперед.

В просторном кабинете никого не было. Это не обескуражило спутника Марину. Добродушно повторяя: — Вот мы и узнаем, разберемся, — он прошел к столу и сел в кресло.

— Садитесь, Марина Васильевна, поближе. Вот так. А теперь давайте знакомиться.

— Вы... товарищ Зарубин? — удивилась Марина.

— Похоже, что так. А теперь... теперь, — он покопался в бумагах, лежавших стопками на столе, вытащил одну из них — это был телеграфный бланк, — а теперь познакомьтесь с содержанием этого письма. — Зарубин подал ей листок. — Читайте. Прощу вас...

Марина, волнуясь, взяла листок. Это была телеграмма из Кушки.

«Мы обеспокоены судьбой хорошего человека... коммуниста, инженера, героя-партизана Дмитриева. Он из скромности не мог говорить о себе, таких людей нельзя отдавать в лапы смерти, к нему выехала наш агроном Иноземцева Марина Васильевна. Она самоотверженно бросилась спасать товарища по оружию... Мы просим вас... вмешаться... помочь...» — прыгали, исчезали строчки перед глазами Марины. Она заметила: слова «товарища по оружию» были подчеркнуты красным карандашом.

...Уже в легковой машине, которую вызвали для нее, Марина старалась со всеми подробностями восстановить разговор с секретарем крайкома. Он попросил подробно рассказать о ее службе в партизанском отряде.

— Сколько же вам было лет?

— Пятнадцать.

Он ничего не спросил больше. Задумавшись о чем-то. Потом вышел из-за стола, прошелся по кабинету, заложив руки за спину, и несколько раз повторил задумчиво:

— Да-а...

Подсев рядом, коснулся ее плеча рукой и попросил:

— Говорите... Теперь говорите, что случилось с ним.

Да, он слышал что-то такое, но самого Дмитриева хорошо не знал, недавно работает. Всего несколько месяцев. Потом записал адрес Кости и, провожая, просил не беспокоиться.

— Возьму на контроль. Примем все меры. Должен вам сказать, врач Чеглецов держит связь с одним Московским институтом. Об этом был разговор. Я помню.

— Чеглецов — это Аркадий Нестерович?

— Да. Хороший врач. Можно не волноваться. Ну, а теперь о ваших экспериментах, — он весело векинул брови. — Расскажите. Только так, с расчетами, если помните.

— Вы о кукурузе?

— О ней. Нам ведь тоже кое-что известно и о Селезневских грядках и о вашем Коловом мысе.

«Не ошиблась ли я? Нет не могла... Кормовые единицы пропаших хорошо помню».

Потом Зарубин поздравил с новым назначением.

— Успехов, успехов желаю вам, — сказал он, пожимая руку. — Кушка — это хорошо. Это хлебный форпост совхоза. Теперь крепостью сделайте весь совхоз.

Уже в гостинице Марина Васильевна, перебирая весь разговор с Зарубиным, вспомнила о Максиме Терентьевиче. Костя говорил, что он стал большим врачом, чуть ли не профессором. Надо было сказать Зарубину о нем. Он бы заставил Костю назвать адрес. Но Зарубин подтвердил слова Аркадия Нестеровича — институт заинтересовался. Там, наверное, тоже большие специалисты.

Кушка... Форпост в степи... нет, она уже настоящая крепость. Она давно уже стала крепостью сердец. Перед Мариной одна за другой прошли судьбы молодых обитателей Кушки. «Крепость сердец», — прошептала она, и очень захотелось ей в эту минуту быть там.

Марина Васильевна задержалась на Кушке и решила заночевать. Если бы не заморозок, который не сдавался до самого полудня, если бы не холодный ветерок да засохшая полынь у стана не напомнили о глубокой осени, Марине казалось бы, что снова пришли на Кушку тихие, ясные весенние дни. Степь лежала перед ней, причесан-

ная волнистыми гребешками зяби. Еще плыли по воздуху запоздавшие тенета. Мирно и тихо струил свои неслышаемые воды Кудренок.

В один из таких погожих дней Дуся всполошила все население Кушки.

— Вертолет! — закричала она. — Вон за Кудренком садится!.. Кто-то к нам!

Все выскочили наружу и сразу же услышали приглушенный рокот огромного винта. Ребята перебрались через речушку и торопливо зашагали по полю к месту посадки. Вскоре они возвратились обратно с неизвестным гостем. Марина стояла в толпе девчат и, почему-то волнуясь, пристально вглядывалась в приезжего. Он часто останавливался. Глядел на горы и, отчаянно жестикулируя, о чем-то говорил. Когда стали подходить к Кудренку, Серафим вырвался вперед и закричал:

— Марина Васильевна, к вам! Встречайте гостя!

Охнув, держа за сердце, Марина подалась вперед и замерла: к берегу, шурясь и покачивая головой, шел щуплый, седобородый старик.

— Максим Терентьевич! — вскрикнула Марина и, бросившись вперед, перебежала вброд речку.

Обняв и похлопывая по спине припавшую к нему девушку, профессор растроганно проговорил:

— Вот оно как случается... а? Ах, Танюша, Танюша... Ну, дай мне посмотреть на тебя. — Он отстранил ее от себя, пристально поглядел в лицо и снова прижал к своему плечу.

— Да-а, — сказал он задумчиво и, помолчав, добавил твердо и уверенно: — Ты за Костю, не очень-то переживай. За ним приехал. Увезу к себе в институт... в Москву.

— Максим Терентьич, — восторженно воскликнула Марина Васильевна. — Так это с вами держали связь... они?

— Кто?

— Аркадий Нестерович... крайком.

— Консультировались в нашем институте с доктором Кругловым — известным нейрохирургом, я знал, да только никак не предполагал, что этим больным окажется мой давнишний пациент. Ведь мы совсем недавно встречались с ним. Говорил?

— Тогда было все хорошо, и никто не думал, что так может случиться.

— Не беспокойся, сделаем все, чтобы поднять его.

Максим Терентьевич остановился у Кудренка и посмотрел на стая.

— Это и есть избушка Кушай?

— Правда, по тропинке вон, — улыбнулся Марина Васильевна. — Не бойтесь, верю вас, будет она крепостной... И в самом деле, это в сени.

— Мы с вами скажем, что вы чин, так и будет... Верю, — лукаво блеснул глазами Максим Терентьевич. — А я ведь к тебе чайком поблизости я уже был... Спешаю. И спасибо, не отказали, а в этот в крайнее время.

— Я очень, очень благодарна... Максим Терентьевич, — взволнованно прошептала Марина Васильевна. — Пойдемте в сени... Вот здесь за кустиками переходы есть... Сюда! — Она схватила Максима за рукав и потянула за собой.

— Перелететь, а ты прямиком бежала, как девочка... все такая же, — укоризненно покачал головой Максим Терентьевич.

— О, я б, потерпела, в этот миг и море перебежала! — счастливо смеясь, воскликнула Марина.

На берегу их встретил новый управляющий Кушки Илья Петров.

ЭПИЛОГ

Удивительные это были годы. Были весны, когда половодье приходило на Алтай дважды, было так: едва отцветали медунки по логам, а в речках уже пересыхала вода, и мелели они, скалясь перекатами. Были зимы, когда тракторы, штурмующие сугробы, сбивали печные трубы в завьюженных под самые карнизы деревнях, бывали и другие — «сиротские» с дождями, с мокрым туманом в самой середине зимы. То загорались почки на краснотале в апреле, то студеные ветры свирепо косили скот в весенний месяц май.

Всякое бывало. А молодая поросль росла, мужала, расправляла плечи и в дождь, и в стужу. Выходил на магистральную дорогу молодой строитель, наш современник, горячий, пытливый, пылкий спорщик и неугомонный человек.

Прошло пять лет. И, конечно, многое изменилось в жизни молодых аборигенов Кушки. Одних позвали дороги в институт, других — новостройки. Но не забыли Кушку ребята. Как самое яркое и самое дорогое воспоминание осталась она в их жизни. Удивительная вещь, эти трудные дороги, особенно если они пройдены в молодые годы. Как бы ни было трудно, как бы ни сводило сердце от тоски по дому, по родным местам — ведь было и так, что волосы примерзали к жесткой подушке, и, падая от усталости, люди забывали про еду, — а прошло это трудное неустроенное время, вспоминаешь о нем — и сердце горит, бьется тревожно и вместе с тем легко и радостно.

...Июньским вечером, вписывая в розовое небо голубую дымку, мчался по сибирской магистрали пассажир-

ский поезд. В тамбуре одного из вагонов, тиская друг друга в объятьях, топтались, точно петухи, высокий, стройный темноволосый парень в сером костюме и коренастый, пониже ростом, в голубой тенниске. Они отталкивали друг друга, награждали увесистыми тумаками, ойкали, хохотали, снова сходились и хватались за руки.

— Ну, черт! Экий, брат, ты, стал, а? — говорил тот, что в безрукавке. — А ну-ка, постой, постой, Серафим... однако борода пробивается, а?

Парень, счастливо улыбаясь, проводил ладонью по щекам.

— Не твоя, Илья... козлиная — окладистая будет!

— На бороду не везет, брат, светлая да реденькая, будто у казаха. Зато крепкая, как проволока.

Они весело рассмеялись. И — в который уже раз — засыпали друг друга вопросами.

— Ну, как там Кушка?

— А ты?

— А кто там из наших? Где?

— Семья есть?

— А у тебя?

Угломонились. Помолчали.

— Кушка, Илья, не забудется. — задумчиво сказал Серафим. — Никогда... Ну, если говорить банально, она мне выдала путевку в жизнь.

— Причем тут банальность? — возразил Илья. — Для меня это в буквальном смысле.

— Нет, я понимаю... Я в том смысле, что для меня это по-прежнему звучит ярко и убедительно. Слышно было, секретаришь, а? Совхоз-то уж очень крупный.

— Да, разика в три засеваем больше, чем в то время сеяли, — живо отозвался Илья. — Да, брат, избрали...

— Ну, а Соня?

— Учительствует... — лицо Ильи посветлело. — Второй сынок тянется. Ух, живой...

— Да, есть в кого, — улыбнулся Серафим. — А Колька? Как он? Какова его судьбина?

— С нами. Десятилетку заканчивать будет. Летом и комбайнер он, и тракторист — вообще, золотые руки у парня.

— Как бы хотелось встретиться со всеми. Да за один стол. Да вспомнить, да поболтать!

— Удивительно, как это мы с тобой-то встретились! —

воскликнул Илья. — В Москве нас будет трое из кушницев!

— Да-а... Марина Васильевна. Я ведь ее ко всем ревновал на Кушке. Прямо по-настоящему, всерьез! Помню, как увижу этого прораба Ветрова — все губы себе искусаю. А он любил ее?

— И сейчас, кажется, любит, — сказал Илья. — Навещает «Причарышеский» частенько.

— А это правда, что Лиза... Помнишь, у Гуса работала?

— Как же, конечно. Уехала домой. Не повезло на целине девушке. — усмехнулся Илья.

— А Дуся?

— Вспомнил. — Илья положил руку на его плечо и легонько подтолкнул. — Неужели ты так ничего и не видел и не понял в ее поступках?

Серафим удивленно посмотрел на Илью.

— Вижу, не понял. А она любила тебя. Когда тебя приняли в машиностроительный институт, — уехала в Журавлиху. Там в чайной работала поваром. А в прошлом году вышла замуж. Хорошо живут. Мы с Соней бывали у них не раз. Тебя вспоминали, Лешку... Вам не икалось?

Серафим смущенно опустил голову. Почему-то стало грустно.

— Да, Лешка молодец, — сказал Серафим. — С ним мы виделись часто. Институт рядом. Взяли его в научно-исследовательский. Колдует над пропащей системой.

— Знаю. Марина Васильевна у них частый гость. Говорила про его успехи.

— Ну, а с Дмитриевым как?

— Бывает у него. Нынче, говорит, приедет к нам.

— Поставили на ноги?

— Да.

— Посмотрел бы ты на Марину Васильевну! Совсем, как девчонка! Правда! Счастье, оно, Серафим, преобразает человека.

— Трудным был ее путь к счастью, Илья... Верно?

— Да. Зато, Серафим, такое счастье навек.

Поезд прогремывал на каком-то мосту, ворвался в бор. Замелькали деревья, небольшие елани, покрытые цветами, ложки и глубокие овраги. Где-то в просветах между деревьями, там, где еще бродили по стволам стройных сосен и берез лучи заходящего солнца, про-

бегали избы встречных деревень. Серафим смотрел в застекленную дверь и, встревоженный разговором с Ильей, думал о Дусе. «Неужели она... А я и не думал, считал ее сумасбродной... болтушкой».

— Пошли в купе, — предложил Илья. — Да, ты в каком вагоне?

— А? — очнулся Серафим. — В вагоне? Я ведь в ресторан пробирался. И забыл все на свете... встретился тут с тобой. А вагон у меня восьмой.

Илья обнял его за плечи.

— Пошли. Я один в купе. А если проголодался — угошу. Соня насовала мне и ветчины и сдобы разной Бонтия, что помру с голоду в дороге, — он тихо засмеялся.

Они зашли в вагон.

— Так-так, старик, — сказал Серафим, оглядывая купе. — Ишь в каких вагонах стал ездить. А помнишь теплушку?

— Такое не забывается.

— Похвально. Значит, в Москву...

— Туда.

— Здорово! Поедем к моим старикам. Не отнекивайся. Увидишь. А потом вместе в институт... к Дмитриеву.

— Я же не на прогулку. Не на экскурсию. В высшую партийную школу определяюсь.

— Ну и определяйся. Одно другому не мешает. Ты и не думай...

— Уговорил. Есть будешь?

— Нет. Хочу щей похлебать. Не обижайся. Дорога длинная. Успеем опорожнить Сонины запасы. А пока я вот что придумал. Принесу тебе одну вещичку. Думаю, заинтересует тебя. Пока ты с ней тут разберешься — я схожу подкреплюсь.

— Это что за вещичка?

— Узнаешь. Ну, как?

— Ладно. Давай!

Серафим вернулся в свой вагон и вскоре пришел с толстой тетрадкой.

— Вот, — сказал он. — Помнишь?

— Узнаю.

— Берегу для историков.

— А ну-ну.

— Слушай, прочту тебе название труда: «Записки, поучительные рассуждения и заветы молодого лоботряса,

волю судеб заброшенного в обетованный Алтайский край, в бурный водоворот удивительных событий пятидесятих годов XX столетия. » Каково?

Классически!

— То-то. Учили: это первья... будет еще несколько.

— Одним словом, в нескольких томах, — сказал Илья.

— Эпоса! — сказал Серафим и, смеясь, вышел.

Илья перелистал несколько страниц, присел к столу и углубился в чтение.

ИЗ ДНЕВНИКА СЕРАФИМА ПОДГОРНОГО

«Потанов — враг. Сегодня на стан прискакал в полдень Рукавичников. Он потерял где-то дорогой кенку, был поцарапан. С коня его падали хлопья вены.

— Гнал напрямик, около Чарыша. Нехлестался в зарослях. Потанова не видели, ребята? — спрашивает.

Мне стало не по себе. И, как сказал после Лешка, он также подумал в этот миг об Ильке. Потанов мог завернуть в Озерки, повидаться с Колькиной матерью и тогда... Тогда черт знает, что может произойти! Он встретится там с глазу на глаз с Илькой...

Рукавичников бросился к телефону, вызвал кого-то и стал докладывать:

— Овечек собирает отряд комсомольцев. Избушку свою Потанов сжег. Улья бросил в Кудренок. Что? Какой там! Со скалы побросал. Щенок не осталось. Нет, далеко не мог уйти. Позавчера видели его. Нет, на Кушке не был. С Петровым? А этого не знаю. Не должно, — зажав трубку ладонью, он бросился к Лешке. — А Петров как?

Лешка пожал плечами.

— Он ведь в Озерках пока квартирует. Рукавичников удивился: в Озерках? Ах, да, — он тяжело подышал, соображая что-то, и снова стал кричать в трубку:

— Здесь не видали, а Петров, оказывается, в Озерках... Есть! Выезжаю сейчас же!

Он опростелом бросился из конторки, взялся одной рукой за луку седла и, вскочив на коня, помчался по тропе в Озерки. Не сговариваясь, мы натянули телогрейки и побежали за ним.

...Утром вместе с Ильей, Соней и Колькой вернулись на Кушку.

Потапова никто не видел в селе. Говорят, ушел в горы. Я по-ослиному пошутил:

— Ну, Илья (мы теперь его Ильей зовем: человек женатый), работай, а на горы поглядывай.

На такую шутку никто не отозвался. Я согнал с лица идиотскую улыбку и начал болтать о сложности человеческих отношений. Никто, конечно, не слушал меня».

Илья оторвался от дневника и задумался. Да, это была нелегкая ночь. Соня не уснула до самого рассвета. В кухне, потушив лампу, чадил махоркой Рукавичников. Тетя Клаша вполголоса говорила ему: «Бешеный он, Евстигней-то, безжалостный. Помню, когда еще одинолично жил... Запряг как-то он молодую кобылку, пегая такая была. Поехал по сено. Завязла она в снегу и не может выбраться, на оглоблю ложится... Он бил, бил ее вожжами, а она все глубже и глубже в снег. Осатанел, схватил вилы-трехрожки и заporол насмерть... Хомут и дугу на себе в деревню принес... Вот какой он человек».

Рукавичников имел полномочия арестовать Потапова, если тот появится вдруг в Озерках.

Да, нелегкая эта была ночь. Парни умаялись — на полу вповалку спали... А Серафим молодец. Как он тогда выразился. Ага: «Вы меня покарауйте, ребята, а я вздремну» И вздремнул. Храпел так, что в шкафу посуда звенела, и Лешке не раз пришлось толкать его кулаком в бок...

Илья вернулся к дневнику. Большая запись про Кирилла. «Наверное, про встречу с отцом», — подумал Илья и стал читать.

«Кирилл совершил подвиг, — писал Серафим. — Да, мне кажется, когда человек рвет в себе тенета — это равносильно подвигу, потому что рождается новый человек. Он всходит еще на одну ступеньку в своем развитии. Так и поступил Кирилл. Жизнь в этом паучьем гнезде, в котором держал его отец, стала невыносима ему. Я понимаю его. Я давно следил за ним. Видел, как зреет в нем конфликт. Я всячески поддерживал, раздувал в нем ту искру, которая стала теплиться все больше и больше в его душе, особенно после того, как он рассказал мне о своем прошлом. И вот наступил момент, когда искра вспыхнула, занялась в нем пламенем, и Кирилл решительно и смело порвал со своим «табором». Он ушел из бригады. Вскоре они все узнали, что Кирилл работает на Центральной со

строителями. Стал совхозником. Его заметил прораб и выдвинул помощником мастера. Он будто родился вновь. Сколько творческого огонька вкладывал он в работу! Наконец, настал день, когда все мы увидели его в полный рост. Приехала комиссия во главе с новым прорабом принимать двор. И вдруг «шабашники» рты разинули: членом комиссии был и Кирилл».

Илья поднял голову. Закрыв глаза. Вспоминались подробности. Это был интересный день. Все тогда были свидетелями рождения нового человека. Каким смелым и решительным оказался Кирилл.

Когда двор почти был уже принят, Кирилл взял топор у одного из рабочих, у Хрипуна, приставил лестницу к углу двора, забрался по ней до известного ему одному торца и сбил его легким ударом. Угол отвалился.

— Вот так,— сказал Кирилл.— Придется заменить прогон, граждане.

Надо было видеть лица плотников! Они посерели от злости. Вот вам и Кирилл. Серафим уже расталкивал собравшихся, чтобы первым пожать ему руку, вдруг произошло то, чего никто не предвидел. Хорошо, что не потерялся в нужную минуту прораб и предотвратил беду. Отец Кирилла бросился из толпы к лестнице. Он уже размахнул дубиной, чтобы ударить ею Кирилла, но прораб подставил ногу, и разъяренный старик упал на щепы, ударив дубиной по лестнице. Кирилл соскочил на землю, и его тотчас окружили ребята.

— Проклятый лагерник,— хрипел старик.— Родного отца... Родную кровь продал...

— Не продал,— крикнул властно прораб.— Не продал, а наставил на путь истинный.— Он повернулся к Кириллу и крепко пожал ему руку.— Спасибо. Именно так бы поступил настоящий советский человек... А вам,— он обратился к плотникам.— три дня сроку на недоделки...

Кирилл в сопровождении ребят и девушек прошел на стан. И тут все заметили, как вдруг преобразилась Люба-Коротель, когда он подошел к ней и заговорил о чем-то. Она, всегда такая скромная и стеснительная, открыто и смело улыбалась ему, а потом первой вызвалась позывать крытый ток. Хвалилась ворохами зерна, затем увлекла на бахчу и сорвала спелую дыньку. Вот тебе и Люба-Коротель.»

«Да, Кирилл прошел настоящую школу,— подумал Илья и отодвинул дневник.— Кажется, на другой же год их вместе с Любой направили на полугодовые курсы строителей. Вернулись в совхоз молодоженами. Сейчас он замещает прораба. Заочно заканчивает техникум. Нынче приняли его в партию. Человек вышел на свою магистраль».

Илья снова склонился над тетрадкой... Тут он про глубинку пишет... Про Аполлона Головина. В тот год они вместе с Серафимом получили Почетные грамоты райкома и крайисполкома. Интересно, как он об этом рассказывает...

«Проводить студентов из машиностроительного приехали Кожин и Гридин. Был митинг. Был хороший обед. Всей группе от имени крайкома Кожин вручил Почетную грамоту, потом подошел к Головину и, крепко пожав руку, такую же грамоту вручил ему. Аполлон Макенмович взял осторожно грамоту и, поблудив, долго держал ее в руках, растерянно глядя на секретаря райкома. Потом крикнул и каким-то не своим голосом произнес: — Конечно, спасибо вам, Семен Семеныч... только награду эту я пока не приму...

Все мы удивились. Удивился и Кожин.

— Странно, товарищ Головин,— проговорил он.

— Сам посуди. Семен Семеныч,— продолжал Головин.— Пристрою я эту грамоту под стекло, на видное место повешу: «Смотрите, товарищи, любуйтесь, Головина отметили». А как вот этот хлеб? — он ткнул в оставшиеся бурты зерна.— Чарыш обмелел — не принимает больше барж. Да разве будет у меня сердце на месте?

— Ах, вот о чем ты,— улыбнулся Кожин.— Можешь не беспокоиться. Остаток вывезем берегом. Целую автотроту бросаем на это дело.

— Вот тогда и награждай меня, товарищ Кожин. Тогда приму награду со спокойной душой.

— Хорошо. Я понимаю тебя, товарищ Головин,— сказал Кожин и взял из его рук грамоту.— После отгрузки находи в райком. Или лучше так сделаем: приеду к вам на элеватор, соберем твоих сослуживцев по «Заготзерно» и там вручу тебе заслуженную тобою награду.

Головин ничего не ответил.

Дорогой ты мой, Головинушка, неподкупная душа!

Спасибо тебе за большую учебу. Многое я понял, работая у тебя... во многом разобрался.

...В тот вечер мы сидели с Л...й на Чарыше. Я не вытерпел и показал ей свою награду.

— Горжусь тобой, Серафим,— сказала она.

Я люблю ее. Только не знаю, что нам делать? Ведь я твердо решил ехать в машиностроительный.

Илья перечитал еще много раз это место в дневнике Серафима и недоуменно пробормотал:

Кто же эта Л...а? Не Люба же... Тогда кто? Неужели Лена из... Хайрюзовки?

Он торопливо перелистал несколько страниц, ища разгадку.

«Неужели она? Тогда, как скрытно он вел себя!» Это о чем? Ага, первый гурт молодых телочек пригнали на Кушку.

«В тот же вечер к нам пришли девчата с фермы,— прочитал Илья.— Л...а сказала мне весело: «Ну вот, теперь вы настоящие хозяева. А какие будут коровы! Пороdistые да молочные».

— Ну, конечно,— это она, Лена,— усмехнулся Илья.— Чудесная девушка. Сейчас она колхозный агроном. Часто вижу ее у Марины Васильевны. А что там дальше... посмотрим.— Илья с интересом стал читать.

«Сдал экзамены. Я студент. Отправил письмо отцу и телеграмму Л...е. Давно ничего не записывал. Хочется описать дорогу в город. Передо мной так и стоит новый Полещук. Только не тот «стручок», каким мы привыкли видеть его на Кушке. Нет. Другой. Каким он, может быть, и был до своего «повышения».

Наша машина застряла в осенней грязи около какой-то деревушки... Кажется, Ложки. Тут граница Журавлинского района. Шофер говорит: «Поверну обратно». Темнело. Подул холодный ветер. Начал падать первый колючий снег. До станции оставалось километров десять, и я решился. Надел свой рюкзак и пошел. Прошел, может, километра полтора и раскис. Слякоть. Снег вперемежку с дождем. Что делать? Слышу, где-то невдалеке трактор работает. Иду по полосе. Проваливаюсь в пахоту. Чувствую — слабею. Трактор вышел из-за бугорка. Идет поперек полосы. Вгляделся: пашет кто-то зябь. «Вот, думаю, работяга... Ни одной души в поле, а он зябь пашет». Вдруг трактор умолк.

— Эй, парень,— донеслось до меня.— Шагай сюда-а! Иду. Черт с ней, с дорогой, думаю.— Заночую хоть в теплом месте...

— Огонь несешь? — кричит тракторист.

— Нет,— отвечаю и впервые пожалел, что не курю.

— Вот беда... ну ладно... давай тонай сюда... придется из трактора добывать. Хоть поужинаем вместе.

Мне показалось, что где-то я уже слышал этот голос. И когда подошел ближе — узнал Полешука. Он был очень рад встрече, и я рад. Он поджарил сала. Мы до полночи проговорили с ним. Очень душевным человеком оказался. Планами своими делился. Какую-то идею хочет выдвинуть по организации работ тракторных бригад. Дмитриева хвалил. «Мне бы под его началом поработать», — говорил он. Утром подвез меня до увала, откуда видна уже станция. До свидания, товарищ Полешук! Желаю тебе удачи в твоих начинаниях!

«Письмо от Л . . ы. Ура! Она приедет в город на пленум крайкома комсомола!!!»

«Сегодня встретил ее на вокзале. Ходили по городу всю ночь. Утром получил «тройку» по сопромату. Исправлю. Ведь Л . . а не каждый день бывает в краевом центре».

«Л . . а! Переношу нашу любовь во второй том...» Это последняя страница тетради.

— Значит, еще есть и второй том,— усмехнулся Илья и, закрыв тетрадь, встал. Радостно взволнованный, он вышел из купе и остановился у окна.

Плавню приседа на стыках, поезд мчался вперед. Мягко и уютно горели плафоны. Где-то в степи загорелось несколько звезд. Потом они стали двоняться, трептаться, и вот уже горит, переливаясь огнями, какой-то большой город.

Раздвигая могучими плечами сумерки, поезд рвался навстречу этой звездной метелице.

1960—1962 г.

г. Горно-Алтайск

Цена 74 коп.

БАРНАУЛ
АЛТАЙСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1962

